

Станислав
Малозёмов

ВОЛЧИНА
ПОЗОРНЫЙ

детектив

Станислав Борисович Малозёмов

Волчина позорный

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68870922

SelfPub; 2023

Аннотация

Это рассказ об опасной и трудной работе советского милиционера в послевоенной провинции. Уголовный розыск не знал отдыха. Волна преступности, захлестнувшая страну, могла быть менее угрожающей, если на оперативной службе работали такие мужественные и умелые люди как майор Малович.

Содержание

1. Глава первая.	6
2. Глава вторая	33
3. Глава третья	53
4.Глава четвертая	86
5. Глава пятая	106
6. Глава шестая	126
7. Глава седьмая	150
8. Глава восьмая	171
9. Глава девятая	192
10. Глава десятая	214
11.Глава одиннадцатая	231
12. Глава двенадцатая	255
13. Глава тринадцатая	276
14. Глава четырнадцатая	296
15. Глава пятнадцатая.	318
16. Глава шестнадцатая	343
17. Глава семнадцатая	365
18. Глава восемнадцатая	386
19. Глава девятнадцатая	408
20. Глава двадцатая	436
21. Глава двадцать первая	458
22. Глава двадцать вторая	485
23. Глава двадцать третья	506

24. Глава двадцать четвёртая	532
25. Глава двадцать пятая	554
26. Глава двадцать шестая	577
27. Глава двадцать седьмая.	601
28. Глава двадцать восьмая	627
29. Глава двадцать девятая	654
30. Глава тридцатая	678
31. Глава тридцать первая	703
32. Глава тридцать вторая	726
33. Глава тридцать третья	752
34. Глава тридцать четвертая.	776

Станислав Малозёмов
Волчина позорный

1. Глава первая.

Дробь, судя по свисту в воздухе, была картечью диаметром больше пяти миллиметров, с которой ходят на кабана. Она вырывала куски штукатурки с угла камышитового дома, дранка под ней тоже отлетала мелкой щепкой в кусты палисадника, а глиняная пыль с изуродованного дома сеялась горстями на милицейскую фуражку и погоны капитана Маловича.

– Чикаго, мля! – сказал сам себе Александр Павлович. Он в каком-то кино видел перестрелку мафиозных семей в Америке. – Эй, Тимонин, ты уже двенадцатый раз шмаляешь по собственному дому! Рублей пятьсот на ремонт уйдёт. А у меня даже пистолета нет.

Чего ты за сарай спрятался? Подойди и расстреляй меня в упор. Нет пистолета. Честно. Иди, стреляй. За убитого «мусора» на зоне в авторитете будешь. «Сявки» чифир станут носить днём и ночью, да портянки тебе стирать. На тяжелые работы «кум» тебя, Гена, сроду не пошлёт. И шконку дадут возле окна. Давай, стреляй в упор! Чего как баба ныкаешься от безоружного?

– Чё, точно без ствола ты? Не фуфлыжишь? – крикнул Тимонин и закашлялся. На последней отсидке туберкулёз словил. – Ну, тебе молиться перед смертью не надо. В «мусарне» все атеисты. Тогда, извиняй, как тебя там?

– Капитан Малович, – громко оповестил Александр Павлович Тимонина и всех любопытных, наблюдающих из своих окон за редким явлением. Стрелять в милиционера могли себе позволить очень немногие даже в семидесятые годы. Не принято было. Значит Тимонину терять было совсем нечего. Он жену с любовником поймал в сене на задворках и обоим порешил. Сразу померли.

Скорую не вызывал никто. Сразу соседи побежали в милицию и сказали, что после того, как он пристрелил изменщицу с хахалем, Генка взял ружьё, патронташ и пошел за сарай, ждать бригаду задержания. Сдаваться, понятно было, не хотел. Но начальник отдела послал одного Маловича. Зачем на одного психа целую бригаду натравливать? Только труповозка и приехала. В неё Тимонин не стрелял. Ему бы, бедолаге, убежать, конечно, подальше, чтоб найти не смогли. А он, придурок, вроде бы милицию решил наказать, как будто это она Верку под шустрога кладовщика промбазы подкладывала. Дурак, в общем, Генка.

– Слышь, капитан, твою мать! – Тимонин всадил в два

ствола по патрону и громко защёлкнул замок над курками. – Я тебя кончу, чтоб ваша контора не совалась в семейные дела трудящихся. Это наше с Веркой дело – разбираться между собой, а не ваше. Но потом и сам застрелюсь нахрен. Один чёрт – на зоне от «тубика» сдохну раньше, чем мне лоб натрут зелёной. А дотяну до «вышака» – тоже не радость. Так что судить ты меня не отдашь, не радуйся!

Он вышел из-за сарая и бегом рванул к углу. Малович аккуратно снял и уложил на завалинку фуражку, предварительно стряхнув с неё желтую пыль. Прислонился к углу и, когда Тимонину оставалось пробежать метра три, кувырком, сжавшись в почти в шар, выкатился Генке под ноги. Потянул сбоку от себя ствол, одновременно прокручивая приклад вокруг рук, и моментально забрал двустволку. Генка Тимонин ничего не понял и остановился. Даже рот приоткрыл. После чего получил ощутимый толчок прикладом поддых и сел на корточки.

– Верку с кем застукал? – спросил Александр Павлович.

– С Лёхой кладовщиком промбазы. С Батуриным. Я их пару раз бил обоих. Пообещал застрелить если опять попадутся. Слово, вишь ты, у меня закон. Железное.

– Ну, пошли к нам для начала, – Малович поднял стрелка

и подтолкнул в спину. – Убегать не надо. А то я два твоих заряда в ноги тебе всажу. Пустяк же. И на зону хромых без проблем берут. Варезжки шить – ноги не главное. Но тебе это на кой чёрт?

– Вот пададь эта Верка, – плюнул Генка под ноги. – Отец говорил – не женись на ней. Профура она. Нет, у меня ж своё мнение. Оно главное! Ладно. В центральное управление идти или куда?

– В центральное, – Малович надел фуражку, закинул ружьё за плечо и они через полчаса уже сидели у следователя в большом кабинете с решетками.

– Всё, Лёва, я пошел, – Александр Павлович посмотрел на часы. – У меня день рожденья завтра. Тридцать три годочка отшлёпал по земле-матери. Надо сладостей прямо на кондитерской фабрике купить. Свежак!

– Ты один задерживал? – спросил следователь.

– Ну, – Малович улыбнулся. – Вова Тихонов мой сейчас на завтра мясные продукты закупает. У него ж «москвич». Есть куда складывать.

– Тогда пишу на тебя одного полковнику рапорт о задер-

жании седьмого апреля семьдесят первого года вооруженного преступника. В десять тридцать. Так? Ладно, давай.

Гуляла у Александра Павловича во дворе за пятнадцатиметровым столом, составленным из восьми обычных, которые соседи принесли, вся родня без дошкольников, милиционеры, кроме дежурных и друзья, которыми жизнь Маловича баловала как добрая бабушка любимого внука. И то тебе – на, и это можно, да и остальное бери. Всё тебе одному! Хорошие были друзья. Спортсмены, музыканты, строители, учителя, медики и даже один капитан милиции, лучший друг и напарник Володя Тихонов. Жена Зина Шуру любила, сын Виталий рос правильным пацаном. С утра вместе с отцом поднимал, как мог, ось от вагонетки, безропотно бегал в магазин за хлебом, сахаром и солью, учился в четвертом классе без троек, ходил в секцию лёгкой атлетики и, главное, знал наизусть устав патрульно-постовой службы. Потому, что не видел себя в будущем никем другим, а только милиционером.

Сидели более, чем до полуночи. Старший брат Борис отлично играл на баяне, все пели, танцевали и желали Александру пережить возраст Христа минимально в три раза. Разошлись все пешком около часа. Кустанай – город небольшой и к семидесятым годам очень тихий. За десять последних лет милиция при новом начальнике как-то без напряга

успокоила шпану, бандитов и разбойников. Хулиганы теперь тоже особо не резвились даже на окраинах и народ спокойно гулял вечерами по маленькому, но очень зелёному, очень уютному городу.

В нём было пять кинотеатров, театр драмы, четыре музея, пятнадцать аккуратных пристойных и культурных кафе, работающих допоздна, парк с лебедями в пруду да ещё с десятком таких удивительных аттракционов, каких и в Москве не так уж много.

– Я, чтобы успеть на день рождения подарок дорогой сделать, представил тебя к званию майора. – шепнул перед уходом начальник одела уголовного розыска полковник Лысенко. – Не успели, бляха, подписать в республике. Зам. начальника ихний с аппендицитом выпал из службы. – Но через неделю погоны поменяешь точно. Хотя мы служим не ради звёздочек, да?

– Ясный перец! – махнул рукой Малович. – Только чтобы народ как в сказке жил. Где только феи добрые вокруг, милые гномики, добрые волшебники-помощники, компартия СССР и мы рядышком со всем этим благолепием.

Начальник держал жену под руку, погрозил Александру пальцем, но возражать хорошей мысли подчинённого не

стал. Улыбнулся и покинул двор почти ровно, без колебаний ног да поддержки супруги. После них ушел брат Борис с женой Аней. Он в знак одобрения праздника стукнул Александра по плечу. Крепко. По-братски. Старший брат был мастером спорта по лыжам и руку имел тяжелую. Но младший брат тоже заработал звание мастера спорта. Только по лёгкой атлетике. И потому плечо имел крепкое. То есть Борис не заметил, что попрощался с перебором, но и Александр тоже не обратил на перебор внимания.

– Когда тебе дадут полковника, – покачиваясь молвил старший брат. – Тогда я подарю тебе песню про отважных полковников. Напишу сам музыку и слова. Будешь петь её с коллективом на работе во время развода.

Они громко заржали, не смотря на принадлежность к интеллигентным профессиям. Борис работал корреспондентом в областной газете. Поржали и Аня увела Бориса, а Зина утащила мужа к забывшимся и в таком состоянии допивающим до дна всё оставшееся гостям.

– Вот тебе тридцать три года, блин! – старлей Никифоров забросил из рюмки в глотку сто пятьдесят армянского. – А где твои ученики-апостолы? Кто примет от тебя мастерство? Христос в тридцать три...

– Ну, ты договоришься спьяну! – прикрикнула на него Зина Малович. – Может Сашку ещё и распять предложишь? Чтоб воскрес завтра с утра и стал богом храбрых милиционеров?

– Так он и сейчас бог, – строго глянул на старлея капитан Дымко. – У тебя, опер, сколько задержаний?

– Двенадцать, – гордо сказал Никифоров, закусывая солёным сырым груздем «московскую». – За пять лет. В год по два, иногда и по три выходит. Нормально же?

– Вот утри сопли и не приставай к дяденькам, – Дымко налил себе ещё сто. – Учись. Тренируйся. У Палыча за десять лет пятьсот тридцать... Сколько там ещё, Шурик?

– Пятьсот тридцать девять, если сегодняшнее считать, – Малович тоже жевал груздь, но не пил. – Это официально. Да не занесённых в талмуд начальника, мелких всяких, около полусотни наберётся. А чё? Ловлю пока клюёт. Как все рыбаки.

Народ за столом развеселился и сперва поаплодировал Маловичу, а потом без баяна исполнил песню «Забота у нас такая!». После песни все стали прощаться, обниматься, желать имениннику самого-самого и всегда его получать, а

также жить до ста и чуть раньше стать генералом.

Утром Зина спросила мужа.

– Саша, рассола налить?

– С какого бы? – умываясь, ответил Малович. – Я после восьми вечера капли на язык не капнул. Мне сегодня начальник обещал дело новое подсунуть. Гад! А мне бы натурально во Владимировку сгонять. Васька Короленко позвонил, сказал, что мотоцикл мой наладил. Забрать надо, да на рыбалку прямо там укатить. В котловане под Каракадуком сазан уже как поросёнок. И это в апреле, блин!

– А чего это Василия самого не было вчера? – Зина убирала со столов и носила посуду к колодцу в конце двора.

– А он в командировке. Послали в Омск новый бензовоз получать. На старом он девять лет по степям прыгал. Но подарок через сестру мою, через его жену передал. Во! Часы «Слава». Непромокаемые, нетеряемые и ничем не разбиваемые. Конкретно для оперативников угрозыска.

Начальник Лысенко в отличие от Маловича пил до упора, а потому утром смотрелся жалко. Потел, держался за голову и, почти не отрываясь, заливал в себя холодную воду из

графина.

– Шура, – сказал он хрипло и тихо. – Езжай к ОБХССникам областным. Найди Семёнова. Они сейчас шмонают экономистов нашей швейной фабрики «Большевичка». Туда чеши сразу. Но фабрика – это их дела. Пусть свою ямку копают. Но там прямо во время проверки завхоз пырнул ножом зама главного бухгалтера. Ну, вроде за то, что зам главбуха его подписи на складских расходных ордерах подделал и завхоз влетел таким макаром на тридцать восемь тысяч. Это ему пять лет тянуть в «четвёрке» Кустанайской.

Иванов, завхоз, забежал в кабинет, при ОБХССниках ткнул его в пузо ножиком, из столовой его взял, и успел убежать. Ну, сам понимаешь. ОБХССники же там только были. Они и муху – то не поймают. Они бумажки умеют листать. Он и смылся. Шустрый. Заместитель бухгалтерский в больничке. Вроде выживет. Но Иванова, Шура, надо отловить. И потом разобраться – подделывал зам подписи или нет. В любом случае – уголовщина. Да этот Иванов, говорят, маленьким ножом ударил. А сам здоровый как шкаф для посуды. Был бы тесак побольше – хана мёртвая бухгалтеру однозначно. Достань мне его, капитан. Всё. Башка рвётся на детали. Иди, Шура.

Малович нашел Семёнова и выяснил нюансы. Завхоз пока

ещё без ножа полчаса орал на зама главбуха, таскал Семёнова за рукав на склад и говорил, что если по расходному ордеру товар ушел, то должна быть копия бумаги с печатью завхоза. А её нет. То есть этот козёл товар пихнул, деньги с кем-то поделил и сам написал бумажку с росписью Иванова. Но у Иванова, действительно, совсем другой почерк. Проверяли. А подпись вроде похожа, но печать другая. Бухгалтерская.

– Мы его помнём после больницы, – сказал Семёнов. – И всё установим. Только Иванова ты поймай. Он и нам нужен, и вам. Преступление, очень возможно, двойное. Экономическое и уголовное. Давай, Малович. Страна ждёт в напряжении правды или истины!

И Малович пошел на склад. У «Доски почета» во дворе остановился и долго смотрел, внимательно, на лицо завхоза. Доброе лицо крупного мужика. Они, большие, почти всегда добрые.

– А он сверху, когда подрезал бухгалтера, сюда не забежал? – спросил Александр Павлович тётку в синем рабочем халате со счётами в руках.

– Влетел как скипидаром политый в одно место, – зашептала тётка. – Сразу переоделся в брюки нормальные и куртку замшевую. Взял портфель. В него кинул бритву, кусок кол-

басы, хлеб и три блокнота каких-то. Потом убежал. По дороге плечом чуть стеллаж не снёс. Бугай здоровый. Хотя вообще – он мужик честный. Так я скажу, и все подтвердят.

– Да! – закричали вразнобой из разных концов склада. – Иванов просто так никого не тронет. Значит, довели до крайности человека.

Малович вышел во двор и сел на какой-то ящик с суровой надписью «не кантовать». Думал он минут двадцать. Сам с собой разговаривал, возражал себе и соглашался.

– Убежал минут сорок назад. Так выходит. Куда? – Александр Павлович потёр лоб. – Если спешил, значит, денег много взять не успел. Не на складе же он их, блин, держит. Если они вообще есть. А с маленькими деньгами можно вырваться максимально в деревню на автобусе.

Он вернулся на склад.

– Родственники в области есть у Иванова? – спросил он тётку со счётами.

– В Фёдоровке, по-моему. То ли дочь с мужем, то ли вроде двоюродный брат. Путаю я. Но кто-то есть.

– Значит, туда он не поедет, – хмыкнул Малович и во двор вышел. – Раз на работе знают про родственников – не поедет. А вот на какую – нито турбазу – вполне может. Неделю там отсидится, тихо приедет в город ночью, деньги возьмёт и самолётом – на Украину куда-нибудь. В райцентр тамошний. Рабочим на посевную. Кто там будет искать? Так. Вот на самую ближнюю турбазу он поехать запросто может. Потому, что сначала начнут искать в деревне, потом хоть где, но только не на ближних турбазах и в домах отдыха. Так он должен подумать. И потому именно на самую близкую и поедет. Так как милиция, он скорее всего в таком духе соображает, сто процентно искать начнет на тех турбазах, которые подальше от города, поглубже в каком-нибудь очень удалённом лесу. Значит поеду и я за ним на самую ближайшую. В «Сосновый бор».

Малович вернулся в милицию, взял свободный мотоцикл с коляской и без особой спешки поехал за двадцать километров в санаторий с этим же названием, рядом с которым пять лет назад построили домишки летние для тех, кто хочет за пару дней душу отвести либо с девочкой, либо с водочкой.

В регистратуре турбазы девушка долго искала в трёх журналах Иванова, но не нашла.

– А он точно именно к нам поехал? Может в санаторий?

Рядом тут.

– Нет, на санаторий не потянет Иванов ни по деньгам, ни по показаниям лечебным. Нет у него медкарты, – стал размышлять Александр Павлович. -

Но куда-то подальше он, если не дурак, не рванёт. Он точно уверен, что искать будут вдали от города. Здесь где-то Иванов. Здесь.

Малович оставил мотоцикл на турбазе возле крыльца администрации и вышел на трассу к остановке автобуса. Там три бабушки продавали из мешков семечки. У каждой рядом лежали, вставленные друг в друга, газетные кульки вместимостью ровно на стакан.

– Здравствуйте, – Малович купил у каждой по стакану, грыз и расспрашивал. -

А здесь часа полтора назад из городского автобуса не выходил мужчина с портфелем? Портфель маленький, а вот дядя огромный. Вот такой!

Он руками изобразил примерные габариты Иванова. Одна бабуля задумалась и через пару мгновений шлёпнула себя по коленке.

-Так как же! Был таковой! Но приехал на такси. Вон там вышел. Я ему крикнула, чтоб семечек купил. А мужчина с

виду приличный, кстати, и здоровенный, отмахнулся и пошел в лес.

- Не на турбазу? Не в санаторий? – переспросил Малович.

- Да говорю же – в лес, – бабушка обиделась и отвернулась. – Я пока в своём уме. Мы трое и обсудили мужика, да, девочки? Мол, ладно бы с девахой пошел в бор, а то сам-один, да ишшо с портфелем. Чего ему там с портфелем делать? В портфеле же книжки носят. Не поедет человек за двадцать километров в лесу читать этого... ну...

- Толстого, – вспомнила великого писателя вторая бабуля.

- Не поедет, – подтвердил Александр Павлович. – А там что есть, в той стороне?

- Так озеро же. Лодочная станция для отдыхающих. Платишь рупь, лодку берёшь и хоть весь день катайся, вёслами размахивай. А на тот берег переплывёшь – так там густой лес вообще. Кто выпить любит на природе – неделями в том лесу живут. Понастроили шалашей и спят в них ночью, а днём пьют, рыбачат, костры палят, уху варят и рыбку жарят. Тут озеро рыбное, – бабуля даже губами причмокнула. – Скусная тут рыбка. Чебак, золотой карасик. Дед мой на ближнем берегу ловит по субботам.

– А сразу на ту сторону озера отсюда я пройду? Ну, туда, где шалаши?

– Да запросто, – подключилась третья. – Вон туда шлёпай. Будет щит стоять «Берегите лес от пожара». После него дорожку увидишь, тропинку. По ней или пёхом, или только на мотоцикле. Узкая тропка-то. Вот она выводит на шалаши. Их там штук двадцать. Какие по – над берегом. А какие прямо в лесу. Да найдешь, не сумлевайся. Весной там пока навряд ли кто жить будет. Ну, а леший их знает. Может, кого жена выгнала, так в шалаше переждать пока она утихомирится – самое то. Взял бутылки три-четыре и отдыхай. От водки вред, конечно, но тепло. И весной не замёрзнешь ночью.

Малович ещё минут пять вежливо постоял возле говорливых старушек, попрощался, поблагодарил и пошел к той тропинке. Она аккуратно огибала сосны, сухая хвоя под ногами охала, ломаясь, а на верхних ветках деревьев гудели, пищали и ворчали разные птицы. Кто-то отчаянно матерился на берегу. Рыбак, конечно. Сорвался, видать, карась.

Наконец сквозь щели между стволами стали проглядываться шалаши. Как раз такие, в которых с милым натуральный рай. Добротно вколотенные наискось основы из стволиков толщиной в руку, а поверх – сосновые лапы-ветки. Очень

плотно прилаженные и утрамбованные. Ливень эту накидку не прошибёт. Шалашей было больше, чем думали бабушки на остановке. Ну, штук пятьдесят, не меньше. Капитан Малович замаялся ходить от одного к другому. Они же не в ряд стояли, а, наоборот, вразнобой. Чтоб отдыхающие сами себе не мешали и чужих разговоров не слышали.

Сел Александр Павлович возле одного из них, снял с пояса фляжку, глотнул холодной воды и на лицо брызнул. Устал слегка. Вчера хоть немного, но пил-таки за свои тридцать три года. Сидел он, осматривался и вдруг метров за двадцать от себя увидел торчащую подошву ботинка. Размер обуви – примерно сорок пятый. Тихо подошел, глянул внутрь. На хвойном настиле лежал огромный мужик. На лицо он уложил портфель, руки сунул под голову и храпел.

– Ничего себе нервы у дядьки, – ухмыльнулся Александр Павлович. – Пырнул пером человека, живой он или помер не знает, но спокойно спит. Чего ж он с такими как канаты нервами за нож схватился? Да, мля! Жизнь не перестаёт удивлять.

Малович отвел назад ногу и влупил ботинком по подошве. Мужик убрал портфель, увидел милиционера, вскочил, как пружиной подброшенный, и снёс Маловича, да плечом правую сторону шалаша выбил. Бежал он быстро, но не дол-

го. Мастер спорта по лёгкой Шура Малович метров через двадцать его догнал и аккуратно толкнул в спину, после чего мужик весом килограммов под сто тридцать влетел лбом в сосну и рухнул так тяжело, что хвойный наст взлетел на метр вверх, засыпал быстро отрубившегося беглеца полностью и по пояс – милиционера.

Малович посидел минуты две рядом, потом достал наручники, подтянул на поясицу руки и «браслеты» защёлкнул. Ещё минут через десять мужик оклемался от лобового столкновения с толстой сосной и перевернулся на спину, с удивлением разглядывая человека в милицейской форме.

– Ты Иванов? – спросил Малович тихо. – С «Большевички»?

– Русанов живой? – спросил Иванов с нетвёрдой надеждой. Глаза его были печальны. Губы дрожали. – Я ничего не помню. Бред! Не помню, что его резал. Как в столовой ножик схватил – помню. Побежал в кабинет – тоже помню. И вроде кинулся на эту сволочь. Значит, воткнул ножик?

– Воткнул, – кивнул Александр Павлович. – Теперь надо ехать и разбираться. Если выясним что ты был не в себе, в состоянии аффекта, и имел к Русанову личную неприязнь, то пойдёшь в «четвёрку» на год. Или условно осудят. А ес-

ли хотел таким образом свои махинации прикрыть, которые Русанову известны, то лет семь корячится тебе. Ну, если заместитель выжил. А если нет, то...

Мля! – Иванов закатил глаза, поднял лицо к небу, кусками проглядывающему сквозь сосновые верхушки. – Он меня, сучара, наказал на крупную сумму подлогом документов. Думаю, разберутся. Лишь бы он, тварь, выжил. Можно во-прос?

– Да хоть три, – улыбнулся капитан.

– Вы как меня нашли? – Иванов собрался с силами и сел, упираясь сзади руками в землю. – Никаких улик. Я даже ножик с собой забрал. Хотя у вас моих отпечатков нет, чтобы сравнивать. И ж тихий вообще-то. А мы, понимаешь, с женой хотели кооперативную квартиру купить. Дочь в совхозе с мужем живёт. А мы в халупе пятьдесят первого года рождения. Саманный дом на краю города. Сыплется всё. Ремонт бесполезно делать. Собираем деньги, копим, занимаем. Немного осталось. И тут на горб тридцать восемь тысяч недостачи. Или выплачивай, или в тюрьму. Но я, мля, гроша не стырил за всю жизнь чужого. Государственного – тем более. Но как ты, капитан, меня вычислил? Я даже таксисту переплатил с просьбой не говорить, что здоровенного мужика в замшевой куртке видел. Не то, что не вёз сюда, а вообще

не видел. Он обещал.

– Ты ж вон какой большой, – улыбнулся Малович. – Тебя отовсюду видно. Лады, пошли на турбазу. Там у меня мотоцикл. В коляску влезешь?

– Да ездил с зятем, – сказал Иванов. – Втиснусь.

В городе Александр сдал Иванова следователю, оформил очередное задержание у дежурного и пошел к командиру. Полковник Лысенко вяло проводил планёрку с личным составом «угро».

– Иванов у следователя, – доложил Малович.

– Поймал! – обрадовался полковник. – Ну и здорово. Где нашел?

– Да в лесу. Недалеко от города. Где санаторий «Сосновый бор».

– Он тебе, Шурка, записку на складе оставил, где будет ховаться? – громко засмеялся капитан Голобородько. – Три часа прошло всего. Вот же, блин, ищайка.

– Нас урки звали да и зовут «волчинами позорными», –

улыбался довольный полковник Лысенко. – А ты, Саша, точно – волк. «Волчина позорный». Урки нас так кличут когда обижаются, что мы их поймали. Так вот ты – волк. Зверь. У тебя нюх как у волка или легавой собаки. Меня вот даже генерал спрашивал. Как, говорит, твой Малович их всех вычисляет и просчитывает? Это ж не нормально – пятьсот с хвостом задержаний в одиночку и сотня с его дружкой Тихоновым. То он сам на сам банду берёт с пятью волынами да перьями. А ловит их всегда без оружия. То вообще без улик и наводок в таком месте преступника найдёт и прихлопнет, в какое разбойник сам не помнит, как попал.

Засмутился Александр Павлович, сел в углу на стул и голову опустил.

– Вот больше говорить не о чем, – буркнул он себе под нос. – Ну, не знаю я. Кто-то изнутри подсказывает, а кто – почём знать? Вот попаду в больницу, там начнут на аппаратах проверять, может и найдут того, кто подсказывает.

– С чем ты в больничку попадешь? С диагнозом «сегодня не обедал»? – пошутил Лысенко и весь состав уголовного розыска так развеселился, будто

полковник вспомнил свежий и очень остроумный анекдот.

Планёрка закончилась, все разошлись, а Маловича полковник оставил.

– Шура, – начал он нежно. – Ты не устал, нет? Пашешь как бобик.

– Да кто пашет? – Малович хмыкнул. – Вон трактористы сейчас на посевной – это да. А мне охальники эти сами в руки идут. Не устал я, Сергей Ефимыч.

– Тогда слушай сюда очень вдумчиво. ОБХССники, которые сейчас метелят швейную фабрику, случайно накопили аж шесть убийств. Причём не на фабрике. Но как-то они с фабрикой связанные. ОБХСС так предполагает. В разных местах убийства случились. В разных районах. Туда жены погибших и писали заявления. Но убийства – то не в один день случились. А в течение полутора лет. Их потому и не объединили в одно дело.

Не усмотрели сходства мотивации. Искали убийц какое – то положенное время, потом отложили, прикрыли до появления новых обстоятельств. Записали пока в «глухари» Вот сейчас они появились, вновь открывшиеся обстоятельства. И я объединяю дела в одно в связи с направленным нам «определением» ОБХСС. Он считает, что убийства эти – результат подпольной экономической и производственной де-

тельности. Вот, Шура, их справка. Прочти вдумчиво.

Двоих вроде бы порешили «перьями» на быткомбинате, в цехе, где пластмассовые детские игрушки отливают. Потом один шофёр с завода кожзаменителей пропал. Нашли с перерезанным горлом через две недели. Всплыл в Тоболе за тридцать километров от города. И ещё троих застрелили. Из охотничьего ружья. Каждого у него дома. Работали они экспедиторами. Один в магазине тканей, другой в отделе фурнитуры нашего универмага. Ну, там продают пуговицы, застёжки всякие, замки «молнии». Фигню всякую. А последний работал экспедитором в «Спецторге», где народу простому ничего не продают. Там для организаций разных всякие приборы, инструменты, станки хитромудрые лежат по заявкам. Ну, в этом духе всё.

Шесть убийств, Малович, про которые никто в главном управлении милиции не знал до экономической проверки на нашей швейной фабрике. Выходит, Шура, что это не разбой, не бытовая «мокруха». Значит, это связка с одного дела. Так я тоже думаю. Причём дело не воровское, шпанское-жиганское. «Мокрушники» эти убрали людей, которые нарушили какой-то отлаженный механизм. Вот какой? Это первое. Ну и второе. Кто-то же конкретно горло резал, стрелял. Надо выяснить и то, и другое.

– Ну, деловые махинации – это ОБХСС пусть крутит. Их поле. По убийствам я поработаю. – Малович надел фуражку и встал.

– Нет, Саша, ты не понял, – Лысенко тоже поднялся. – Найдёшь причину убийств – найдешь и убивцев. Тут по-другому не получится. Тут причина явно в экономике зарыта. Поработаешь и за ОБХСС. Хорошо?

– Если получится – поработаю экономистом, – Александр Павлович поскрёб ногтем затылок, плотно укрытый густым волнистым черным волосом. – Пойду пока на фабрику. Семёнов, видно, там ещё. Надо с ним поболтать.

– Давай, Саша, – Лысенко повеселел. – Представляешь, шесть убийств сразу раскрыть! Тут тебе и звезда, и орден. Ну и мне чего-то перепадет.

Съездил Александр Павлович к Семёнову. Все милиционеры его отдела молча копались в бумагах и поговорить удалось. Много чего любопытного узнал Малович часа за два. Потом решил заскочить к брату Борису на работу, да после него ехать домой.

Брат дописывал статью. Он откинулся на стуле, ручку держал в зубах и смотрел в потолок. Ловил правильную формулировку мысли. Он трудился в отделе сельского хозяйства, а

как раз шла посевная. Про неё читали все подряд. Потому, что все ели хлеб. И потому писать надо было правильно, но с оптимизмом в тексте. Чтобы народ не сомневался: «будем с хлебом!»

Малович младший рассказал старшему о трагедиях, связанных со швейной фабрикой и о своих планах отлова убийц.

Борис перестал грызть ручку, помолчал, глядя в окно и сказал:

– Ты, Шурка, в этом деле шибко руками да языком не размахивай. Это какая-то система. Её сейчас ломают зачем-то. Свои, из той самой системы. Так вот – лезть против системы, даже маленькой, локальной – это тебе не бандюгана безмозглого сцапать. Уже на сто процентов уверен я, что тебя сдали. То есть те, кто должен бояться, уже знают, что дело поручили тебе. Поэтому – ты, братец, берегись. Оглядывайся. Короче – осторожно работай, незаметно. Не ходи в форме. Зина с Виталькой сегодня же пусть едут к её маме в Камышное. Или во Владимировку к Паньке нашему домой.

Попрощались и Малович уже в сумерках подъехал к своему дому. Пошел открывать ворота, чтобы мотоцикл загнать.

С лавочки возле палисадника поднялись двое и подошли вплотную.

– Капитан, – сказал первый тихо и беззлобно. – Ты пере­думай, не лезь в наше дело. Пусть кто-нибудь другой. Тебя мы знаем. Ты нам муравейник точно разоришь, затопчешь. А нам это не надо. Те, которых на тот свет отправили, это пу­тешествие заработали. Не мешай нам. Ты один можешь нас развалить. Добром просим. Скажи начальнику – пусть пере­даст дело любому из ваших. Только не тебе или Тихонову. Усёк?

– Мы ж по доброму к тебе. С уважением. – Вставил вто­рой. Руки он держал за спиной так, чтобы с краю было видно остриё ножа. – Пацан у тебя – орёл, жена красивая, людей хорошо лечит. Хорошая семья. Ну, договорились?

Малович открыл ворота, закатил мотоцикл, ворота за­крыл и подошел к гостям.

– Не от меня зависит, – сказал он задумчиво. – Завтра поговорю с начальником. Что он решит – сказать сейчас не могу. Завтра ясно будет. Ну ладно, ребята, пока! Устал я се­годня...

– Ну, мы друг друга поняли, – первый застегнул на лёг­ком плаще все пуговицы и пошел в сторону центра города. Второй подхватился и побежал за ним. Сел Шурик на заднее сиденье мотоцикла и снова стал корябать затылок. Думал.

Вышла жена.

– Саш, кто это был? Я в окно видела. Ты что грустный такой. Всё нормально?

– Пошли, Зинуля, в дом, – Александр Павлович, кажется, нашел выход. – Всё нормально. Всё хорошо есть и всё хорошо будет. Идём.

2. Глава вторая

Пока Зина ужин собирала, капитан позвонил Борьке, брату. Он только что из редакции пришел.

– Ты был прав,– сказал Александр Павлович.– Полчаса назад меня возле дома ждали двое из той гоп-компании, которая подпольно шустрит где-то. Что-то втихаря производит и «жмуров» нам подарила шесть экземпляров. Просили не участвовать в расследовании. Боятся, что я всё раскопаю. А другие вроде не сумеют.

– А я тебе что говорил, – Боря помолчал и усмехнулся. – Ну, то что тебя сдадут этим козлам «подпольщикам» – я был уверен сразу. Только кто? Ты начальнику своему скажи, чтобы написал бумажку, из какой понятно, что для расследования убийств создана группа из пяти человек. Только убийств. Понял!? Но Маловича в списке быть не должно. Бумажку покажи тем, кто завтра точно придёт за ответом.

– Удостоверение надо другое,– задумчиво сказал капитан. – Я вчера понял из разговора с теми хмырями, что им сказали тормознуть конкретно Маловича. Считают, что я точно найду тех, кто шестерых «зажмурил».

Александр пришел на работу и пересказал командиру разговор с братом.

Полковник достал чистое удостоверение, приклеил фотографию. В личном деле две запасных лежали. Написал всё, что надо тушью чёрной, поставил печать Главного управления уголовного розыска, подул на тушь аккуратно и подал его Маловичу.

– Во, блин! Опять я старлей! – засмеялся Александр. – Зиновьев Игорь Фёдорович. Так у нас же есть натуральный Игорь Зиновьев. Тоже опер.

– А вот на всякий случай, если вдруг будут проверять эти ухари, – улыбнулся хитро Лысенко, – А он и в списке есть, и у нас официально в штате. Зиновьев. Никто на вас любоваться к нам не придёт. Не смотрины же.

– Ну, что... Добротная «легенда», – Малович засмеялся и спрятал «корочки» в карман кителя. – Я сейчас пойду, поболтаю с заместителем бухгалтера Русановым. Он в шестой больнице. Узнайте у главврача, как он там?

Полковник позвонил.

– Нормально. Ранение лёгкое. Он поправляется. Ходит. Ест нормально. Анекдоты травит в палате. Главврач, блин, а всё знает.

– Так не вы первый звоните. Народу-то на фабрике да в подпольных цехах сколько! Потому он и знает всё, – пожал полковнику руку Малович-Зиновьев. – Всё, побежал я. Через час-полтора бумага с составом группы готова будет?

– Даже раньше. Жду тебя, в общем, – полковник козырнул и сел за стол работать. – А! Ты, Саша, надень мои очки. Они без диоптрий, для солидности. Но я не ношу. Жена купила, а я их в столе держу. И без них солидный. Морда – под генеральскую форму как раз. На. Очки внешность заметно меняют. Хотя тебя вряд ли кто знает из простых работяг или их зашифрованного руководства.

Александр Павлович нацепил очки, чтобы привыкнуть к ним и вышел на улицу, огляделся. Стоявших машин не было на полкилометра влево и вправо, люди тоже ходили, не останавливаясь. Никто Маловича не отслеживал. Он быстро пошел через площадь центральную мимо памятника Ленину, вокруг которого строем ходили пионеры в красных галстуках и пилотках, а девочки – в кумачовых косынках.

Они периодически салютовали памятнику, читали бравые речёвки и пели песни про Вождя пролетариата.

До дня рождения Владимира Ильича оставалась пара недель. Великому празднику должно быть достойное поминовение. Орала горны, тархтели барабаны и мимо статуи туда-сюда мотались крепкие пятиклассники, держащие на полированных древках кумачовые транспаранты с большими белыми буквами «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!», « Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше» и « Пионеры делу Ленина верны!»

Взрослые граждане, которые имя Ильича тихо хранили в сердце и особо не тужились показывать на улице любовь к вождю, просто шли на работу. Апрель уже с восьмого дня своего к народу стал набиваться в друзья и любимцы. Необычный в этом году объявился апрель. Чаще всего – в это время снег только чернеть начинает и сморщиваться. Ещё прохладно и на лужи даже намёка не бывает. А в семьдесят первом вышло так же, как двадцать лет назад. Убрало тёплое солнце весь снег, лужи ветерок южный подсушил, над деревьями и травой тоже поработал апрель с душой. Уже раскручивались светло-зелёные листочки из клейких берёзовых почек, обростала твердыми маленькими листьями желтая акация, а над травой кое-где покачивались на бело-розовых ножках бледные пока одуванчики.

Прошлый год принёс в Кустанай моду на цветастые муж-

ские шляпы, одинаково короткие прорезиненные разноцветные плащи и ботинки с высоким голенищем, куда следовало заправлять брюки. Поэтому разнообразия в одежде как бы и не было. Но всё равно народ стал-таки смотреться веселее. Ещё в шестьдесят восьмом все, включая модных девушек, ходили в сером. Оно было в полоску, в клетку, в цветочек или в горошек, но серое.

Тёмное, среднее, светлое, но серое. Мужики носили серые замшевые куртки, такие же кепки или высокие головные уборы с козырьком, обшитые вокруг и поверху картонного каркаса серым твидом или бостоном. Чёрными были только все виды обуви. И выглядел народ так, будто он един и сплочён не только мыслями о коммунизме, но соединён и внешним образом общим. Не было выскочек в красных сапожках. Все были равны снаружи и, значит, внутри, в мыслях о стране победившего социализма.

А в семьдесят первом как чёрт попутал всё население. Мужики в красных, зелёных, коричневых и полосатых чёрно-белых кепках. В разномастных куртках из синтетики, вельвета и «болоньи». В таких же раздувающихся от легкого ветерка плащах, красных ботинках и крашенных в весёлые цвета фетровых шляпах с загнутыми по-ковбойски полями.

Шляпы носили и с драповыми пальто, и с болоньевыми

курточками, снизу затянутыми витым шнуром, и просто с костюмами, когда уже ощутимо теплело. О женщинах рассказывать сложнее, поскольку с начала семидесятых всех накрыла западная мода, непонятно как просочившаяся в замечательную, но всё же глухую Кустанайскую провинцию. С весны по городу носился сложный душный запах смеси духов. Польских, чешских, латвийских, московских и даже чисто французских.

Если не было ветра, то ходить надо было бы в противогазах. Запах висел тяжелый и ядовитый. Расцветки, ткани и фасоны всего, что стали носить дамы описанию не поддаются, потому и не описываются. А кроме шмоток пёстрых яркости жизни и радостных чувств добавляли огромные стены-плакаты на фанере или загрунтованной жести, которые прибивали к столбикам и вколачивали вдоль всех улиц, не слишком удалённых от центра города.

На плакатах комбайны косили пшеницу с огромных полей, девушки в белых халатах и косынках доили коров. Сталевары, которых никогда не было в Кустанае, стояли со счастливыми лицами возле домны, засунув в расплавленный металл штуки три длиннющих кочерги. Другие плакаты напоминали, что народ и партия едины, причем народ шел строем по низу плаката, а сверху сияли портреты членов политбюро.

На домах вдоль главной улицы имени Ленина прикрепили большие буквы, которые советовали летать самолётами «аэрофлота», хранить деньги в сберегательной кассе и все силы и знания отдавать строительству близкого коммунизма. Вокруг парка культуры и отдыха между газетными, пивными киосками, тележками с мороженым и пирожками, между сифонами с колбами, наполненными сиропом для газированной воды, да вокруг желтых бочек на колёсах, откуда наливали пиво или квас, торчали покрашенные под бронзу гипсовые девушки, держащие на вытянутых руках огромные снопы пшеницы.

Спортсмены, состоящие из гор гипсовых мускулов, поднимающие здоровенную штангу и представители достойных профессий – гипсовые учителя с книжками, врачи со стетоскопами, переброшенными через руку. Инженеры-проектировщики с большими циркулями стояли рядом со строителями в касках, очках от пыли, с кирпичом в одной руке и со шпателем «соколком» в другой. В общем, красивым и светлым был весенний Кустанай.

– Если бы, блин, не преступность, – подумал Малович, поправил бежевую фетровую шляпу, очки в роговой оправе и одёрнул коричневый бостоновый пиджак, проходя неторопливо мимо пионеров возле трёхметрового Ленина и вдоль

флагов всех республик СССР, воткнутых по длине здания обкома.— Но и её, мля, мы почти уже искоренили, а к началу коммунизма, к восьмидесятому году, добьём окончательно. Задушим в милицейских объятых.

С этой оптимистической мыслью он пришел в больницу номер шесть к раненому Русанову, чтобы узнать, зачем Иванов убить его собирался.

— Добрый день, — сказал Малович. — Мне нужен Русанов.

— А Вы кто? — спросил рыжий дядька лет пятидесяти. Гладко побритый и причёсанный, с пробором, сделанным с помощью бриолина.

Малович достал удостоверение, раскрыл и поднёс к глазам рыжего.

— А! — не очень удивился дядька. — Садитесь на стул вот этот, товарищ Зиновьев. Нашли Иванова? Слышал от наших, что поймали. Убить хотел, подонок. Меня зовут Алексей Иванович.

— Выздоровливайте, Алексей Иванович. Да... Нам Иванова сейчас к суду готовить. Нужна полная картина. Может он и шофёра с фабрики кожзаменителей застрелил? Добавить бы шофёра к Иванову. Тогда сядет лет на двадцать. Знаете

об этом убийстве?

Русанов закрыл глаза. Помолчал.

– Мы с ними работаем. Мы куртки короткие шьём из заменителя кожи. У них и берём материал. На натуральную кожу у нас денег нет.

– Так, говорю, может Иванов и шофёра застрелил?

– Его же зарезали, – сказал Русанов и приложил ладонь к губам. Понял, что проговорился – Хотя... Не знаю точно. Говорили так.

– Ладно. Разберёмся, – Александр Павлович сделал вид, что оговорки не заметил и нацепил шляпу на колени. – А Вас-то за какие грехи убивать он собрался? Вы, можно сказать, его очень выручили, ошибки его исправили. Там, я посмотрел, Иванов обсчитался аж на тридцать восемь тысяч. А Вы заметили и всё выровняли. Ему, догадываюсь, про ошибки сказали. Он бы и сам исправил после Вашего замечания. Но какого чёрта Иванов побежал вместо благодарности ножом Вас резать? Может он ненормальный?

– Да нормальный он. Просто наорал я на него сильно при людях. Разозлился просто. Думал, сам быстрее сделаю. А он

психанул,— объяснил Русанов.

– Узнал, что вы его выручили и побежал Вас убивать, – Малович поднялся, надел шляпу. – Понял. Логично. И всё у Вас хорошо. Как говорил товарищ Бендер: «С таким счастьем, да на свободе!» Ну, поправляйтесь.

– Так я не ем на ночь сырых помидоров. Поправлюсь, – ехидно ухмыльнулся бухгалтер спине милиционера. Дал понять, что тоже делан не пальцем и читал Ильфа и Петрова. – Всего доброго Вам в вашем благородном деле!!

– Увидимся ещё. Если вспомните что-то про то самое убийство шофёра, звоните нам. Дежурному. Спросите Игоря Зиновьева из уголовного розыска.

– Александр Павлович аккуратно закрыл за собой тонкую белую дверь.

Вышел он во двор, сел на скамейку и сам себе сказал.

– А с какой стати друг мой, капитан Тихонов Вова балду гоняет? Тут работы наклёвывается на десятерых. Ну-ка, объявим ему срочную мобилизацию по боевой тревоге!

Он пошел к больничному телефону-автомату, который на

углу здания поставили, и набрал Тихонова.

– Давай, Володя, дуй в парк культуры имени отдыха на нашу скамейку. Имею много чего сказать по новому делу. Ты от Лысенко уже всё знаешь про него. И твои соображения мне нужны. Понял? Мы с тобой в группе, только я Зиновьев. Будешь с Зиновьевым работать?

– Да ты хоть чёртом назовись, лишь бы это был ты, – серьёзно ответил Вова. – Я уже вышел. Десять минут хода.

Александр Павлович подробно пересказал другу и напарнику всё, что узнал от завхоза Иванова и от бухгалтера Русанова. Напомнил, что главная задача – раскрыть шесть убийств, тесно связанных с фактом подпольного производства.

– Вот что они тайно могут производить? Как думаешь? – толкнул Володю плечом Малович. – То, что быстро сбыть можно, так как оно всюду нужно?

– Ну, так если все материалы, отдельные части и фурнитура идут через склад швейной фабрики, то подпольщики явно не статуэтки из глины лепят, – Засмеялся Тихонов. – Шьют они. Причём то, чего не шьёт «Большевичка».

– А она не шьёт только спецодежду всякую разную, – Малович поднял палец. – Я узнавал у завхоза-кладовщика Иванова. Всё же через склад идёт. Все материалы для спецодежды как бы для «Большевички» на склад идут. А на самом деле их приносят, но потом кто-то увозит в неизвестном нам с тобой направлении. Вот где-то там, в разных местах, и образовались шесть жмуров-глухарей.

– Так оно выглядит логично. Всё вроде узаконено. Государственная фабрика товар приняла, потом так же законно отдала, – Тихонов цокнул языком. – Готовое всё потом тоже ведь через фабричный склад проходит? И всё чисто. Как будто сама наша «Большевичка» это шьёт. Здорово придумано. Это ж мафия, Шура. Минимум семь цехов.

– Но убийства организовывал кто-то другой и по другим поводам, – Тихонов задумался. – Вот по каким – не ясно пока. Хотя точно с одобрения Русанова.

– И управляет подпольными делами, похоже, тот же Русанов. Проверим, – Малович поднялся со скамейки. – Без его команды муха не взлетит. Я не знаю. Но интуитивно чувствую. Только убийц на фабрике не надо искать. Там их точно нет. И вычислить их можно только с помощью Иванова. Это один вариант. Многих «подпольщиков» завхоз неоднократно сам видел. И он за нас будет. Мы же его не посадим – это раз.

Работать с Русановым не дадим – это два. Тот хмырь его сожрёт или опять подставит.

– Нам, Вова, «левая» экономика поможет на убийц выйти, – задумался Малович. – Нам с тобой надо на гражданской машине и в такой же одежде торчать возле фабрики незаметно каждый день. Ждать тех, кто что-то привезёт или заберёт.

– А потом падать им на хвост и они приведут нас к «левым» цехам. – закончил Тихонов мысль товарища.

– Ну! – засмеялся Александр. – А вот тогда прикинемся дурачками и с кем-нибудь из работяг познакомимся. Завалим с ними в пивнуху, угостим, языки почешем.

– Точно, – Тихонов пожал Александру Павловичу руку. – И таким образом мы найдём все подпольные цеха. Это хорошо. Будем знать многих и кому-нибудь в пивной да под водочку язык и развяжем. Способ проверенный. Мы с тобой уже так делали. Кто-нибудь про убийства да проболтается. Ну, хоть ниточку даст.

– Всё. Решили, третьего нет варианта. Завтра и начнём, – Малович пошел в сторону милиции и Володя его догнал.

– Мне надо командиру доложить о походе в больницу,

блин, – Александр остановился. – Один пойду. Ты домой двигай. А я заберу приказ о составе группы по раскрытию серии убийств. Вот я блатным его сегодня покажу. В списке меня нет. Это им и надо. И начнем с тобой пахать по нашему плану.

Рассказал Малович всё подробно полковнику Лысенко. Тот выпил сто граммов коньяка. В шкафу стоял пузырь вместе с рюмками и сухой закуской. Он сказал про коньяк «ух, ты!» и засмеялся.

– Шура, ну ты, бляха, умный. Завидую по-белому.

– А убивают тех, – пропустил похвалу Александр Павлович, – кто с какого-то прибабаха от них откололся, а знает много, либо украл у своих, или задолжал и никогда не отдаст. Либо тех, кто «обижен» деньгами и уже на старте стоит, чтобы настучать нам. Они это перепроверяют и если подозрения верные – бедолагу грохают. Я найду через Иванова нужных нам людей. Они к нему же ездят с товаром и забирают тоже у него. Поэтому сажать его нельзя. Потеряем дорожку. Надо показать его нашим психиатрам и пусть они экспертизу проведут. Пусть найдут у него или какую-то шизофрению с паранойей или что-нибудь вроде этого. Мы тогда в суд дело уже не отдаём. Психов не судят и на зону не отправляют. А он будет амбулаторно лечиться и с нами работать. Верно?

– Голова! – выпил ещё сто граммов Лысенко. – Главврача я хорошо знаю. На охоту вместе ездим, в баньке отдыхаем у егеря одного. Сделаем. Но ты уверен, что до убийц дотянешься?

– Если найду все цеха подпольные – найду и убийц.

– Завтра, Шура, с главврачом договорюсь, а послезавтра его заберут на время в «дурку» для судмедэкспертизы. Иди отдыхай.

Малович пошел в универмаг. Купил в музыкальном отделе пластинку нового ВИА «Цветы», который в шестьдесят девятом впервые услышал по радио. А пластинку большую выпустили только в семьдесят первом. Он принес её домой как драгоценность, поставил на диск радиолы «Беларусь-103». Это был шикарный агрегат с огромным волновым диапазоном и диском, который скрыли в корпусе, а выдвигался он при нажатии кнопки.

Александр поставил на начало звукосниматель и утонул в звуках красивой песни «Мы вам честно сказать хотим. На девочек мы больше не глядим». Слушал он всё подряд и когда звукосниматель автоматически поднялся, Малович спал. Семья жила у Аниной тётки. А лично сам Александр Павло-

вич если и боялся чего, то не незваных гостей или угроз от блатных. Он боялся только за семью, а она была в безопасности. Вот он и спал крепким, но чутким сном до прихода воров за его ответом. Спал как хорошо натасканная сторожевая собака или сильный, но осторожный волк.

Часов в одиннадцать вечера в окно громко постучали. Малович взял со стола приказ по Управлению и за ворота вышел в спортивной майке, в трико и кедах на босу ногу.

– Здоров, капитан, – сказал стоявший прямо у калитки парень в синей фланелевой рубаше, расчерченной на квадраты голубой ниткой. Вчера он приходил белом плаще. Подал руку. Александр пожал её довольно крепко.

– Ни хрена так. Ты штангист, что ли? – слегка поморщился парень.

– Легкоатлет. Бег на средние дистанции, – улыбнулся Александр Павлович.

– На руках что ли бегаете? – искренне захохотал парнишка, потряхивая кистью.

– Да ладно, – сказал второй. Возрастом постарше. Лица не видно было. Но голос докладывал, что ему за сорок давно. –

Ксиву на отказ от расследования покажь.

– Фонарик есть? Или принести? – Малович пытался разглядеть гостей получше, но не получалось. Луны не было. Фонарей на Ташкентской, далёкой от центральной улицы Ленина, никто не поставит ещё лет десять. Когда коммунизм наступит, наверное.

– Спичку зажги, – подсказал молодой.

Второй мужик пришел в куртке вельветовой с матерчатым капюшоном, который закрыл половину лица, когда мужик нагнулся. Он запалил спичку и стал вслух читать.

« Приказ номер 154 дробь три по управлению Уголовного розыска Кустанайского Городского управления внутренних дел. В связи со вновь открывшимися обстоятельствами приказываю: Возобновить объединенное в одно дело расследование убийств шестерых мужчин, сотрудничавших со швейной фабрикой «Большевичка» за период с мая месяца тысяча девятьсот шестьдесят девятого года по ноябрь тысяча девятьсот семидесятого года. Приказываю создать оперативную группу в составе пяти сотрудников Управления уголовного розыска. 1.Лейтенант Ланченко. 2.Капитан Тихонов.

3.Капитан Никитин. 4.Лейтенант Цыпко. 5.Ст. лейтенант Зиновьев.

Приказ действителен с восьмого апреля тысяча девятьсот семьдесят первого года до полного его исполнения. Начальник УУР – полковник Лысенко».

Три спички прогорело пока он читал.

– Ну, мазёвая ксива, – сказал молодой. – Забираем?

– Ну да, – с сожалением сказал Малович. – Такая же висит на входе в УВД возле дежурного. Можете и ту прочитать. Я. блин, тоже хотел побегать за убийцами. Но вам слово дал, что отпишусь от расследования. Да и семью, ваша правда, надо побережь. Но вы-то сами к тем «жмурикам» отношения не имеете?

– Не... Мы по ширме бьём. Мокрым не увлекаемся. Это нас большие паханы попросили с тобой порешать вопрос. Они говорят, что ты чёрта из-под земли достанешь и под вышак его подведёшь. А эти ребятишки пусть шмонают. Хрен чего найдут. Ну, лады. Живи спокойно и семье твоей опаски нет. Бывай.

И они сделали шага три назад да и пропали, как и не было никого.

Малович уже подходил к двери дома, когда услышал бес-

прерывные телефонные звонки. Они был громче, чем радиопостановка пьесы драмы Алексея Арбузова «Мой бедный Марат», которую как раз сейчас передавали. Третий день в это же время по целому часу.

– Малович на проводе, – Александр Павлович схватил трубку с разбега.

– Шура, дорогой, выручай! – кричал полковник Лысенко. – На вокзале пассажиры бузу подняли. У них вонь какая-то во всех вагонах. Я в помощь железнодорожному отделению пятерых наших отправил. Остались два сержанта. А тут звонок: в парке на дальней аллее за прудом с лебедями, в том месте, где духовой оркестр играет по выходным, двое жиганов с ножами тормозят гуляющих и деньги отбирают, часы, цепочки и браслеты у женщин. Одного мужика порезали. Он заступаться полез. Его увели на улицу и скороую вызвали. А эти фраера всё бесят. Люди разбегаются, так они догоняют, кого могут, и нож к горлу. Все живы, но если их не повязать – то и покойники образуются. Уже человек пятнадцать потерпевших. Всё ценное у них отобрали, гады. Саша, мотоцикл дома?

– Всё. Еду. Доложу потом, – Малович вместо трико нацепил белые брюки, сунул в карман удостоверение со своей фамилией, в другой – пару черных наручников, ворота за-

крывать не стал и минут через семь уже ехал по той самой аллее, освещённой фонарём в самом её начале. Больше не было фонарей. Фара поймала четырёх сидящих на асфальте человек. Мужчины пытались встать, но двое ребяташек, которым чуток за двадцать, пинали их ногами в грудь и держали перед лицами ножи. Женщины уже все цапки с себя сняли и положили перед собой на тротуар.

– Котлы отстёгивай и клади аккуратнo до кучи, – кричал лысый уркаган с финкой в руке. – Шамором давай, не телись, сявка гнилая!

Малович затормозил метрах в пяти и метнулся сначала к тому, который пытался вырвать из ушей женщины блестящие, золотые, наверное, серьги.

Он схватил урку сзади за ворот рубахи и рванул на себя. Парень быстро развернулся, во рту блеснула фикса. Он выматерился и Александр увидел руку с ножом, которая с размаха и с приличной скоростью направила «финак» точно в грудь Маловича.

– А-а-а! – тонко и страшно закричала женщина.

3. Глава третья

Бил урка финкой против света фары мотоциклетной. И улавливал только силуэт Маловича. Он уже почти достал концом лезвия фигуру, но она внезапно из большой, широкоплечей стала плоской. Толще доски, конечно, но нож, уже почти воткнувшийся в центр, вдруг этот центр потерял. Капитан всего-навсего сделал шаг назад и влево. Этого хватило, чтобы вся сила удара провалилась в пустоту. Бандит упал с вытянутой рукой, нож сам выскочил из пальцев, а головой он крепко приложился к кирпичному бордюру аллеи. Александр Павлович взял нож, перебросил его в левую руку, а правой от души врезал «герою» по шее. Тот обмяк и отключился.

Второй понял, что вписавшийся в их удачный «гоп-стоп» мужик какой-то, не очень простой мужик, да и дёрнул с аллеи между деревьями в темень. Но рубаха на нём была светлая, видел он, ослеплённый фарой, во тьме очень плохо и Малович догнал его секунд через десять. Он подбил его под ногу, поднял с земли и на горбу принёс туда, где были все. На жиганов он нацепил наручники и очень вежливо сказал гражданам, которые сидели на земле и тем, кто оценил финал своего злоключения и вернулся обратно:

– Разбойники обезврежены. Прошу не расходиться и разобрать свои вещи. Я – капитан уголовного розыска Малович. Составим протокол с потерпевшими и свидетелями. И потом все, кроме вот этих – свободны. Совет всем полезный даю. По тёмным местам парка рекомендую ночью не гулять. Мы бандитов ловим. Но их больше. И где нападут, нам не докладывают. Помогите у них из карманов всё выгрести.

Подошли двое мужчин, успевших со своими дамами отбежать подальше, и втроём они отнесли под свет фары несколько пригоршней цепочек, брошек, браслетов, серёжек, кулонов, медальонов и часов всевозможных.

– Нормальный «скок» вышел у пацанов сегодня, – зло подумал Александр. – Сняли «цацек» рублей на пятьсот, если через барыг их толкнуть. Это, бляха, три зарплаты нашего сержанта из «уголовки». А деньгами сколько тут? Тоже почти пятьсот. Вот потому шпану и тянет к такой «работе». Пятнадцать минут «пером» помахал, попугал народ, и живёшь как министр неделю-две. Потом пропиваешь, спускаешь на «марафет» и надо по-новой хилить на «гоп-стоп».

Легко всё. А потому почти романтическое занятие. Привлекательное. Ну, а отловят – «чалиться» им не меньше четырёх-пяти лет на зоне. Ограбление-то групповое. Вот же придурки.

Он составил протоколы. Аж пятнадцать свидетелей под-
писалось и девять потерпевших. Крепко парнишки засыпа-
лись. Тут, может и на шесть лет потянет. Одного мужика
они всё же порезали. Тётка какая-то крикнула, что в боль-
ницу звонила. Рана на руке небольшая. Зашили. И он заяв-
ление понёс дежурному в УВД. Малович сложил пареньков
в «люльку» мотоцикла. Так все называли коляску металли-
ческую справа от мотоциклиста. Они медленно приходили в
себя и, звеня «браслетами» уже начали робко материть всех
«мусоров» и того, кто их сгрёб, отдельно.

– Ты, мля, волчина позорный, своё «перо» всё равно сло-
вишь! Я тебя запомнил, – бурчал один.

– Таким волкодавам траншеи надо копать лопатой и кот-
лованы. А ты, легаш, людям жить не даешь. Каждый живёт,
как может, понял?!

– Ну, правильно, – сказал ему капитан и вlepил щелбан в
темя. – Вот ты умеешь как можешь, так? Потому в люлке
лежишь. Завтра сдам вас следаку и вы как сможете, будете
баланду жрать и спать возле параша. Молодцы, мля!

Он завел мотоцикл и через пятнадцать минут дежурный
следователь записал

В журнал задержание Маловичем двух вооруженных разбойников, надел свои наручники, Александр помог ему оттащить плохо стоявших на ногах урок до камеры временного содержания и поехал домой.

Посмотрел телевизор перед сном и вспомнил, что не подобрал второй нож. Без этого «вещдока» один из «уркаганов» мог запросто «соскочить». Я, мол, стоял там, глазел, а меня до кучи повязали.

Он снова оделся и поехал в парк. Люди, другие, правда, парами бродили по аллее той же тёмной, весело смеялись, шутили, а юноши как будто никак не могли поймать как будто всерьёз убегающих подружек.

– Вот так он чесанул, – Малович протянул руку. – Нет, вот отсюда рванул жиган в кусты. Вон туда. Точно. Он прошел метров двадцать и фонарём «жучком» стал жужжать, создавая довольно длинный и широкий луч. Через десять минут примерно возле маленького ясеня в низкой траве блеснуло лезвие. Александр взял нож носовым платком, завернул и отвёз следователю.

– Как-то я и забыл про второй «финак», – сказал он скучным голосом. – На «цацки» засмотрелся. Красивые были часики, серьги да браслеты. Ну, ты ещё их посмотришь. А нож

этот – второго пацана, который пониже и поплотнее. Первый я тебе сразу отдал. Приобщил его, Дима?

А то, – ответил следователь. – Ты, Шура, езжай спать. Зелёный весь. Устал за день?

– Голова устала, – засмеялся Малович. – Сегодня думать пришлось. А с непривычки и мозг одурел. Ладно, поехал. Всё, вроде, на сегодня. Хотя от командира Лысенко любой подянки можно ждать в любое время суток.

Дома он не стал телевизор включать. Выпил стакан холодного чая с печеньем «крикет», умылся, лёг и уснул, не донеся голову с усталым мозгом до пуховой подушки.

Следующие два дня работы не было. Сидели они вдвоём с Володей Тихоновым в своём кабинете и пересматривали дела тех, кого посадили, кто уже освободился, приводили в порядок статистику и подшивали по датам копии рапортов на выдачу всякой ерунды, начиная от наручников, фонарей, запчастей для мотоциклов и каких-то деталей формы взамен порванных при задержаниях.

А на третий день, на одиннадцатое апреля, партийный комитет Управления назначил собрание коммунистов с тупой повесткой, которая в год проходила раза по четыре, не мень-

ше. «Отчёт руководителей о деятельности подчинённых им подразделений в деле повышения процента раскрываемости преступлений». Не членами КПСС в милиции были только сержанты, ефрейторы и старшины-сверхсрочники, устроившиеся после окончания договора с армией в управление внутренних дел.

– Блин. Мы бы лучше начали с тобой мотаться в поисках «левых» цехов, – огорчился Володя Тихонов.

– Вова, ты не спеши. Двенадцатое апреля – следующий день после собрания, это раз, – охолонул энтузиазм напарника Александр Павлович. – Все будут пить. Торжеств по этому поводу на государственном уровне нет уже и народ больше не пляшет с гармошками на улицах как после полётов Гагарина, Титова, Николаева и Терешковой. Но дома-то все почти бухают. Гордятся пока и космонавтами, и страной, первой по освоению космоса. Но работать никто не будет.

У нас, бляха, и в День строителя влёжку напиваются даже те, кто только из кубиков домики строил в детском садике. Повод, Вова! И мы двенадцатого отловим пару-тройку грабителей. Для тех, кто хочет вмазать, – мотивация «12 апреля»! А для преступлений любой праздник большой – это и повод, и мотивация. Видел преступление без мотивации?

Тихонов посопел, но промолчал.

– А кроме того нам надо найти другую машину. Не на твоём же «москвиче» ездить на фабрику и по закоулкам. Номер срисуют и хозяина вычислят те, кому надо, – Александр почесал в затылке. – Думать надо, где взять чужие машины.

– О! – подскочил Тихонов. – Сразу придумал. Идём к гаишникам и просим у них на недельку машину, поставленную в отстойник за езду дяденьки в пьяном виде. У водилы права на полгода отнимают, а «лошадка» стоит на спец.стоянке штрафников. Срок кончается, административная комиссия отдаёт бедолаге права и машину. Вот на штрафной тачке и будем их отслеживать. Номер пробьют, а к нам с тобой машина отношения не имеет. Или мы к ней. Ну, как?

– Талантливо, – Малович Володю даже приобнял. – Менять будем телеги постоянно. Это хорошо. Вообще могут нас не срисовать. Да... С нашим начальником гор. ГАИ Липатниковым мы в одной сборной области по лёгкой пять лет были. Можно считать – друг. Ну, хороший товарищ. Потому, что друг один. Это ты. Кстати, с Мариной наладил отношения? Вернулась?

Тихонов помрачнел и пошел к окну разглядывать деревья.

– Не срastaется пока, – грустно и тихо сказал он сам себе. А может другу. – Ну, я ей, честно-то, в душу наплевал не один литр плевков. С Танькой крутился год как-никак. Все родственники с обеих сторон знают. И денег на неё, козу, потратил – стыдно вспоминать. Ну, хорошо хоть, что дошло до меня. Пусть и поздно. Но ведь год уже в мае как я с ней завязал. Ведь ничего общего. Кроме кувыркания в койке. Но жена ушла уже после того, как я Таньку бросил. И всё равно не прощает, и не прощает. Уже больше полугода отдельно живём. И как вернуть её – не знаю. Сам не могу на поклон к ней пойти. Не идут ноги, и всё. Силу воли как украд кто-то.

– Давай я через пару месяцев сгоняю к батяньке твоей жены и с ним потолкую как надо. А он – с Мариной. А потом я с Мариной. Объясним, что ты уже год как дуру ту бросил и мучаешься от скотского проступка своего. Что бес тебя попутал. И ты даже застрелиться пытался, но я увидел и смог пистолет отнять. Ну, в общем, не можешь без неё и дочери жить и прощения просишь. Каешься. Идёт?

– Нормально, – повернулся Тихонов. – Я просто первый шаг не могу сделать. А потом-то, конечно, сам всё объясню. Как в эту яму попал. Но то, что сначала ты с отцом, а потом с ней сперва поговоришь, да потом отец с ней, это, наверное, лучше.

– Только если ты с Танькой или другой шмарой начнёшь по-новой гулять, я у тебя на лбу прочту, – Малович говорил медленно и серьёзно. – Тогда и ты мне не друг. Ты и меня заплюёшь как жену. И я тогда сам пойду к ней и скажу, что ты снова её предал. Повторно. Тогда можешь не ждать её обратно до своей смерти. Понял?

Слово офицера, – прошептал Володя. – Заплутал и выберусь. Соберу всю совесть да честь, оставшиеся по каплям, и выберусь. Клянусь, Саша.

Малович подал ему руку.

И он сел за стол перелистывать бумаги с увлечённым лицом, будто любил это дело безумно, а разговора с другом вообще не было.

Постоял Володя у окна ещё немного и пошел на улицу. Помыть свой мотоцикл и покурить. И то, и другое должно было привести его к единственно правильным действиям. Он уже наносил последние мыльные мазки мыла на переднее крыло и отшагивал назад, как большой художник, оценивающий художественность мазка издали. Но кто-то сверху, с небес, не иначе, в этот момент послал ему в главную извилину мудрую мысль. Володя кинул тряпку на сиденье и, почему-то спотыкаясь, понёсся в свой кабинет, где Малович

дыроколом простукивал дырки и насаживал листки на два металлических стержня. Укомплектовывал отчётность.

– Шура, мать твою! А чего тянуть?! – закричал Тихонов так истошно, что в стенку постучали из соседнего кабинета. Они тоже там подшивали документацию, стучали дыроколами и под такой хай запросто могли промахнуться и не попасть дыркой на никелированный стержень папки. – Зачем два месяца ждать, а? Что это даст? Я же почти год ни с кем больше. Ты ведь знаешь.

Мы полгода не живём уже. Я весь на соплях изошел. Ослаб душевно и телесно. На задержании подламывал одному разбойнику руку, так из последних сил дождал гада. А раньше в секунду этот номер исполнял. Это потому, что ловлю бандита, а перед глазами то жена, то дочка. Шура, сгоняешь? Тут же рядом девятая школа. Поймаешь её на перемене в учительской. Ты ж за пять минут любого можешь склонить или к геройству, или, блин, к злодейству. А переменка у них – десять минут. Давай, а!

– Вот ты упёртый баран, – определил общественный статус друга Александр Павлович. – Ладно. Только я как хотел, так и сделаю. Сейчас пойду к Фёдору Антоновичу, к отцу её схожу сперва. Мы для верности общего дела общую стратегию с тактикой вдвоём выберем. Он для неё – большой авто-

ритет. И самый родной человек. Не ты. Запомни. Отец! Нас, придурков, у неё может быть после тебя два-три, ну, как повезёт. А батя один. Это ему благодаря она есть, а не тебе. Пойду к Антоновичу. Потом к ней. Ну, ты экземпляр, Вова. Тебя бы выставлять в музее моральных уродов. Жалко, не придумали пока таких.

Александр шел в старую часть Кустаная. Здесь прогресс социализма даже мимо не пробежал. Старый город опускался вниз, к Тоболу. От центрального базара. Который культурные руководители областного центра называли как капиталисты – рынком. Остался он, конечно, базаром. С лошадьми из сёл, впряженными в телеги с мукой, овсом, пшеницей и обложенными льдом рублеными тушами коров и баранов. Лёд мужики и летом делали в глубоких погребах, откуда по лестнице выбираться – минут десять требовалось здоровым да молодым. А деды все двадцать на это дело тратили.

Тётки горланили в середине базара и зимой и летом, раздавая своим семечкам подсолнуха и тыквы похожие на весёлые частушки развесистые сложносочинённые комплименты. Ниже базара не было дорог с асфальтом, труб, несущих в дома воду. Но на выбранных «горкоммунхозом» углах трактор «Беларусь-155» буром сверлил землю до воды и на этом месте водопроводчики ставили зеленую колонку с длинной ручкой да крючком, на который вешали вёдра. Зимой каж-

дое утро к ледяной горке вокруг колонки подъезжали на машине с желто-красной будкой мужики и ломами крошили лёд, чтоб народ имел возможность по колотому острому крошеву добраться до зелёной ручки и повесить ведро.

Столбы электрические вкопали, обмазав нижние края смолой, ещё до революции и ни разу не меняли ни изоляторов, ни проводов. Когда новенькие, прибывшие в город, строили дом, то тянули со столбов немного другие провода. И ближе к семидесятым годам пространство над улицами было так плотно крест на крест перекрыто всякими проводами, что если бы с неба вдруг рухнул на улицу знаменитый «кукурузник», в паутине этой он бы стопроцентно застрял, завис и избежал катастрофы.

Каким-то разумным правителям городским сразу после войны пришло в голову сделать Кустанай второй Алма-Атой, в которой, если идти по центру улицы, не видишь, что в городе есть дома. Столько там всегда было кустарников и всевозможных деревьев. И кустанайским начальникам, к удивлению, никто не помешал. Домишки, когда, Малович спускался по плотно приглаженному грузовиками грунту, всё же были по бокам. Угадывались. То ярко – голубая калитка мелькнёт, то палисадник из красного штакетника с сиренью, а иногда и окна блик солнечный отбрасывали к проводам, что в сыром пока апрельском воздухе на секунды превращалось в

худенькие короткие радуги.

Под дворами гуляли собаки, вынюхивая остатки пирожков с ливером, по дороге стучали крепкими клювами курицы, а на середине улицы стояли большие пёстрые петухи и с огромным опозданием орали то, что знали: «ку-ка-ре-ку!». Здесь, в старом городе удивляли красотой архитектуры старые магазины из кирпича с фигурной кладкой, старые школы с огромными окнами и вензелями на фронтонах, и даже две библиотеки, что для тридцати тысяч, живущих на «выселках», от которых и разрастался Кустанай, было хоть и многовато, но зато правильно. Народ туда активно ходил и потому был умным.

Дошел Александр Павлович до избы сорок шестого года рождения, которую построил сержант запаса Фёдор Антонович Соболев, когда демобилизовался из части, добравшейся до Будапешта. Сам он был кустанайский и других мест для размещения своей жизни не чуял и не понимал. У него было всего две раны. Осколок мины, прижившийся правее позвоночника, и пуля в бицепсе, которую в госпитале не стали вынимать.

– Чего ей будет? – смеялся врач. – Была б свинцовая. Так это – да, отрава. А у тебя стальная. Пусть лежит. Обрастет мясом, жирком затянется и живи сто лет.

Соболеву было пятьдесят семь, а держался он как тридцатилетний. На турнике подтягивался, мешок с берёзовыми щепками колотил нещадно голыми руками и бегал по утрам вокруг своего огорода за двором. Огород – сто метров в ширину и в длину. Он по пятнадцать кругов делал. От того и силы были. Работал кузнецом в «Кустанайтяжстрое». Вручную – молотом да щипцами кирки ковал для землекопов. В данный момент смена у него ночная кончилась и Антонович сидел на скамейке перед калиткой. Курил махру и грыз семечки.

Часа полтора они ругали Вову Тихонова и хвалили Марину, дочь его. А когда беседа подходила к двум часам беспрерывного разговора, Соболев затянулся махоркой до кашля и сквозь него произнёс заключение своё.

– Ладно. Вовка-то хоть и скинулся временно на смазливую шалаву, так это от ослабшего в милиции ума. У вас там бегать, да руками махать – одна ваша умственная работа! Для ума нагрузки мало. Вот и снесло его. Но мужик он сам-то приличный. Маринку любит. Я знаю. И дочку. Заплутал вот. Но это ему урок. Ты, Шурка, башкой покрепче. Ты его вразуми и держи под контролем. Я дочери наш разговор с тобой передам. Но скажу, чтобы шибко не спешила. Пусть прощает его, но не сразу. Пусть ишшо месяц его помучает до-

полнительно. Но в принципе Маришке посоветую простить подлеца и вернуться.

-Она ж, дура, тоже любит этого олуха. Я – то знаю. Говорю же с ней постоянно. Любит поганца, бляха! Не говоря уж про мою внучку. Та отца обожает, хоть и сопли ещё не высохли. Ну, ладно. Сегодня с работы вернётся, я её подпрыгу на большой разговор. По всем правилам. Строго. Но правильно сделаю всё. Семья, понимаешь ли – это не киношка на полтора часа. Я вон с войны со своей Марусей живу. То же ведь и погулял поначалу и бутылку в день высасывал. А живём. Она простила и я мозги себе выправил. Иди, Шура. Сходи к ней на работу. Скажи, отец ждёт для очень сурьёзного разговора.

Малович обнял дядю Федю и пошел. Руки в карманах, кепка набок. Песню насвистывал. Скажешь с виду, что это офицер-милиционер, которого натурально бандюги боятся? Да нет, конечно. Сам в «гражданке» как раздолбай из парковской биллиардной. Он пришел в школу, аккуратно поправил свою кепочку из новенького ворсолана, подтянул потуже кожаным ремнём белые плотные чесучовые брюки. Дикий шелк – чесуча – крик моды. Бежевую курточку свою вельветовую застегнул почти доверху «молнией», пригладил волос по бокам и сел на подоконник напротив восьмого «Б», где по расписанию увлеченно облагораживала подростков знания-

ми русской литературы Марина Тихонова. На перемене она вышла последней.

– Саша, с Вовкой что-то случилось? – глаза её округлились и она дошла до подоконника, опёрлась об него ладонями да с испугом ждала от Маловича слова.

– Жив и здоров как молодой лев, – сказал Александр Павлович. – Но дело не в этом. Я у папы твоего дома был сейчас. Два часа говорили. За тебя решить и он не может. А я тем более. Тебе я что хотел сказать. Вовка твой позавчера стреляться стал. В кабинете. Но на ключ не закрыл дверь. Тут как раз я вошел случайно. Пистолет забрал, дал по морде. А он в связи со всем этим мероприятием раскололся, что всё равно застрелится. Потому, блин, что не может без вас с Наташкой жить. А выхода не видит. Сам к тебе боится идти. Шмару ту дурную он давно уже бросил. Год, считай. Живёт как ангел, только взлететь не может. Тяжесть на душе. Не больно-то полетаешь.

Малович сделал очень строгое, суровое сделал лицо.

– Мы с мужиками обговорили ситуацию и организовали ему суд офицерской чести. Все высказались и позором его укрыли – как в могилке землёй засыпали. И прошибло его. Заплакал он не скупыми мужскими, а дамскими безудерж-

ными слезами. Вытерли его платочком. Даже китель промок, блин. И он слово дал, что всеми фибрами души и силой тела вышибет из себя до последней пылинки ту позорную грязь, которая испоганила его душу. А в конце дал клятву, что любит и будет любить тебя до гроба и даже не глянет на какую другую. А в конце отдал всем честь и сказал.

– Честь имею!

– Я ему верю, Марина. Он понял, что бес его попутал. «Не со мной это всё было!», говорит. Я, конечно, не господь бог и даже не секретарь обкома. Грех с него снять не могу. Но друга я изучил за столько лет. Если он сказал, что без тебя не может, значит, не может. И что-нибудь с собой сотворит непотребное. Шлюху ту он бросил почти год тому, сказал я уже раньше, да забыл ту шалаву и прокликает день, когда поддался соблазну бесовскому. Короче, решать тебе. А отец вечером ждёт твоего слова. Ему и скажешь. А он мне позволит.

Александр Павлович поцеловал Марине ручку и пошел по длинному коридору к выходу.

– Я так сразу не смогу предательство простить и бегом прямо сейчас к нему побежать. Пусть потерпит. Сволочь он, конечно. Бес его попутал или Карл Маркс. Мне какая раз-

ница? У самого мозги не в то место перетекли. Сволочь он. Саша. Но я, честно, тоже без него не могу, – тихо сказала Марина. – Может, и могу простить. Не знаю пока когда.

Но Малович как будто этих слов не слышал и повернул за угол к двери. Тихонову он пересказывать ничего не стал. Намекнул только, что скоро жизнь его изменится к лучшему.

Вова стал догадываться, что жена вернётся. Но, чтобы не сглазить, тему продолжать не стал и сказал новость по работе.

– Собрание партийное в десять завтра начнётся. Лысенко передал, что тебе надо выступить. Доложить, что под руководством партии мы повысили раскрываемость втрое за последние пять лет и обязуемся в текущем году раскрыть минимум сорок тяжелых преступлений.

– Сам мне не рискнул приказать, – Александр засмеялся. – Знает меня. Не посмотрел бы, что полковник, покрыл бы семиэтажным. Вот почему сам не рвётся выступать? Говорит-то, как мёд из кружки льёт. Ну, ладно. Завтра одиннадцатое. Надо после собрания с Ивановым встретиться. Выпустили его из «дурки»?

– Да. Сидит в ИВС. Нары нижние. Я ему журналов всяких

притащил килограммов десять. «Советский экран», «Крокодил», «Знание – сила». Пусть отдохнёт. Написали ему, что он параноик. Судить не будут. Лечение главврач назначил дневное. Через день ходить туда надо отмечаться, чтоб все видели, что он псих. А работать на нас с радостью согласен.

– Тогда после собрания забираем его и едем в мою деревню Владимировку. Сядем дома у Паньки, отца моего. И спрашиваем скрупулёзно о жизни фабрики «Большевичка», а?

– Самое то! – воскликнул Тихонов. – Он нам тропинки три-четыре протопчет.

– Ну, – согласился Малович. – А ты машину в ГАИ взял?

– Во дворе. Запорожец. На три дня дали, – доложил Вова радостно. Всё ещё про Маринку думал.

– Тогда поехали сейчас в быткомбинат, – Александр Павлович задумался и стал сворачивать в трубочку какую-то газету, потом развернул и скрутил снова. – Есть там у меня бывший одноклассник. Лёня Замков. Заведующий отделом ремонта холодильников. Мне кажется, что на комбинате в том самом пластмассовом цехе делают не только детские игрушки. А Лёня знает, что ещё кроме кукол и погремушек

там отливают.

Замков увидел Александра и не обрадовался. Скорее испугался. Он много курил и, разливая чай по чашкам, в них попадал не точно. Столик залил вместе с печеньем и карамельками.

– Не по мою душу пришли? – буркнул Лёня. – Так я закон не нарушаю. Не хулиганю. Никого не трогал.

– Ты из цеха пластмасс всех знаешь? – спросил Малович.

– Ну, всех только их начальник знает. Но кое-кого и я держу во взаимовыгодных дружбанах. Позвать?

– Позови, конечно, – глотнул из чашки Тихонов.

Минут через десять вернулся Лёня с двумя крепкими парнями в спецовках красивых. Красное с синим – суконный материал комбинезона. Много карманов на «молниях», ботинки военные, высокие и синие кепки с длинным козырьком да надписью спереди «Быткомпласт». Новая какая – то форма.

– Чего, ребятки, вам? – вместо приветствия сказал один, постарше.

– Можете нам с другом каски отлить пластмассовые? Мы строители, шабашники. Металлические каски, блин, тяжелые. Башка трещит от них. – Тихо и просительно сказал Малович.

– Строители? – засмеялся младший. – А Лёня сказал что вы из милиции. У вас же фуражки носят с кокардами. На хрена каски? Да мы вообще-то из цеха игрушек. Хотя рядом втихаря льют каски. Но это не наши люди. Работяг простых мы, ясное дело, знаем. И числятся они не в быткомбинате, а на «Большевичке». В основном грузчиками. Кто эти цехом управляет, на комбинате никто не знает. Даже мы, соседи, ни разу их не видели. Купили у директора помещение и льют каски строителям руками случайных работяг.

Кто купил – неизвестно. Может швейная фабрика. Может, дядя таинственный. Мы сейчас к вам не хотели идти. Милиция – контора не всегда справедливая. Кто вам помешает нас с Мишей заподозрить и привязать по-хитрому к преступлению? Но Лёня – друг проверенный. И он сказал, что именно ты, его одноклассник, мужик честный и порядочный. Мы мало чего про «подполье» и убийство знаем. Но чем сможем – поможем.

– Да нам этот цех «подпольщиков» сам по себе пока не

очень нужен, – объяснил Тихонов – Этим уже после раскрытия убийств будем заниматься. И не одни. Может КГБ впряжется. Вредительство-то явное на государственном уровне. Это уже политика. Воруют, людей подкупают, экономике советской подножки ставят. Короче – диверсия, удар сзади от внутреннего врага. Без КГБ нам не дадут в эту сферу соваться. Так что пока – убийства для нас на первом месте.

– Убитые, короче, были из цеха касок. Экспедиторы на договоре. Зарплат у них не было точно. Нам мужики, которые льют каски, говорили, – Миша закурил и съел карамельку. – А какая тут тайна? Весь материал через склад «Большевички» правильно и официально приходовался. Прицепиться не к чему. После убийства и ОБХСС тут крутился, и мусора Затобольского РОВД. Районщики.

– Ну, это ещё те шерлоки холмсы, – усмехнулся Александр. – В прошлом году там у них дом «обнесли». Так один домушник в темноте потерял ботинок. Дембельский. Он недавно из армии пришел. А в армии принято хлоркой и спичкой писать на одежде и обуви инициалы свои. Внутри ботинка было написано «Вал. З – ко.» Так думаете нашли его? А вот хрена с два!

Посмеялись. Потом старший сел ближе к Маловичу и стал дальше рассказывать, поглядывая на дверь.

– Убитые, к сожалению, на их территории жили. Вот они пару недель помуржили их всех, кто каски делал. Одного работягу даже обвинить хотели и успешно закончить раскрытие. Посадить собирались одного. Кто-то из своих на него настучал. Но не получилось. Он в эти дни как раз ездил в Челябинск за ремнями для касок. С челябинского завода факс прислали по его просьбе, что он был на заводе до шестнадцатого числа. И квитанции он не выкинул из гостиницы. Рассчитался он шестнадцатого в двенадцать дня. А мужиков убили четырнадцатого.

– Во, мля, служивые! Живёшь рядом с такой швалью, работаешь в одной системе. Аж тошнит, – Тихонов закурил и пошел в окно дым пускать.

– А про то, что цех подпольный, даже в протоколе не было ни слова. Ни у ОБХСС, ни у следователей РОВД, – перебил товарища молодой. Миша. -Вполне возможно, что приплатили им не хило. Кто – неизвестно даже самим рабочим цеха. «Мусора», прошу прощения за грубость в адрес милиции, им даже протокол не дали толком прочесть. Заставили расписаться и ушли. А через неделю кто-то из работяг ходил в районный отдел и узнал, что дело закрыли в связи с недостаточностью улик. Ну, вроде как убийцу кто-то нанял чуть ли не в Москве. Попробуй там найди! Так они для отвода

глаз сначала искали убийцу в нашем цехе. И в холодильном.

Серьёзно что ли? – удивился Александр Павлович. – А в бухгалтерии никого не арестовали? Или дворника?

– И где телевизоры ремонтируют – тоже убийц искали, – мрачно сказал старший. – А из быткомбинатовских какой дурак своих резать будет? Только в пьяной драке. И то – по мордам настучат друг другу и финиш. А тут двоим профессионально заточки в печень загнали, а потом ещё горло перерезали. У нас же в телемастерской одни блатные и бывшие зеки с техникумовским образованием электронщиков. Самое любимое занятие – людям горло перепиливать. Смешно даже думать...

– Да, мля! – Малович поднялся и большими шагами стал бродить между холодильниками. – Кто же это реально может быть? И кто приказ отдал грохнуть людей?

– Резали посторонние. Точно. И не здесь убили. В кафе на краю города. Потому и не нашли. Леня было районным по чужой незнакомой местности бегать и в засадах сидеть. Отписали «глухаря» да и ладно. Привычное дело. Нет улик, так и нет, хрен с ними.

– А где точно зарезали? – спросил Александр без особого

интереса. Так, мимоходом.

– Ну, первое – они, повторяю, не наши. И зарезали, повторяю, не здесь, – вставил молодой.

– Да не долдонь ты, Миня, одно и то же. История эта с длинным хвостом. Где конец хвоста – только вы и найдёте, друзья Лёнины.

Тогда, ладно уж, послушайте вот что. Это главное. Но сперва пообещайте, что нас больше никто из ваших допрашивать не будет и, если попадёте потом в ихний цех, нас не вспоминайте. Хорошо? – тихо и с видной опаской прошептал старший. – Лёню мы знаем. Он не проболтается.

– Слово офицеров, – сказал Александр Павлович за двоих

– А вам же убийцы нужны. Так их двое всего. Они чужие. Кустанайские, но не с комбината. Блатные. Наш подпольный цех вам без надобности. Там каски и льют для строек. И пусть льют пока их не раскусят как воров и мошенников. Как вредителей государства. А вот в том цехе были два экспедитора, которые всегда находили места, где всё нужное можно было купить по дешевке, за взятку и оплату наличными. Сверхценные люди. Что они только не добывали! Они ведь три года у нас под носом. Цех столько тут стоит ихний. А мы с простыми работягами пиво регулярно глушим после

смены. Ну, они по пьянке нам кое-чего и болтают, чего бы и не надо. И мы от них про экспедиторов знаем до фига.

– Ну! – тронул его за плечо Тихонов – Повод для убийства где-то рядом. Ну!

– Боссы им заплатили за добычу «левого» дешевого полистирола двадцать тысяч рублей. Те привезли крошку полистирола и провели его официально через фабрику. Отмыли деньги. И купили больше. С хорошим запасом. На деньги, которые им хозяйева дали, другие бы столько не могли добыть. Купили неизвестно где. Мы не знаем. Говорю, как нам кенты из ихнего цеха по пьянке растрепали. Да и они не в курсе. Тайна это.

– Двадцать тысяч – это даже для подпольного хозяина производства сумма приличная, – Малович почесал по привычке затылок. – И что? Экспедиторы не взяли?

– Ну! – Миша, младший скривился.– Попросили еще столько же. Мы, мол, вам лишних пару миллионов прибыли в зубах принесли. А вы жлобитесь. Ну, боссы пообещали.

– И ждут экспедиторы, – продолжил Тихонов. – Три месяца прошло, а никто платить и не собирался. Пудрили им мозги, но так и не дали ни копейки. Отбрехали как-то. Да?

– А как ещё? – быстро заговорил Миша. – Тогда Жихарев, один из двоих добытчиков, сказал в цехе, что они с напарником наведут на подпольный цех ОБХСС и Народный контроль. Может, даже КГБ. Пусть, говорят, мы сами отсидим, а их, буржуев точно к стенке поставят. Какой-то рабочий боссу это передал. А те, кто управлял выпуском касок, они в соседней с нами комнате оборудование поставили дорогое, размягчители шариков, прессформы, красительные ванны. Резаки для ремней. И мужики вкалывали там за хорошие денежки. По триста рублей получали.

– Нам бы так платили.– Хохотнул Малович.

– Восемьдесят процентов, говорили, боссам уходило. Кто боссы – они почти все не знали, а мы вообще понятия не имеем. А ребятам простым, нанятым, и двадцать оставшихся процентов – за глаза! Они, мать их, конечно, догадываются кто приказал убить. Но молчат. Жить- то охота. А самих головорезов и мы знаем. Не знаем только кто команду дал.

– Это с «большевички» кто-то, – задумчиво отреагировал Александр Павлович.

– Но вот боссы, когда испугались, что экспедиторы могут вообще-то не в милицию, а в КГБ пойти, поскольку есть яв-

ное хищение социалистического имущества и вредительство государственной экономике, тогда и наняли блатных. Это ж легче всего. Те мужиков из цеха отследили, довели до кафе, вспомнил, «Спутник», подождали пока они поддадут хорошо и послали прохожую девчонку, чтобы она их вызвала.

– Ух, ты! Грамотно, – сказал Тихонов от окна, где досасывал уже пятую сигарету.

– Мол, друзья пьяные, боятся заходить. Вдруг «мусора» в вырезатель загребут. Мужики вышли. Блатные их отвели за дом, воткнули по заточке в печень. А потом уже лежачим горло перерезали обоим. И кто эти блатные – мы с Дмитрием знаем – Ещё тише прошептал младший. И малину, где они сейчас хоронятся, знаем. Нам подсказал в пивнухе один из цеха ихнего. Те козлы к ним часто ходят. Ничего не боятся, гады. Но кому говорить про это? ОБХССникам? Так они все в доле. Ну, не все, конечно. Только как их, честных, в этой клоаке искать? Милиция побегала для отвода глаз и позакрывала дела. Мля!

– Нас точно не боитесь? – спросил Александр.

– Лёня же сказал, что вот как раз тебя бояться не надо. Что ты правильный и не продаёшься. И что лично сам несколько сотен убийц поймал. И что напарник такой же у тебя. Повто-

рюсь: Лёне мы как себе доверяем.

– Малину нам засветите? Хмырей этих нам покажете? Вы помните их?

– А чего их помнить? – молодой засмеялся. – Они к «цеховикам» приходят водку жрать пару раз в неделю.

– Ну, так поехали. Влезем в «запорожец»? Это не наш. На милицейской машине не поедешь, – сказал Тихонов.

Они подкатились к большому дому в районе на краю города. Район назывался «Красный пахарь». Тут раньше переселенцы из деревень жили. Во двор входили и выходили из него девки полупьяные, урки фиксатые и обкуренные жиганы. Спецы подрезать монетой точёной «лопатники» в автобусах.

Сидели наблюдатели минут сорок. И вот, наконец, один из рабочих, помоложе который, громким шепотом сказал и пальцем ткнул.

– Оп-па. Есть один. Второго нет пока.

– Точно он? – переспросил Александр Павлович. Рабочий три раза кивнул.

– Точнее некуда.

– Вы езжайте. Володя, отвези ребят. А я за ним пойду. Мне одного хватит. Второго он сам покажет, – Малович вышел. – Повезёт – скручу где-нибудь.

Он долго плёлся за уркаганом, пока тот не направился к подъезду серой пятиэтажки. Александр догнал его возле двери, взял за рукав и сказал жалобно.

– Братан, трубы горят. Дай хоть рубль. А то сдохну.

Урка повернулся, внимательно оглядел Маловича и быстро выдернул из-за голенища нож.

– А я тебя запомнил, «мусор». Ты в шестьдесят седьмом зимой меня на «гоп-стопе» приземлил за базаром центральным. На два года в «четвёрку» ты меня засунул. Ты, сука!

И он резко выбросил вперед нож. В подъезде почти темно. Малович потому и пропустил движение. Задел урка правую руку. Рукав разрезал и нож вогнал наискось в бицепс. Кровь брызнула на бетонный пол и на стену

Малович прислонился к стене, левой рукой зажал рану и

увидел, что финка летит ему в живот снизу.

– Подохни, тварь, волчина позорный! – прохрипел блатной и нож уже почти врезался между ремнём брюк и курткой.

Александр инстинктивно согнулся, подставил под нож левую ладонь, но поздно. Финка скользнула между большим и указательным пальцами, и впиалась в толстый кожаный ремень. Это был дорогой трёхслойный ремень. Широкий, упругий и твердый. Пробить его ножом было невозможно.

– Чего хулиганите!?! – открыл дверь на первом этаже дед в кальсонах и нательной рубашке.

– Обоих запорю, исчезни, старик! – повернулся к деду блатной.

Он ещё не понял, что нож в тело не вошел. И понять это у него уже не было ни времени, ни шанса. Правой рукой, из которой кровь поливала бандита, а также капитана Маловича, да ещё пол и стены, Александр схватил его за волос и рванул на себя. Он немного сдвинул корпус влево и уркаган вписался лицом в стену, разбил нос и крепко приложился лбом. Крови стало больше. Из носа она текла как вода из колонки. С напором. Бандит упал и Малович быстро нацепил

на него наручники, ну, а для верности вложил ему свой коронный удар по шее.

– Дед! – крикнул он. – Слышь, дед!

Старик в кальсонах выглянул.

– Я капитан милиции. Вот удостоверение, – у Александра Павловича закружилась голова и ноги стали ватными.

Дед сбегал за очками и удостоверение изучил.

– Что прикажете, товарищ капитан?! – воскликнул он и встал в кальсонах и тельнике во фрунт. Воевал. Ясное дело.

– Звони ноль два, называй свой адрес и скажи дежурному что я ранен и пусть он вызовет скорую да пошлёт забрать задержанного. Пусть пошлёт именно капитана Тихонова. Запомнил?

– Скорую и Тихонова на мой адрес срочно. Я побежал.

Дед исчез. Малович сел рядом с бандитом белыми штанами прямо в лужу крови и в глазах его стали метаться звёздочки, кружочки и тёмные квадраты. Потом всё исчезло. Последнее, что он смог расслышать – это истерично визгливую

сирену скорой помощи.

4.Глава четвертая

Капитан Володя Тихонов утром на работу не пошел. Он был очень впечатлительным, душа его каждый раз получала новую рану и долго затягивалась рубцом от каждого неприятного события, которое происходило не с ним, а с близкими и просто хорошими людьми. Вчера бандит подрезал его лучшего друга Шуру Маловича, а внутри у Володи болело так, будто это его самого почти убили. Он позвонил полковнику и сказал, что сердце болит. Что пропустит сегодня день рабочий

– Да с Шурой всё в порядке, – сказал Лысенко. – Рана была в артерию, но профессор Мальцев сам оперировал. Его завтра выпишут вообще.

Но радостная весть тревогу из сердца Тихонова не выдавила. Он с утра пытался побриться, но смог только запенить помазком с расквашенным хозяйственным мылом территорию ниже глаз до шеи. А бриться не получалось. Он не признавал электробритву и освобождал кожу от щетины только отцовской опасной бритвой. Он её наточил об кусок кожаного ремня и поднёс к подбородку. Но руки дрожали как у штангиста, который из последних сил держал вес над голо-

вой положенные три-пять секунд, пока судья не сделает отмашку, чтобы штангу опустить.

Тихонов в таком расхристанном состоянии запросто мог всадить лезвие в горло или отхватить часть губы. Он подержал руки под струёй холодной воды, но этот приём не помог. Вова пару минут без зла материл свою хрупкую нервную конструкцию, смыл пену, аккуратно затолкал лезвие в рукоятку и сунул бритву в чехол. Из зеркала на него глядел похудевший в щеках, обросший серой массой коротких густых волосков, не очень симпатичный мужик с тоской в глазах и растерянным выражением лица под опускающимся на лоб седым чубчиком. Тихонову исполнилось тридцать пять. Седых ровесников среди знакомых у него не было. Он пару лет назад и сам испугался того, что волос белеет какими-то замысловатыми по форме островками. Побежал к терапевту милицейской больницы.

– Это я так рано старею? – с тревогой в дрогнувшем голосе спросил он доктора. – Дряхлость мышц скоро начнётся? Морщины по всей коже, слабость физическая?

Доктор выдернул с его головы два волоска. Один белый, другой – родной каштановый. Он достал небольшой пузырёк, набрал пипеткой густую жидкость без цвета и капнул на волоски. Первый стал красным – каштановый. А белый

перекрасился в тот цвет, который у Тихонова был до начала старости внезапной

– Меланин перестал вырабатываться, – без человеческого сострадания сказал он. – Это пигмент такой. Даёт цвет волосу. Ничего страшного. К старению никаким боком не стоит. Ты, Володя, когда нервничаешь или переживаешь, у тебя этот пигмент перестаёт выделяться. Мозг же этот процесс регулирует. Есть пацаны молодые, у которых в двадцать меланин отключается. И ничего. А Тебе, Тихонов, седина идёт. Строгости всему облику добавляет. А ты же милиционер. Не артист из кукольного театра. Здоровый ты. И мышцы железные. Вон какие! Не продавишь. Иди, служи. Не переживай. Ешь больше шоколада, орехов. Крупу всякую. Лучше овсяную кашу. Можно бананы, но тут надо летать в Москву или в Ленинград. Дорого. Живи лучше так. Седина тебя не уродует.

Это было пару лет назад. Потом брат его, Сергей, монтажник-высотник, на вышках ЛЭП-530 варил из труб длинные штанги под верхние изоляторы.

И цепь страховочная порвалась. Разбился не на насмерть, но уже год ходит на костылях. Володя так переживал за братишку, что каштанового волоса осталось немного только на затылке. Ну, а когда мама Тихонова потеряла на базаре маленькую сумочку с последними её деньгами, духами «Крас-

ный мак», паспортом и свидетельством о расторжении брака с Володиным отцом – и затылок обесцветился. Мама потерю перенесла стойко, даже душой себя не обозвала, а вот сын расстроился, аппетит потерял и спал плохо почти неделю.

– Вова, девица ты сахарная, – погладил его по седой голове друг Шура Малович. – Ты что, дворником работаешь за шестьдесят рублей? У тебя, капитана милиции, знакомых нет в паспортном столе? Духи «Дзинтари» не можешь маме подарить? Они получше «Мака красного». И в ЗАГСЕ нам, милиции, кто откажет и повторно свидетельство о расторжении не нарисует? А зачем она его с собой носила – загадка. Женская причуда.

И через три дня сам Шура все документы восстановил. Причём принесли их прямо к нему в кабинет. Тихонов купил другу две бутылки пятизвёздочного «армянского» и успокоился. Но вообще такая чувственная натура не должна была привести его на работу в уголовный розыск. Куда-нибудь в другое место. В дом престарелых, скажем. Или в приют для детей, потерявших родителей. Но нет! Напротив. Ранимым и сострадательным он был только к своим или просто добрым людям. А вот уголовников, шпану, воров, убийц и прочих негодяев ненавидел люто, всех их считал выродками и всегда повторял Маловичу, что в правительство надо писать официальные прошения, чтобы никого из преступников не

сажать в тюрьмы, а только расстреливать.

– А если он убил случайно? Оборонялся. Или перевернулся на машине и остался живым, а пассажир помер? – хитро охлаждал ненависть Тихонова Александр Павлович.

– Ну... – на секунду терялся Володя. – А украсть случайно можно? Кошелёк в автобусе у тётки выгрести? Залезть в форточку и скоммуниздить у работяги деньги, которые он в шкафу между трусами и майками хранит? Тоже нечаянно залез в дом ханурик? А раздеть человека на улице под дулом обрезка и всё ценное забрать, тоже можно в целях самообороны? Может, их вместо тюрьмы в Сочи посылать, в санатории на семь лет? Нет, бляха, всех к стенке!

Вот такую противоречивую натуру имел друг Маловича Вова Тихонов, но Шуре нравились его сентиментальность и любовь к добру. А на стародавнее маниакальное желание Вовы переделать закон и расстреливать даже простых карманников Малович всё мечтал натравить одного знакомого психиатра, да всё времени не хватало. Крутились они, много полезного делали. Очищали жизнь от всякой мрази. Но на себя времени не было никогда.

Прибежал Тихонов в больницу и застал Маловича в его палате за партией игры в подкидного дурака с двумя соседя-

ми. Морда у него была розовой, а на бицепсе держался лейкопластырем широкий бинт. Из которого не просочилось ни капли крови.

– Шура! – обнял Тихонов друга. – Живой, мать твою!

Он уложил на его тумбочку колбасу, сыр пошехонский, банку виноградного сока и кулёк с халвой, без которой Малович жил безрадостно. Он имел при себе халву всегда. В столе кабинета, в портфеле, дома. И не брал её только на задержания.

– Допросил задержанного? – спросил Малович и тоже обнял друга.

– Нет же. Пока только пальчики его с «финака» в колонию отправляли. Нам привезли бумажку, что это Сугробин Константин Андреевич. Три ходки на зону. Все за убийства. Освобождался всегда досрочно за примерное поведение. Убивал четыре раза. Жену за измену. Кореша прямо в пивнухе за оскорбление, ну и двоих ювелиров в один день прикончил при разбойных нападениях на магазины с целью набрать килограмм золота и хоть горсть бриллиантов.

– Так у него как минимум две расстрельные статьи по «гоп-стопу», – очень удивился Александр Павлович. – Это ж

на какие в хрен собачий шиши он дорогих адвокатов заку-
пал? Не простой паренёк. Не сиротка беззащитная. Он чей-
то! Какой-то большой дядя у него ангелом хранителем ра-
ботает. С какой такой радости? Вот головоломка. Ну, а что-
нибудь вообще он тебе сказал?

– Да не может он, Шура, вообще разговаривать. И ещё де-
нёк-два не сможет, – Тихонов засмеялся. – Ты же его к сте-
не приложил со всей дури. У него три зуба осталось. Нос не
дышит. Переломан. И вообще – башка пока не включается.
Правда, я в камере его тоже маленько помял для пользы дела
и за тебя в отместку, извини уж. Как зовут его, он вспомнил.
Больше ничего. Но с ним Суханов, наш врач, работает. Через
день, то есть уже, выходит, завтра обещал привести хмыря в
форму, для допроса пригодную.

– Эх, жаль, что я сегодня на партийном собрании не вы-
ступлю, – улыбнулся Александр Павлович. – А мне всегда
начало собрания нравится. Всё так торжественно, как на по-
хоронах. «Поступило предложение по кандидатурам для вы-
бора в президиум собрания. Слово предоставляется лейте-
нанту Яковенко. Кто «за», кто «против», кто «воздержался»?
Единогласно!» Яковенко считывает с бумажки десять фами-
лий. «Прошу членов президиума занять свои места. Слово
для оглашения повестки дня нашего собрания имеет май-
ор Коробкин». Кто «за», кто «против», кто «воздержался»?

«Единоголасно!» Как прекрасно, мать же твою так – распратак! Поэзия высшего класса!

– Завтра выпишут тебя? – Тихонов уже чувствовал, что дрожь в теле гаснет. Вот сейчас и побриться бы получилось. – Завтра отдохнём у меня дома. Зину возьмёшь, Виталика. Отметим День космонавтики. Пусть другие, козлы, забыли, а мы-то помним, гордимся. Наша победа в космосе если и уступает победе в войне, то малость малую. Сколько тоже крови пролито на испытаниях. Никто просто не знает. Не говорят нам. А мы этот космос выстрадали. Как и войну.

– Ну, загнул ты, дорогой, – нежно потрепал его по седым кудрям Малович. – Да ладно. Тебе виднее. Ты чувствуешь. Я вот, например, просто знаю что-то, а ты всем нутром всё пережевываешь. На молекулярном, как сейчас стало модно говорить, уровне. Ладно, ты иди. Собрание скоро кончится. Скажи, чтобы Лысенко распорядился нам дать допросную комнату завтра в час дня. Меня в двенадцать после обхода выпишут. И мы с этим ухарем «за жизнь маленько побазарим».

– А шибко он тебя подрезал? – осторожно спросил Володя.

– Да кто б ему дал, чтобы шибко! – Малович был так

устроен, что никакую опасность не считал значительной. Может, на самом деле, может, форсу себе добавлял. Никто понять не мог. Даже жена. А она у него – ух, какая мудрая была в свои тридцать. Как семидесятилетняя бабушка, которая жизнь поняла и вширь, и вглубь. – Ремень вот, гад, малехо попортил. Он из трёх пластов кожаных. Так в первом дырку пробил.

Но это для такого ремня – тьфу! Как комарик укусил. Крови из руки, правда, много вытекло. Задел маленько артерию. Ну, так профессор мне долил крови сколько потерялось. Ничего, нормально. Мускулы крепкие. Для нас это главное. Ну, голова, конечно, временами тоже нужна. Так голову я и не подставляю даже случайно. Иди, Вова. Отдыхай. Всё хорошо. Завтра в допросной камере в час дня встречаемся. Будем колоть урку напополам до полной признанки про себя и своих «ангелов хранителей, да до глубокого раскаяния. А потом день космонавтики отметим.

В час дня свежий капитан Малович в отутюженной форме, пахнувший любимым одеколоном «Русский лес» и немного лекарствами из больничной палаты, сидел за столом в допросной и листал дело блатного Константина Сугробина, цокал языком и временами крепко выражался, но в полголоса. Тихонов дело вчера уже посмотрел и потому сидел рядом, делал из бумажного листа голубя. Ждали, когда конвой при-

ведёт задержанного.

– Лицом к стене! – сказали в коридоре.– Ноги расставил. Пошел.

Провернулся ключ и металлическая дверь открылась.

– Задержанный Сугробин доставлен, – доложил сержант. – Заводить?

– Нет, давай мы его до автобусной остановки проводим втроём. Чтобы никто не напал на мальчика. И пусть катается до посинения, – отозвался Александр Павлович. – Тащи его на скамейку.

– Разрешите присесть, гражданин начальник? – вежливо спросил Сугробин.

Тихонов кивнул на скамейку.

– Падай. Сядь удобней. Долго говорить будем.

– Да мне куда спешить? – прошепелявил Костя. – До вечерней баланды ещё семь часов.

– Так кого ты завалил, храбрый воин? – Малович подошел

к нему и сел рядом.

– Мля! Я за них отпарился. Оттянул на киче пару лет да на зоне четыре, – Сугробин вздохнул и плюнул на пол.

– Вон тряпка. Постели под ноги. Туда плюй. Или всю комнату отдраишь с мылом, – Тихонов показал пальцем на тряпку. Сугробин пошел и тряпку принёс, бросил перед ботинками.

– Костя, вот ты раньше убил четверых, а отсидел как за украденную в магазине бутылку водки, – Малович слегка толкнул его плечом. – Это как? Самый гуманный суд – советский? Так нет. Тебе дали в первый раз десятку. Вышел через два года. Второй срок – восемь лет. И опять ты через полтора года дома. Третий суд – опять червонец. И ты через пару лет гуляешь в парке, мороженое лопаешь, девок лапашешь на танцплощадке. У тебя родной папа – «кум» в «четвёрке»? Пять с половиной лет оттянул ты вместо двадцати восьми. Может научишь – чего надо делать, чтобы соскакать за хорошее поведение? Мы тоже люди. Можем тоже отчудить чего-то. И – в «Белый лебедь!» Так какое поведение на зоне хорошее? За что раньше срока выпускают? Окурки под шконку не скидываешь или вертухаев заточкой не протыкаешь?

– А я хрен его знает, – засмутился урка. – Мне «кум» говорит, что я или вдруг под амнистию иду, а то за примерное поведение волю дают. Мне чё, отказываться?

– Понятно, – хмыкнул Александр Павлович. – А вот я тебя в шестьдесят седьмом на базаре по «гоп-стопу» следакам сдал. Ты помнишь. Года на три ты шел. Но тебя, бляха, вообще фактически оправдали. Полгода условно. Вот в деле написано. Может, Леонид Ильич за тебя попросил? Ты не родственник Брежневу?

– Чё вы всё шутите? – Костя сделал вид, что обиделся. – Говорю же – маза мне какая-то прёт. А почему – сам не понимаю. Точняк! Везучий, значит.

– Ну, ладно, – подошел к нему Тихонов. – Я вот тебя сейчас поведу сам в свой кабинет. На опознание. Тебя официантка из кафе «Спутник» с каким-то фраером видела. В окно. Вот её заявление. Она – свидетель. Вы за углом зарезали двоих мужиков. А это, Костя, были мужики с нашего быткомбината. Они экспедиторами работали в цехе пластмассы, где отливают строительные каски. Как раз в этот день их и убили. Показать заявление? Она чётко утверждает, что узнает, если увидит. И она уже едет сюда. Было это убийство четырнадцатого октября прошлого года.

Малович достал из папки какую-то бумажку, исписанную сверху до низу. Помахал ей издали и обратно спрятал.

– Но ты прикинь, Сугробин. Вот веду я тебя, – продолжил Володя без выражения. – А ты – раз! И как будто рванул к выходу. Чтобы сбежать. А я тебя из «макара» завалил тремя пулями в голову и в спину с левой стороны, где сердце. При попытке к бегству. Мне медаль дадут. Пошли, что ли? И он крикнул: – Конвойный, открывай дверь.

– Да подожди, Владимир Иванович, – Александр наклонился к лицу Сугробина. – Организовать попытку к бегству – раз плюнуть. Ему и бегать не придётся. Напишем в рапорте, что пытался сбежать и всё. Кто проверять будет? Был бы человек. А то – шнифт, вошь зоновская. Кому он нужен – заступаться за него?

– А в папке ещё одно свидетельское есть, – Малович пошел к столу. – Это житель дома напротив. Он со второго этажа, с кухни всё видел. Мы же опрос на месте преступления делали. Это обязательно. Без опроса населения у нас и рапорты не принимают. Я тебе про свидетелей говорю спокойно, не боюсь за них. Потому, что ты, скорее всего, ляжешь при попытке к бегству. А кореш твой, с которым убивали, наложит в штаны когда узнает да свалит отсюда подальше.

– Не. Не надо при попытке к бегству. Я лучше отмотаю десятку на зоне. Есть же разница – в гробу гнить или за проволочкой, – Сугробин зажал голову ладонями.

– Ну, тут имеем мы с тобой два варианта, – Александр Павлович сел за стол. – Поскольку убийств, связанных недавно в одно дело, потому, что все они концами ведут на фабрику «Большевичка», шесть, то ты можешь взять их на себя все. Тебя же все равно под расстрельную не подведут. Кто-то не даст. Ну, вытаскивали же тебя с зоны всегда. Ангел-хранитель есть. Чего бояться? Да и нам работы меньше в пять раз. Второй вариант: ты тянешь за собой кореша, с которым «цеховиков» резали и мы вам пишем только одно убийство двух лиц как финал бытовой ссоры. Пять лет. Отсидите год при твоих ангелах. А назовёшь самих ангелов, напишем обоим явку с повинной и содействие нашей работе. Это вообще всего три года. Бытовуха же. Вынут вас через шесть месяцев. А, Костя? Как?

– Ладно, не надо очную ставку. Сам признанку напишу. Но вы в деле исправьте, будто я точняк с повинной пришел. И сотрудничаю с милицией. А то не будет полной признанки и Штыря я вам не сдам, подельника, – Костя Сугробин выдохнул и плюнул на тряпку.

Малович очень не любил, когда подозреваемый сразу на-

бивался в помощники. Не потому, что ловил мазохистский кайф и предпочитал помучиться, неделями вылавливать обрывки показаний, собирать их как разбитую чашку и потом с упорством вороны, строящей гнездо, прикладывать подходящие обломки, чтобы, пропотев и потеряв в весе, склеить их и возрадоваться как пацан, впервые самостоятельно собравший из алюминиевых пластинок конструктора нечто, напоминающее автомобиль. Натура его требовала победы, но добытой в борьбе, в бою.

Он любил умно перехитрить подозреваемого, который сначала врёт нагло, а потом, под напором ума-разума оперативника спотыкается и в итоге упирается лбом в тупик лабиринта, из которого мечтал и пытался с умом выскочить, но Малович из тупика его уже не выпускал. Да только такие попадались редко. Разбойники да убийцы в основной массе умом не удивляли. Пытались обдурить оперативников и следователей, но почти ни у кого это не получалось.

Александр Павлович сам имел крутой, «железный» характер, но вдобавок организовывал себе ещё и всякие испытания, чтобы их выдержать. Если выдержал раз, да ещё раз, то этот факт у Маловича отпечатывался и в мозге, и в каждой клетке организма. Он прыгал с крыш двух или трёхэтажных домов и не получал даже ушибов. Потому как сначала читал книги по физике, механике, учебники для тренировок бор-

цов, гимнастов, акробатов и штангистов. Он обжигал голое тело факелом, смоченным в керосине и не получал ожогов.

Тихонов кидал с высоты второго этажа в тело раздетого до трусов друга ножи разных размеров, которые от тела отскакивали, валялись вбок, но не оставляли даже царапин. Александр срывал камышовый стебель, прочищал его изнутри проволокой, а потом нырял, прятался под водой, а когда воздух в лёгких уходил, он высовывал над гладью водной кончик камыша и дышал через трубку.

Это, конечно, не все упражнения, которыми он готовил дух и тело к самому опасному и трудному, которое у оперативника уголовного розыска, «легавого» и «волчины позорного», всегда, каждый день ходило рядом. Поймать и надеть на преступника» браслеты» только в кино получается чуть ли ни двумя движениями. В жизни многие бандиты – это те же «волки», звери без признаков благородства и честности, некоторые очень хорошо подготовлены физически. Таких «пеленают» втроём. И то – если повезёт.

У Маловича была ещё одна «странность». За неё от начальства он получал выговоры и даже под домашним арестом раза три прокисал по десять дней. Но всё равно делал потом по-своему.

На задержание он никогда не брал оружие. Как ни мате-

рил его полковник Лысенко, как ни уговаривал и не пытался разжалобить Шуру тем, что полковнику, милиции и семье он нужен живым, Малович отвечал одинаково:

– Если взял пистолет – надо стрелять. Иначе он зачем? Пугать? Вот, мол, у меня «макар» в кобуре. Сдавайся, гад. Только начинающего щипача испугать можно «пушкой». Убийцу или ещё кого надо брать умом. Ну, ещё ловкостью, хитростью и своей силой. А не силой пули. И живого-здорового судить. На киче ему всё поломают, если он того стоит. По ногам стрелять – лично для меня как сыщика, «волчины», стыд-позор. Давайте их не будем ловить и судить, а начнём убивать напрочь из табельного к едреней фене. И преступника нет, и ты молодец. А пуля – она ж дура. Какой с неё спрос? Прострелить ногу и связать потом – дурак сумеет. Лично я дураком смотреться желания не имею.

Гадский был характер у Александра Павловича. Но он был один в большой области, кто лично взял поболее пятьсот убийц без пистолета, лома или сабли, хотя был потомственным уральским казаком. А сколько разной шпаны приволок в милицию! Хулиганов с ножами, разбойников с обрезам, пьяных идиотов с охотничьими ружьями. И никогда, ни разу, даже начальнику своему или жене Зине не описывал в красках задержания. Просто привозил в люльке задержанного и дежурному говорил.

– Новенького оформляй. Убивец. Или, например, грабитель с «гоп-стопа».

– На тебя писать? Как всегда один работал?

Малович кивал и шел к начальству с двумя словами.

– Взял поганца.

Тихонов иногда ездил с ним. Но чаще всего на «готовенького», разве только наручники нацеплял и в люльку укладывал. А в одиночку Шура Малович ловил и троих, да один раз даже целую банду взял из восьми ухарей. Без пистолета. Когда его хвалили на разводах и собраниях, он краснел и отбrehивался.

– Не, ну чего вы!?! Ну, получилось нечаянно. Повезло. Каждому может пофартить.

Однако, когда выпивали со старшим братом Борей и с отцом Панькой, язык его иногда развязывался. И он живописно рассказывал, как перехитрил убийцу, опасного как тигр без клетки. Но родственники не млели, по голове не гладили, хотя слушали с интересом и наливали следующий стакан с удовольствием.

– Ладно, Сугробин Константин, – Малович снова сел с убийцей рядом на скамью. – Пишу тебе явку, содействие нам и шепну следаку, чтобы статью тебе нарисовал из серии бытовых разборок на почве личной неприязни. Все шесть убийств на вас не вешаю со Штырём. Только это одно, возле кафе. Одного ты замочил, другого Штырь. Слово офицера. Крепче не бывает.

Убитых вы и раньше знали. В цех часто ходили, пили вместе не раз. Ну, а тут, блин, поссорились в кафе, потом подрались. Пьяные были, ничего толком не помнишь.

Но! Слушай сюда. Эта сказка пройдёт только тогда, когда Штырь будет вот тут сидеть. А ты мне называешь того дядю, который сказал, чтобы экспедиторов порешили. Как его имя, фамилия, где сидит и где живёт. И ещё сдаёшь нам того дядю, который тебя каждый раз с зоны раньше срока вытаскивает.

Костя плюнул на тряпку и попросил.

– Курить дайте.

Малович не курил, а Тихонов дал сигарету и спички. Сугробин молча сосал сигарету минут десять. Потом тихо и тоскливо сказал.

– Штыря берите хоть сейчас. Я его за ворота выведу на «малине», а вы нас двоих вяжете. Он не знает, где я. Думает, что у Ленки, у шмары моей. А насчёт дядек больших дайте сутки подумать. Это надо так прикинуть, чтобы они на меня не подумали. А то триндец и мне, и Штырю. Пойдёт такой расклад? Но учтите. Сейчас поедем за Штырём, так у него в штаны всегда обрез заткнут. Если успеет, может шмальнуть. Дробь там на кабана. Шрапнель.

Через пять минут «мусора» переоделись в «гражданку», все погрузились в «Запорожец» и двинули к малине. Посто-яли недолго и Костя пошел во двор. Скоро из калитки вышел он с большим высоким парнем в брезентовой тонкой курт-ке и штанах каменщика с кожаными заплатами на коленях. Куртка была расстёгнута и рукоятка обреза торчала почти до груди.

– Ну, пошел я, – хлопнул Тихонова по плечу Александр Павлович. Мотор не глуши.

И открыл дверь.

5. Глава пятая

Шел капитан Малович вдоль дворов по протоптанной в траве дорожке, останавливался, поправлял что-то на туфле. Шнурок, наверное. Сугробин и Штырь громко спорили по поводу «марафета». Штырь возмущался, что у Генки Лося «дурь, разбодяжена соломой, и покупать «план» лучше у Дикобраза. Гашиш у него чуток дороже, но чистый, без туфты. А Костя при нём закурил «косяк» и дал попробовать корешу. Тот затынулся и похвалил.

– Во, мля! Это марафет душевный. Дикобраз не баклан, не арапит людей, честный фраер. И тебе базарю, что у него «план» любому в мазу.

– Вот я тебя, Штырь и «зачалил». Это как раз Генки Лося гашиш. А ты «пыжик» со стажем. Лет десять уже шабишь, точняк, и колёса жрёшь, а прокололся. Не отличил. Так Лося, гля, за косяк ты «овса» башляешь не как миллионер, а почти в два раза дешевле, чем Дикобразу.

– Мужики, – подошел к ним Александр Павлович. – А сорок второй дом где? Тут сороковой, потом сразу сорок четвёртый.

– А он между ними во дворе. Через забор видно. Тебе Людку, что ли? – Штырь показал пальцем. – Ты вон туда иди и крикни. Если дома, сама вывалит. А нету, так отец. Ну, кто-нибудь да выглянет.

Вот когда он пальцем показывал, то руку поднял и край курточки сдвинулся, и приподнялся. Малович быстро и свободно выдернул у него из-за пояса обрез и отошел на шаг. Урка даже пошевелиться не успел.

– Сейчас, ребята, тихо, неторопливо идём вон в тот «Запорожец». Но сначала надеваем браслетики. Сами. Слуг вам не прислали, потому как масть у вас – гопники обычные, а слуг мы берём только на «законников».

– Мусорок? – удивился Штырь. – А с виду приличный спортсмен-амбал.

Малович передал Косте пару наручников, тот их нацепил сначала Штырю, потом себе.

– А чё за движуха у вас? Шмон плановый? – спросил Штырь. – Мы с корешем Сугробом не жиганы. Так, урки, щипачи мелкие. Да на «бану», бывает, «савойки» тырим у тёток, да «сидоры» у мужиков. Не центровые, короче. Чего

нас ломать? За «шмаль»? Так мы не продаём, сами курим. Чего надо-то, начальник?

– Паспорта есть? – капитан держал два дула обреза на уровне груди Штыря. – Крикните своим, чтобы притащили.

Костя позвал какого-то Боба. Вышел маленький толстый мужичок лет сорока.

– Там в схроне паспорта наши. Притарань мухой.

Малович через минуту изучил паспорта. Судимости были внесены.

– А чего тебя, Дима Устиненко, из Ужгорода сюда принесло? А тебя, Сугробин, аж из Вологды?

– Так сидели тут. В «четвёрке» вашей. Откинулись, да и остались. Здесь тоже лафа. – Улыбнулся Дима-Штырь.

– Щипачи, значит? – засмеялся Малович. – А обрез щипачу на какую надобность? Или ты, конечно, его час назад нашёл на дороге и хотел нам отнести как честный гражданин?

– Вот! Так оно именно и есть! – подхватил мысль Дима.

– Ну, раз уж не успел сам принести, то я его изымаю, как твой собственный незарегистрированный. Ношение и хранение совершенно нелегального незарегистрированного огнестрельного оружия, – усмехнулся Малович. – Статья такая есть. Год мотать, и то если от стволов твоих экспертиза следов не найдёт нигде.

Надо всё быстро делать, Дима. Нашел и бегом к нам. Даже в сортир не заходи. Торопись сдать опасную находку. Ладно, пошли в машину. Мы по другой теме. Поболтать надо. Вы должны эту тему знать по-моему. Если по теме говоришь дело, Дима, то я, считай, обреза твоего не видел. Сдам его на склад вещдоков, будто сам нашел в парке. Пойдет?

– Годится, – ответил Штырь.

Допрашивали их в разных комнатах. Тихонов доканывал Штыря. А Александр Павлович продолжал душевный разговор с Сугробиным.

– Век воли не видать, мы завалили только двоих, – Костя тёр ладонями красные щёки. Нервничал. – Четыре других «жмура» – это, клянусь, не наша работа. Можете зря время не тратить, чтобы нас на чужих «жмуриках» там отловить. Арапа не гоню. Честно базарю. А насчёт дядьки большого, нашего, так это очень серьёзный «мухомор». Не шнырь сре-

ди начальства. Бугор. Дядька наш, как вы, гражданин начальник, сказали, – ангелок. Я его тебе назову. Сдам. Но под прежний уговор. Обоим – признанка и явка с повинной, полное содействие и ксива следакам, чтоб статья была не дикая.

– Сто первая будет. Я же обещал, если всё сделаешь, что мне требуется. -Малович тихо шлёпнул ладонью по столу. – «Убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, аффекта, вызванного насилем, издевательством или тяжким оскорблением, либо иными противозаконными или аморальными действиями потерпевшего».

Они Вас оскорбляли, унижали, драку первыми начали. И заточки с ножами вы у них отобрали. Так было? Значит, бытовуха на почве обоюдной неприязни. Статья сто один.

– По-человечески спасибо, – ответил Костя с готовностью. – А дядя – волшебник, который нас всегда прикрывал, платил за «мокрое» и с кичи выдёргивал, и который этих пацанов зарезать приказал – это Камалов.

– Подожди. Хрень порешь! Это же не первое убийство ваше? «Всегда прикрывал и платил за «мокрое», – разозлился Александр. – Камалов – это третий секретарь горкома партии Кустанайского. Он что, тоже «теневого миллионер»?

– Да, он у них пахан, у подпольщиков. А убийства у нас были. В деле написано. Но мы за них отсидели. Они к цехам – никаким боком. Просто Камалов нас прикрывал. «Кум» просил. Мы ему по мелочёвке нужны всегда. Ну, нас раньше и выпускали. Камалов помогал. Кто ещё? Он тут почти бог. Он и за этих, из пластмассового цеха, заплатил нам через хозяина зоны. А прикрывал по пустякам всяким, – выдохнул Сугробин. – Вот это он всю кофлу, которая от швейной фабрики шустрит, содержит, и ей командует.

Он все семь цехов организовал. Под ним все ходят. Всем платит. Дирекция фабрики швейной у него вся в ширинке и на молнию застёгнута. Про остальные подземельные цеха не знаю ничего. Но от фабрики семь штук подпольных заводиков падут на него. И в горкоме, зуб даю, никто про его «левые» дела не знает.

Половину прибыли берёт. Правда, не уверен, что и остальные убийства сотворить приказал лично Камалов. В случае с нашими жертвами сам вроде приказал потому, что КГБ готовилось вступить в расследование. На сырье ворованном каски лили. А где воруют, никто кроме тех экспедиторов не знал. Могло быть и так, что и на заводе искусственного волокна в Кустанае.

Камалов – туз козырный. Но у него в подмётках, в «съяв-

ках» ходят «короли» всех мастей. Русанов, зам главбуха фабрики. Тот ещё ублюдок. Хотя пятьдесят процентов левого бабла идут Камалову, эти хмыри тоже делят по ранжиру. Хватает всем. Второй Русанов у них. Потом Хабибуллин. Директор универмага. Там отделов для шитья навалом. Ещё есть Самойленко. Зам. директора Горпромторга. И один, извините, ваш. Из «мусарни». Из главного управления. Зам начальника городского ОБХСС – Варфаломеев. Ну, и последний – Зимин. Начальник железнодорожного узла «Кустанай – сортировочный».

– Вот кто тебе такую дурь пропорол? – Александр взял аккуратно Сугробина за грудки. – Может, сам Камалов чай с тобой хлебал и кололся по-братски? Или Русанов с Варфаломеевым в кафушке под водочку? Ну, ты, Костя, трепло, бляха!

– Да век воли не видать! Зуб даю! Точняк говорю.

– Толку нам с них? – пожал плечами Малович. – У нас нет ни права, ни повода их допрашивать. Пошлют они нас и правильно сделают. Мы не экономисты. «Управление по расследования убийств и особо тяжких преступлений против личности». Они ж не расскажут нам со слезами на глазах или в рыданиях, что платили вашим бандюганам именно за убийства. И убийц не назовут. Зачем им ещё одна петля на шее?

Первую они уже повесили себе когда замутили государству в карман нырнуть. Она, петелька, затянется рано или поздно.

А так, не наше ведь это дело – подпольные цеха арестовывать. Мы – «угро». А подпольные цеха – это работа для ОБХСС, КГБ, Народного контроля. Вот пусть работают. Нам от твоих знаний – кто там у них главный на «левом» производстве и кто «пахан» – ноль пользы. Кто на убийц наведёт? Вы сможете? Побойтесь своих же сдавать? Конечно, будем сами искать. Но вот ты откуда всё знаешь про цеха и «королей» с тузами»? – спросил Александр Павлович, глядя Сугробину в глаза, в которых было видно, что он не врёт и не выдумывает на ходу.

– Да мне бы их всех откуда знать? Про Камалова блатной один, бывший зек сказал. «Тесак» погоняло. От «кума» узнал. «Тесак» с главным вертухаем водку хлещут и девок в баню возят в Затоболовку. Проболтался, видно, «кум» под градусами... – Сугробин сорвался на крик. – Я ж сам не в горкоме работаю. Вот Камалов нас со Штырём выбрал лично. Тот же блатной «Тесак» нам и говорил. Бухали мы у «Тесака» дома. Он рядом с «малиной» живёт. Работает электриком на базаре.

Через «кума» зоны он узнал. Зачем ему нам фуффло кидать? Вроде как «кум» лично нас хозяину рекомендовал.

Вот. Так он вызвал нас, «кум», и сказал, что завтра в парке в десять утра возле тира встретитесь, мол, с человеком. Он всё скажет, что надо делать. Ну, а мы, мол, надёжно исполним. И пригрозил, чтобы мы не обломились. А то накажет.

Причём Камалов вроде не сам «кума» просил, а через кого-то из тех, кого я называл. А других «мокрушников» тоже его «шестёрки» находили. Через «кума» или блатных «паханов». Точняк. Ну, мы встретились. А Камалов это приходил или человек его – откуда нам знать? Мы его сроду не видели. Как и все почти, кто в городе живёт. Секретарь же. Шишка. Не хрен собачий. Закрытая от народа фигура, блин.

Но остальные «мокрушники» тоже все наши пацаны. Точняк. Все отсидели в «четвёрке» и хозяин колонии самых дерзких и жадных запомнил. Знает, где живут. Чуть что – переодевает солдатика в гражданское и посылает его к кому-то, к себе его приглашает.

У него они всё решают и сумму за работу назначают. Мы свою тысячу на двоих тоже у него получали. «Кум» мог бы убийц всех сдать. Но тогда и ему не жить. Грохнут камаловские «связки». Хотя подкатиться к нему можно. Он выпить любит и баб. Подумайте, как и чего... А мы тоже не можем прийти в шалман, где все кентуются и опрос устроить, кто остальных грохнул. Засмеют и всё...

– Подумаем сами, а как же! Другого пока нет варианта. На. Пиши, – Александр подвинул Косте бумагу и ручку подкатил к пальцам. – Эту бумагу кроме меня, капитана Тихонова, он сейчас Штыря допрашивает, и начальника управления уголовки полковника Лысенко, никто не увидит. Слово офицера. А вас судить будут по явке с повинной. Свидетелей не привлекаем. Прокурор срок даст маленький, судья в приговор внесёт. Расследования ведь не было. Вы сами пришли и раскаялись. Так?

– Ну, да, – замялся Сугробин. – Я напишу про всех кроме секретаря горкома. Если его назову, то нам хоть по признанке, хоть по явке с повинной на зоне – вилы. Может, задушат. Или со шконки уронят. А то и сердечный приступ сделают. Ну, как Камалов «куму» скажет. Есть там и отравы, яд какой-то. Через сутки ласты склеиваешь. А «кум», сам понимаешь, поставщик «мокрушников», значит в доле тоже. И секретарь ему приказать может всё, кроме как самому застрелиться. Другие когда надо сделают.

– У, как серьёзно всё поставлено, – Малович стал ходить по камере. – Так ты мне все точки назвал, где «цеховики» дела делают. Но без адресов. А что они изготавливают?

– Спецодежду, – засмеялся Костя Сугробин. – Самое ходо-

вое. Стройки забирают, больницы, формы таксистам шьют, автобусникам, железнодорожникам, даже в армию, в наши Кустанайские части форму клепают и бушлаты тёплые на зиму. Шинели точняк не делают. Но и этого ассортимента хватает. Ворованное всё сырьё. Всё потому влёт и уходит по дешевке. Официально покупать – вдвое дороже. Спецодежда изнашивается быстро. А клеймо пришивают – «Изготовлено на фабрике «Большевичка» г. Кустанай». Короче, не подкапашься. Всё сперва и в конце через склад фабрики официально пропускают. Адреса по номерам домов я точняк не знаю, но как найти, могу нарисовать.

– Так рисуй. Вот ещё тебе лист, – Александр Павлович дал листок и закрыл глаза. Задумался. Молчал. – Во всю эту яму вдвоём с Володей прыгать нельзя. И могилки от нас не останутся. Производство будем валить с Комитетом. А вот по убийствам знаем мало. Только тех, кто приказать в принципе мог. А в том же принципе это мог быть не Самойленко, а Хабибуллин. А, может, Русанов. Нет. Нам надо самих исполнителей искать. А это, бляха, проблема. С Сугробиным и Штырём просто повезло. А насчёт остальных... Сколько их? Может, каждый по одному грохнул. А, может, один – всех по очереди. Да...

– Ладно, Костя. Всё на сегодня. Иди в камеру, – он крикнул конвой и Сугробина увели.

С Вовой Тихоновым Малович встретился в кабинете. Информация у обоих была одинаковая. Тихонов меру наказания Штырю пересказал так же, как Александр попросил. Урке как и Косте этот вариант понравился и он тоже сдал всех, кроме Камалова и конкретных убийц. Не написал. Сказал, что их не знает. Да и пожить ещё не хило. Рано ещё на два метра под грунт.

– Но этого быть не может, – горячился Тихонов. – Блатные со своими всегда делятся. Кого, когда и как. Для форса бандитского. Это мы с тобой не можем их раскатать. А блатные сами себе сроков не дают и под «вышку» не подводят.

– Давай по домам. Думать будем по отдельности. А завтра вместе. Может, и полковника подключим. Но следакам пацанов не отдадим, пока хоть пару убийц не назовут. А они всех их точно знают. Будем колоть до седьмого пота, – вздохнул Малович.

Был конец дня двенадцатого апреля. В городе не слышно стало гармоней и баянов, как десять лет назад, но пьяных по главной улице и в парке гуляло много. Проспект Ленина, гордо переименованный два года назад из узкой улицы, утыканной сверху города вниз, от вокзала до Тобола, ясенями, тополями, берёзами, соснами и елями да разными видами

акации, был с обеих сторон дороги украшен плакатами, фанерной серебристой ракетой, направленной носом в космос. На плакатах написали лозунги, прославляющие страну, завоевавшую космос, и поместили большие фотографии всех космонавтов, летавших до семидесятого года.

– Слышь, Шура, а ты кого кроме Гагарина, Титова, Николаева, Терешковой, Поповича и Быковского помнишь? – удивлённо спросил Тихонов. – Я, блин, никого больше. Охренеть! Космонавтов, героев не помню всех! Позорник!

– Двадцать два человека уже, Вова, летало. Последнего помню. В прошлом году, в июне, Севастьянов летал. Виталий. А в шестьдесят пятом Леонов Алексей. Запомнил как-то. Остальных знаю, как и ты. Столько же. В обычное дело превращаются подвиги. В работу. Вот то, что мы делаем, не подвиги же? Нет. Работа. А когда уголовный сыск только придумали, первые оперативники подвиги совершали. Никто до них так не умел.

– Может-таки выпьем за подвиги космонавтов по соточке? – предложил не назойливо Тихонов.

Они зашли в кафе «Колос», самое уютное в центре города, и просидели там до десяти вечера. Чокались с незнакомыми, которые тоже праздновали день космонавтики. Людей

набралось много. Пели песни « Я верю, друзья, караваны ракет помчат нас... » и « Знаете, каким он парнем был! » Орала все на пределе голосовых связок, громко били стаканами об стаканы, кричали – «Космонавтам – ура!» и так много курили, что в десять часов, задолго до закрытия кафе некурящий Шура обалдел и вытащил друга на улицу. Они купили возле парка двенадцать гвоздик в киоске «цветы» и с любовью разложили их перед плакатом с фотографией Гагарина.

– Честь имею! – сказали оба и разошлись по домам.

– Саша! – попросила Зина после ужина. – Ты мне утюг сделай. Завтра у Виталика общегородской слёт юных техников. Я всё ему постирала, а утюг не нагревается. Витальке боюсь давать, хоть он и техник. Ещё шархнет током.

– Виталья, утюг тащи, – крикнул Александр Павлович. – И рядом садись. Смотри внимательно.

Он разобрал прибор и сразу увидел, что спираль, которая от минуса идет, сгорела. Пошел во двор с фонариком и в сарае нашел проволоку такого же сечения. Принёс в дом и на целой спирали посчитал витки.

– Одиннадцать витков Виталик. Нужно накрутить столько же и такого же диаметра. Тогда сопротивление будет одина-

ковое и всё заработает. Дошло?

-Угу, – кивнул немногословный сын.

Малович притащил из своей комнаты пять карандашей разной толщины и три авторучки. Каждый сунул в целую спираль.

– Вот на этот карандаш будем наматывать.

– Дай я сам попробую, – попросил сын так жалобно, что Шура подумал чуток и отдал ему проволоку с карандашом.

– Туго наматывай и расстояние между витками пусть будет половина сантиметра. На целую спираль гляди.

Виталик пыхтел. Подносил карандаш с витками к несгоревшей спирали, даже на свет глядел и в конце принёс линейку, замерил расстояние между кольцами. Получилось правильно.

– Ну, теперь по длине сделай спирали одинаковыми, – Малович улыбался. – Обычными ножницами отрежь и под болты вставляй. Вот отвёртка. Прикручивай, когда отрежешь.

Ещё минут через двадцать Виталик затянул последний винт на корпусе и воткнул вилку в розетку. Утюг быстро на-

грелся.

– Зин! – крикнул Малович. – Сын отремонтировал. Я только проволоку нашел. Так что, если меня шлёпнут на задании, мастер у тебя дома есть. Он и остальное научится ремонтировать. Да, сын?

– Ну, – кивнул Виталик. – Нас же в кружке техническом тоже учат. Правда, ты лучше объясняешь.

Позвонил Тихонов.

– Я придумал! – закричал он нервно. – Мы про Иванова забыли. Надо не допрашивать его, а по-хорошему за рюмочкой потолковать. Он почти всех знает. Может и тех, кто остальных убил. Или кто приказал. А будем знать его, то и где искать убийцу из него выйдем. А?

– А он где, Иванов? – насторожился Александр Павлович.

– Так я его два дня назад домой отпустил. Следствию он не нужен. Справку судмедэкспертизы с его паранойей я следаку передал. Он дело закрыл.

– Адрес Иванова знаешь? – закричал Малович. – Быстро на мотоцикл и к нему. И я выезжаю.

– Ты хоть ночевать приедешь? – Зина села на стул перед дверью. – Вот дал бог работёнку тебе. Вот почему милиционеры часто с женами разводятся.

– Что, тоже хочешь? – серьёзно спросил муж.

– Да ещё чего?! – засмеялась Зина. – Побегашь ещё пару лет, а там повесят тебе две больших звезды и сядешь в кресло Лысенко для начала. Будешь работать с восьми до пяти. А потом и повыше потянут. Ты ж уникал. А я подожду. У меня самой в больнице – не сахар. Кровь, гной, кишки, вывернутые наружу. Хирургам всяких привозят. Ладно, езжай.

Подлетели Шура с Володей к дому Иванова одновременно. Тишина вокруг застыла такая, будто на окраину города набросили сверху огромную пуховую подушку. Даже собаки лаяли так, будто во рту у каждой было по кляпу.

– Свет не горит, – прошептал Тихонов. – Побежали.

Крупный как слонёнок Иванов лежал на середине комнаты лицом вниз. Руки он вытянул вперед. В правой была зажата ножка от табуретки. Сама синяя табуретка, разбитая в щепки, заполнила частями всю комнату. Тело утонуло в луже крови, которая уже начала сворачиваться.

– Вот же, падла! – неизвестно о ком выразился Александр. – Эх ты ж, мля!

Нельзя, Вова, было его отпускать. Сидел бы ещё месяц-два у нас, мог пожить ещё. Та же картина серии убийств. Он ведь из команды ихней. Через него весь учёт всего шел. «Левого и правого». Где теперь искать «чёрную» бухгалтерию?

– Это его те же люди убили. – Шепотом сказал Тихонов. – И приговорили те же, кто и остальных приказал убрать. Надо на «малинах» шмон как бы плановый делать и высматривать раненых. Иванов об кого-то табуретку в ключья разнёс.

– Звони нашим. Пусть на труп выезжают. Адрес – Чкалова, тридцать шесть. А насчёт шмона – дельная мысль. В больницу раненый не пойдёт. Значит, может засветиться «на хазе».

Малович сел на порог. Обнял голову руками и стал раскачиваться вперёд-назад. Они дождались судмедэкспертов и труповозку. Потом поехали каждый к себе. С Тихоновым Александр Павловичу говорить не хотелось.

Он ехал медленно и думал. У него впервые за много лет мелькнула странная мысль, которая ещё ни разу не трогала его голову. Мысль была о том, что оставшиеся пять убийств

он никогда не раскроет.

Тут всё смешалось в такую крутую кашу, что в горячем виде её не съешь, а когда она остынет – черт её знает. Не было ни единой нитки, за которую можно было потянуть, чтобы размотать весь клубок. Он остановил мотоцикл за квартал от дома. Уронил голову на руль и начал снова по зёрнышку выклёвывать из мозга все нюансы, детали, слова чужие, на которые сразу не обратил внимания. И через полчаса вспомнил. Иванов говорил, что знает, кто застрелил экспедитора «спецторга», который снабжал цеха современными зарубежными приборами, устройствами и оборудованием.

И что фамилию стрелка он записал на память и всякий случай как экспедитора, чтобы не было подозрений, в реестр по приёму насадок для швейных машин, которые делают вышивку по разложенному на ткань трафарету. В том же месте он хранил и «закрытые» данные о подлинных поступлениях сырья и передаче готовой продукции. Но где он их прятал? Надо думать.

Малович приехал домой, лёг одетым на диван, Зина укрыла его шерстяным пледом. Она ничего не спрашивала. Она всё считала с лица мужа.

– Да. Это единственный путь, по которому можно потом

дальше двигать дело, – это была последняя мысль. Он уснул и сразу же увидел сон, в котором здоровенный преступник с ружьём прятался за деревом. Тихонов его отвлекал дурацкими командами типа «брось оружие», а сам Малович уже подбирался к стрелку сзади.

– Ты чего так кричишь? – разбудила его Зина. – Кошмар приснился? Дать валерьянки?

– Я их всё равно поймаю, – прошептал Александр Павлович. – Завтра я найду тайник Иванова и потом всех поймаю.

– Да, конечно, поймаешь, – жена подложила на валик дивана подушку. – Когда такое было, чтобы ты, да не поймал преступника?

Малович снова задремал, вспоминая попутно, что ведь и вправду никогда ещё такого не было, чтобы он бандита не «приземлил».

– Ну, так и начинать обломы не фиг! – сказал он вслух и утонул в мире снов. На этот раз добрых и светлых.

6. Глава шестая

В семь утра Маловича пыталась разбудить Зина. Но не получалось у неё. Шура отворачивался, совал голову под подушку и даже одеяло стянул с ног, на изголовье накинул. Жена спешила на работу. На восемь операция была назначена. Поэтому рванула левой рукой одеяло, правой подушку и за две минуты Александр Павлович замёрз. Топить в этом, на редкость тёплом апреле, перестали неделю назад.

– Полковник на телефоне тебя ждёт. Не хочешь с начальством говорить, тогда я горжусь! Смелый и по-хорошему наглый у меня мужик. Какой там ещё полковник! Тьфу!

Жена пару раз стукнула Шуру по прохладным трусам и ушла в больницу.

Александр Павлович в полусне пошарил вокруг себя руками, но не наткнулся, ни на подушку, ни на одеяло. Вставать он не хотел настолько, что был бы йогом, которые умели в нужный момент сердце остановить и «дать дуба», то помер бы к чертям собачьим, лишь бы не видеть Лысенко, Тихонова, всё управление «угро» и разных злодеев. Бандитов, убийц, разбойников.

Он хотел жить в лесной избушке за родной Владимировкой. Сам бы собрал её из брёвен, выкопал бы и поставил колодец «журавлик» и возможность мог иметь босиком в прохладе росы неограниченно гулять по лесу, собирать подберёзовики, подосиновики и чувствовать ласковые запахи лесных цветов, берёз, сосен и осин с вишарником, петляющим между их стволами.

Он желал каждый день сидеть в узком промежутке между камышом на белом песчаном берегу озера Коровье в этом же лесочке, ловить маленьких окуньков на удочку с поплавком из гусяного пера и отпускать их обратно. Мечтал Шура побегать наперегонки с зайцем, который хоть и не был мастером спорта как Александр, но скакал шустрее. И каждый весенний, летний и осенний день стал бы Шура Малович приносить жене Зинаиде полевые цветы с многочисленных лужаек. Неохватные руками букеты. Существовать в счастье представлялось ему именно так.

Но, поскольку Шура до одури любил жену Зину и сына Виталика, двоих братьев, трёх сестёр и бату Паньку, Павла Ивановича, с мамой Ефросиньей, то искренне обрадовался тому, что он не йог и по собственному желанию сгинуть с этого света на тот не может. А полковники сегодня есть, а завтра он, возможно, сам шесть больших звезд воткнёт в погоны. Не сомневался Александр Павлович. Заслуг у него бы-

ло уже вообще на генеральское звание. Только молодость его на пути в генералы была пока непролазной колючей проволокой. Но один безоговорочный факт огромного уважения всех милиционеров области к его потрясающим способностям находить, обезвреживать и отдавать под суд преступников подсознательно заставлял коллег считать его волшебником этого тяжелого труда. А такой «чин» повыше генеральского будет.

Малович, поправляя на бегу трусы с ослабшей резинкой и задранную выше пупа майку, доскакал до телефона.

– Здравия желаю, товарищ полковник, – гаркнул он в красную трубку.

– Не выспался. А почему? День космонавтики с Володей отмечали? Я – то пока подполковник ещё. Память кончилась? – едко сказал Лысенко. – Прыгай на мотоцикл и через десять минут чтоб стоял вот тут, – слышно было как полковник топнул тяжелым ботинком рядом с собой.

– Уже выехал, – Малович надел парусиновые штаны, полосатые носки и тёмно-синюю вельветовую курточку да туфли, в каких только на танцы ходить. Или в театр.

Прилетел на второй этаж, еле успел с мотоцикла спрыг-

нуть.

– Звонили мне, – козырнул Лысенко взаимно. – На Пушкинской, во дворах домов семь и девять, дерутся соседи. Один с вилами, другой с топором. Тихонов уже там. Если ты успеешь то, может, обойдёмся без трупов. С какого хрена драка – не знаю. Соседи позвонили. Тоже не в курсе. Вроде, говорят, приличные мужики. Давай, дуй! Жду с докладом.

– А что, в управлении больше никого? Где наши доблестные оперативники?

– Разговорчики! – стукнул кулаком по столу командир. – Где надо, там и оперативники. Быстро езжай!

– У нас пять убийств нераскрытых, товарищ полковник. Одно из серии про «цеховиков» раскрыли. А вчера убили Иванова, кладовщика и нашего помощника. Вы же это дело в особое выделили. А мы хрен поймёшь, чем вместо...

– Ещё слово и одну звезду сниму. Будешь опять до капитана дослуживаться. А тебе майора уже присвоили. На этой неделе приказ пришлют. Ты чего ерепенишься?

– Всё. Меня уже нет, – Малович убежал, прыгнул в седло и погнал на Пушкинскую, в дом номер девять.

Пушкинская улица не просто так была названа. Не от фонаря и не для демонстрации того, что чиновники кроме Ленина знают ещё Пушкина. Лет семь назад в Кустанай засылали в командировку архитекторов и топонимистов. Архитекторы сочиняли в городке нового типа здания, а топонимисты – это те ребята, которые красивые имена придумывают улицам, проспектам, совхозам и Домам культуры. В начале улицы Караваяевской они за месяц сделали памятник Пушкину с помощью местного скульптора Шебаршова. Поэт сидел на камне с тетрадью, ручкой в руках и смотрел на небо. Возможно, искал рифму в вечности. Жили на Пушкинской и самодеятельные поэты, конечно, но больше было профессиональных. Ссылных, отправленных за Урал по разным политическим и экономическим расхождениям во взглядах с партией Ленина или отдельными значимыми коммунистами.

В седьмом доме на окраине улицы и города жили Мешковы. Он – слесарь-инструментальщик точных приборов. Она – продавец продовольствия, а дети – никто. Просто дети. Трое. Девятый дом построил шофёр хлебозавода Васильев. И жил там как все нормальные с женой и сопливыми тремя ребятишками. Сосуществовали они всегда плохо. Потому, как Мешков дом имел двухэтажный и участок в тридцать соток. У него был «Москвич», цветной телевизор и пианино. Десятилетняя дочка на нём трында до школы и после неё. Иг-

рала она как умела, но очень громко.

А потому Васильевым жить рядом было тяжело. Ну, во-первых, дом поменьше, огород десять соток, простой телевизор «Волхов» и велосипед вместо «Москвича». То есть оснований у Васильевых ненавидеть Мешковых было «на пятерку с плюсом». А тут и случай вышел, что штaketный тонкий забор между дворами кто-то пробил снизу. Так, чтобы в дырку можно было проползти. Любому дураку ясно, что ломали штaketник именно со двора Васильевых. Поскольку у Мешковых было что украсть. Дорогое и нужное. Насос, например, для полива из пятитонной цистерны. Или что-нибудь из той же песни. А у Васильевых со двора спереть могли только старую цепь, оставшуюся после помершей собаки, да пять рулонов рубероида, который вообще никому не нужен. У всех крыши жестяные и шиферные.

Но на битву Мешкова вызвал именно Васильев. Он взял в сарае вилы и орал дурниной минут десять.

– Выходи, Ванька, ворюга и сволочь! Щас кончатъ тебя, гада, буду за воровство у соседа и поломку забора.

– Ну, забор, допустим, не ты ставил. А я с братом, – вышел с топором Ваня Мешков. Сорокалетний, как и Васильев, крепкий мужичок. – Чего у тебя воровать, Витя?

Крикнул он и подошел к дыре. Видно было, что кто-то усердно грыз тонкие дощечки. Пять штук. И перегрыз. Собака, похоже. Не саблезубый же тигр. Их нет давно уж. Вот перепалку словесную Тихонову, который приехал раньше, почти дословно, опуская маты, рассказали соседки, живущие за их домами и напротив.

– И чего бы мне на пузе ползать, если я табуретку поставлю и перепрыгну. Потом через штакетины перенесу табуретку в твой двор, наберу у тебя... Да хрена у тебя брать-то? И обратно перепрыгну, – ржал Ванька Мешков.

Ну, освирепел тогда Витька и поверх штакетника сунул-таки вилы. Но Мешкова не достал. Ваня тоже, естественно, подбежал к забору и через штакетины покрутил во дворе Васильева топором.

Малович подрулил в тот момент, когда Васильев принёс стул, а Тихонов

скороговоркой передал всё, что узнал от тёток и видел сам. Васильев уже прыгнул во двор соседа и перехватил черенок от вил как дикарь держит копьё.

– Запорю! – брызгал слюной Витя Васильев. – Лучше отсижу или пусть расстреляют, но тебе, гаду, жить не положе-

но. Кулак и куркуль.

– Дернуться не успеешь, – спокойно ответил Мешков. – Я тебе обухом въеду промеж глаз и похороним с оркестром. Сам закажу.

И он тоже вскинул колун на плечо остриём назад.

– Заходи в калитку Мешкова и сделай так, чтобы они говорили с тобой. Пусть оба к тебе повернутся.– Шепнул Малович Владимиру.

– Мужики. Я из милиции. Вот удостоверение, – Вова раскрыл и протянул «корочку». – Давайте успокоимся и поговорим.

– Если ты милиционер, то почему не по форме одет? – крикнул Васильев.

– Такое удостоверение и я нарисую, – согласился с соседом Мешков. – Где погоны? А. может, это ты как раз дырку в заборе сделал? Ходят всякие!

От Витьки ко мне лез! Точно! У меня-то есть что стырить. А местная шпана адресок шепнула. А ну иди сюда.

И они оба сделали по паре шагов к капитану Тихонову.

Малович за эти секунды просто перепрыгнул через разделяющий дворы штакетник. Он кроме бега и прыгал на тренировках. Положено было. Для него забор в полтора метра был высотой тренировочной. Он сзади длинным скачком подлетел к соседям и обоим сверху подломил в локтях руки с колющими предметами. Вилы с топором выпали и Малович понёс их с собой к своему мотоциклу, чтобы следовательно приобщил вещдоки к делу. Мужики упали на спину, но поняли, что на них надевают наручники только тогда, когда Тихонов застегнул второй.

Составили протокол, из которого было ясно, что при внимательном осмотре установлено: дыру прогрызли две собаки. Волос рядом с дырой катался по земле. Белый и рыжий. Чего надо было собакам, выяснить никаким образом не представлялось возможным. Записали, что «по своим животным потребностям». Мешкова и Васильева в колясках отвезли в отделение.

Витя материл милицию, которая в обычную людскую жизнь лезет грязными сапогами. Мешков курил и молчал. Жены плакали. Дети молча смотрели и куда повели отцов не догадывались. Оба соседа получили по пятнадцать суток за попытку вооруженного нападения друг на друга из-за неприязненных отношений. Маловичу с Тихоновым записали оче-

редное задержание вооруженных холодным оружием хулиганов. Оставили мужиков у следователя и поднялись к командиру.

– Поганцы пойманы, обезврежены и сданы следствию, – доложил Малович.

– Ну, ты, кажись, на склад Иванова собирался ехать? На «Большевичку»? – добрым голосом сказал Лысенко. – Найди тайник, Саша. Может там помимо «черной» бухгалтерии и фамилия убийцы реально есть. Кто-то же Иванову брякнул. Не сдал, а проговорился. А он, если найдём, может и командира назовёт. Это же по экспедитору «спецторга»? Аппаратура, оборудование?

– Так точно! Мы с Володей уже поехали, – Малович взял со стола полковника всего две карамельки, одну подарил Тихонову и они поехали на склад.

Замещал Иванова какой-то Мананников. Он дал ключи от трёх сейфов и от ивановского кабинета. Пришел вчера выпитый из больницы Русанов. Уточнил чем будут заниматься милиционеры. Понял, что хотят просматривать документацию в сейфах, вежливо поулыбался и незаметно исчез.

– Вы занимайтесь своими делами, – попросил Володя Ма-

нанникова.— Позовем, если что...

— В сейфах нам делать нечего, — Малович кинул ключи в карман. — В кабинете тоже. Искать надо почти на самом видном месте. Умный человек что-то секретное и важное всё разместит почти перед глазами посторонних. Или под ногами. Может, над головой. Но близко. Там искать не будут. Потому, что все, кто ищет очень важное спрятанное, лезят по дальним недоступным закоулкам. У всех примерно одинаковая в этом психология. Надо нам, Вова, думать, где тут под носом тайник Иванова.

Сели на стеллажи и стали разглядывать всё, что расположилось в круге диаметром примерно в три метра. Они заглядывали под стеллажи и надеялись, что Иванов прилепил бумаги изолянткой к доскам снизу. Не было там ничего. Рядом со столом стояли две сломавшиеся швейные машинки. Их могли забрать в ремонт через день. Тоже не то место. Позади стола висели плащ Иванова, рабочие брюки, куртка и брезентовая накидка с нашитыми внутри карманами. Посмотрели и там. Ничего.

Малович сел за стол Иванова. Поставил локти на крышку, взялся руками за волос.

— Тут, блин, где-то. Чувствую, что тут. Чув — ству — ю...
Смотри как плотно на столе всё лежит. Чернильный прибор,

часы, Ещё одни часы. Календарь перекидной, семь штук папок одна рядом с другой. Карандаши, штук десять один к одному. Ручки автоматические. Четыре штуки. Зачем тогда тут чернильный прибор? И стол застелен домашней голубой скатертью. Стол-то на кой хрен на складе скатертью покрыть?

– Шура! – прошептал Тихонов. – Я понял. Что под скатертью?

Александр Павлович потрогал сбоку. Провел вдоль ладонью.

– Лист текстолита на фанерной крышке. Зачем? Давай, снимай всё и ставь рядом.

Под текстолитовой пластиной размером ровно с крышку стола лежали листы бумаги. Много листов. Друг на друге. Но не более трёх листов в стопке.

– Оно? – прошептал Тихонов.

– Девяносто девять и девять десятых процента, – Малович улыбнулся. – Бери стопки и складывай в портфель по очереди. Как они тут лежат. Слева начинай.

Потом они восстановили всё как было на скатерти. Часы,

чернильницу, карандаши и папки с бумагами.

– Ну, может повезло? – ещё раз улыбнулся Александр Павлович.

– Да чтобы тебе и не повезло? – тихо засмеялся Володя. И они отдали все ключи заместителю.

– Вроде везде нормально всё, – пожал ему руку Малович. – Может, заедем ещё. Не знаю.

Они вышли к мотоциклу и через двадцать минут уже вникали в документы «чёрной» бухгалтерии и разыскивали тот реестр, где была вставлена, по словам ещё живого тогда Иванова, фамилия убийцы экспедитора Шахова, секретного агента единственного на город «спецторга», достающего импортное оборудование и приборы, которых в городе ни у кого не было.

Вроде и не много было бумаг, но три часа оперативники читали всю писанину по слогам, чтобы чего не пропустить. И вот она выплыла, бумажка долгожданная. Вынырнула из болотца гнилых записей о поступлении и расходе ворованных денег. Называлась бумага «Реестр спец.приборов, оборудования и аппаратуры для использования в швейном производстве».

До конца листа шло под номерами перечисление всего, и стоимость напротив каждого предмета написана была.

– Явно не та, какую реально заплатили. – Догадался Тихонов – Уменьшены в «левых» документах все суммы. А в бумагах официальных они почти вдвое выше должны быть. То же «тюлька». Затраты видны, а сколько что реально стоит – как определишь и кто вдруг поедет в Белоруссию сверяться?

А с большими цифрами бумаги наверняка были подписаны директором, бухгалтерией, и деньги эти сэкономленные, конечно, «раздали всей фабрике в виде премий» или, скорее всего, «построили на них яхту» и отвезли на Черное море, чтобы заслуженно ездить туда в отпуск да ходить на яхте от Пицунды до Анапы и обратно с причалом в Гаграх. Вот это проверять точно никто бы не захотел. А потому деньги обналичили через фиктивную оплату труда строителям яхты. Фиктивным тоже, ясное дело. И разложили по своим карманам. Кто – понятно. Но за что тогда убили Шахова? Деньги-то поимели все, кто в составе «подпольщиков».

– А я вот думаю, что бумаги все сделаны, как надо. – Малович очень внимательно вглядывался в буквы и цифры. – И настоящие и вот эти фальшивки. Оборудование в них записано. Но только вот по-настоящему Шахов ничего вообще не покупал, а сразу нашел возможность перечисленные деньги

обналичить и всем своим, кто в доле, ворованное раздал.

Команда подпольная деньгам-то обрадовалась. Всем досталось щедро. Но когда прошла эйфория, оборудование-то всё равно понадобилось. А его нет. «Тузы» снова Шахова за задницу. А тот, естественно, опять денег запросил. А куда деваться?

Дали снова. Он поехал туда, куда их перечислили, с кем-то из новых друзей бабки обналичил, с ним же поделил и куда-то смылся, – капитан Малович повеселел от правильной своей догадки. – Его стали искать по всей Сибири, где делали приборы, А он втихаря вернулся в Кустанай, где никому и в голову не могло стукнуть, что он тут, рядом с обдуренными соратниками так нагло гулял и радовался, что всех надул. В Кустанай, где за «кидалово» его могли порешить, какой дурак обратно поедет? Вот и Шахов так подумал. Но его всё же увидели случайно. Не знаю где, но именно случайно засекли. Выследили и застрелили.

– И где-то на этом реестре записана фамилия убийцы. Иванов, мне новый кладовщик сказал, дружил с Шаховым. Вот и записал убийцу, чтобы не забыть и отомстить при случае, – добавил Тихонов.

Стали смотреть между строк. Но там ничего. Пусто. На

обратной стороне тоже чисто. Но не мог же Иванов обмануть. Ему это зачем?

– Надо читать по пунктам сам реестр, – предложил Малович.

Стали изучать. Линзы, Мастер для изготовления трафаретов, баллоны с жидким азотом. Свёрла. Шило для швейных операций – сто тридцать штук.

– Хоп! – хлопнул в ладоши Тихонов. – Поймали. Это не фамилия. Это кликуха блатная. Погоняло. Слово шило подчеркнуто. Больше он не подчеркнул ничего.

– Значит, у блатных он Шило. Это хорошо, – Александр Павлович налил в стакан воды и одним глотком выпил. – Нормально. Сейчас тащим в комнату допросов наших Диму Штыря и Костю Сугробина. Конвой, мне ключ от допросной и обоих из третьей камеры. Мухой!

– Есть! – крикнул сержант, отдал ключи и убежал в третью камеру.

– Ребята, привет, – сказал Малович. – Всё остаётся по договору нашему. Писать вам больше ничего не надо. Идёте по явке с повинной при полном содействии органам. Но есть одно маленькое изменение в программе концерта по заявкам.

– Мы показали расклад нашему полковнику – командиру. Он всё одобрил, – стал разъяснять Тихонов. – Но сказал, что нашему управлению до фени все директора, секретарь горкома и прочие шишки. Мы их отдадим в КГБ, когда возьмём убийц. Двое уже есть. Это вы. А кто убил экспедитора Шахова? Не сам же Камалов или Самойленко. Кто? Без убийцы, говорит полковник, дело ваше пустое и к следствию негоже. Вы же из уголовного розыска, ваше дело – убийц ловить. Давайте убийцу и всё! Ну, он командир! Не найдём его и вы в пункте «содействие следствию» не поможете себе никак.

– Ребятки напрягите сейчас мозги, потому что мы сами хотим оставить наш с вами договор в прежнем виде. Блатных в городе всех знаете? – спросил Малович.

– Ну, не всех, – задумался Штырь. – А кто нужен?

– Шило.

– Этот козёл? Фуфел дешевый. Понтарь. Одевается как английский лорд и машина у него «Фольксваген». Из Москвы привезли. Подарил кто-то за гнусь поганую. Он без мозгов и тормозов. Маму убьет за бабки, – возмутился Костя. – Его сдать «мусорам» – чистая справедливость и по понятиям. Зуб даю.

– Ну и где его лежанка? – пожал Косте руку Тихонов. – Вы честные воры. Таких даже мы уважаем.

Урки застеснялись, заулыбались и одновременно сказали.
« Да ла... Чё там. Всё по уму.»

– Живет он на постоянку у марухи своей, Тоньки, на улице первой вниз от базара.

– Кирова, – вспомнил Тихонов. – А дом?

– Вот по Ташкентской левой стороной идёте до Кирова, потом налево и третий дом. Крыша красная. Забор желтый железный. На заборе красная звезда. Там Тонькин батя жил. Три ордена за войну. Помер два года уж как.

– Всё, пацаны! – сказал Малович. – Мы его берём и вам это зачтётся дополнительно к нашему договору.

– Лучше рано утром, – сказал Костя. – Поспать этот козёл любит.

В пять утра на другой день шел мелкий весенний дождь. Тёплый. Похожий на душ, который Тихонов принимал и утром, и на ночь. Холодной воды боялся, горячей просто не

переносил. Капли в таком дожде не выделялись. С неба спускались как пушистые нитки тонкие струи, которых не боялись собаки, кошки, куры, не говоря о людях. Они при таком дождике даже зонтики не брали.

– Стучать не надо, – сказал Малович. – Махнём через забор.

– А вдруг собака? – замялся Тихонов.

– Нет тут собаки. Уже тьякала бы на звук мотоцикла под воротами.

Перелезли через прочный, собранный на винтах забор из пятимиллиметровой стали. Отряхнулись. Сталь воду не впитывала и спереди у двух капитанов всё было – хоть выжимай.

Тут же открылась дверь коридора и двадцатилетняя девушка в тонкой белой ночной рубашке удивлённо смотрела на ранних пришельцев.

– Кто ещё в доме? – Тихо спросил Александр.

– Серёжа. Больше никого, – Девушка улыбнулась. – А я Тоня.

Малович аккуратно переставил Тоню в сторонку и они вошли в дом. Спальня была открыта и на кровати животом вниз спал мускулистый парень в белой майке. Шура подошел к нему близко и крикнул прямо в ухо.

– Пожар. Землетрясение и наводнение!

Парень подпрыгнул, сунул руку под подушку и резко выдернул револьвер с посеребрённой ручкой и длинным стволом. Старый. Такие ещё в далёкую гражданскую царские офицеры носили. Малович мгновенно придавил левой рукой револьвер к перине, а правой прихватил парня за волос и хорошенько приложил его голову к стене. Потом забрал оружие и спросил.

– Шило?

– Ну, допустим, – ответил парень невнятно. Крепко затылком приголубил стену. – Тонька, чё за фраера поутряне в хате? Шилов Сергей Николаевич я. Сорокового года рождения. Судим три раза. Статьи все – номер сто.

– Руки покажи, – попросил Тихонов вежливо.

– Да не колюсь я, – хмыкнул Шило и протянул руки. – «Косяк» могу зашабить, но «кокс», «дядю Костю» не потреб-

ляю. В вены «ширево» не колю.

Тихонов застегнул на руках Шила «браслеты».

– Поехали, – Малович сунул револьвер за пояс и пошел на улицу. Одевайся.

– Как я тебе оденусь в браслетах, мусор? – крикнул Шило.

– Возьми шмотки с собой. Накинь плащ и туфли надень. В камере переоденешься. – Тихонов ногой подвинул ему лаковые туфли с острыми носами.

– А за что его? Он хороший, – сказала Тоня, подавая чемоданчик с его вещами.

– Если хороший, сегодня вернётся, – Малович открыл дверь и вышел.

В допросной комнате они сначала долго молчали. Шило попросил закурить и тянул сигарету долго. Размышлял.

– А зовут тебя как? Забыл уже. Сергей?– Наконец спросил Малович.– А то Шило здесь не звучит. Не шалман тут. УВД, «управление уголовного розыска». То, что ты грохнул Шахова, экспедитора, мы знаем. У вас в кодле «дятел» есть. Он

про тебя и последнего жмура твоего – экспедитора «спецторга», всё по полной отбарабанил. И сейчас спит ещё, наверное. Потому свидетели убийства нам без надобности. Напишешь явку с повинной и согласишься на содействие следствию, предложу следаку не злую статью для тебя подобрать. Но только при одном обязательном признании, которое не пойдёт в протокол.

– Точно не пойдёт? А то до суда дожить не дадут.

– Ну, кровью расписываться не буду. Не тот случай. Хотя даю слово чести офицера.

– Тебе верю. Ты же Хоттабыч? – Шило улыбнулся. – Ну, типа волшебника? Тебя у нас так зовут. Всех кого хочешь, приземляешь. Малович твоя фамилия? Ну. Все наши тебя знают. Ты невиновных не опускаешь, «западло» не работаешь, не кидаешь за колючку лишь бы дело закрыть. А виноват – лезь на нары. По-честному делаешь. Уважают тебя. Потому и я верю.

– Кто приказал застрелить Шахова? – Александр достал из кармана ключ от наручников. – Говоришь и идешь в камеру без браслетов. Дашь телефон Тони. Мы скажем, чтобы она тебе еды принесла домашней, книжки, бельё свежее. Сидеть будешь один у нас в изоляторе. Пока мы не возьмём то-

го, кто тебя послал стрелять. А там уже тебе бояться некого. Остальные тоже ждут, что за ними мы придём.

Сергей попросил ещё одну сигарету и назвал номер Тониного телефона. Долго курил и напряженно думал. Наконец выматерился и зло сказал: «Да что, блин, он лучше меня? Чужими руками в свой рот жратву носить – это уж совсем запаadlo».

– Камалов приказал Русанову. А Русанов, вы его знаете, дал мне две тысячи и сказал, что грохну Шахова, столько же ещё добавит.

– То есть прямой приказ – от Русанова?

– Да, – подтвердил Сергей и его увели в камеру.

Малович и Тихонов остались вдвоём и протянули друг другу руки.

– Ну, Вова, вот теперь началась работёнка не для слабонервных.

– А таких среди всех нас с тобой нет, – засмеялся Тихонов.

Малович поправил причёску, хлопнул друга по плечу.

– Но учтите, Вова, что Русанов с таким счастьем и пока на свободе потому, что не ест на ночь сырых помидоров.

– Так не может – научим. Не хочет – заставим.

Они ещё не знали, что всё будет немного не так, как им виделось и хотелось.

7. Глава седьмая

Утром первого мая с крошечной части неба, под которым повезло появиться Кустанаю и всем его гражданам, падала на город вылетающая из многих сотен медных труб, альтов, басов, тромбонов и литавр эпическая музыка, обозначавшая в этот день единое, неделимое и нерушимое братство, и равенство трудящихся. Пахарей и учителей, кузнецов и хирургов. Доильщиц коров и учёных в области теоретической механики. В общем всех, кто совместно отдавал свой ум, знание и силу стране Советов.

Ещё позавчера мощная любовь народа к своей удивительной солидарности снесла с прилавков продмагов всё спиртное, всю закуску в виде консервов, сыра и колбасы за два рубля двадцать копеек, и самые дорогие шоколадные конфеты. Осталась карамель, молоко, плавленые сырки «Лето» с укропом, кефир в бутылках с бирюзовой крышкой и чёрный хлеб

Его почти никто не ел. Так как кушать белый хлеб за двадцать две копейки должны были граждане с достатком и уважением к своему организму. Никто официально не объявлял, но белый хлеб считался едой людей, живущих хорошо,

для них в хлеб пихали всякие витамины да и сам он состоял сплошь из полезного декстрина, высококалорийного углевода, нужного и телу, и мозгу строителя коммунизма, А серый да черный был просто дешевым.

Милиционеры тоже шли на демонстрацию мимо обкома партии, точнее – вдоль длинной трибуны, на которой сучали городские и областные правители с женами. Они по коммунистическим правилам терпели трёхчасовое испытание стоянием на ногах и прослушиванием духового оркестра, который расселся перед трибуной и дудел марши. Правда, вперемежку с лирическими дружественными мотивами. Пытка стоянием в дорогой и пока не разношенной обуви плюс истошная музыкальная какофония не мешали избранным для приветствия народа правителям и супругам автоматически поднимать ладони и двигать ими вправо-влево.

К столбам фонарным и деревьям привязали разноцветные шары, флаги всех республик на древках были воткнуты не только перед обкомом, но и на другой стороне площади. Иначе левый фланг колонн мог бы забыть, что празднуем. Левый фланг трибуну видеть не мог. Зато трибуна разглядывала кумачовые транспаранты с прозой и стихами о взаимной любви и дружбе чеченцев к нанайцам, а украинцев к казахам и так далее.

Все правофланговые несли портреты членов политбюро, Ленина, Брежнева и Маркса с Энгельсом, причём трудящиеся были трезвыми минимально до четвертого демонстранта в своём ряду. Левый фланг непрерывного потока народного по традиции напился перед началом шествия и орал от души совсем разные песни. К ним и оркестру добавлялись торжественные произведения советских композиторов, пробивавшиеся в уши из огромных мощных динамиков, которые держались на столбах и специальных трёхметровых штативах из крашеного красным бруса.

Но зато всё это месиво людское, окруженное всякой пестротой и громким музыкальным фоном, создавало на площади между скульптурой Ленина и красной трибуной эффект любви одних трудящихся народностей ко всем остальным трудящимся народностям. И было от этого у всех на сердце тепло. Радостно было и счастливо. Вот как раз в момент прохода перед трибуной.

До и после площади массы шли вразброд, транспаранты и портреты тащили под мышками, пили из горла креплёные вина и без фанатизма ругали советскую власть, придумавшую эту бессмысленную ходьбу с кумачом и фотографиями не пойми кого в трудовых руках, не у каждого, кстати, сильных. После торжественной ходьбы строем все разбегались по своим организациям, с добрыми словами скидывали в ку-

чу флаги с портретами и сбивались в дружеские стаи, чтобы утопить праздник в хорошем вине и очень прекрасной водке.

Милиционеры от общей массы отличались. Строем шли от ворот УВД и к ним же обратно. Всё на них сияло, сверкало и блестело. Звёзды на погонах, отдраенные бляхи ремней, начищенные кокарды, хромовые сапоги, знаки отличия и медали. Александр Павлович вообще выглядел как новогодняя ёлка. Потому как на его кителе как игрушки переливались многочисленные знаки, значки, пять медалей «За трудовую доблесть» и старший орден «Знак Почёта за службу Родине». Больше в УВД такого не было ни у кого, кроме генерала.

Отметили они праздник чинно. В актовом зале стол накрыли почти «королевский». На трезвую голову всем достойным вручили почётные грамоты. А троим, и Маловичу тоже, конечно, дали очередную медаль «за доблестный труд» на благо государства. На торжестве и гости были из дружественных сфер: скорой помощи, пожарной команды и прокуратуры. Само-собой, фотокорреспонденты трёх газет плюс к ним курсанты школы милиции с фотоаппаратами. Которые после торжественной части разбежались, чтобы пить в родных стенах. А остались только неизвестные гражданские солидные дяди с дорогими камерами. Они лениво бродили по залу и с особой радостью ловили красивые ракурсы при награждениях.

Милиционер строевым топал к генералу, начальнику УВД, который стоял за красной маленькой трибуной и выдавал каждому своё. А после слов «Служу Советскому Союзу!» жал награжденному руку. Из-за спины его наблюдал за порядком с кумачовой тумбочки большой бюст Владимира Ильича, что укрепляло значимость наград и торжественность события. Генерал раздал всё, что было в списке и широким махом руки слева направо указал всем на столы. Начинаем, мол, без устали, но в рамках государственного приличия жрать водку и закусывать положенными Управлению внутренних дел деликатесами – говорил его деревенский русский жест, популярный на свадьбах.

Все естественно перепились, кроме дежурных по управлению. Они напиться не имели права, потому, как принимали и правильно записывали сообщения о преступлениях. У хулиганов, разбойников и карманных воров праздник был двойной. Во-первых, они тоже солидарны с трудящимися и сами трудились с энтузиазмом. Во-вторых, ловить их Первого мая было некому. По городу катались только два дежурных мотоцикла с патрульными, которые пили на ходу и потому на окружающую действительность глядеть им было некогда. Александр Павлович попал домой после полуночи, дал Зине подержать новую медаль и упал на кровать в парадном виде. В нём и проспал до семи утра. Второго числа многие

на работу выйти не смогли, а кто пришел, слышать ничего не хотел о праздничных нарушениях Уголовного кодекса.

– Завтра! – восклицали они не полностью протрезвевшими голосами. – Всё будет завтра!

И начинали опохмелку тесными дружескими группками в разных кабинетах, закрывая их на ключ. Малович с Тихоновым купили в магазине напротив УВД две бутылки «Столичной», полкило колбасы и две банки консервов «Салат осенний», да всем этим оружием бились с «бодуном» до обеда.

– Шура, – громко говорил Тихонов. – Пошли брать Русанова. Посадим его лет на двадцать.

– Нет! – твёрдо возражал Александр. – Будем работать по твоей схеме. Ты же всех гадов предлагаешь расстреливать, в тюрьму не сажать? Русанов гад?

– Так точно! – размахивал пустым стаканом Вова. – Гад гадский! Шмальнём его при попытке к бегству!

– Откуда? – удивился Шура. – Бежать он будет откедова? – Вот я, например, на соревнованиях бегу от стартовой линии. А Русанов?

– Так мы его возьмём! – сурово стучал по столу добрый и sentimentalный в обычной жизни Вова, обожающий летом сидеть возле цветка и гладить взглядом бабочек, стрекоз и пчёл.

Он обожал классическую музыку, почти терял сознание, когда слушал Гайдна и собирал марки про паровозы. Только про паровозы. Никто его не спрашивал – на фига. Кроме, конечно, жены. Она ему предлагала собирать фотокарточки своих шалав, чтобы было, что вспомнить когда она однажды большими портняжными ножницами отхватит то, что у такого шибко разнузданного кобеля должно само отсохнуть. Просто ей не хотелось ждать неизвестно сколько.

Шалав у него было периодически много. И отрабатывал он их не от переизбытка тестостерона, а по доброте своей. Ему казалось, что тридцатилетняя ласковая, добрая и внутри порядочная девка обделена добром и теплом. Ну, получается, сочувствовал им Тихонов и жалел.

Вова обожал ещё живопись флорентийской школы четырнадцатого века и репродукции итальянских маэстро висели на всех стенах его дома. Он знал наизусть «Евгения Онегина» и все стихи Агнии Барто. Спортом не занимался из принципа. Он, во-первых, называл его грубым истязанием тела. А, во-вторых, крепкое тело ему дала природа. Она же под-

кинула ему нежную душу и ненависть к правонарушителям.

В милицию он пошел по призванию. Совесть звала его биться с нечистью, поскольку это было написано у него на роду. Где и кто написал, не знала и сама совесть. Но Володя любил всё прекрасное и млел от осознания того, что его душа так чувствительна. Точно так же чувствительна душа его была к злодеям. Ворам, убийцам, развратникам и картёжным шулерам. Всех он призывал расстреливать по факту существования, не судить и не тратить деньги на их зоновскую баланду. И даже писал во все инстанции, в ЦК КПСС, представьте! И ему везло в том, что бумаг его толком никто не читал.

– Мы можем взять его в прямом смысле слова четырьмя руками только за то, что он ширинкой прикрывает. – ржал Малович. – И то он имеет право в суд подать и мы влетим за хулиганство на год минимально. Не посмотрят, что мы при звёздах и вроде как честь имеем. У нас ничего на Русанова нет, Вова. Он даже муху при нас не обидел. А если и обидел раньше – где свидетели? У него порядок в бухгалтерии такой, как у моей Зины с зубами. Белые, чистые перламутровые. А она всего-то чистит их два раза в день порошком «Особый».

Вот и он – дядя аккуратный. У него сальдо с бульдо сходятся так же неизбежно и правильно, как сходятся Ока с

Волгой. И нам нужны против него улики! Улики – понял? Железные как председатель ВЧК Феликс Эдмундович.

– Так вышибем из Шила, – озверел Вова Тихонов. – Пусть напишет. Сугроб со Штырём уже сели на пять лет как мы обещали. Через год Камалов руками Русанова их вытащит. Так они и помогли нам. Шило сдали. А тот от Русанова прямое указание убить Шахова имеет. Пусть напишет. И все дела. Мы Русанова берём по свидетельству самого убийцы.

Малович налил по половине стакана и чокнулся, цепляя единственной вилкой салат осенний.

– Не будет он писать, Вова, – улыбнулся Александр Павлович. – Потому, что Русанов ему приказал стрелкнуть и Вахрушева, зав.отделом фурнитуры универмага, и экспедитора магазина «Ткани» Саленко. Я печенью чувствую, что он один распорядился. Шофера завода кожзаменителей убил кто-то другой. Найдем тоже.

А у Серёжи-Шила на лбу этот приказ Русанова отпечатан. Наколка на лбу у него, какую и не выжжешь. Я это сразу понял. Его надо колоть на эти убийства тоже. Факт. И он нам скажет под наше обещание скостить срок, и под якобы «явку с повинной», и под полную добровольную «признанку», что и остальные два убийства своими руками сделал. Но то, что

организовал это Русанов писать не будет и на суде, понятное дело, даже букву «Р» не будет говорить. Картавить будет. Для полной страховки. А то его «замочат» ещё в СИЗО.

– Так чего, Саша, Русанов у нас в «глухарях» и будет токовать? Застрелить его через окно в квартире незаметно! Сука он, не человек, – расстроился Тихонов так, что даже закусывать не стал.

– Он, Вова, первым на нас нападёт. Точнее на меня. Вот тогда мы его и отловим, – Шура салат жевал так как заморский фрукт киви, про который некоторые кустанайцы слышали. Зинаида, любимая жена Александра, к примеру.

– Ты откуда знаешь? – Тихонов открыл рот, не успев донести до него стакан.

– Я же «волчара, волчина позорный», – Малович дожевывал салат. – А значит, у меня нюх как у волка. Я, Вова, чувствую и даже примерно знаю, как всё будет и как мы его потом «приземлим», и по какой жесткой статье проведём. И тогда посыплется вся их подпольная халабуда. Комитетчикам и ОБХСС не надо будет извилины напрягать. Ладно. Попили, закусили. Теперь идем в допросную и окончательно договариваемся с Шилом. Он сейчас все три убийства на грудь возьмет. Но Иванова грохнул не он. Будем завтра искать по

«малинам», кого Иванов ухайдакал табуреткой. Там рана заметная будет. На голове, на руках и плечах. Найдём. Не пьсай в туман.

– Да я вроде и не... – засмеялся Тихонов. – Ну, Шурка, ну ты хитрован.

– А как на нашей работе служить? – Малович убрал всё в стол. – Честно исполняя каждую букву уголовного кодекса? Да его, бляха, переписывают раз в пять лет. Значит что-то не правильно было. В нашем деле надо знать Кодекс, не нарушать его так, чтобы все видели, а квалифицированно хитрить, чтобы и закон не обманывать, и с преступным миром понапрасну не воевать. Они ж, обрати внимание, не трусы и предатели. Они просто живут по старым понятиям и всякое фуффло сдают нам с охотой. Выплёвывают как косточку от вишни. Козлы в их делах вредны так же как в наших. Ну, пошли в допросную.

– А когда Русанов на тебя нападёт? – спросил Володя, поворачивая ключ в двери.

– Вот когда он нас видел на фабрике, то понял, что чёрную бухгалтерию я найду всё равно. И раньше, чем я в ней разберусь и в ход пушу, недели полторы-две пройдет. Значит, ждать нападения с его стороны надо раньше. Ну, через

неделю. Я примерно даже фокус его представляю. А потому готов.

– Я-то смогу тебе помочь? – грустно спросил Вова.

– А без тебя и не получится, – обнял его за спину Малович.

Шило на допрос припёрся как на танцы. Вихляясь и делая замысловатые кренделя пальцами. Он улыбался без повода как обкуренный анашой, блестя серебряными фиксами. И напевал вполголоса что то про нары и кошмарного «кума».

– Тебе Тонька марафет что ли приносит? – удивился Тихонов.

– Не...– посерьёзнул Серёжа Шило. – Домашняя еда.– Это раз. Клёво для настроения. Плюс конвойный дал нам полчаса «на поговорить». Ну, мы и кайфанули на шконке пару раз. Ну, и говорили, конечно... А чё, нельзя? Я ж по ней скучаю. Она вообще с ума сдвигается, так меня хочет.

– Короче, фигня это всё. Поговорить... Кайфанули... – Малович сел рядом с Шилом на скамейку. – Ещё пару лет хочешь сбросить из пяти возможных?

– Ну, какой дурак не хочет лафы халявной? Чё надо делать?

– На себя бери убийства экспедитора магазина «Ткани» Саленко и Вахрушева, заведующего отделом фурнитуры универмага, которых мы тебе не предъявили. Тем более, что тебе Русанов приказал их троих и убрать. И ты их всех застрелил, кроме Кудряшова, шофера с завода кожезаменителей. Русанов тебе не приказывал. Но вот ты сам как бы и раскаялся. Совесть взбрыкнула! К нам пришел. Мы тебя не ловили, не преследовали, в наручники не ковали. Ты сам пришел. Ты проходишь у нас пока как убийца одного Шахова. Но, поскольку пришел ты с «явкой» чистосердечной и полной «признанкой», да следствию помогаешь, то следаку я предложу и уговорю его на сто первую за всех троих. Какая для тебя разница?

Да и статья отличная. Неприязненные отношения, ссоры. И нервы у тебя сдали. Был в состоянии неразумном. Плохо понимал, что творишь. И будет тебе даже не «пятерик». Года три с половиной. Кто-нибудь – Камалов или Русанов тебя через год вытащит. А про Русанова ни слова ни на суде, ни на бумаге. Сам, мол всё решил и сам сделал. Тогда тебе и свидетелей не надо. И следак охотно версию примет. А мы с Русановым, не упоминая тебя, по-другому разберёмся.

– Да базара нет, – Сергей кивнул головой. – Если реально по сто первой проведёте, то я сейчас прямо перепишу и «явку», и согласие содействовать следствию, и напишу полные признания по трём трупам.

– Ты мне веришь? – переспросил Александр Павлович.

– Тебе – да. Давай бумагу, – Шило протянул руку.

– Короче, раскрыли мы одно двойное и три одиночных убийства, – Тихонов отвёл Александра в угол большой допросной комнаты и там это прошептал, незаметно потирая ладони. – Остался шофёр Кудряшов с кожезаменительной фабрики да Иванов. Нормально же?

– Не танцуй на костях, Вова. Боком выскочит, – Малович взял его за плечо и крепко сжал. Тихонов поморщился.

– Понял, понял, – сказал он и два капитана сели читать переписанные Сергеем признания.

Ну, хорошо. Я понёс бумаги следователю. А ты поживи у нас ещё неделю. Потом суд и – на три годика с хвостом по сто первой статье в «четвёрку», – Александр пожал ему руку. – Молодец. Голова работает. А то бы мы вскрыли эти два убийства через пару месяцев и на тебе пересуд, и на тебе

добавочный срок.

Восьмого мая Шилова Сергея Николаевича осудили и он уже из СИЗО передал через своих записку, на которой коряво, на колене видно писал, было снаружи начертано «малява Маловичу» Притащил записку дежурному УВД хорошо одетый юноша с портфелем и в очках.

Шура развернул послание. В нём было пять строк.

«Гражданин капитан Малович. Спасибо душевное.

Слово Ваше крепкое. Вы настоящий человек.

Горжусь, что знаю Вас.

И расскажу всем.

Верный вам Шилов Серёга».

– Во, бляха! – восхитился Александр Павлович. – До этого меня жена уважала от души, сын по малолетству, Тихонов – непонятно за что, на работе делали вид, а теперь и зек есть в наборе. Ну, нормально. Все мы люди одинаковые. Сегодня ты на воле, завтра баланду ешь. Сегодня ты счастлив. Деньги, жена, работа любимая, а завтра рак лёгких и тузы с работы выбивают тебе приличное место на кладбище, оркестр нанимают за сто рублей.

Девятое мая страшновато описывать в деталях. Тридцат-

ти лет после войны не прошло. В городе было много тысяч мужиков и женщин, которые воевали двадцатилетними. В семьдесят первом им было чуть за пятьдесят. Раны телесные заросли, а душевные остались открытыми и воспалёнными. Были и постарше бывшие воины. И все в этот день как цветы, которые делятся со всеми ароматами и нектаром, распыляли в Кустанайский воздух настолько ощутимую радость Победы, что, казалось, её можно было взять руками, обнять, трижды поцеловать и держать в крепких объятиях пока не онемеют руки.

Город был украшен флагами, портретами героев-кустанайцев, На ветках деревьев висели тысячи алых шелковых лент со звёздами и изображением салюта. Ленты отвечали спокойному южному ветерку, трепетали, поднимая концы вверх и шелк переливался радужными оттенками. На параде Победы всё было не так как на первомайской демонстрации.

На той же площади, на той же трибуне из обкома было только два секретаря, а все остальные – ветераны войны. Кто на костылях, кто без рук, безногие сверкали орденами и медалями с колясок, приставленных к обеим концам трибуны. И потом под «Марш славянки» через площадь с равнением направо прошли всего пять коротких колонн недавних бойцов за честь Родины. Победители.

Они не тянули носок, не пытались пойти парадным шагом. Мужчины в старой форме и тяжелых кирзовых сапогах, женщины в белых халатах и шапочках с пришитым красным крестом и большой белой сумкой на широкой ленте через плечо. Они ничего не пели, даже не улыбались. Выглядели все много старше пятидесяти. У кого-то не было глаза, кому-то шрамы прочертили побледневшие за годы вдавленные полосы, кто-то хромал, а кому-то с двух сторон помогали идти соседи.

Не плакали на трибуне только секретари. По рангу не положено. А стоявшие вокруг площади толпы молодых, здоровых парней и девушек кидали впереди колонн гвоздики, стоящие на базаре весной очень дорого. Некоторые женщины выбегали из массы людской, из которой торчали флаги СССР и портреты неизвестных солдат, которые не вернулись. Чьи-то родственники. Братья, сыновья. Они выбегали и на ходу трижды целовали тех, кто проходил мимо. Так они пробивались и в центр шеренг, дарили ветеранам гвоздики и бежали обратно, прикладывая к глазам тоненькие косметические платочки. Цветы бросали и поверх колонн. Некоторые ветераны их поднимали, а кто-то уже и не пытался нагнуться.

Не было оркестра, молчали динамики, а вместо музыки толпа кричала стройно и торжественно одно слово «Ура!» И

то, что все, кто там был – не выражали восторга, не плясали и не заходились в приступе радости, казалось единственно верной мерой цены Победы и её значимости. Радость, настоящая на крови и горе – как крепкое вино. Которое сладостно, но которого не стоит пить с перебором. Всякой радости до её начала всегда предшествует то горе, то беда.

Постояли Малович с Володей в гуще народа, проводили глазами прикрытую пылью последнюю колонну, пожалели о том, что пыль та на чистой площади поднялась от того, что многие вынужденно шаркали подошвами по асфальту. Потом в парке было гуляние. Играл духовой, как всегда. Продавали пиво из бочек, цветы и мороженое из серебристых ящичков.

Крутились карусели и в тире ветераны показывали посторонним молодым свою меткость. Двадцатилетние парни, про войну знавшие от родителей и соседей, толком не могли вникнуть в сдержанное поведение взрослых и веселились за всех. Пели, бегали от киоска с газводой к карусели «Лепесток», кормили лебедей в пруду кусками ливерных пирожков, гонялись друг за другом, смеялись, толкались и по старинке пытались прихватить девчонок за косы, а их в семьдесят первом не носил уже никто.

Вечером на центральной площади давали салют. Привез-

ли на машинах семь зенитных установок и до одиннадцати вечера солдаты выбрасывали в черное небо громовые раскаты, которые на высоте преобразовывались в звёзды, красные, белые и золотистые огненные ленты, напоминающие горячий от чьих-то прошлых горестных и радостных слёз дождь.

Тихонов ночевал у Александра. Они прилично выпили, но Зина не мешала им говорить о войне. О том, что они слышали от отцов и дедов. До половины первого они позвонили всем знакомым офицерам и солдатам, которые воевали и выжили, поздравили их, а в час ночи выпили по последней, спели «Эх, дороги, пыль да туман...» и пошли спать. А Зина до трёх убирала и мыла посуду. Праздник кончился.

Четырнадцатого мая утром Шура брился и в процессе думал только о хорошем. Точнее – пытался думать. Что-то мешало. Интуиция у Маловича была развита как нюх у хорошей ищейки, и он понимал, что сегодня день будет плохим. Даже гнусным.

– Саша, телефон тарахтит. Оглох, что ли после пьянки? Хоть и по хорошим, правда, поводам, – крикнула Зина с кухни. Тут же прибежал Виталик и добавил.

– Это, папа, с работы звонят. Вот увидишь.

Александр спокойно взял трубку и сказал: – Малович.

– Шура, давай ноги в руки и в чём есть, чеши ко мне, – мрачно проговорил начальник Лысенко и положил трубку.

Александр Павлович решил, что на плохое событие спешить, ломать ноги, глупо. Он потихоньку нацепил любимые полосатые носки, белые чесучовые брюки, белую рубаху с вышитой смешной рожицей на кармане, воткнул ноги в модные туфли на увеличенном каблуке. Взял портфель и пошел на улицу. С обочин дорог не спешили убирать плакаты, посвящённые дню победы. Всего за четыре дня почти горячее майское солнце съело краску с разноцветных ленточек, которые нацепили не только на ветки деревьев, но даже на провода, переброшенные с одной стороны улицы на другую.

Ближе к центру города осталась стоять машина «ГАЗ-51», наряженная под «Катюшу». Фанерный короб тёмно зелёного цвета в кузове стоял под наклоном, а внизу короба было много круглых ячеек, в которые чьи-то изобретательные умелые руки и головы вставили точные деревянные копии залповых ракет. На борту грузовика белой краской написали: «За Родину!» Сталина упоминать уже было не принято. Шура прошел через площадь возле обкома и удивился тому, что её так и не подмели. На асфальте увядали гвоздики. Тысячи красных тожественных цветов. Это и были остатки

праздника Победы, единого общего символа беды и счастья.

Лысенко пожал руку Маловичу и сказал.

– Шура. Вот приказ. С сегодняшнего дня ты майор. Поздравляю! Вот тебе новые погоны с одной большой звездой. Зинка пусть пришьёт, как положено. Петлей ниток поверх погон не должно быть. Пусть прокалывает сверху и снизу в одну дырочку. Ну, она знает... А коллектив тебя поздравит завтра в девять на разводе.

– Товарищ полковник. Конкретно со мной случилась какая-то гадость. Точно чувствую. Какая?

8. Глава восьмая

Лысенко достал из стола папку, из папки фотографию размером восемнадцать на двадцать четыре, поглядел на неё с отвращением и отдал Шуре.

– Вот, – сказал он, пошел к окну и долго, со вкусом, семизатжно материл не понятно кого или что.

На снимке лежал у себя в квартире на полу в луже крови мёртвый Иванов. Справа от него стоял Малович в форме. Рука его была направлена на Иванова, а в руке капитан держал пистолет «Макарова». Справа на полу валялись четыре гильзы, а из дула пистолета тонко струился дымок.

– Мне понимать это так, что я пошел и убил Иванова, а со мной был или фотокор из газеты, или кто-то другой с камерой? То есть я сумасшедший идиот и потому как бы рекламирую себя? Мол, знайте люди: я убиваю всех, кого подозреваю. Бойтесь меня и трепещите! Смотрите, от разломанной табуретки следа нет. Ни одной щепки. А гильзы я, как полый придурок, не собрал и в карман не спрятал. Хорошо замесили, но тупо. Я тут ростом с баскетболиста. А Иванов на голову выше меня был. Я и даже знаю кто эту фигню придумал.

Отбрёхиваться-то будем долго. Уголовное дело против меня надо возбуждать.

– Да я тоже знаю – кто, – психанул Лысенко. – И я его, суку, сожру. Нет, тухлятину есть не буду. Но посадить – посажу.

– Короче, когда они его убили, то сразу сфотографировали, – размышлял Малович мрачно – Потом сфотографировали меня, когда шеф вручал мне медаль. Помните сколько людей было с фотоаппаратами? Я генералу руку жал. Потом отретушировали ладонь генерала, издали сняли пистолет и вставили мне в руку, чтобы по размеру подходил. Фото-монтаж называется. Значит с этой целью Иванова специально и грохнули. Чтобы посадить меня. Лихо рванули. Значит, испугались. Но не знали, что на задержание я хожу в гражданском и без оружия. Ошибка уже есть. Торопятся. Значит, ошибка не последняя.

– Ты, Шура, сейчас езжай на улицу Павлика Морозова. Дом семнадцать.

Только что звонили дежурному. Там, соседи говорят, завмаг живёт. Ворюга ещё тот. На него у меня жалоб полно. Но улик никаких. Ворует грамотно. Так к нему пришли блатные. Соседям всё видно. Два жигана его прессуют. И он во дворе под их ножами копает яму, где в какой-нибудь железной

банке лежат деньги. Бери Тихонова и, пока нет трупа, вяжи и вези сюда блатных.

– Один поеду. Тихонов с похмелья. Толку с него мало.

– А насчёт фотографии не переживай. До возбуждения дела я разберусь с помощью генерала.

– Да верю я, – сказал Малович, взял в шкафу шефа три пары наручников и пошел во двор за каким-нибудь свободным мотоциклом. Думал он только о том как подобраться к Русанову.

– Алексей Иванович, – прикидывал он, – бухгалтер, похоже, средненький. Но при умном директоре любой плюгавый счетовод может быстро дорасти до «правильного» бухгалтера. То есть его не надо назначать главным, а держать немного в тени, в заместителях, которых на фабрике два, и не переживать, что за незаконно полученные сырьё и деньги директор на нары ляжет.

Русанова директор идеально отдрессировал работать с «черной» бухгалтерией, которая есть в любой конторе. Но он не предвидел, что этот навык Алексей Иванович сможет сделать своим козырем и стать главным в «подпольной экономике». – Малович постучал себя сгибом пальца по лбу. –

Русанов первым догадался, что через хитроумную бухгалтерию и склад швейной фабрики можно создать стандартную мафиозную бригаду. «Левую», которая через наглые подлоги документов и дружеские контакты с людьми, умеющими умно воровать в своих организациях, сможет почти не прячась шить «неучтёнку», клеить на товар клеймо фабрики и торговать, не платя государству ни хрена.

Только своим перепадали большие деньги от продаж. «Своих» он собрал за полгода и открыл семь цехов. Всё это он сварганил с помощью старого друга по институту, который улетел в сторону от бухгалтерии и как-то вознёсся в кресло секретаря Кустанайского горкома партии, – Александр потёр подбородок. Серьёзное стояло препятствие. – Это был Камалов. За три года работы «подпольщики» научились шить по зарубежным лекалам удобную и добротную красивую спецодежду, наладили сбыт и подружились с одним из руководителей ОБХСС, платили ему изрядно за усмирение любых «строгих» проверочных комиссий.

И стало всей команде хорошо до первых раздоров. Кто-то захотел получать больше, другим не нравилось, что их не выдвигают в управляющие, третьи сообразили, что побольше можно сдирать с «тузов», если иногда пугать их, что могут быть проверки не только дружеские. Алма-Ата могла прикрыть цеха и всех посадить, а уж про Москву и говорить

нечего. Задушат. И у них, мол, связи с высокими столичными органами есть. Ну, их потихоньку и стали убирать. И жадных, и тех кто пытался топорно запугать.

Всё это Малович давно понял. Истерика Иванова, который полоумно с маленьким ножичком кинулся на Русанова, дала ему повод включить логику и она привела его и к причинам убийств и к организаторам с исполнителями. Он знал, что молва о нём в городе идёт как о милиционере, который никогда не делал ошибок и находил убийц, и тех, кто приказывал убить, всегда и везде. Из под земли, как говорят, доставал. А потому был опасен. Убить милиционера в те годы было немыслимо, а вот испортить репутацию, пугнуть страшно или отправить хлебать баланду на зоне – почему бы и нет? Русанов захотел его посадить. И уже сделал первый ход.

– Ну, это он, конечно, погорячился с фотомонтажом, – усмехнулся Малович. – Тут он сам себе под ноги грабли кинул. На них и наступит. Точно.

И вот сразу за магазином спорттоваров показался поворот на улицу Павлика Морозова. Пятым от угла был семнадцатый дом. Новенький забор из пропитанных олифой и светло-коричневой краской двухэтажный дом, крытый невиданной в Кустанае черепицей, берёза и ель в палисаднике, на ка-

литке жестяная табличка «Во дворе злая собака» Единственная щель была в конце забора, где он соединялся с дряхлым соседским.

Малович постучал в окно соседа. Вышел мужчина лет сорока пяти в форме железнодорожника.

– Это я звонил, – мужик пожал милиционеру руку. – Хоть Михаил Абрамович Липкин и пройдоха, вор отпетый, но его всё равно жалко. Человек вроде. А ведь зарежут. Он деньги выкопает, отдаст, тут его и на ножи.

– Ну, это не обязательно, – Александр глядел в щель соседского забора на события во дворе заведующего продмагом. – Бандиты могут решить, что этот схрон у Липкина не один. И пугнут его как положено. Да начнут доить. Пока он изо всех закутков не вытащит им деньги, цацки золотые и камешки драгоценные. А они у дяденьки есть. Сто процентов.

– Тоже так думаю, – убеждённо проговорил железнодорожник. – У него во дворе столько всякой дорогой техники, инструментов импортных, в хате три цветных телевизора, год назад ему два больших немецких гарнитура разгрузали, мягкую мебель кожаную. Да машина у него – вам не снилась. «Волга» прошлого года выпуска. Значит, денег закопал в разных местах не мало.

Малович перелез через забор в самом конце двора и побегал к дому, где на углу белой цементной отмостки, на самом заметном месте стоял столбик с умывальником. Смотрелся он, наверное, в роскошном интерьере двора нелепо, но почему-то именно умывальником прикрыл завмаг закопанную свою кладовую. Он отложил столбик в сторону и медленно, пыхтя и утирая пот с шеи, вынимал лопатой хорошую черную землю. Два бандюгана в шароварах и тельняшках, с живописными татуировками на руках, стояли рядом и перебрасывали «финки» из одной руки в другую. Ждали. Терпели.

– Я сосед из заднего дома, – закричал Шура Малович. – «Мусарню» кто-то вызвал. Три наряда едут от магазина спортивного. Сам видел.

– Ты навёл, сука!?! – прохрипел тот, что повыше. – Я тебя, мля, по самую печень ухайдакаю!

– Братва, да я сам в розыске. Квартиру у тёханки вон там снимаю. Рвём когти все сразу! Их едет три наряда на мотиках. А вон там перепрыгнуть забор и плетень низкий за ним. И сразу глухой проулок. Уйдём! Если прямо сейчас когти рвать! И он первым побежал к забору.

– Мы ещё вернёмся, козёл! – крикнул один. – Не вздумай

слинять, найдём. И хату спалим.

И они тоже понеслись за Шурой, который уже подпрыгнул и делал вид, что собирается перевалиться на другую сторону. А когда урки тоже подтянулись за верх досок, быстро спрыгнул назад и одного левой, другого правой рукой мощно потянул за штанины на себя. Парни ссыпались с забора мордами на землю и довольно крепко ушиблись. Малович быстро врезал каждому по шее, после чего ребята обмякли и затихли. Александр Павлович нацепил им на руки «браслеты», носовым платком взял два ножа, свернул и сунул в карман.

– А ты чего стоишь счастливый, будто тебе орден дали? – он подошел к Липкину. – Руки давай.

Защелкнул на руках завмага наручники и спросил ласково.

– Машина твоя где?

– Вон же гараж, – мотнул вперёд подбородком Михаил Абрамович. – А ключи в правом кармане. В брюках.

Малович загрузил жиганов на заднее сиденье. И дал Липкину совет.

– Выкопай сейчас деньги. Поедешь со мной. И добровольно сдашь в отдел краж. Скажешь, что сам переживал, что стырил деньги. Хоть, конечно, в первый и последний раз, но совесть загрызла. Тогда остальное копать не будешь, а сядешь на пару лет. Сколько там, в баночке?

– Вы милиционер? – ужаснулся Липкин.

Шура показал удостоверение.

– Если сейчас не отвезёшь лавэ, я ребятам из управления краж крупных государственных средств скажу, и они тебе из двора поле сделают. Пашню. Хоть кукурузу сей. И сами найдут остальное. А это уже другой тебе, Липкин, срок. Большой. Так чего делать будем? Понял. Снимаем «браслеты» на пять минут.

Завмаг побежал, подскакивая, к лопате и за три минуты добрался до металлического десятилитрового бидона. Он принёс его с лицом мертвеца и открыл. Бидон был доверху забит двадцатирублёвыми купюрами.

-Тысяч сто будет? – засмеялся Александр.

– Сто сорок пять, – стеснительно ответил завмаг. – Это не

всё. Но вы же обещали, что если добровольно сдам...

– Нормально всё будет, – пошлёпал его по щеке Малович, они сели в «волгу» с белыми сиденьями из велюра и поехали в управленческую камеру предварительного содержания до первого допроса.

Он сдал дежурному жиганов, отдал ножи, а Липкина, сказал, надо отправить в отдел краж. Попросил попутно дежурного, чтобы от дома семнадцать по улице Павлика Морозова кто-то из сержантов забрал мотоцикл.

– Я оттуда задержанных в «автозаке» вёз. На «волге» потерпевшего. На последней модели. Во как!

– Опять, бляха, один всех взял? – улыбнулся дежурный. – Так и запишу. Задержаны капитаном Маловичем при вооруженном ограблении.

– Пришлось одному, – кокетничал Малович. – Остальные не все протрезвели после майских торжеств. Кстати, я с сегодняшнего дня майор, блин!

И пошел к полковнику Лысенко доложить, что поганцы задержаны и сданы под конвой, да поговорить заодно об ответном ходе против ловкого и хитрого бухгалтера Русанова

Алексея Ивановича.

Из кабинета полковника вынесло нечеловеческой силой лейтенанта Грушина. Как раз в ту секунду рука Маловича тянулась к ручке. И ему повезло, что от двери стоял сбоку. Обе дверных половины по три раза стукнулись об углы стен, захлопываясь и снова отлетая к стенам. Грушин

имел лицо красного цвета, а руки так туго смял в кулаки, что хруст суставов перешибал звуком скрип дверных петель.

– Да в гробу видал я вашу милицию! Пойду каменщиком в «Тяжстрой». Там хоть платят и погибнуть шансов в сто раз меньше! – удаляясь по лестнице орал Игорь. Может он потом ещё крепче проклинал свою работу, но уже далеко убежал. Не слышно было.

– Да я его попросил рапорт написать на перевод из уголовного розыска в отдел аналитики. С бумагами работать. Протоколы допросов сшивать и писать представления управлению следствия, – Лысенко имел изумлённый взгляд и пальцы его дрожали. Он нашупал в шкафу бутылку коньяка и отхлебнул из горла граммов сто. Минут через пять успокоился. – А Грушин кричал, что он по природе сыскарь и так унижать себя не даст никому. Рапорт об увольнении подаст завтра. А я чего? Всё ж по-честному. У него за три года ни одного задержания или раскрытия. Одного в феврале про-

бовал поймать. В автобусе ехал на работу.

А там пьяный дурень грозился всех заколоть лыжной палкой если кондукторша не разрешит бесплатно проехать. Он вроде на лыжне упал и деньги потерял. Кондукторша уперлась. Нет, и всё! Плати! Тут он её и ткнул в фуфайку. Даже обшивку не пробил. Ну, Грушин пробился вперёд и стал ему руки заламывать. А мужик дал ему по морде, попросил с помощью палки шофера остановиться и дверь открыть. Вот так и убежал. Пассажиры посмотрели милицейское удостоверение пока он в отключке лежал и написали в УВД на него жалобу. Ну, до генерала бумага только в мае дошла и мне он вчера приказал перевести Грушина в тихий безопасный отдел. Пойдёт он, дурак, каменщиком... А сидел бы с бумажками, звёзды по срокам получал и выслугу лет. С хорошей пенсией в сорок пять лет пошел бы на незаслуженный отдых. Тьфу!

– Есть у меня мысль одна по поводу Русанова, – задумчиво сказал Шура. – Фотографию дайте. Вот смотрите. Видно же, что медали и орден заретушированы. Сквозь ретушь видно. Значит клеил фотомонтаж не из редакции Моргуль Михал Исакович. Он бы так топорно не сработал. Лучший фотокор области. Значит кто-то делал, кто этим профессионально не занимался сроду. Но у Моргуля-то он проконсультироваться мог? Мог! Поеду я в редакцию.

– Я тоже знаю, где сделать профессиональную экспертизу, – полковник сел за стол и достал блокнот с адресами и телефонами. – Вот. Москва, Малый Каретный, дом шесть кабинетов триста второй, телефон...

– Сергей Ефимыч, – Александр прикрыл рот ладонью. Не хотел, чтобы начальство видело его неуместную улыбку. – Я знаю, что у Вас там старый товарищ. Это экспертное бюро по определению подлинников живописи. Вы мне уже рассказывали.

– Шура, им фотографию проверить на подлинность, вообще раз плюнуть.

Для них это будет просто баловство. Игрушка. Для них труд настоящий это... Ну, пример приведу. Привезли им из Испании две одинаковых картины Рубенса «Три грации». Он картину написал в тысяча шестьсот четвёрт его знает каком году. Её из Мадрида привезли. Из музея «Прадо». Так вторая была один к одному.

Испанцы сами не смогли вынести определенное решение. Подделка была гениальной. Недельку возились наши эксперты. И определили оригинал. И сами выяснили, кто копию сделал. Оказалось, наш Серов Валентин. Его кисть. Девушку с персиками видел? Ну, он тоже гений. И решил пошак-

лить. Так в Испании не догадались, в Англии и Франции, в Голландии. А наши смогли! Наши!!! Вот куда я хочу отвезти снимок. Сяду на «Ту-104» и утром домой. Им пятнадцать минут и потратить-то на разгадку этой халтуры.

– Как прекрасно! – восхитился Малович. – Только разрешите мне сперва с фотокарточкой сгонять в «Ленинский путь» к Моргулю. Если будет всё порожняк, тогда ваши великие эксперты пусть впрягаются. Пойдёт так?

– Ты, Шура, чёрта уболтаешь ангелом стать, – усмехнулся полковник. – На, езжай в газету.

Михаил Исакович посмотрел на снимок и очень развеселился.

– Недавно приходил ко мне Гена Носов, фотограф геологоуправления. Мы, говорит, на день рождения хотим юморной сюрприз другу сделать. Пошутить с выдумкой. Он милиционер. И вот из этих трёх снимков надо сделать один. Вроде бы он застрелил при задержании очень опасного преступника. Всё втихаря делаем. Сюрприз же. Ну, так как, спрашивает, этот монтаж сделать?

Я ему часа три всё показывал на других снимках. Этот же нельзя было трогать. Да он и не просил. Я бы хорошо сде-

лал. А это – дилетантская работа. Ретушь неправильно положена. Соотношение размеров фигур с большой ошибкой. А пистолет в руке даже идиот так коряво держать не будет, не то чтоб милиционер.

– А написать мне можете всё, что рассказали?

– Ну, сам подумай, Малович, чего старому, любимому всеми госорганами еврею бояться? Разве что брательника твоего, Борьку? Ух, крепкий мужик. Ух, умный. В лоб закатает кулачищем – всё! Духовой оркестр и хорошее место еврею на могилках ближних. А пишет как! Я так даже снять-сфотографировать не смогу. Ну, так я создаю бумагу или передумал ты? А кому ты её покажешь?

– Дядя Миша, на снимке я. Видно? И никакой это не розыгрыш. Не шутка. Меня подпольные «цеховики» хотят подставить и посадить. Потому как я раскрыл несколько убийств, А исполнителей нанимали два человека из числа шефов «подпольщиков». Вот они сейчас вздрогнули, очко заиграло. И делают вот этот компромат, чтобы показать его в обкоме. А обком прикажет возбудить против меня дело. И меня лет на пять посадят без права потом работать в милиции. Понял?

Моргуль долго матерился, мешая еврейские ругательства

со всенародными.

После чего взял лист и на обеих сторонах плотно расписал всю историю с учёбой Гены Носова фотомонтажу. И в десяти строчках изложил своё мнение, что данный снимок – грубая непрофессиональная работа и что все фигуры и детали сняты в разное время разными фотокамерами и не подходят к целому произведению даже по свету и пропорциям. И расписался. « М. Моргуль. Заслуженный деятель искусств СССР. Лауреат семи крупных международных фотосалонов в Англии, Бельгии, Париже, Амстердаме, Вене, Берлине и Праге.

– Отбрыкаешься? – спросил он Маловича настороженно. – Хотя ты – точно их задавишь. Ты ведь как и Борис, брат твой, мир перевернёшь ради правды. Ладно, с богом.

Носова Шура нашел в лаборатории геологоуправления. Гена плёнки проявлял.

– Ты клеил? – показал он вблизи снимок, не здороваясь.

– Я, – радостно ответил Гена. – Ништяк же вышло? Вам уже подарили на день рожденья эту хохму?

– Подарили. Но не сказали, чья идея такая славная. Не сам же ты придумал?

– А этого идея, как его... Вашего друга и друга Вашего брата. На «Большевичке» работает. Моргуль дядя Миша его снимал для газеты. Как же его? Алексей...

– Иванович, – добавил Александр Павлович. – А Фамилия у него Ру...

– А, вспомнил! Русанов, – Гена засуеился.– А что вообще? Не так что-то?

– И он прямо-таки сам сюда приходил? – спросил Малович.

– Нет. Не сразу и не сюда. Сперва пришел парень молодой. Ну, полный дурак. Ничего не смог толком объяснить. Мычал чего-то. А потом сказал:

– Да пошли вы в задницу. Русанову надо, пусть сам и объясняет.

– А вот после него позвонил Русанов, но не назвал. Предложил встретиться в парке возле колеса обозрения. Оно в дальнем углу сквера, который к парку пристроили. Ну, у меня, гляньте, телефон с определителем. Я в справочнике посмотрел – это номер заместителя главбуха. Посмотрел все

три фамилии заместителей. Две женщины. Мужик один – Русанов А. И. Это я на всякий случай уточнил. Мало ли в какое дерьмо меня затянуть хотят.

– Хотят, – Александр вынул из папки объяснение Моргуля. – Ты уже в дерьме по самое не хочу. Читай.

Носов минут двадцать изучал повествование.

– Получается, Гена, что ты один из моих друзей, которые на день рождения придумали смешной сюрприз, – Малович сел напротив и внимательно глядел ему в зрачки. – Труп настоящий. Но всё на снимке смонтировано халявно. Моргуль же написал. День рождения у меня в январе. Зачем ты вписался в эту профанацию?

– Сто рублей заплатил мне Алексей Иваныч. Это моя зарплата сейчас. Выходит, продался за деньги вчистую, – Носов погрузнел.

– Вот этот снимок хотели отдать в обком. Ты же не один сделал. Переснял ещё экземпляров десять. Так вот. Пиши, что это не твоя инициатива – фотомонтаж сделать. А Русанова Алексея Ивановича, заместителя главбуха «Большевички». Что исходные материалы передал тебе он и отдал ты снимки ему. Иначе, Гена, вся пыль и кирпичи валятся на

твою башку.

Вот он, родной Уголовный кодекс КазССР. Статья сто восемьдесят шесть. «Ложный донос». Ложный уже потому, что фотомонтаж. Вот был бы настоящий снимок – другой вопрос. А так любая экспертиза скажет, что фотомонтаж, причём качеством весьма слабый. Отдадут в обком ложный донос. Карается, читай вдумчиво, лишением свободы сроком до пяти лет. Тебе хочется на зону, Носов?

– Что я должен делать? – спросил Гена нервно.

– Всё напиши как было. С фамилиями, числами, в какое время и где встречались, сколько ты денег получил. Короче, всё досконально излагай. И не забудь выделить желание Русанова сделать эту склейку с разных снимков. Не забудь уточнить, что снимки сняты в разное время и при совершенно разных освещениях. И разными фотоаппаратами.

– Тогда ко мне претензий не будет? Не посадят за ложный донос?

– Нет, – кивнул Малович. – Ты просто хотел заработать. Вот если бы сам отнёс монтаж в УВД и обком КПСС, то тогда ты главный герой. А реально кто?

– Русанов.

– Так и пишешь: Русанов заказчик «ложного доноса». Понял? – Шура расстегнул воротник рубахи. Душно было в лаборатории да ещё противно пахло смесью проявителя и фиксажа.

За полчаса Гена написал подробное заявление на имя генерала, начальника УВД.

Из своего кабинета Шура позвонил на номер Русанова, который взял у Носова.

– Вы, Алексей Иванович, будьте завтра в девять на работе. Надо кое-что уточнить. Мы убийцу Иванова нашли. А Иванов у вас работал. Формально Вы должны расписаться в том, что знали убитого по работе.

Русанов помолчал немного.

– Вообще-то в девять всегда совещание у директора.

– Лучше отпроситесь,– Шура говорил мягко и вежливо. – Если Вас не будет когда я приду, разговор может состояться у нас в «угро». И положил трубку.

Пошел, показал бумаги подполковнику. Он прочёл внимательно и сказал.

– Волк ты, Малович. Волчина и волчара позорный, – и засмеялся от души. – Русанов теперь наш.

Вечером Александр Павлович уже подходил к своей калитке. Сзади, с другой стороны улицы кто-то выстрелил из двух стволов в забор. Дробь впиалась в доски рядом. Сантиметров на пятьдесят правее. Убивать не собирались. Пугали.

– Ну, понеслась коза по кочкам, – сказал Шура и закрыл со двора калитку на щеколду. Хотя какая она защита, щеколда? Он собрал Зину с сыном, они сели на мотоцикл и пулей вылетели из ворот в сторону дома тётки Борькиной жены Ани.

– Тебя не убьют? – заплакала жена.

– Уже бы давно убили, если б хотели, – оглянулся назад Малович. – Но, ты где-то права. Война началась. Ты должна верить, что войну эту выиграю я.

– Верю, – обняла его сзади жена. – Ты только шибко не петушись. Про нас помни.

От их дома грохнул ещё один выстрел. То ли в воздух этот козёл стрелял, то ли промахнулся.

9. Глава девятая

Алексей Иванович Русанов любил сырые яйца, сухое вино «Цоликаури», поруганное опытными Кустанайцами словом «кислятина», обожал собирать и наклеивать на стену своей комнаты пустые сигаретные пачки зарубежного производства, кататься на велосипеде вдоль берега Тобола и играть в шашки. Тихо, без демонстрации, власть над своими незаконнорожденными цехами любил. Все ханыги вороватые, начальники цехов и друзья «подпольного» чудо-производства с почтением к нему всегда располагались и с плохо скрываемой боязнью. Хорошо!

Главное увлечение, шашки, зацепило его ещё в детстве. Сейчас, день, когда город поливал дождь или гнобил население тридцатиградусный колотун, он считал напрасно прожитым. Потому как все игроки противились непогоде и смотрели дома кино по телевизору. Крыш над столиками в парке не поставили и зимних обогревателей тоже. Пальцы на морозе даже сквозь перчатки не гнулись как надо, чтобы протащить рядовую шашку в дамки. В парк, где круглогодично и ежедневно за старыми столиками возле танцплощадки собирались шахматисты, игроки в шашки, домино, лото и подкидного дурака, его влекло в сто раз больше, чем к выпивке,

молодым девочкам со своей швейной фабрики или в дружескую, «не для всех», баньку деревянную в Затоболовке, куда заносило по выходным почти всю чинную городскую элиту. Даже к делёжке денег по тридцатым числам тянуло Алексея весьма умеренно. Не шибче, чем в баньку.

А похожую на сауну парную с комнатой отдыха и бильярдом построил шофер автоколонны 2556 Гриценко на деньги от продажи ворованного бензина и в итоге тоже вошел в ряды элиты. Он имел таких друзей, которые давали ему возможность не видеть и не встречать проблем в принципе.

Но шашки побеждали любое другое любимое занятие Русанова. Он не отказывался ни от девочек, без перебора попивал «Цоликаури», париться ходил к друзьям высокого полёта, но когда передвигал на доске шашки, выигрывая или стойко перенося поражения, душа его пела лучшие в мире мелодии лучших в мире композиторов.

Когда ему везло, то от выигрыша Алексей Иванович получал почти натуральный оргазм, а потому бросить игру не смог бы он даже по приговору Верховного суда – немедленно перекинуться на домино или шахматы. Наличие высшего психического и физиологического наслаждения, великую нервную разрядку Русанов имел только от шашек, о чём никогда никому ни разу, даже после литра «Цоликаури», не проболтался.

Ещё, конечно, любил Алексей Иванович, деньги.

Но, поскольку людей, у которых они вызывают ненависть, не создала пока природа, то и выделять для себя эту попутную любовь он даже и не пробовал. Жил Алексей и при крошечном достатке долго, а сейчас мог бы половину города купить – и что поменялось? Шашки куда выше денег. Даже девки с фабрики лучше любых денег дают заряда для разнообразия кайфа от шашек.

А денег хоть и много теперь у Русанова – и что? Никакой радости. Крупного ведь не купишь ничего. Или очень дорогого. Достать можно, но будет это подозрительно. Поэтому в старом доме у Алексея Ивановича, куда приходят с мелкими сувенирами ребята фабричные и соседи за солью, скромно всё. Портьеры – поплиновые. Тюль стандартная. У всех такая. Мебель недорогая и простая. Из Алма-Аты привёз. Стены белёные, пол деревянный, крашенный суриком. Хрустала и сервиза «Мадонна» не имеется. Машина – «Москвич». Денег вроде занял у родни потому, что очередь за три года подошла. Вся одежда с родной фабрики. Бесплатная, правда. Начальству положено. А попробуй купить дублёнку за три тысячи! Кто-нибудь сразу «стукнет» в министерство. На какие шиши бухгалтер с зарплатой сто шестьдесят рублей размашисто живёт? И заключают.

Ещё раз напомним, что обожал Русанов власть свою над «подпольщиками» больше, чем деньги, вино и девочек. Власть на втором месте примостилась после шашек. Тащился Алексей от того, что управляющие цехами к нему всегда с поклоном и боязнью, плохо скрытой. Тепло было на душе, когда он приказывал, а перед ним навтыяжку стояли исполнители, готовые сквозь ушко игольное просочиться, чтобы шефу угодить. Тоже ведь хорошо душе!

Но многого Алексей Иванович и не любил. На первом месте закрепилась прочно жена Валентина. Дура и толстая уродина со сволочным характером, которая никогда нигде не работала. Дома сидела с самой свадьбы. Нормально она с ним не разговаривала. Только орала даже без повода. Это была склочная тётка, завистница, сплетница, жадина и потрясающая врунишка. Как он на Валентине женился, Алексей и сейчас не понимал. Вроде заколдовал его тогда кто-то. Через неделю шальной страсти она сказала ему, что нечего по чужим койкам валяться, а надо завтра подавать заявление в ЗАГС. Он как во сне пошел и через месяц как в ещё более кошмарном сне – сыграл с ней свадьбу. А жил-то Русанов сейчас с этой дурой-бабой только потому, что его большой двухэтажный дом за городом, напичканный всем импортным, был записан на её сестру. Автомобиль «Волга Газ-21 М» повышенной комфортности – на тестя, а все ворованные деньги, сотни тысяч, изумруды и цепочки с брил-

лиантами хорошо спрятаны были в огороде Валиного брата Виктора.

Ещё он не любил вообще людей. Всех, кроме партнёров по шашкам. Остальные были хвастуны, завистники, трусы и тупыри безмозглые. Не любил Русанов книги, кино, театр, живопись и даже святое мужское – рыбалку. А поэзию просто ненавидел. И в доме не было ни одной книги со стихами. Только «Три мушкетёра» и «Война и мир». Жена купила.

Не любил он и бухгалтерию, которой отдал одиннадцать лет жизни. Но не пошел переучиваться на токаря или столяра только потому, что в бухгалтерии было тихо, свой стол и возможность придумать что-то, которое вытасило бы его из очень средних слоёв населения наверх. Поближе к «большим» людям. И шанс разбогатеть на очень квалифицированном обкрадывании никем не виданной государственной казны имелся натуральный, очевидный и доступный.

Его, в общем, Русанов быстро и успешно воплотил в жизнь. Стал шефом «цеховиков», их отцом родным и повелителем. Хотя не любил их тоже, жадных и готовых сожрать его при удобном случае. Очень не любил он подчинённых и потому был с ними суров как в армии старший сержант, командир роты, с рядовыми первогодками.

А на первый взгляд, на пятый да на десятый выглядел Алексей Иванович почти пришибленным дяденькой, тихим и покорным не престижной своей судьбе среднестатистического бухгалтера, которому закрыт путь к героизму и высокой чести. В сером своём пиджаке, при серой рубашке и черно-сером галстуке вызывал он у многих работниц фабрики материнскую или почти сестринскую жалость. Сострадание. Некоторые даже приносили иногда ему домашние пирожки с ливером или капустой, лимонад, и как больному – апельсины с рынка. Русанов краснел от злости, но женщины считали, что от стеснения, поскольку продукты брал осторожно и ел при них смиренно, заткнув за галстук широкий бухгалтерский нарукавник.

Жена Валентина утром к восьми бегала в универмаг отмечаться в очереди на цветной телевизор. «Накопила наконец». Так она сама объясняла соседям. Потому, что они всё равно бы потом интересовались – откуда роскошь. Она не работает. Он на смешной зарплате кукует.

– А ты какого чёрта дома торчишь, сучок ты трухлявый? – поинтересовалась супруга громко и свирепо. – Или уже дали тебе инвалидность? Башка-то у тебя тупая. Вон, недавно в город завезли немецкие люстры пятирожковые с плафонами из богемского стекла. Все нормальные мужики взяли, только твоя бестолковка не сработала. У, мухомор хренов! Я давно

такую хотела.

– Так она же висит в доме загородном. Я успел. Выхватил одну, – Русанов подошел ближе к окну, чтобы выскочить, если подруга жизни метнёт сковороду или даже чашку эмалированную.

– А мне, падла, знать не положено? – орала жена, разбрызгивая слюни. – Как же! Ты один у нас первый сорт. Государство грабишь! Высшая каста! А мне даже про люстру не сказал, скотина!

– Так ты вчера там была, – Алексей открыл окно. – Лень было в пятой комнате шары к потолку поднять? Висит, сверкает твоя люстра богемским стеклом, дура тронутая!

В него уже летела не очень крупная, но чугунная сковорода, поэтому он перекатился через подоконник и свалился на травку.

– Как же теперь чемодан забрать? – прикидывал он, растирая задницу, принявшую на себя контакт с землёй. – Всё уложено в расчёте на три месяца путешествий. И пятьдесят тысяч в футляре от бритвы «Харьков».

Понимал Алексей Иванович, что майор Шура душу из

него вынет. У него же фальшивка фотографическая на руках.

– А фотографы, мать их, меня, конечно, сдали. А если и нет – он всё равно из меня признание вынет. Не зря его волчиной зовут. Зверь, мля! Вот же повезло мне! И, главное, пугать его бесполезно. Не боится ничего и никого. Точно псих. Только психи страха не имеют. А мне надо срочно сваливать туда, где даже он не догадается искать. В Литву. К армейскому корешу Ромасу Лусису. И билет, мля, в чемодане. Надо как-то Вальку из дома вытащить, чтобы чемодан тихо забрать, во!

Он побежал к соседке Коноплянниковой.

– Катя, дорогая! Ты нашу с Валькой жизнь знаешь. Как собаки чужие грызём друг друга.

– В основном она тебя жрёт без соли и постного масла, – ответила Катерина. – Чего от меня надо?

– Вытащи её к себе на пять минут. Мне чемодан забрать надо. Уезжаю я. Отдохну от неё в Гаграх месяца три. Потом вернусь.

– А вот пусть она мне поможет штору повесить, – и Катя

сорвала с окна плотную ткань, названия которой Русанов не знал. Сорвала и пошла к Валентине. – А ты бегом давай, через окно залезь, хватай чемодан и чеши под всеми парусами. Я ей не проболтаюсь, не дёргайся.

Через десять минут Алексей Иванович узкими улочками старого города бежал с желтым чемоданом к вокзалу. Поезд на Москву – через час. А оттуда самолётом – в Клайпеду. Хрен Малович его там искать будет. И час с трудом, но прошёл. В купейном вагоне тепловоз быстро потащил Русанова от всех грехов подальше. В купе он познакомился с ребятами из управления теплосетей. Слесари ехали на стажировку в Москву поднимать разряд. Все, если их не загнобят, получают высший, шестой разряд и зарплата у них будет больше, чем у Русанова – двести сорок рублей.

– За знакомство и успех на стажировке надо бы приглотить чуток. – Сказал весело Валера, светловолосый, с чистыми как у ребёнка голубыми глазами.

Каждый достал из рюкзака по бутылке «Столичной». У Русанова были для общего пользования только бутерброды с красной икрой.

– Вот, – стеснительно сказал он. – Брат в кооперативной системе работает. Им там иногда деликатесы дают.

К вечеру все перенасытились «напитком богов», передрались из-за того, что у двоих из них инструмент новый, а вторым двум его не выдали. Потом они привязались к Алексею Ивановичу.

– Ты кто такой! – держал его за грудки голубоглазый. – Чего в нашем купе торчишь? Тебя звали?

– Выкинем его в окно, – предложил маленький, толстый и лысый Иван Степанович. – Гля – кось, желтый чемодан у него. Как у бабы! Только серьги в уши воткнуть – на мужика станет вообще не похож.

Окно никто открыть не смог. В трудах парни потеряли силы, боевой настрой и скопытились. Уснули они мёртвым сном и ещё сутки до Москвы Русанов ехал спокойно, если не считать трёхголосого с присвистом храпа соседей.

Билет из Москвы в Клайпеду купил он прямо в Шереметьево и через полтора часа на такси подкатил к красивому восьмизэтажному дому, где жил армейский дружбан Ромас.

Русанов рассказал ему вообще всё про себя. Литва – она вон аж где. Кто услышит из кустанайских? А сам Лусис не болтун. Он, как и все прибалты, говорил мало и медленно. Поседел, постарел. Брюшко заимел. Работал начальником

цеха на судоремонтном заводе. Получал аж триста рублей. Ну, Литва! Заграница! Почти Европа.

– А милиция тебя здесь не будет искать? – Ромас со смаком выпил стакан «Цоликаури». Алексей смог довести. Для купейного общества и красной икры было жаль. Но не дать ничего – опасно. – А то я тут на хорошем счету. Депутат горсовета. И вдруг преступника прикрываю. Выгонят из депутатов. А это хоть и не большая, но власть.

– И в Австралии искать не будут. Живи спокойно. В Кустанае толком и не помнят, что есть Литва, а Клайпеда для них вообще неизвестная планета. – Успокоил Алексей Иванович армейского товарища.

– Ну, раз так, то и ты у меня живи пока не надоест, – пожал ему руку Ромас. – Я один. Жена ушла три года назад. Пил я крепко. Сейчас иногда девушек для усмирения плоти привожу. Ты ж часик-два по городу всегда сможешь погулять?

– Ночью? – ужаснулся Русанов.

– Ночью я сплю, – засмеялся Лусис. – Мне, как и тебе – полтинник. Ночью надо сил набираться, а не тратить. Они днём приходят, девочки.

И стал Русанов сразу же на время литовцем. Гулял по городу неторопливо. Как все местные. На верфи подолгу сидел, в кино ходил, по музеям. Так первый день и прошёл. Тихо. Блаженно. Позвонил он вечером в день приезда прямо от Ромаса жене. Доложил. Что в Гаграх он, в профилактории. Сказал, что вернётся через пару-тройку месяцев. Решил, мол, дух перевести. Работа задолбала. И попутно интересовался, не искал ли его кто?

– Да кому ты, козёл старый, нужен! – закричала жена. – Директор фабрики звонил. Я сказала, что ты, сволочь паршивая, бросил меня и утёк к какой-то шалаве. Может, рядом, в Рудный. Или в Джетыгару. Директор сказал: «Чтоб его мать!» и больше никто не звонил.

В общем, успокоился Алексей Иванович и вечером у Ромаса выяснил, что в местном клубе профсоюзов прямо с утра собираются мужики играть в шахматы и шашки. Ну, на бильярде ещё. И жизнь снова засверкала. Русанов пошел в клуб к десяти и самозабвенно играл в шашки. Ромас ему поочередно двух девочек пообещал дать на время, пообедал он после шашек в красивом, с необычными интерьером и кухней, кафе «Два петушка», а всё остальное время до семи вечера потратил на всякие раздумья. Приехал в Национальный парк "Куршская коса", выбрал уголок глухой и заросший, пристроился на старинной скамейке и думал свои тяж-

кие думы. Кто будет вместо него и вообще – получится ли у дрожащих перед ним придурков его свергнуть, когда он вернётся? И будут ли его подчиненные откладывать ему его долю от продаж? Короче и в эмиграции голова Русанова думала о деле.

Малович утром позвонил Вове Тихонову, назначил ему прибыть на фабрику к девяти с блокнотом. Записывать разговор с бухгалтером. Он аккуратно уложил в портфель фотографию смонтированную. Целовать было некого. Жена ушла в больницу рано. Снова операция. Шура пожал сыну руку, приказал вести себя достойно мужчины и за десять минут на мотоцикле долетел до «Большевички».

– А что, Русанов часто опаздывает?– спросил он у секретарши в приёмной.

– Так его потеряли, – удивленно ответила она.– Жена говорит – не ночевал дома. А перед этим набил до отказа чемодан. Но когда успел его забрать и сбежать – не помнит. Бросил меня, падаль, сказала. Ну и хрен с ним, сказала.

Малович пошел к директору и вернулся злой.

– Похоже, что свалил наш герой незаконного труда и организатор убийств.

Врубился, что фотография – это начало его конца жизни на воле.

– Да найдём, – Тихонов даже не расстроился. – Если на Луну не улетел – в СССР никуда он не спрячется.

Они вернулись в кабинет. Малович сбегал, доложил полковнику, что Русанов смылся, но Лысенко даже не удивился.

– Лови. Ищи. Алексей хоть и хитрый лис, но он не умнее тебя. Вот ты ум и включай. Зачем он тебе вообще, если на работе им не блистать?

Шура позвонил секретарше на фабрику.

– У жены его какой номер телефона дома? Может они поругались и он поехал в наш дом отдыха «Сосновый бор», чтобы там свалиться в запой и обиду заглушить?

– Два, сорок четыре, тридцать два. – Больше ничего?

– Нет. Спасибо, – Шура, бросил трубку на телефон и сразу же выдал версию.

– Он должен был звонить домой. На работу и в цеха – маловероятно. А жене он должен втюхать, что уехал отдохнуть.

И назовёт место в совершенно противоположной стороне. В Гаграх, скажем. А свалит в Воркуту. Ну, если с перепуга не поглупел.

– Ну, а жене-то чего звонить? Хотя... Распустить слух, что он в Гаграх – самая лучшая кандидатура это его жена?– удивился Тихонов.– Точно!

Малович записал номер в блокнот и стал смотреть в потолок. Считал варианты поиска.

– Саш, у меня сегодня праздник. Маринка возвращается. Я поеду, заберу её вещи и дочкины? А вечером приходи. Все вместе отпразднуем.

Ух, ты! – обрадовался Малович. – Простила тебя, идиота? Я бы, конечно, ещё полгода тебя помуржилил. Но ей виднее. Давай. Только ты, запомни, виноватый. Так себя и веди. Понял?

Но Вова уже вылетал со двора милицейского на асфальт и напутствия не слышал. Он привёз своих любимых Маришу и Наташу, накормил специально купленным вчера набором из трёх блюд, купленным в лучшем ресторане «Целинный». Разогрел. И солянка с ромштексом и апельсиновым соком понравились всем. Наташа убежала во двор к подруж-

кам. Более полугода не виделись. А Володя с Мариной обнялись и молча сидели так на диване долго, впитывая всей кожей подзабытый вкус тел друг друга.

– Ты больше не будешь от меня бегать? – спросила Марина через час.

– Да что ты! Для меня это было великим наказанием. Моя жизнь – это вы с Наташкой.

Не отпуская друг друга они объединились долгим поцелуем, поднялись и на пару часов, не открывая глаз, ушли в спальню. Им было слегка неловко, но страстно и долгожданно. Хорошо было. Как раньше.

А Малович, волчина позорный, на то и был «волком», чтобы нюхом почувствовать – где добыча. Он взял блокнот и пошел к начальнику АТС междугородней связи. Марецкий Виктор Данилович Шуру уважал крепко. Три года назад ночью его сторожа связали, кляп воткнули и вытащили из помещения все пульта, радиоантенны и соединительные провода с особенной резьбой. Эту станцию можно было очень дорого продать в любом городе Союза. С руками бы оторвали.

Малович нашел её за два дня. Сначала спросил у сторо-

жа: говорили грабители что, или молча работали? Сторож вспомнил, что когда его вязали, один носатый бандит крикнул другому.

– Ты, Чукча, деда не задуши. Мокруху нам не надо. Вяжи слабенко. Он не распутается.

Потом на косяке двери криминалист отпечаток нашёл. Не Чукчи. Другого. В картотеке он был. И Малович сначала их нашёл, потом ещё двоих по наводке арестованных. Отвезти урки за два дня аппаратуру не успели. Через две недели АТС работала как обычно. Марецкого тогда поразила уверенность Александра Павловича.

– Дело я буду вести. Потому, что было нападение на сторожа с ножами. Пару дней подожди, Данилыч. И заберёте свою технику.

– Надо же, – удивился один из мастеров монтажа. – У нас умеют быстро раскрывать преступления! Кому скажи в той же Москве, ржать будут час. Лучшие сыскари, они ведь в МУРе все. А мы – дерёвня лапотная. Вот обалдуи. Не знают ничего. У нас, бляха, мусора почище МУРОВских есть.

– Данилыч, – пожал начальнику руку Александр Павлович. – Вот на этот телефон вчера или сегодня звонили?

Марецкий отнёс кому-то бумажку и спросил: – Жисть-то как? Воюешь?

– Да бывает, – засмеялся Малович. – А в основном рыбалка, с женой по театрам ходим, в музеи.

Марецкий зашелся в таком приступе хохота, будто Шура затравил новый офигенный анекдот.

Пришел через пятнадцать минут парень в голубой униформе и с двумя бумажками в руках. Одну, с номером, сразу отдал Маловичу. Вторую зачитал. Вчера в двадцать один сорок две на номер был звонок из Литвы. С телефона 370 – 46- 67 – 31. Это Клайпеда. Зарегистрирован аппарат по улице пятьдесят лет Октября, дом сто семь, квартира тридцать два. Ромас Янович Лусис, владелец.

– Спасибо, Дима, – сказал Марецкий.

– Вы быстрее работаете, чем мы, – засмеялся Шура. – Ну, чтоб всё было у нас всех хорошо. Благодарю. Очень помогли мне. Я в долгу.

– Да боже упаси. Лучше не надо, – Тоже посмеялся Виктор Данилович. И они расстались.

Шура пошел домой на обед. Зина мрачно выставила на стол всё, что положено и села напротив.

– А сама поела уже? – Александр метал ложкой борщ так же быстро и точно как во Владимировке вилами копнят сено. Швыряют на три роста выше себя со скоростью прямо под ноги ровняльщику.

– Тебя видели в парке на скамейке с девушкой сегодня в одиннадцать. Это подстилка офицерская? Ты ж майор целый. Тебе положено. А то свои засмеют. Такой орёл, а кроме жены нет никого. Значит, или дурак, или импотент.

Малович сидел с полным ртом и не жевал.

– Глотай, – посоветовала жена. – Как врать с полным ртом?

– Так это. Я же кобель. Весь город знает. Я половину ваших в больнице откатал на кушетке в процедурной. Тебе не говорили? А боятся меня. Я же волчица. Загрызть могу, а то и застрелить, – Шура отложил ложку. – Ты знаешь, Зинуля. Надо мне будет, я полгорода завалю в койку. При этом как придурок сидеть и рисоваться перед знакомыми в парке не стану. С башкой пока всё в норме.

Но мне пока не надо. Никого. Кроме тебя, ясный день!

Слова моего мало? Я офицер или где? Тогда следи за мной. Я и на любом вооруженном задержании могу кого-нибудь трахнуть. Под пулями. Баб бандиток тоже – ого-го! Ты ходи за мной незаметно. Хорошее занятие. Свежий воздух, ножи, дробь-шрапнель летает, а я посреди этого концерта тёлок мну.

– Чё, ошиблась она, что ли? – Зина посмотрела в окно. – Вот лошадь.

– Так если б не ошиблась, то я бы и её прямо там, в парке. Мне по фигу – одна кобыла или сразу бригада закройщиц.

– А, может, это Борька был!?! – охнула жена. – Этот красавец может. А вы-то похожи как. Оба красивые, здоровенные.

– Анне Петровне не ляпни по горячке. Здоровенных и красивых половина города.

Он не доел, взял портфель и поехал в УВД. Полковник посмотрел бумаги и сказал.

– За полдня найти гада в другой стране... Волчина ты pozorный. Собирайся. И Тихонову скажи. Вместе полетите.

– Один полечу. Тихонову найдите тут работу. Что, преступления кончились? Бандюганы наши перековались в честных тружеников? Скажите, пусть Лосев командировку выпишет. И денег на два билета обратных до Москвы на самолёт. И в Кустанай на поезд.

Пока поезд задумчиво плёлся в Москву, Шура читал книгу Зоценко и жутко хохотал. С ним ехала бабушка лет семидесяти. Она сидела за столиком у окна, жевала яйца вкрутую, запивала кефиром и испуганно поглядывала на весёлого парня. Но лучше ведь ехать с весёлым, чем с пьяным.

В Клайпеду он прилетел поздно. Около одиннадцати. Поймал такси и через полчаса стоял у двери квартиры номер тридцать два.

Открыл Ромас и, увидев обтянутое футболкой тело, покрытое большими буграми мышц, остолбенел.

– Мне ваш друг нужен. Русанов Алексей Иванович, – сказала гора мускулов.

– Рома, не пускай его, – закричал из дальней комнаты Русанов. – Это из милиции за мной. Я его по голосу узнал!

Малович отодвинул вбок щуплого Ромаса и вошел в квартиру. Тут же грохнул пистолетный выстрел и пуля застряла

в бетоне справа от Шуры, покروшив на пол штукатурку.

– Зайди на кухню, – Русанов наставил ствол на Александра и тихо вдоль стены пошел к двери.

– Пистолет у блатных взял? Значит, незаконное хранение и применение. Дополнительная статья, – Малович зашел на кухню и прижался к боковой стене справа за дверью.

– Ну, вот тебе и конец, – в кухонную дверь на левую сторону влетел Алексей Иванович, направил пистолет на Шуру, зажмурился и выстрелил.

10. Глава десятая

Все, кто из оружия стреляет в первый раз или редко выпадает им это счастье, всегда обязательно зажмуриваются. Кто-то за секунду до выстрела, когда вроде точно прицелились, а другие как раз в момент, когда рвут на себя курок. Науке этот феномен знаком, но она его не изучает. Потому, что мелочь. Вот какого пса не решается теорема Ферма? Это да! Мировой важности вопрос! Сотни тысяч «сапиенс» не зарплаты ради, а по приказу разума бьются с теоремой, но она, как чересчур хорошо воспитанная девушка – не поддаётся даже самым умным и симпатичным, окончившим МФТИ или имени Баумана.

Русанов сам не считал себя лихим ковбоем, поскольку в детстве не пулял даже из рогатки по воробьям, а из огнестрельного стрелял за пятьдесят лет три раза. В мишень после трёх стаканов водки у родственника-колхозника, в бутылку после баньки с пьяными «большими» людьми. И вот, наконец, в человека. Потому, что не служил, а где пострелять как не в армии!?! В армию не попал Алёша случайно. Папа в тридцать девятом году после совместного похода в кино тоже случайно забежал с Алёшей в поликлинику к другу детства дяде Лёне и там у восемнадцатилетнего Алексея нашли

тяжелое поражение сосудов головного мозга. Хотя дома никто признаков не видел.

В справке врачей прямого указания помереть не было, но между строчками читалось, что Алексей обязан был скончаться где-то через год. А зачем армии трупы в гражданское мирное время? Отпустил военкомат Русанова Алёшу загибаться в домашних условиях. И поступил он в кооперативный техникум, где учили на бухгалтеров. Там тоже даже из рогаток никто не стрелял. Девяносто процентов – девушки.

В общем влетел он на кухню, увидел справа Маловича, направил дуло ему в сердце, зажмурился и быстро нажал на спуск. Александр Павлович за полсекунды до полёта пули увидел за дулом закрытые глаза и просто присел. Ко всему при выстреле пистолет в неопытных руках метнулся дулом вверх и Русанов расколол в шкафчике позади милиционера несколько фарфоровых чашек и красивый глиняный графин с росписью «под Палех». Когда Алексей Иванович глаза открыл, то вместо умирающего в муках милиционера увидел его, стоящего на своих ногах, причём в руке он держал русановский пистолет и улыбался.

– Вот как вы, Алёша Иванович, «волыну» пронесли в аэропорту, да ещё в Москве?

– Кого я перенёс? – выдохнул Русанов.

– «ТТ», – засмеялся Шура в голос. – Пистолет Тульского-Токарева, состоящий на вооружении в войсках. Вас в Шереметьево должны были арестовать и вести сегодня следствие, а послезавтра суд и «зона». Лет шесть.

– А там, в комнате, лежит футляр от него, – голос Русанова пока дрожал. – Мне его блатные сделали из тонкой свинцовой пластинки. Обернули свинцом пистолет. Рентген в аэропортах, они сами проверяли, пистолет не может определить, свинцом закрытый. Да и самого футляра совсем не видно. Пустое место как будто. Я собирался летом на отдых. На Чёрное море. А там, сами понимаете, юг. Туда все грабители летом туристов трясти отовсюду слетаются.

Ну, я через начальника колонии попросил достать мне «ТТ» и уберечь его от аэрофлотовского рентгена. Зеки сделали всё как надо. Ну, а сейчас его взял на всякий случай. Чужая страна. Но не затем, чтобы вас убить. Я вообще не думал, что вы меня тут найдёте. Тем более, за день.

Малович под руку вывел бухгалтера в комнату, и они сели на диван.

– Вот вы старше меня намного, – хлопнул его по плечу

Шура. – Но от того, что вы мне противны, я буду общаться на «ТЫ».

– Да ладно. Ничего. И я буду на ты, – кивнул Русанов. – Я тоже нежных уважительных чувств к тебе не имею.

Ромас в это время стоял на лестничной площадке и трясся. Он вообще был человеком испуганным надолго. Жена бросила его и, уходя, объяснила, что он трусливый, безвольный и беззащитный. Таким его водка сделала. И что умрёт он рано от испуга. Вот он и ждал на площадке, когда придёт смерть. Потому как очень испугался выстрелов. А изображение дополнило перепуг картиной плавающего в крови милиционера и разъярённого Алексея, друга, который, раз уж начал, мог пришлѣпнуть и его.

– Ромас, заходи, – позвал Алексей Иванович. – У нас всё миром обошлось. Иди домой.

Лусис вошел и сел на корточки напротив дивана.

– Корешу всё как есть рассказал? – Малович расстегнул вторую пуговицу рубахи и откинулся на спинку ворсистого дивана.

– Ну, – кивнул Русанов. – Ему можно.

– Во! – Малович прижал Алексея Иванович за плечо к себе так дружески, что несколько мелких косточек у бухгалтера хрустнули. – Ему просто можно. А мне так просто нужно! Необходимо просто. Понимаешь, Русанов, мне побоку твои подпольные дела. Я их трогать не буду. Клепайте лавэ пока Алма-Ата или Москва вас не застукают.

Может, наш ОБХСС возьмётся, но у тебя же там «свой» заместитель начальника. Значит, отмажетесь. Да и хрен с ними, с цехами «левыми». Я ловлю убийц. Сам ты не убийца. В меня вот не попал с полутора метров. А пять убийств из семи я раскрыл. Убийцы уже на шконках хлебают баланду. Но, Алексей, мил человек, блатные бы сами и не дёрнулись. Приказывал им убивать ты. Все трое, на которых висит пять «мокрух», написали, что приказывал и жертву называл ты. А? Или вру я тебе? На «пушку» беру?

Надолго задумался Русанов. Сигарету у Ромаса попросил и граммов двести водки. Курил он после выпивки, кашлял как туберкулёзник и сморкался в большой клетчатый носовой платок. Некурящим был Алексей Иванович. Но тут припёрло. Требовалось успокоиться.

– Ну, раз ты всё знаешь, так я тебе зачем? – удивился он и снял туфли. От водки тепло чересчур стало ногам.

– Не, ты меня или не понял, или много выпил и не врубашься, – Шура развернул бухгалтера к себе лицом. – Убийств семь. Ты в это время напрягись и соображай. Я раскрыл пять. Осталось два. Тех пятерых решил чужими руками убрать ты. Это уже по суду прошло. А два последних, особенно Иванов, сами себя грохнули? Один даже горло себе перерезал и в Тоболе пять дней плавал, пока не выплыл на пляж.

– Этих не я приговорил, – Русанов отвернулся. – Шофера Кудряшова с завода кожезаменителей захотел грохнуть директор этого же завода Марченко. Он наш, в команде подпольной, но ещё и директор государственного предприятия. Кудряшов с кладовщиком заводским снюхались и вышло, что за квартал они вывезли пятьдесят семь тонн заменителя. Это по документам. А на самом деле девяносто три. Там столько как раз и было. Нам в цеха пятьдесят две через фабрику оформили. А все остальные они отвезли в Челябинск и на базаре всё за раз скинули. Директор потом «прижал» кладовщика, а тот назвал инициатором Кудряшова. Позвали его, шофера, так он всех обматерил и сказал, что у него в эти дни машина на ремонте стояла. Выяснили, что сбрыхнул он. Сказали тогда, чтобы деньги вернул.

– Какие, – психанул Кудряшов – деньги? Не брал, мол, и

всё.

– Тр-р-р! – остановил плавную речь Алексея Ивановича Шура. – Вот тут тормознём для прояснения деталей. То есть ты ездил к «куму» насчёт пятерых, а по убийству Кудряшова кто? Директор Марченко? Не Камалов же на «зону» пёрся. Это ему не по рангу. У вас что, любой работяга может приехать к главному палачу Серебрякову, «куму» зоны, и попросить у него убийцу?

– «Кум» сам был у Камалова. Он вызвал, Серебряков приехал.

– Ну, Кудряшова кто убил конкретно? А Иванова? Не кто просил «кума» дать убийцу, а убивал конкретно кто? – разозлился Малович и приподнял за воротник Русанова над диваном. – Можешь узнать сам у «кума»?

– Ну, только когда приедем в Кустанай, – опустил глаза бухгалтер. – По телефону не будет он об этом... Ты лучше скажи, что со мной собрался сделать.

Шура ходил по комнатам и медленно объяснял.

– УВД, не я, подаст на тебя в суд за ложный на меня донос. За фотомонтаж глупый и плохо сработанный. Вы его в

обком отдать не успели. Но в УВД ведь принесли, в Государственную организацию и пропустили через канцелярию клевету на сотрудника. Чтобы к генералу точно попал. Ложный донос, Алексей Батькович это статья 186 УК. До пяти лет. Всё! Через три месяца Камалов, дружан твой, вызовет с «кичи» Хватит с тебя.

– Как? – обалдел Русанов. – А организация убийств?

– Да я тебя на понт взял, – хмыкнул Малович. – Блатные сказали, что приговаривал точно ты, но не писали. Ни в одной бумаге нет твоей фамилии. И ты сам лично других выдашь организаторов, таких как ты, на словах, устно, без протокола, не тронем тебя. Обещаю. И писать ни на кого заяву или «признанку» не будешь. Мне твоих слов хватит. Но если обманешь, всё соберу в кучу, напишут мне все те, кто должен всё на бумаге отразить да тут и подпольная твоя жизнь вынырнет, кражи, «левые» деньги. Тогда уж, извини, но будет тебе пожизненное.

Единственное, что надо очень даже обязательно, так то, чтобы кто-то из последних убийцев написал. Повторяю – написал! Что команду убить и адрес жертвы давал лично начальник колонии. И убийцу назначал всегда он. И что платил за «работу» тоже он. Сделаешь?

Русанов стал метаться по квартире, рвал на себе волос, рубаху и даже майку. Лицо его накрыла гримаса отвращения ко всем и ко всему. Алексей на работе научился это скрывать. Но сейчас он был на грани главного своего выбора. И ненависть к себе, ко всему человечеству, не успела спрятаться, вырвалась наружу.

– Да ты убьёшь сам себя так, – остановил психоз бухгалтера Шура. – Ну, пошурупь чуток мозгами. «Кум» ведь мог тебе или Камалову отказать? Мог! Отказал хоть раз? Нет! Ты сам хоть одного бывшего зека знаешь, которого ты сам мог позвать на пару бутылок водки и сказать, кого надо грохнуть? Нет, не можешь. И никто из вашей кодлы «цеховиков» не может. Вот ты меня попроси, чтобы я директора вашей фабрики застрелил. Мне-то раз плюнуть. А? Не попросишь. Потому как я тебя пошлю и на три буквы и на пять, да и на все одиннадцать.

А начальник ИТК- 4 дробь 7 «У», доблестный подполковник Серебряков имеет на воле целую бригаду наёмных убийц, своих бывших сидельцев. И хочет – твою просьбу выполнит, захочет сам кого-то грохнуть – полно желающих из бывших. И он им заплатит прилично. Не задарма же кровь лить. Ну, тебя, к примеру, пожелает ликвидировать Гавриленко из цеха пошива униформы.

А что!?! Бригада есть, оружие он где-то достаёт. Получается, реальный приговор выносишь не ты, не кто-то из ваших цеховых начальников, а тот кто распорядился убить, и бандиты выполнили именно его поручение. Не твоё. Не Камалова. Вы можете только захотеть. А он может вас послать. Так нет. Я уверен, что ваши цеха – не единственная кормушка Серебрякова. А это, Иваныч, уже не просто отдельные убийства. Это организованная система. Конвейер кровавый. Въехал сейчас?

– Получается, что этот «кум» – главный козёл и самый крупный преступник! – догадался Ромас первым.

– Выходит так, – кивнул Русанов. – Мы-то тоже скоты ещё те. Но реально посылает на убийства подполковник. Да...

Малович снова сел на диван и посадил бухгалтера рядом.

– Водки налей всем, – попросил он Ромаса.

Выпили, закусили маринованными огурцами из холодильника.

– Короче, едем в Кустанай и ты через подполковника Серебрякова мне находишь тех, кто убил шофёра Кудряшова и кладовщика фабрики Иванова, – Малович стал серьёзным и

говорил отрывисто. Чётко. – Я их беру. Колю на признание, что послал убивать «кум». Они мне напишут. И не только про себя. Про тех, кого я уже посадил. Что их он тоже посылал и за ликвидацию платил. Для них это уже ничего не меняет.

– Так я сам попадаю! – закричал Русанов. – Я же у него лично узнал, а исполнители потом написали на Серебрякова. Он что, без мозгов? Не догадается, откуда подуло?

– Вот балбес! Как ты в бухгалтерии работаешь? Думать же надо, – Шура обнял Алексея Ивановича. – Ты приходишь и говоришь, что на следующую неделю на два новых убийства тебе надо тех, кто убрал шофёра и Иванова. Очень тебе понравилось исполнение. Исключительно чисто сработали. Мусора, мол, другие раскрыли, а эти два – ну никак. Хочешь, на коленях проси. Или водкой накачай, чтоб из ушей лилось.

Но ты же у него про них не выпытываешь ничего. Ты их для себя просишь! Просишь себе лучших для дела! Деньги хорошие обещаешь. Чуешь разницу? А когда я убийцев расколю, они его назовут, скажут, что он послал убивать и заплатил тоже он. А про тебя-то вообще речи не будет. Не станет им «кум» тебя называть. А сами не допрут. Никогда же не называл «кум» никого?

– Да нет, не называл,– усмехнулся Алексей Иванович.– Ему же это не выгодно. Он же деньги платит. Он, значит, хозяин всех дел.

– У-у... Дошло, – Малович стал укладывать всё своё в портфель. – Собирайся. Поехали. Самолёт в Москву в пять утра. Сейчас три. Успеем. Они попрощались с Ромасом и пошли ловить такси.

Вокзал Кустаная появился неожиданно в девять двадцать утра. До поворота от станции Тобол его не видно вообще. В окне как на экране телевизора шел документальный фильм о самой невидимой и неизвестной Кустанайцам крайней части города – промзоне. Здесь ремонтировали тепловозы и вагоны, тут делали «костыли» для шпал, дробили щебень и гравий, собирали стрелы и платформы подъемных кранов и молили муку. Вокзал Московские архитекторы сделали на восемьдесят процентов из стекла, на двадцать – из бетона, замешанного на красивой золотисто-бежевой краске.

Людям на вокзале спрятаться от глаз прохожих было некуда. Без стекла оставили только «М» и «Ж». Гордились красавцем-вокзалом все. Перед ним посадили большой сквер. Вокруг здания клумбы, клумбы и клумбы с разными цветами, в основном с бархатцами и цинниями. Между клумбами помещались узкие дорожки для людей без багажа и вся-

кие разные деревья. От берёз до голубых елей. И всё почему-то прекрасно росло, несмотря на почти солончак и вечно плохую погоду. То жара дурная, то такой же холод.

На вокзале из будки с телефоном Шура позвонил дежурному и вызвал машину.

– С месяц поживешь у нас, – обрадовал он Русанова. – Тебя же в городе нет. И меня нет. Значит, я тебя ловлю. И все ваши знают, что обязательно поймаю да привезу. Потом будут искать момент, как тебя грохнуть. Ты же в принципе можешь всех сдать. Опасный вы, товарищ Русанов. Когда тебя отвезти к Серебрякову? Как думаешь?

– На вашей синей лайбе с красной полосой? – улыбнулся Русанов.

– Зачем? У нас свои машины есть. «Москвичи»

– А он меня прямо там не кончит? Раз уж я появился, то, выходит, пока ты меня не нашел. А если найдёшь, душу из меня вынешь, и я могу испугаться, да сдать главарей. Их трое кроме меня.

– Нет, у себя на работе «кум» тебя не тронет. Тебя после выхода от него станут вычислять, «ноги» приставят за тобой.

Дома, у друзей, у родственников искать будут. На фабрике. Но не у нас в УВД. Точно. – Александр Павлович сказал это бодро, почти весело. – Только ты к нам сразу из его кабинета не иди. Дуй домой, орите с женой друг на друга.

А к четырём утра подъедет к дому «москвич». Шофер – мой друг. Володя Тихонов. Капитан милиции, мой напарник. Поедете к нему. Часа в четыре утра «пасти» тебя не будут. «Мёртвая зона» Он пойдёт, проверит всё вокруг. И если «хвоста» от твоего дома до Володиного не будет, то вторая смена придет следить за тобой к твоему дому часов в шесть-семь, а ты с четырёх утра будешь уже у нас. Не переживай.

И ещё. Подполковник точно назначит тебе встречу с теми, кто тебе нужен для очередных убийств. Число назовёт, время, и кликухи наёмников. И вот там, на встрече, тебя шлёпнуть могут запросто. Но ты на встречу не пойдёшь. Я пойду.

– Подумаю ночью, – Алексей Иванович раза три пытался спросить, но стеснялся и решился только на четвертом заходе: – А меня покормят?

Александр Павлович бухгалтера успокоил.

– Жить будешь в номере для гостей. У нас тут что-то наподобие гостиницы есть. А ты же не арестованный. Ты нам помогаешь. Значит тоже гость уважаемый. Покормят, конечно.

Когда он подъехал к своему дому, то чуть из кабины не выпрыгнул раньше времени. Водитель сказал что-то вроде «Вот же, суки!». Стёкла были разбиты, на фронтальной стене места живого не нашел Шура. Вся стена была разворочана шрапнелью. Забор повалили вперёд, на дорогу. Привязали трос к машине и дёрнули. Забежал в дом. На столе лежала записка от жены.

«Саша. Какие-то люди подозрительные шарахаются возле дома по вечерам. Звонят по телефону и молчат. Мы опять ушли жить к Аниной тётё».

– Четыре дня прошло. Русанов со мной был. Никуда не звонил и не выходил. Значит ещё кто-то вцепился мне в загривок. Но кто? – Александр Павлович серьёзно озаботился. Он позвонил Полине Ефимовне, поговорил с Зиной, с Виталиком. Она собиралась на работу. У них всё нормально было.

Шура съездил к полковнику Лысенко, всё ему доложил, потом сгонял на мост через Тобол. Там муж сбросил жену с верхней бетонной площадки. Она – двадцать метров высотой. Жена упала на нижнюю, тоже бетонную, и от неё почти ничего не осталось. Муж спустился до первой стальной перекладины и повесился на своём ремне. Малович по рации

вызвал экспертов и отпустил патрульных. Вскоре приехали следователь, криминалист и труповоз. Маловича шеф отпустил отдыхать после командировки. Он до вечера просидел у Зины в больнице. С Виталиком болтал. У него занятий в школе не было. Мышей травили.

– Может, с нами поживёшь пока утихнет? – без надежды спросила Зина.

– Не, домой пойду. Гляну, что за звери добычу ждут.

В десять вечера он погасил свет, вышел и сел на скамейку, которая стояла в стороне от ворот и не упала. Сел прямо напротив дороги. В одиннадцать подъехал «Уазик», уставился яркими фарами на Шуру и дом. Потом из него вышли трое с помповыми пятизарядными ружьями. Они стреляли в разодранные косяки и недобитые стёкла, в покалеченный дом, двор, баню изрешетили. Не одна дробина ближе метра от Александра не пролетела.

– Хорошо стреляют, точно, – подумал Малович, дождался пока машина уехала и пошел спать. Стряхнул с кровати осколки бывших окон, подпушил подушку и лёг.

– А я, дурак, думал, что с поимкой Русанова всё умолкнет. Но, похоже, оно только начинается. И уснул.

11.Глава одиннадцатая

У судьбы любимчиков не бывает. Всем она житие то пряником подсластит, то кнутом приведёт к общему знаменателю. А общий знаменатель – он не низок, не высок, не мелок, не глубок. То есть и от счастья не лопаешься, и от горя не вешаешься. И всё вроде у тебя есть. Немного денег, немного любви к жене. Чтобы нос особо не задирала. Ну, работа ещё – какую бог дал, удочки для сидения на берегу и глядения на поплавок, туфли выходные за сорок рублей, в которых некуда пойти, потому что кругом провинция. И есть у тебя телевизор, лучший подарок судьбы.

Из него ты знаешь, что на западе жизнь – бяка, а мы, несмотря на ощутимые прихрамывания, ломимся к светлому будущему. Телевизор рассказывает, как ухаживать за клубникой и ты сразу хочешь хорошего – купить дачу. С экрана Хрюша со Степашей так развеселят тебя в шедевре «Спокойной ночи, малыши», что уснёшь ты только под утро. А главное – «Последние известия». После них ты хоть с утра, хоть под вечер испытываешь гордость за хлеборобов, сталеваров, шахтёров и доильщиц коровьего молока. Жить с этим чувством легче. Проще как-то терпеть всякие испытания.

Потому как судьба довольно часто кнутом полосует спину и задницу. За мелкие проступки – по заднице лупцует. За крупные – кровавые полосы оставляет на спине, которых из-под рубахи или кофточки другим не видно. Это судьба кидает тебя в гололёд наземь и ты ломаешь руку. Это она же вынуждает тебя вместо одного вечера пить две недели и терять всё: деньги, уважение, человеческий облик и здоровую печень. Судьба обязательно подсунет тебе с десяток проблем, которые отвлекают тебя от жизни. Ты жить прекращаешь и начинаешь с ними бороться до полного изнеможения. Но не до победы. Потому, что судьбу невозможно ни поменять, ни победить.

Вот у подполковника Виктора Фёдоровича Серебрякова не похожа была судьба на капризную тётку. Кто ему такую выдал, по какому высокому знакомству – даже он сам не догадывался. Но была судьба у него развита односторонне. То есть не кидала его то в жар, то в холод, а, напротив, любила его преданно как собака. И всю жизнь облизывала. Он даже на войне пальчик не ушиб нечаянно. Главное, чтобы Виктор судьбу свою ласковую кормил и гладил.

А вот этим именно он и занимался всю свою почти пустую, нечестную и бессознательную жизнь. Это был редкий человек. У него не имелось ни одного увлечения. Он никогда не читал ничего, кроме гарнизонного устава, ничего ни-

когда не слышал о художнике Репине, композиторе Моцарте, но чувствовал себя умным и жизнь понявшим. В сорок первом вон попал на войну Рабочей – Крестьянской Красной Армии с фашистской Германией девятнадцатилетним пацаном на Западный фронт. А в сорок третьем фронт превратился в горячий, третий Белорусский. Воевал пацан отлично. Главное, что в нём было ценно – это невиданная смелость и полное отсутствие страха. За военные годы его двенадцать раз представляли к наградам

А в сорок третьем командир третьему Белорусскому достался отличный. Генерал Армии Черняховский Иван Данилович. С его крепкой рукой и железной волей войска наши вместе с Витей Серебряковым взяли и освободили города Витебск, Орша, Борисов, Минск, Молодечно, Вильнюс, Каунас и другие, вышли к государственной границе СССР с Восточной Пруссией. И Серебряков к концу войны заработал в боях три медали «За отвагу» и три самых высоких степеней ордена «Славы», которые приравнивались по статусу к дореволюционным Георгиевским крестам. Выходило так, что в сорок шестом Серебряков пришел с войны старшим лейтенантом и как бы почти полным Георгиевским кавалером. Он самым естественным образом не догадывался, что существует страх, опасности всякие, а потому его храбрость и представление о своей неприкосновенности жили в нём неосознанно и в большом количестве. Как нужные кишкам

микробы.

Ну, куда деваться «орлу» молоденькому, двадцатипяти-летнему, с таким набором серьёзнейших «взрослых» наград? Не каменщиком же вкалывать рядом с не воевавшими по здоровью или брони. В военкомате Кустаная полковник, начальник, полчаса читал его дело, личную карточку и характеристику. Задал всего один вопрос

– Пьёшь крепко?

– На службе – граммов сто при соответствующей необходимости. А больше – да ни в жисть!

По бумагам выходило, что этот самый Витя – готовый командир полка. И воля крепка, строг, суров даже, уважаем подчинёнными и командирами за храбрость, умение легко управлять подчиненными, суровый нрав и отсутствие страха. Но полк в Кустанае был только авиационный и командира имел похожего по качествам. Больше военных подразделений не имелось вообще. Но на «гражданку» такого льва отсылать было глупостью, даже небольшим преступлением.

– А потянешь Исправительно-трудовую колонию? Да, в двадцать пять ты мужчина полноценный. Потянешь. Там военные, зеки и собаки. Внутренние войска, короче. Но войска ведь. Не мясокомбинат. Там у нас образовались проблемы.

Начальник Дёмин – сердечник. Один инфаркт был уже. Из двух его замов выбирать некого. Пьют они крепко. Причём вместе с зеками. А потому они для «зоновских» почти приятели и, сам понимаешь, команд их никто уже не слушается. Со стороны трое дембелей приезжали. Но все они, бляха, тыловики. Войны не видели. А один, недавно просился в ИТК, политруком служил. Интеллигентный из себя весь. Даже не матерится. Ну, примет такого «зона»? Нет, конечно.

А ты прямо – таки создан командовать лихими людьми. У нас кто только не сидит. Урки – воры разные, жиганы, разбойники, убийцы и политических не мало. К ним особо тонкий подход нужен. Они считают, что сидят незаконно. Это раз. И все они поумнее блатных, это два. Мы нынешнего начальника на пару месяцев упросим задержаться. Он тебе всё покажет, расскажет, всяким особым премудростям научит.

А то, что ты как «кум» быстро станешь авторитетом – лично я не сомневаюсь окончательно. Тут один раз тебя личный состав и контингент при всех наградах увидит, считай – ты уже уважаемый командир. Сразу даём майора, через год – подполковника, а должность генеральская. И зарплата. Под твоим командованием и «крытка» будет, тюрьма, значит, и «зона». Поселение за колючей проволокой. Бараки, плац, баня.

Пять разных производств. Даже мебель делают. Солдат и офицеров сто сорок восемь. Сорок овчарок. Заключенных – тысяча шестьсот семнадцать. Не много. Амнистия же была в честь Победы. Кабинет у начальника из трёх комнат. Полномочия внутри ИТК неограниченные. Прежнего начальника Дёмина после того как он тебя постажирует – отправим на пенсию. Ему пятьдесят семь, а работает. Ну, ты уже понял, что пока некем его заменить. А вот ты по всем пунктам подходишь. Давай, а? Принимай контору! Военная фактически организация. Или подумать тебе надо денёк?

– Да чего думать? Иду, конечно.

Виктор Серебряков пожал военному руку. Поблагодарил.

– А можно я там и жить буду? Жениться пока рано. А дом строить ещё не на что.

– Да нет вопросов у матросов, – военком поднялся и улыбнулся. – Там у тебя четыре комнаты в жилом корпусе. Душ, сортир в квартире, горячая вода, паровое отопление и большая электрическая плита. Газ не провели пока. Но ни за что платить не надо. Живи. Командуй! Исправляй оступившихся зеков. Вот тебе бумага. Сейчас заполню. Это направление от нас на должность. Вот печать и моя роспись. Всё! Основной документ. Свободен. Начинай завтра работать. Сегодня

Дёмина на пенсию оформим. С утра он тебе передаст дела и начнёт помогать в работе.

Молодые все хотят командовать. Не у всех получается – другое дело. Но хотят все. Повелевание другими прибавляет уверенности и своей значимости. Это, конечно, еще не власть. Командовать друзьями может просто лидер, сам собой образовавшийся. Власть – это если все точно знают, что где-то очень далеко и высоко тебе выдали звание, название или должность, которые разрешают, нет, обязывают тебя чествовать всех, кто ниже названием, и в хвост, и в гриву.

Вот у молодого офицера Серебрякова судьба так вывернулась, что никаких увлечений не надо, никакой несбывющейся мечты и развлекательных мероприятий. Всё оно втискивается в одно понятие – власть. Есть она у тебя, так и мечтать ни о чём не надо. Только пожелай, тебе исполнят, что хочешь. Захочешь отдохнуть, то так тебя развлекут, что устанешь отдыхать. Но одно лишь не очень хорошо – власть даёт четыре ложных иллюзии. Первая: ты сильный. Вторая – ты умный. Третья – ты прав всегда и во всём. И четвертая – без твоей главной команды и самый горластый петух не прокукарекает. То, что это иллюзии, владелец власти не знает и не понимает. Считает, что так оно и есть.

При таком жутковатом наборе ощущений самый уникаль-

ный и героический твой поступок – не свихнуться, не подняться во снах на «Олимп» и не разогнать нахрен всех богов, которых неизвестно с чего признали богами. Бог- это тот, кто может приказать солнцу сегодня не вылезать с востока, а вынырнуть с запада. И чтобы все знали, что это твоя воля! Ты приказал! Витя так сделать, конечно, не мог, но первые полгода ходил по тюрьме и «зоне» при всех орденах и медалях, что в итоге даже зеков, не говоря о служивых, привело к полному отупению. С такими наградами человек может и на воле всё брать без очереди, получать зарплату просто за то, что он есть тут, рядом с простой ничем не награждённой серой массой. А ещё может указывать, кому и как стоять или сидеть в автобусе или как правильно строиться и вести себя в очереди за норвежской селёдкой.

То есть ему и недели не надо было напрягаться, чтобы с неброской, но полноценной помощью Дёмина подчинить себе всё, что по «зоне» ходило, летало и ползало. И жениться он не хотел, потому, что обязательно бы супруге изменял, а значит всегда мог иметь дома скандалы и слёзы. К тому же на новой должности он как и все стал «принимать на грудь» столько водки, что жена и без скандалов могла помереть от злющего ядовитого перегара. Но жениться его безоговорочно заставили сразу. В горьком партии вызвали и сказали, что при такой должности в партию можно и не вступать до появления личной потребности, но первый руководитель должен

быть женатым, семейным. Правило такое для всех крупных руководителей. Виктор пошел в ресторан, где пропадал вечерами и спросил Танечку, официантку, которая его всегда обслуживала.

– Танюха, ты замужем?

– Да не пока. Женихов подходящих не замечала. Хлюпики все или дураки. Ты вот нормальный мужик. А нормальные – все женатые.

– А вот как раз я – холостяк. И ни разу не женился. Выходи за меня.

– А что! За тебя пойду запросто. Бить не будешь?

– Бить – никогда. Пить вот буду. Заранее говорю. Работа нервная.

Было это в сорок шестом. Татьяна живёт с ним и сейчас. Довольна. Квартиру Вите далее четырёхкомнатную в центре города. Детей родили. Пацанов. Старшему двадцать пять. Младшему двадцать. У второго скоро дембель из войск ПВО. Старший отслужил. Работает у отца в колонии офицером по особым поручениям.

А насчёт питья – тема отдельная и обыкновенная. Город злоупотреблял отчаянно. Мужики, конечно. И в ИТК пили тоже почти все. Военные и зеки. Офицеры носили водку заключённым, себе и солдатикам, не имеющим выхода в город.

Одни, как и заместители, пили с заключенными, и считались чуть ли не «братвой». Так потому командирского авторитета закономерно и не имели. Виктор Фёдорович на работе капли в рот не капнул. Шел вечером в ресторан и возвращался поздно, минуя «зону» с «крыткой», прямо к себе в квартиру, Где любил допить коньячок, прихваченный в магазине по дороге из ресторана.

Но самое любимое занятие «кума», которое появилось через пару лет работы начальником – держать на поводке тех, кто «откинулся» и остался жить в Кустанае. Когда зек освобождался, Серебряков выпивал с ним по стакану и брал с него слово, что когда найдёт место для жилья и работы, то придёт и оставит в журнале «кума» свой след. Фамилия, статья, освободился тогда-то, живу и работаю там-то, телефон такой-то.

– Будем с тобой зарабатывать хорошие деньги, – говорил бывшему зеку майор, закусывая водку солёным груздём – Ни на какой работе столько не получишь.

И редко кто из бывших отказывался. Практически никто. Освободившиеся нужны были Виктору Фёдоровичу, чтобы обнять своей властью свободу и волю городскую. Она ведь тоже разная. Есть простая воля, честная. Человек себе обыкновенно живёт и запрещённых, незаконных поступков не де-

лает. А есть воля такая, которая просто кричит человеку в оба уха: «Вот же всё ничьё! Государственное! Почему оно не твоё? Нет же хозяина. Государство – не хозяин. Так как само государство – только слова. Набор бездельников-пропагандистов дурацкого коммунизма. Хитри, мудри, воруй, грабь, обдуривай это долбанное государство, которому ты на фиг не нужен, делай деньги тихо, другим незаметно и не понятно, и живи красиво.

Поэтому «откинувшиеся» продолжали жить под командованием бывшего «кума», имели много денег и умно творили преступления по инструкциям Виктора Фёдоровича, а потому не попадались и жили на свободе. Вообще, у «кума» в городе имелась фактически не очень маленькая, хорошо вооруженная собственная армия. Списанные пистолеты, ружья и даже автоматы он скупал там, куда их отвозили на переплавку. На недалёкий Магнитогорский сталеплавильный завод сбрасывали по акту списания. Часть от большого тоннажа Виктор покупал у заводских воров и записывал оружие в реестры как ломы и лопаты. Сбивали номера заводские и установить, откуда оружие уже было невозможно.

Отбирал он сильных, не глупых, злых и бездушных. Они могли всё. С середины шестидесятых появились «цеховики» В органах милиции они стояли на учёте как тунеядцы и годами клялись найти работу. А сами зашибали крупные деньги. Воровали или скупали по дешевке сырьё по всему Союзу и

втихаря изготавливали всё, что не делало или делало плохо государство. Им и защита была нужна, и ударная сила, чтобы расправляться со всеми, кто перешел им дорогу или мог донести о подпольщиках в милицию.

А кого-то надо было просто перепугать сильно и заставить делать то, что нужно «подземельному» производству. Это делали люди «кума». Он называл просителю цену за преступление, «цеховики» платили, двадцать пять процентов Серебряков отдавал наёмникам, остальные оставлял себе. В семьдесят первом году «кумом» он работал уже двадцать пять лет и в сорок девять годов своих был богаче любого «цеховика». Боялись его все в городе. Кроме простых и честных, которые его вообще не знали. Он мог любого неугодного руками бывших зеков убить, покалечить, сжечь дом, заставить уехать куда подальше, напугать или отнять деньги, если кто-то из начальников цехов не хотел щедро делиться.

В общем жил Виктор Федорович хорошо, но нечестно и судьба его была ласковой к нему, но тоже глубоко непорядочной. А он существовал хоть и хитрым, но невежественным и глупым. И потому именно считал свою жизнь прекрасной и счастливой.

Александр Малович лично Серебрякова не знал, как и «кум» Шуру. И поговорить по душам не получилось бы у

них. Но майор милиции после долгих раздумий всё же остановился на нём. Камалов, Русанов и прочие начальники «левого» производства сами были просителями. Организатором убийств, причём не только известных милиции, был он, подполковник Серебряков. Убрать его и останутся только скрытые от глаз цеха. Исчезнут все убийства кроме случайных или бытовых.

Лично Малович был не против цеховиков. Они делали всё. От гвоздей и продуктовых сеток «авосек» до инвалидных колясок. Причём качеством их продукция не уступала импорту из Чехословакии, Польши и ГДР. Но как блюститель закона и порядка Александр понимал, что и законы нарушаются, и беспорядок в государственных организациях от воровства только крепнет, а экономика раскалывается на куски. Вот если убрать Серебрякова, то хотя бы убийств по приказу станет в сто раз меньше. Он пошел к Русанову в милицейскую гостиницу. Алексей Иванович читал пачку свежих газет и ел пирожные из буфета, запивая их лимонадом.

– Привет начальству, – сказал Малович. – Слушай, мы же с тобой говорим друг другу только как есть? Не врём ведь?

– Ты что, Санпалыч! – поперхнулся Русанов лимонадом. – Опять стряслось чего-нибудь?

– Ты приказывал неделю назад стрелять вечером по воротам, когда я с работы приехал? Три выстрела шрапнелью по доскам и один в воздух? Потом мы с семьёй выехали из ворот в город. Опять выстрел. Дробины над головами высоко пролетели. Пугал меня?

– Не, я, конечно, сволочь, но в меру, – бухгалтер отодвинул от себя еду и локти поставил на стол, а подбородок на кулаки. Долго смотрел на Шуру. – Не просил я никого и сам не приказывал. И в голове такой мысли не было. Я, когда понял, что ты считаешь меня главарём и с меня начнёшь, особенно после смерти Иванова, то струсил и решил смыться от тебя подальше. А стрелять? Нет, не я это, товарищ майор. Памятью матери, царствие ей небесное...

Малович ходил по комнате и тёр подбородок. Что-то вспоминал.

– Вчера приехал я часов в десять вчера. Ты в это время был у нас, в гостинице УВД. Телефон тебе никто не даст. Да его в гостинице и нет, – он сел на стул, закинул назад со лба чёрный волнистый волос. – Короче, подать команду ты не мог. А все стёкла выбиты, на стене живого места нет. Вся штукатурка слетела. Стреляли снова шрапнелью. Знали, что дома меня нет. Точно. Дернули машиной с канатом ворота и повалили. Дотащили почти к дороге. Потом стреляли во

двор. Баню попортили, сарай. Я недавно всё побелил. Сейчас dranku видно и крепкая штукатурка вылетела с ладонь размером.

Ну, семья уехала за день раньше к родственникам. Я сел на скамейку после десяти, она не свалилась, и подождал. В одиннадцать прилетел «УАЗик» и фары воткнул в дом, в меня тоже, естественно. Вышли трое с пятизарядными ружьями и снова изрешетили дом и баню. Меня стороной обошли. В метре сбоку дробь свистела. Убивать, значит, не хотели. Но кто это? Откуда? Как думаешь, Иваныч? Повторяю, ты находился без связи в УВД. А стрелки-то приезжали отменные. Обученные.

Русанов съел пирожное, запил лимонадом и определил без размышлений.

-Ты «куму» на «зону» вернул троих с воли. Естественно, они сказали, кто их поймал. Они убили пять человек по линии подпольного производства на базе «Большевички». Он понял, что ты раз взялся, то и остальных отловишь. А это ему надо? Бойцы-то были проверенные, успешные. С них он денег поимел кучу. Лично я платил за двоих первых. И не сотни рублей. Тысячи. Но грохнули-то всех неугодных вольные наёмники. А ты их затолкал обратно на шконку. И раньше другие люди Серебряковские тоже людей убивали. Нитка длинная. У вас о многих убийствах просто не знают. Ни-

кто не заявлял. Чужие, значит, приезжие были. А есть и просто «глухари». Не нашли исполнителей. А если ты лично всю нитку потянешь и разматываешь клубок? У него, «кума», будет провал. Армия развалится. Это, Санпалыч, он тебя пугает. Озверел. Предупреждает. Уверен, что именно ты на шконки вернёшь ему всех и по прежним, ранним убийствам.

– Да ему проще меня грохнуть без этих аттракционов, – усмехнулся Малович.

– Если тебя убить, самого известного и умелого сыщика, то поднимется вся областная милиция, городская, КГБ подключится. Такой шмон устроят, малины все прихлопнут и освободившихся из «четвёрки» всех по адресам и рабочим местам выловят. И «кума» тогда уж точно зацепят. Допросят по КГБшному. Если КГБ жестко за Серебрякова ухватится, то ему хана. Комитетчики все цеха найдут и кто-нибудь да расколется, назовёт Серебрякова. Орлы из КГБ свои методы разоблачения имеют – не дай бог их испробовать на себе.

– Ну, ладно. Пусть он резвится и ждёт, когда я в штаны наложу, – Александр Павлович глотнул лимонада из бутылки. – А мы сейчас поедим к нему и ты начнёшь договариваться. Скажешь, что никуда не уезжал, а просто шум пустил. Ты знаешь, что я тебя ищу и спрятался в городе у надёжного человека. А убийцы тебе нужны те, про которых мы уже говорили. Надо завалить Хабибуллина, директора универмага. Ну, мол, запросил слишком много за девять швейных ма-

шин, которые уже стырил и правильные документы выправил. Но жадный. На его место, скажи, поставят другого. С новым, может, проще будет. А второй кандидат – Марченко, директор завода кожзаменителей. Говорит всем подряд, что знает, кто убил его шофёра. Короче, приговорил себя. Всем своим рассказал, мол, а они тебе доложили. И добавь ещё, что я не шибко-то прицельно тебя ловлю. Так, между прочим. Знакомые твои, милиционеры из нашей конторы, узнавали. Так я сейчас вроде как разыскиваю одного слесаря, который по пьянке двух дружков зарезал. Понял, Иваныч?

– Ну, всё! Я готов. Поехали, – Русанов поправил на себе пиджак и галстук. Приосанился.

– Я тебя высажу за пару кварталов до его служебного корпуса. А после него иди домой. В четыре утра жди. Подъедет Володя Тихонов. Ну, остальное я говорил уже. Поехали.

Всё, чего не хочешь делать, но надо, обязательно получится чаще всего лучше, чем дело желанное и любимое. Там ты расслаблен, всё тебе знакомо до самого тонкого движения. А если противится душа чему-то, значит, расслабляться не станешь. Наоборот. За каждым движением и словом контроль будешь держать жесткий.

Шура высадил Русанова метров за триста до управления ИТК, развернулся и уехал на работу. «Кум» в кабине-

те вставлял пистон старшему лейтенанту в грязной форме и нечищенных сапогах.

– Да мы же бригадира на стройке склада из канализационного люка вытаскивали. Лично я лазил до дна. Они цифиру перепили и никакой координации движения. Ну, он туда и ссыпался как-то. Лежит и орёт. Мы с Коваленко полезли вниз, а старшина Шахматов его наверху принимал. Сейчас я всё постираю и поглажу, сапоги отдраю. Извините уж, товарищ подполковник. Виноват.

– Заходи, садись, Алексей Иванович. А ты, старлей, давай бегом и через два часа зайдешь. Проверю. Что ко мне привело, Иваныч? – Серебряков со стула поднялся, подошел и приобнял Русанова. – Не поймал тебя этот шустряк-Малович? Мы его маленько в тонусе держим. Ну, ты слышал, наверное, от своих? Дом ему продырявили, постреляли. Пусть почешет затылок да подумает – надо дальше в наших делах копаться или хватит. Трех-то он мне прислал обратно. Сидят пока. Но я уже договорился. Прокурор через пару месяцев даст им условно-досрочное. Пусть делом занимаются, а не на параше о жизни философствуют. Ну, так чего тебе?

– Я по делу...

– Тогда пошли говорить на воздух. Там как-то лучше думается.

Русанов сообразил, что кто-то «кума» пугнул, будто всем крупным руководителям «жучки» ставят в кабинеты комитетчики. Приходят то телефоны проверять, то электричество и ставят так – хрен найдёшь. Знают дело.

– Надо двоих для тонкой работы, – Русанов потер тремя пальцами друг о друга. – Работа тонкая имы заплатим нормально. Три тарифа.

Во дворе он почти слово в слово повторил то, что объяснял Малович.

– Да у меня других полно. Не хуже, – улыбался «кум»

– Вот полно-то оно полно. Только пять «мокрух» ваших Малович моментально раскрыл и как раз эти ребята у тебя опять на баланде сидят. А те два не может даже Малович добить до конца. Вот это, понимаю, профессионалы. И потом, Федорович, я ж не по таксе плачу. Лучшим, да за очень мне нужное дело – втрое гонорар выше.

– Короче, один их них – Дед. Он седой. Второй – Цапля. Длинные ноги, нос горбом, картавит. Завтра надо?

– Да не горит. Можно хоть на той неделе, если заняты.

– Хорошо. Давай послезавтра. В парке возле тира. В девять вечера. Как они тебя узнают? – Серебряков снял фуражку. Жарко было на улице.

– Голубая рубаха, белые брюки. В руках «авоська» с яблоками. На голове летняя соломенная шляпа серая, а перед полями шляпы спереди надпись «Помню Черное море» Дру-

гих таких не будет. Могу темные очки нацепить для понта.

– Во! – сказал «кум» -Вечером в очках ты один и будешь. Деньги после дела сам принесёшь?

– Так ясное дело. Сумма-то ого-го! Не всем доверишь.

И они попрощались, разошлись. Русанов пошел к жене и часто останавливался. То шнурок по-другому завяжет, то камешек вытряхнет из туфля. И смотрел назад да по сторонам. Никого не было вообще. Ни машин, ни людей. Супруга приняла его молча и до приезда Маловича ни слова не сказала. Да и Русанов не лез на рожон. Вечером приехал Шура, отвёз Русанова к себе домой и они подобрали весь реквизит. На шляпе написали химическим карандашом.

– Яблоки сам куплю перед походом в парк. Базар до восьми работает. Погуляю час, – Малович ещё раз перебрал всё, что должно быть на нём, авоську выбрал яркую, оранжевую, и всё добро затолкал в маленький чемоданчик.

Полтора дня ползли как тучи без ветра. Тяжело и медленно. В семь часов вечера послезавтрашнего дня Шура приделся в нужные шмотки и стал похож на выпивающего инженера института «Госстройпроект». Он отвёз Алексея Ивановича к жене, потом из автомата позвонил Тихонову и напомнил, чтобы он время не перепутал – четыре утра. Потом он купил яблок и по разным улицам пошел в сторону пар-

ка. В девять ещё не смеркалось. Кустанай стоит на большом, длинном и широком холме. Солнце прячется позже, чем в горных местах. И бандюганов Шура увидел раньше, чем они его. Они сидели метров за пятьдесят от тира на скамейке и внимательно смотрели, кто тёрся вокруг и неподалёку от тира. Подозрительных, вроде бы, не заметили. Малович встал спиной к углу тира. Достал из «авоськи» яблоко вытер его о голубую рубашку и отгрыз большой кусок. Подошли урки.

-Ты работников на стройку ищешь? – сплюнул вбок седой.

– Ищу, – кивнул Шура.

– Расценки с бригадиром пригладили? – мрачно спросил длинный.

Шура радостно закивал головой: – Цена хорошая. Сговорились.

– Ну, тогда вон на ту скамейку пошли сядем, – Седой взял Маловича за плечо, как друга старого и повёл. Длинный шел сзади и глазел по сторонам. Там над лавочкой фонарь включили.

Сели.

– Ну, погнали, – длинный достал записную книжку и ручку. – Адреса давай, где надо строить.

– А когда можете начать? – скромно поинтересовался Малович. – Я всё на завтра уже приготовил.

– Да по хрену. Хоть сейчас. Времени пока достаточно, – Седой засмеялся.

– Завтра в восемь тридцать утра не рано будет? – Александр Павлович просительно глянул седому в глаза. – В прошлом году вы у двух моих друзей на Чехова, сто двадцать и на Космонавтов, шестьдесят четыре дома ремонтировали. Такие отзывы о вас отличные!

– Я – Дед, – протянул руку седой, а это Цапля. Ну, давай адреса.

– Уральская, сто тридцать два. Это первый. Вот фотография хозяина дома, – и майор передал снимок Вовы Тихонова. – А это Ташкентская, сорок один. Вот фотография того, кто хочет ремонт сделать. – Шура передал карточку холостого старшины, который согласился сделать в своём доме засадку.

– Лады, завтра в восемь тридцать Цапля начнёт работать на Ташкентской, а я в это же время на Уральской. Расплатись с бригадиром сразу, как закончим ремонт.

Шура заехал и к Тихонову, и к старшине, сообщил время. Сказал, что Володя может взять у полковника подмогу.

– А мы со старшиной сами, – Малович погрозил зачем-то Тихонову пальцем и поехал домой. – Интересно, будут они

сверяться завтра по адресам? Не подстава ли дома эти? Но Вовин дом записан на отца. Отец – рабочий «Тяжстроя». Дом молодого старшины тоже на отца оформлен. Батя у Васи – ветеринар на птицефабрике. А кого надо грохнуть – фотографии никому не известные. Ни Тихонова, ни старшину бывшие зеки не знают наверняка. Риск есть, но один процент из ста. Вот ведь Маловича не узнали. А он в городе фигура позаметнее Володи Тихонова.

Ночью никто не спал. Тихонов Маринку с дочкой отвёз к её сестре и до утра читал книгу. Родители старшины жили пятый год в деревне Знаменской. В четыре утра Володя забрал бухгалтера, убедился, что никто за ними не ехал и отвёз его в милицию. А Серебряков знал от своих наблюдателей, которые «пасли» бухгалтера до трёх ночи и с шести утра, что Русанов дома и никуда не выходил. В восемь тридцать утра Малович услышал стук калитки. Глянул в щель между косяком и оконной занавеской. К двери сеней дома шел длинный горбоносый Цапля. В руке за спиной он держал «ТТ». Шура из комнаты не вышел, а старшину вообще отправил через окно на улицу.

– Ну, товарищ майор... – заныл Вася.

– Бегом, мля! Не война. Много народа не надо. Вылетай одним прыжком!

Сначала открылась дверь сеней и в полумраке, посколь-

ку лампочки в сенях не было, Цапля наощупь нашел дверь. Пнул её от себя и в открытое пространство выстрелил для неожиданного создания страха у хозяина, от которого он каменеет, после чего шагнул вперед.

12. Глава двенадцатая

Малович стоял за дверью и ждал, когда бандит начнёт искать хозяина. А где искать? Рано же ещё для субботы по дому крутиться. Значит в спальне искать. И Цапля нежной поступью, как скользят балерины, не поднимаясь на пуанты, просеменил до комнаты, где виднелся угол кровати и подушки. Он встал между косяками и разрядил обойму в одеяло, под которым было не очень крупное тело. Из пробоин выступила кровь. Александр Павлович взял вчера в больнице у Зины штук сорок резиновых хирургических печаток, уже использованных, купил в «хозмаге» банку красной, похожей на кровь краски, и в перчатки залил.

Перетянул бечёвкой верх резины и плотно разложил их со стороны двери под одеялом. Пуля одеяло да перчатку пробьёт и «кровь» просочится. Просчитал. А Цапле некогда будет изучать кровь – не кровь. Ему дело сделать и быстро исчезнуть. Так Шура ещё свою старую кепку на ребро поставил, подпёр её скомканными газетами и спереди перчатку с «кровью» прицепил. Получилось достоверно. Хозяин лежал на боку и локоть поднимал одеяло над бедром. Одеяло залезло аж на подушку. Под ним лежала укрытая кепка – «голова», а на подушке торчал небольшой завиток черного вол-

нистого волоса. Шура с макушки маленький пучок от богатой причёски своей отстриг. Короче, было очень похоже на то, что хозяин в выходной спал дольше и проспал приход ремонтника.

Только Цапля собрался сделать шаг, ногу уже поднял правую, чтобы пойти к кровати и проверить, надо ли делать контрольный в голову, а в этот момент Малович выпрыгнул из-за двери хорошо тренированным легкоатлетическим прыжком, высоким и длинным. Не приземляясь, он сверху резко всадил ребро кулака точно между позвоночной костью и затылком. Цапля отключился ещё стоя на одной ноге и как падал – уже не чувствовал. Очнулся он через десять минут в наручниках за спиной, сидя в углу комнаты.

– Мусор? – спросил он. Язык ворочался вяло и голова на шее крепилась плохо. Качало её в разные стороны.

– Не угадал, – шлёпнул его тихонько по щеке Малович. – Я учитель танцев. Сейчас помощник мой приедет и мы будем с тобой учиться танцевать под нашу дудку.

Он по радиации вызвал машину и через полчаса Цапля уже отдыхал на нарах седьмой камеры изолятора. В кабинет подполковника Лысенко вошел Тихонов когда Малович обсуждал с командиром дальнейшие действия.

– Взял Седого? – спросил Шура.

– Взял. Я у нашего товарища подполковника – командира попросил одного милиционера для хитрого фокуса. Дверь у меня с площадки открывается «на себя». Седой позвонил. Я лёг под порог, а рядовой ППС толкнул дверь на Седого. Тот увидел лицо, не совпадающее с фотографией, и заглянул на секунду за дверь – ещё раз номер посмотреть. Меня – то не видел. Чего ему в пол пялиться? Ему личность нужна, чтобы её ликвидировать. Ну, тут я его дёрнул за штанины, рядовой толкнул в грудь и Дед упал на площадку. Стукнулся башкой, а пистолет у него выпал из рукава пиджака. Браслеты сзади защёлкнули и на моём Москвиче сюда приехали. Пистолет вот он.

Вова обожал в красках расписывать свои задержания. Не хвастался. Характер был такой. Любил пересказывать приметные детали искусств разных, а ещё выдающиеся моменты своей работы и красивые фразы из литературы в обществе обожал произносить. Тонкая душа – Вова Тихонов, капитан из «угро».

– Не в седьмую камеру сунули его? – на всякий случай спросил Шура.

– В шестую, – конвоир сказал, что ты в седьмую уже жильца поселил.

– Ну, молодцы, – сказал Лысенко без лишней торжественности. – Ты Шура больше уверен в чём? В том, что мы примем Серебрякова или в том, что он тебя всё же пристрелит? Народу боевого у него в городе – батальон. Может, уедешь с женой подальше на месяц? А мы пока этих ухарей раскрутим.

– Скорее всего – пристрелит, – вздохнул майор Малович. – Но я постараюсь привезти его к нам до кучи на день раньше, чем он меня грохнет.

– Хорошо бы, – потянулся подполковник. Тоже почти не спал. Переживал. – А к тебе я всё равно охрану приставлю. Трёх автоматчиков. Береженого бог бережет.

Все разошлись до завтра. До первого допроса самых нужных, удачно пойманных кровавых слуг «оборотня» Серебрякова. Автоматчики ночью стреляли в ответ на ружейные выстрелы, но Малович проснулся на минуту, послушал и уснул до утра.

В девять часов, когда утихомирилось хаотичное перемещение почти бегущих на рабочие места граждан, обязанных

переступить порог своей конторы до звонка, который ровно, минута в минуту, давал вахтёр. Палец на кнопке он держал минут пять и после девяти. Практически все вахтёры в больших, стоящих в центре города организациях, были людьми с благородной душой.

То есть опоздать можно было минут на пять. Пока тарактел звонок. Но дольше держать кнопку – перебор. Директор мог обратить внимание. После того как в холле становилось тихо, опоздавшие с горестными лицами шли к столу, а там лежал журнал, куда каждый записывал свою фамилию и время опоздания. К концу квартала из «штрафников» профсоюзный комитет выбирал самых злостных и у них слетала квартальная премия.

Остальные получали выговор, и им было стыдно. Так считало, правда, только начальство. Система «от звонка до звонка» работала исключительно в крупных конторах. А в маленьких была нормальная советская вольница. Приходили когда хотели, днём бегали по магазинам, а домой тоже не особо спешили. Оставались на пару часиков выпить-закусить мужики, а женщины добивали до финала сплетни, которые не удалось целиком обсудить за рабочий день.

В управлении уголовного розыска вахтёра не имелось, звонков не было, но все приходили раньше. Дел было мно-

го у всех. Вот сегодня быстрее всех прибежал в кабинет начальник, подполковник Сергей Ефимович Лысенко. Он написал несколько рапортов начальству и сел на подоконник думать: как бы поэлегантнее и на хороший срок определить «кума» Серебрякова.

Лысенко считался думающим милиционером. Таких было немного. А остальные либо тупо писали одинаковые протоколы, либо носились с пистолетами за подозреваемыми. Уважали подполковника ещё и за то, что он никому не позволял обижать своих сотрудников. Даже начальнику всего УВД генералу Шевцову.

Тем не менее, генерал держал Лысенко в строгости, но по другим причинам.

Пришел Сергей Ефимович в управление после полугодовых офицерских курсов в пятидесятом году. До этого после войны работал столяром на мебельной фабрике. Воевал он с октября сорок первого, со дня основания Карельского фронта. Был под пулями и в Карелии, и в Заполярье. Потом, ближе к концу войны, его перебросили на фронт первый Белорусский и с ним он дошел до Берлина, брал столицу вражескую вместе с армиями Украинского фронта, получил четыре дырки от пуль на руках и ногах, а в апреле сорок пятого осколком мины ему переломало колено.

И до сих пор он хромал, но не носил ни протез, ни палоч-

ку-клюку, чтобы хромать не так сильно. На груди в праздники милицейские и военные носил два ордена Красной звезды и орден Отечественной войны первой степени. Медалей имел пять штук, но к кителю их не цеплял. Хватало важных орденов. На курсы он поступил капитаном запаса. Окончил с майорской большой звездой и сразу попросился в уголовный розыск. Генерал Шевцов изучил его военное прошлое, назначил начальником управления уголовного розыска и через пару лет представил его к званию подполковника. И всем хорош был Лысенко. Его любило и ценило всё большое управление. Но он был единственным в милиции, кого раза по три в год то исключали из партии и понижали до майора, то возвращали на прежнюю позицию. Причём начальником «уголовки» он оставался всегда. Не трогали. Лучше него с сорокового года, считай, не было командира.

А из партии исключали в связи с его странной жизнью. Он не пил много, не бегал по бабам, работал как проклятый и отдел «угро» всегда опережал остальных по всем показателям. Лысенко не хамил подчиненным, сам часто участвовал в задержаниях, ни разу не просил в больнице бюллетень, и не было такого дня, чтобы он не вышел на работу. Он играл за команду УВД в республиканских соревнованиях по шахматам и девять раз из десяти становился чемпионом. Побеждал он и на всесоюзных соревнованиях по стрельбе. Из автомата, пистолета и ручного пулемёта. Привозил из Моск-

вы в Управление золотые медали и грамоты, которые генерал распорядился в рамочках под стеклом развесить в своей приёмной. Гордился он Сергеем Ефимовичем, уважал и по мужски любил.

– Этот офицер честь имеет! – говорил он о Лысенко на всех собраниях и заседаниях.

Но всего одна трещина в его монолитной как бетонная опора моста жизни делала её рваной, нервной, нездоровой и временами Лысенко напивался до «зелёных человечков», чего не происходило с ним в обычной жизни, ночевал в кабинете неделями и ел в пельменной за углом, разбивал о стены шахматные доски и потом полдня собирал по кабинету фигуры.

Раз в три месяца в дом подполковника прилетал сам чёрт, не иначе. Добрая, но нервная жена его Анастасия находила либо его носки не в том месте, где им положено быть, и начинала без вилки кушать мужа до костей. В конце истерики она подходила к Сергею Ефимовичу сзади, обнимала его и шептала.

– Всё. Я подаю на развод.

– А что в заявлении напишешь? Что я носки забыл куда

сунул?

– Я напишу, что у нас разные взгляды на жизнь, – объясняла Анастасия и относила заявление. Разводили их в тот же день. В пятидесятые и в начале шестидесятых граждан глухой провинции, желающих жениться, женили моментально, или не имеющих сил жить вместе, разводили тоже сразу. Через день после посещения ЗАГСа в УВД поступало уведомление о том, что брак члена КПСС, главы управления Лысенко, расторгнут.

– Давай, Серёжа, завтра на партком, – звонил ему секретарь парткома подполковник Орешников – В шесть вечера.

Его исключали из партии и бумагу посылали генералу. Начальник управления не должен быть холостым, а если холостой, то членом КПСС и начальником большого и значительного управления он быть уже не может. Крупный, но не женатый руководитель – это поперёк и вопреки негласной установке партии. Генерал читал документ, вызывал Лысенко и, извиняясь, переводил его с должности начальника «угро» следователем в подчинение к майору Ляхову. Приказ этот был для возможных проверяющих. Грубо говоря – враньё и фикция. На самом деле Лысенко продолжал командовать уголовным розыском.

Через пару месяцев Анастасия приходила от сестры в свой дом и обнимала Лысенко с порога.

– Прости меня, истеричку и дуру. Мне бы в психушке лежать, но они меня проверили и сказали, что я здоровая и красивая. Давай снова регистрируемся.

– А опять разведемся с какой-нибудь пустяковины когда? – осторожно интересовался Лысенко.

– Всё! – складывала руки на груди жена. – Я изменилась. Я много думала и поняла, что я не права. Ты золотой человек! И самый лучший муж. Жаль, что я детей не могу иметь. А то бы ты был самым лучшим отцом. Идём регистрируемся и больше – ни-ни! Ты мне веришь?

– А у меня есть выбор? – тихо говорил подполковник. – Идем регистрироваться. Я тебе верю.

После регистрации Сергея Ефимовича восстанавливали в партии, формальным приказом возвращали на прежнюю должность и просто так, в виде смущенного извинения, выписывали ему премию за успехи в текущем квартале.

С пятьдесят первого года, когда они стали мужем и женой, за двадцать лет они развелись и воссоединились вновь сорок

два раза. Причины были серьёзны и увесисты как двухпудовые гири Сергея Ефимовича. Он не тем взглядом глянул на дикторшу в телевизоре, не выключил свет в туалете, не купил цветы в день святой Анастасии, плохо вбил гвоздь в стену, часы накренились и стали отставать на семь минут, не дал на улице рубль дядьке, находящимся в жутком похмелье и мог погибнуть, забыл, куда вчера сунул тапки, которых они не смогли найти вдвоём, не захотел есть с утра пшеничную кашу, не поехал на рыбалку по приглашению мужа её подруги, и так далее в том же ключе.

За двадцать лет устал ЗАГС, утомился партком, а генерал в семьдесят первом прочёл очередную бумагу из парткома сказал грозно.

– Я её сейчас же посажу года на три. За нападение на милиционера при исполнении. Точка!

– Так я ж дома. В пижаме. Пистолет в оружейке. Какое «исполнение»? – сказал Лысенко и сам испугался.

– Милиционер при исполнении всегда! – шлёпнул ладонью по столу генерал. – Даже в сортире!

И он Анастасию позвал к себе. Сидели они как голуби вдвоём напротив генерала, который не удержался и мягко

доложил о своём замысле. Сказал, что колония даёт время на раздумья и любого человека ставит на путь верный и праведный. Анастасия с генералом согласилась, но очень нежно попросила посадить её после дня рождения, через две недели. Вечером она написала заявление в ЗАГС и утром их развели по той причине, что муж не захотел её защитить при нападении генерала, готового посадить её за решетку.

– Сергей Ефимыч, – сказал серьёзно Шура. – Давайте я её тихо пристрою в монастырь. В России есть замечательный Николаевский Арзамасский монастырь для женщин. Они там рукодельничают, вышивки делают, из пуха плетут огромные занавеси для церквей. Хорошо же. Ему уже чёрт знает сколько столетий. Я читал, что в конце XVI века на центральной площади основанного Иваном Грозным города Арзамаса поставили храм имени Николая, Мерликийского чудотворца. И скоро при нем образовали женскую общину – монастырь. У меня в Арзамасе армейский друг живёт. Это же решение всех ваших и наших бед. Иначе вы скоро застрелитесь. А нам другого командира не надо.

– Нет, Саша, – в глазах сурового подполковника стали набухать слезинки. – Я её люблю, козу эту. Лучше я застрелюсь, действительно. Пусть хоть поплачет по мне час-другой.

И всё осталось как было всегда. Но на их разводы и новые регистрации все наконец-то плюнули и Лысенко перестали исключать из партии да снимать с должности, потому как смысла мало. Через пару месяцев всё равно обратно всё восстанавливать. Но Лысенко стал веселее, радушнее и командовал вежливо, мягко. Правда, пить стал больше в разы. Но у каждого хорошего конца есть нехороший осадок. Пил подполковник ещё лет пять, потом у него заболела печень и он умер от цирроза. Анастасия вышла замуж за отставного полковника, такого же пенсионера, как и она сама. И они вскоре куда-то уехали. А куда – неизвестно.

Но всё это будет в семьдесят шестом году, а за пять лет до печального события сидели Лысенко, Малович и Тихонов у командира и разрабатывали схему допросов Седого и Цапли. Два дня размышляли. И придумали-таки.

– Тебя, Цапля, и тебя, Дед, взяли мы на адресах, куда вы пришли застрелить двух человек. Взяли обоих с оружием. Один даже расстрелять успел «хозяина» хаты. Вы их знали раньше, людей, которых убить пришли? – начал Александр Павлович.

– Да ты не торопись, начальник, – сказал Дед. – «Кум» уже знает, что мы у вас. Где нам ещё быть? Да и стукач у вас в мусарне проверенный. Он уже «куму» донёс весточку. Так

что ты отловил пятерых лучших его помощников. А потому ты не доживёшь до утра. Тебя грохнут сегодня – к гадалке не ходи. Серебряков считает что ты оборзел и войной на него пошел. Но кто ты, мусор, а кто «кум»!

– Ну, про убийство меня сегодня я тебе завтра расскажу, – Малович даже не волновался. – Сесть-то вы один хрен сядете. Вот капитан Тихонов, напарник мой. Он, если меня грохнут, вас и разместит по шконкам. Ну, да ладно.

Вам мы пока предъявляем убийство кладовщика Иванова и шофёра фабрики кожзаменителей Кудряшова, которого с перерезанным горлом в реку сбросили. Если сами напишете, что пришли к нам и признались, мы про сегодняшнюю ночь забываем. Помогаете следствию и получаете по три года.

– Чё добрые такие? Придумали феньку какую, чтоб запрессовать нас наглухо? – засмеялся Цапля.

– Да хрена нам придумывать? – Тихонов засмеялся также ехидно, как Цапля. -

Знали вы и того и другого. Убили их в разное время. А так – общались, пили вместе. Вот по пьянке и сцепились. Вы оказались удачливей. И, самое главное – мотив преступления детский. Разругались, разгорячились и в бешеном состоянии их порешили. Не помните себя на тот момент. Верно? Получилось так. А могли и они вас пришить. Запросто

могли. То есть вам повезло. Это бытовое преступление. Самооборона. Превысили пределы самозащиты. По три года на рыло, пацаны. Не более.

Дед долго думал и спросил.

– Ну, а если не так, то как?

– Ну, как... – Малович сделал паузу. – Семь преступлений по фабрике мы раскрыли. На зоне тоже наши стукачи баланду хлебают. Хорошие толковые «дятлы» по УДО выходят на пять лет раньше. Так нам отбарабанили, что Иванова и Кудряшова вальнули вы. И тут зависит ваше будущее от того, запишем ли мы это дело как бытовуху или как исполнение чьёго-то приказа. То есть как организованные убийства с целью устранения кому-то опасных людей. Статья уже другая. Может двадцать пять лет, может «вышак».

– С какого «вышак»? – возмутился Цапля. – Люди были плохие.

– Кого это треплет? – усмехнулся Малович. – В законе нет такого понятия. Плохие люди, хорошие ребята. Там есть преступники и потерпевшие. Вы потерпевшие или преступники?

Стало тихо. Говорить некоторое время было нечего, да и не хотелось никому.

– А у нас на сегодня нераскрытых сколько убийств по управлению? – спросил Шура Тихонова.

Володя полистал блокнот.

– Ещё восемь.

– Ну, вот их мы вам и добавим для полноты ощущений. Нам эти «глухари» уже во где! Плюс сегодняшний ночной расстрел, плюс Кудряшов с Ивановым, – Александр Павлович снял фуражку и стал использовать её как веер. Душно было в камере. – Что, не тянет и этот набор на расстрельную? Ну, тогда вы, пацаны, бараны тупые.

– Припёрли к стенке, мля! – согласился Дед.

– Чё надо-то? – наконец спросил Цапля.

– Есть вариант, что мы вас вообще отпустим и вы сразу свалите куда подальше от Кустаная, – пришиб обоих неожиданным предложением Тихонов. – Затихаритесь в большом городе на год. Паспорта у вас есть. А потом возвращайтесь обратно, к своим корешам. «Кума» Серебрякова уже не бу-

дет. Он точно сидит под расстрельной. Через полгода ему лоб натрут зелёной – и в рай!

– Хрен там – в рай. Его, суку, и в ад не возьмут, – тихо, но отчетливо сказал Малович.

– А как это вы нас не посадите вообще? – удивились Дед с Цаплей одновременно. – Уже всё ведь оформлено.

– Следователи вообще про вас не слышали ничего, – поднял вверх указательный палец Шура. – А это главное пока. Никто кроме нас и начальника управления, который целиком на нашей стороне, про вас не знает ни хрена. А вы сбежите на следственном эксперименте. Мы вас обоих на хату повезём, чтобы Цапля показал, как дело было, а вы вырубите Тихонова, когда я в туалет пойду. Ключи у него заберёте от «браслетов» – и ходу! Нам по выговору дадут, но зато мы получим больше, если не сказать, что всё!

– Чё придумали-то, начальники? – Седой насторожился. – Чтобы вы нас отпустили – кого мы должны сдать?

– Мыслишь в верном направлении, – подошел вплотную к Деду Шура. – Сдаёте с потрохами и душой гнилой Серебрякова, чёрта вашего. Пишите про него все под протокол. Как положено. Укажите, что только на вашей памяти не меньше

двадцати убийств, которые организовал Серебряков, и потом исполнителям платил из денег тех козлов, которые его просили. Можете из исполнителей вспомнить только Шило, Сугроба и Штыря. Мы с ними про это говорили. Они не против, что их назовут, если мы вас арестуем. Они за это сейчас и сидят, и им по фигу, что их упомянете. Но Серебрякова сразу прихватит КГБ и УВД. И благодаря вашим честным признаниям – его расстреляют. Чего вам бояться? А вернётесь – его уже не будет. И живите себе. Дела всегда найдутся.

– Итог подбиваем.– Тихонов стал ходить по камере, – первый вариант. Мы вешаем на вас всё и лбы натрут вам зелёной. Вариант второй. Сдаёте под протокол «кума» и лоб мажут ему. Что выбираете?

– Да он выскользнет. У него секретарь горкома – кент, – мрачно сказал Дед.

– Камалову тоже будет не до «кума». Он железно попадает в разработку как организатор подпольного производства, – хмыкнул Александр Павлович.

– Посадите сегодня нас в одну камеру. Мы обкашляем тему, – Цапля глянул в глаза Маловичу.

– Хорошо, – согласился Шура.– Конвой, отведи обоих в

семерку.

Они зашли к Лысенко и передали разговор с урками. Подполковнику всё понравилось. Но перед тем как разбежаться по домам Лысенко достал из шкафа бронежилет новенький, только в семьдесят первом году выпущенный специально для милиции. Назывался он «ЖЗТ-71 М» и закрывал не только грудь, но и спину. Такая безрукавка почти девятикилограммовая. С титановыми пластинами внутри, на ремнях и с поясом.

– Да со мной трое автоматчиков, – взбрыкнул Александр.

– Тебя убивать сегодня будут. Вечером после того как взяли Деда и Цаплю, он пошлёт снайпера, чтобы именно убить. Лысенко взял его за плечи. – А ты мне нужен на работе и вообще. Надевай и не вякай.

– Накиньте, товарищ майор, – Тихонов перекинул ремни через плечи и стал затягивать ремень на поясе. – Предчувствие есть плохое. Ты мою сущность знаешь. Я фибрами чую как радость грядущую, так и печаль.

– Жаль, что только в этом году стали «ЖЗТ-71 М» делать. Сколько наших ребят можно было бы спасти. А погибло-то на задержаниях да из засад девять оперативников за послед-

ние пять лет. Много это, – подполковник откашлялся и отвернулся к окну. – А поверх надевай вот эту рубашку побольше размером. И галстук крупный. Не до красоты.

– Впервые слабаком себя чувствую, – и Малович матюгнулся. Но никто его не слушал.

– Хорошо, если бы урки завтра не трусили и побольше убийц вспомнили, которых посылал Серебряков. И не забыли написать, что убийцам платил он лично, – Шура подъехал на мотоцикле к дому часов в десять вечера. Два автоматчика сидели в коляске, один сзади. Малович пошел открывать ворота и почувствовал, что его сильно толкнули в левое плечо. И тут же услышал звук четырёх выстрелов. Стреляли с крыши дома на другой стороне улицы и не из дробовика, а пулями.

Две воткнулись в плечо а одна ниже левой лопатки. Там где сердце. Четвёртая врезалась над головой в забор. Александра бросило грудью на ворота, которые он только вчера установил и наладил. Он схватился за плечо ладонью, до лопатки не дотянулся и правым боком сбил калитку с щеколды. Между пальцами хлестала кровь и в глазах медленно темнело. Последнее, что он услышал – автоматные очереди своих охранников и чей-то предсмертный стон вдали. Потом в голове появился яркий свет, превратившийся в бесконечный

светлый тоннель, и Шура летел по нему как пуля, потеряв-
шая цель.

13. Глава тринадцатая

Две пули прошли плечо навылет. В голову снайпер не попал. Темно было и далеко. На семь сантиметров задрал дуло вверх. А вот четвёртая пуля впиалась со спины в то место, где сердце. Если бы не тяжёлый и неудобный бронежилет с титановыми пластинами, то рассказ о Маловиче можно было бы закончить. Но пуля о пластину расплющилась и стекла, раскалённая ударом о металл, на дно кармашка, в котором эта пластина лежала.

– Не, я просто поражен! – гладил Шуру по волнам чёрного блестящего волоса подполковник Лысенко в палате номер двенадцать военно-медицинского госпиталя. – Ты же всегда меня с советами об осторожности и способах защиты посылал подальше. А тут послушался, бляха! Надо же! И живой! Он привёз с собой бронежилет и надел его на Александра Павловича

– Вот я вынимаю из кармана пластину. Смотри. Вмятина небольшая. А теперь в дырку чехла сую палец, – Лысенко радовался как воспитанник младшей группы детского сада, которому сегодня разрешили не есть кашу. – И упирается палец ниже лопатки прямо напротив сердца. Вот, блин, про-

стая же конструкция – этот жилет. И почему раньше не начали их делать? Титан же ещё в тысяча восемьсот двадцать пятом году какой-то швед изобрёл. Я читал. И сплавы из него разные почти сразу стали делать. Для военных бронежилет – ангел-хранитель. А у них до сих пор нет. Сделали только для полицейских на западе и в СССР для нашей милиции. Сколько солдат они могли бы спасти в войну. Эх...

– Выпишут меня когда? – спросил Малович.

– Сбегаю, уточню, – Володя Тихонов бегом выскочил из палаты.

Шура несколько раз поднял и опустил левую руку. Кулаком стукнул стену белую.

– Вообще не чувствую, что там четыре шва. Не болит совершенно.

Вернулся довольный Тихонов.

– Завтра выпишут. На плече раны сухие. Доктор смотрел сегодня. Если по плечу не стучать, за неделю вообще станет как раньше было. Только рубцы останутся. А синяк напротив сердца вообще трогать не надо. Его через неделю и в лупу не увидишь. Но, сказал, никаких задержаний минимум две

недели. Да и потом сильно руку не напрягать.

– Я думаю, мне надо съездить к «куму» Серебрякову, – почесал затылок Александр Павлович. – Он-то думает, что меня сегодня из морга заберут, а завтра захоронят. Снайпер наверняка доложил, что меня кончил. Удивлю его и попробую поговорить. Ну, убьёт он меня. Так всё управление уже знает, что он распорядитель и финансист всех известных и не известных убийств «цеховиков», да и не только их. И наши ребята моё дело до конца доведут. Посадят его. Да, Вова?

– Да, ясный полдень! – вскрикнул Тихонов. – На него даже сержанты наши зубами клацают. Под расстрельную подведём – не фиг делать. На нём столько смертей, что я бы на его месте уже стакан яда выпил. Но у него-то совести – тютю, блин.

– Сходишь, – сказал Лысенко. – Но завтра выписывайся и допрашивай под правильный протокол Цаплю с Дедом. После них можно и к «куму» погостить пойти. Но протокол писать под две кофирки. Чтобы оригинал у нас остался, одну копию ему подаришь, а третью я в сейфе своём подержу пока.

Из госпиталя Шура заехал на своём мотоцикле, который подогнал Тихонов, к жене в больницу. Зина развязала бинт,

осмотрела раны и чем-то помазала швы.

– Саш, ну вот видишь же сам. Надо пользоваться всем, что жизнь сохраняет. Носи бронежилет и пистолет с собой бери всегда. Мне как-то не мечтается остаться вдовой. Давай, не выпендривайся. Джеймс Бонд, ёлки! Так-то похож. Но то, Саша, кино. Он там на машине и под воду ныряет, и летает. Давай и ты пробуй на мотоцикле своём. Блин! Вроде не дурак. Но апломба как у идиота круглого!

– Виталик нормально себя ведёт и чувствует?

– Нормально. Я так поняла, что ты согласился?

Малович поскрёб затылок и кивнул. Зина наложила свежие бинты, поцеловала его в щёку и Шура поехал. В управление на допрос. Сели они с Тихоновым в допросной комнате, листы разложили, ручки и крикнули конвоиру, чтобы привёл обоих. Деда и Цаплю.

– Гражданин начальник. – Хмуро начал Дед. – Ладно, век воли не видать – сдадим мы сейчас Серебрякова, как пустую бутылку в пункте приёма стеклотары. Но ты теперь скажи, как мы из города выскочим? И куда нам ломиться, в какую сторону лучше? И как мы узнаем, когда можно обратно ехать?

– Да у вас в паспортах нет отметки об ограничении передвижения. Вы обычные советские граждане, не заключенные, – разъяснил Тихонов. – Но на вокзале и в аэропорту вас могут свои увидеть. Ваша братва везде рыщет. Стукнут «куму» и вас начнут искать. А вы вообще-то пока у нас. Завтра, если протоколы составим по уму, мы всем в управлении разнесём слух, что на следственном эксперименте в доме Иванова вы сбежали. А «крот», который у нас работает на Серебрякова, сразу ему доложит. Но «кум» посадить вас не сумеет. Не за что. За вами же с нашей стороны ни одной бумаги, следствия и суда не было. У вас своё жильё есть на свободе. Но он же понимает, что вы туда не пойдёте. Искать там не станет. Будет ждать, когда вы ему или позвоните, или «маляву» закинете.

– А мы на простом «москвиче» доведём вас до Магнитогорска. Там из вашей банды точно нет никого. Своих некуда девать, – Малович поднял вверх палец. – Но, главное – вы из Магнитогорска тут же должны на поезде уехать куда-нибудь. В большой город. Воронеж, Ростов-на-Дону или в Ярославль. И там не шустрить, а устроиться разнорабочими на стройку или в магазин. Оттуда нам позвоните. Или письмо пришлёте. Адрес скажете. Чтобы, если надо будет, мы вас успели спасти. Но это вряд ли потребуется. Серебряков в России вас не будет искать. Да и волей ему недели три от си-

лы дышать осталось. Ну, ладно, пишите сначала заявления о том, что вы пришли с повинной. Вова, подиктуй им.

Через три часа всё было готово. Заявления. Согласие на сотрудничество с УВД. Протоколы, в которых Серебрякову припомнили все его восемь заказов на убийства, полученные из его рук по тринадцать тысяч рублей каждому. Вспомнили «Дед и Цапля», Филонов и Семенченко, написали и про то, кому «кум» ещё давал приказы на физическое устранение двадцати шести человек за пять лет и сколько убийцы получили от него денег. Всё было написано под копирку в трёх экземплярах.

А через шесть часов Тихонов высадил их возле вокзала в Магнитогорске.

– Только не дурите, – посоветовал он. – Живите хоть где, но подальше и очень тихо. И нам звоните. Номера телефонов у вас в паспортах.

– Спасибо Маловичу ещё раз передайте. Он честный мусор. И вам, начальник, спасибо. Всё будет обгимахт!

И Тихонов уехал.

Втроём с Лысенко они ещё пару раз вслух перечитали все

бумаги и Лысенко сказал.

– Шура, ты рапорт напиши, что они сбежали во время эксперимента. Я вас наказать должен на его основе. По трое суток домашнего ареста дам и по выговору. А то, что мы их просто так отпустили на волю, убийц доказанных, нам генерал не простит, и свои сотрудники окрысятся. Не надо нигде даже в пьяном бреду вспоминать. И родным ни слова. Мы их потом вернём и на самый малый срок за помощь определим. Но то, что их на волю отправили, даст нам шанс отловить даже не рыбу крупную, а кита, бляха! Короче, мы всё сделали правильно и ради куда более высокой цели, чем поимка самих этих уголовников. Появилась реальная возможность резко сократить число тяжких и прикрыть «подполье».

– Надо думать как поговорить с «кумом», – мрачно вздохнул Малович. – Чую, что бегать он от меня будет под разными предлогами как заяц от волка.

– Так звони, договаривайся, – сказал Лысенко. А мы пошли в один адрес. Там самогон муж с женой гнали. Но цены поднимали безбожно. Мол, качество неповторимое. Ну, трое алкашей в итоге обозлились, разломали им всё установку, а самих измордовали – мама родная не узнает. Участковый сам не справился с ситуацией. Попросил помочь.

И они, ругая по пути самогонщиков, ушли.

– Мне бы Виктора Фёдоровича, – попросил Малович дежурного в приёмной Серебрякова.

– Что сказать? Кто звонит? – дежурный говорил протяжно и гнусаво.

– Скажите, подполковник Лысенко из уголовного розыска.

– Минуту, – дежурный аккуратно уложил на стол трубку и ушел.

– Да, слушаю. Серебряков.– «Кум» говорил резко и отрывисто.

– Ну, это не Лысенко.– Сказал Шура, – под мою фамилию вы бы трубку не взяли.

– Что за фамилия у вас страшная, что я бы испугался? – иронично спросил Виктор Фёдорович.

– Майор Малович Александр Павлович, – Шура произнёс это весело, с улыбкой.

– Да? – после долгой паузы усомнился Виктор Фёдорович. – Тут у меня второй телефон. Подождёте?

Было слышно как он крутит диск на соседнем телефоне и что-то шепотом торопливо говорит в трубку.

– Простите, а вы сейчас где? – спросил Серебряков Маловича нервно.

– Ну, там, куда вы меня и отправляли. В раю я. В ад, ска-зали, вас ждут.

– Во, какой дерзкий! – хохотнул «кум». – А на хрена звонишь? Тебя же всё равно нет. Не вчера, так сегодня не будет. Или завтра.

– Мы с тобой, орёл, одну корову не доили и одну девку не тискали, – разозлился Малович. – Давайте на «вы» разговаривать. Успеем ещё натывать друг другу. А пока рановато.

– С чего вы взяли, что в рай лично я вас посылал? – снова усмехнулся подполковник.

– Вот это и есть тема для встречи. Обговорим. Если нет повода и я не прав, извинюсь и в пояс поклонюсь, – засмеялся Шура.

Тут «кум» пересказал Александру расписание уже назначенных встреч, поездок по важным делам и ежедневного посещения больницы в связи с пиелонефритом правой почки. Получалось, что в этом месяце и начале следующего у него время есть только в сортир сбегать. И то не дольше, чем на пять минут. Малович только успел вставить:

– Обязательно встретьтесь с Папой Римским. Он вам индульгенцию даст. Такая насыщенная жизнь – это же счастье. А вы с таким счастьем и на свободе! Завидую. И не ешьте на ночь сырых помидоров. Пиелонефрит этого не любит. А в меня шмалять больше не надо. Смысл какой? Во-первых, грохнуть меня не выходит у вас. Во-вторых, все показания исполнителей, стрелков, против вас лично, как инициатора почти тридцати убийств, лежат в двух сейфах. В моём их нет. Поэтому – есть я или нет меня, наши ребята отдадут бумаги в КГБ. Но вам на фиг?

– Хорошо. Встретимся. Но не у нас и не у вас. Где-нибудь в ресторане. В «Туристе», мне там нравится. Но через месяц, я всё равно внесу вас в расписание встреч. А то, может, и не будет времени на ресторан. Ну, спасибо за звонок. До свиданья.

«Кум» отключился, налил себе стакан коньяка, залпом

выпил и занюхал рукавом формы. После чего сразу же куда-то позвонил. С красным лицом и злой улыбкой.

– Ты, сука, меня опустил, как «петуха» задрюченного. Мне убитый тобой Малович звонил сейчас. Ты же вчера отзвонился, что родственник уехал и стало жить просторней. Ты что, мля!?! Я тебе кто, фуфел вонючий или кормилец, мля!?! Деньги через час мне на стол. А самого тебя чтоб я не видел и не слышал потом. Или тоже по Тоболу поплывешь без тупой башки своей и дрожащей руки. С тридцати метров не попасть! Чухонец ты, а не снайпер.

Он бросил трубку и снова налил стакан.

– Во, наговорил! Хорошо, что этого телефона как бы вообще нет, и его никто не прослушивает.

Шура дождался Лысенко с Тихоновым и весь разговор с Серебряковым им пересказал.

– Хитрый, падла, – Лысенко закурил и задумался. – Но взять-то его надо побыстрее.

– Не... Его так не вынешь. К себе не вызовешь. С чего? Да и к тому же он из военного ведомства. С ними связываться, не имея к нему конкретных претензий – глупо. Наши прото-

колы – для прокурора аргумент. А для них – поймай на месте за руку и приведи. Штурмом зону тоже не возьмёшь. Тут надо шерше ля фамм, – предложил Тихонов. – Я узнавал. Он любит деньги, вмазать и баб. Два первых пункта могут быть одинаковыми, а вот женщин ему надо менять.

– Хорошая мысль, – обрадовался Лысенко. – Но как ему бабу подсунуть, чтобы он повёлся? И где взять такую, на которую бы он повёлся? Жен своих отдавать – чушь. Проституток с вокзала привлечь? Так он проститутку за минуту вычислит. У наших сержантиков подружек взаймы попросить?

– Ой!– Вздвогнул Тихонов, вообразив картинку. – Это вообще трындец. Пацаны оскорбятя и могут генералу пожаловаться. Ну, у кого из вас есть соблазнительные и в полном соку женщины, которые могли бы легко протащить Серебрякова по нашему плану? Надо, чтобы она его заманила в ресторан и там напоила. Но вряд ли он кого попало в кабак по-тащит, чтобы потом продолжить с ней развлекуху. Тут нужна очень аппетитная, эффектная на вид женщина, чтобы у него слюни сами потекли при первой же встрече.

Малович грустно поглядел на Вову Тихонова.

– Вот была такая Танечка Романова...

– Не! Я же зарёкся с ней шашни крутить! Из – за неё я чуть жену не потерял. Вы что? – испугался искренне Тихонов.

– Да тебя никто не заставляет с ней по новой роман завести. Надо нюх её направить на Серебрякова. На неё он западёт стопроцентно. Такая булочка со сгущенным молоком внутри, с кремом поверху и шоколадом облитая. Ты только её вылови и разъясни. Для святого дела помощь её нужна. А мы потом купим ей что-нибудь дорогое и женщинам полезное. – Встряхнул его за плечи Александр Павлович.

– Да пошлёт она меня, – уверенно сказал Володя. – Она, может, хочет со мной крутить. А я её чёрт знает под кого подкладываю своими руками. Пошлёт точно!

– А ты скажи, что это государственная задача очень важная и нужна её красота вместе с талантом влюблять в себя кого угодно. А как только, скажи, она задачу выполнит, ты её опять любить будешь неземной любовью. Соври внаглую. Ради дела! Ну?! Потом разберёмся. Мы с командиром её успокоим и всё объясним – Пообещал Шура.

Тихонов минут пять заламывал руки и читал тихо какие-то стихи. Потом согласился.

– Для большого дела можно сдать чуток назад. Но как бы

в игру сыграть.

– Точно! – Александр Павлович обнял друга. – Это ж игра такая! Поймай преступника. Мужчина! Ради дела готов собой пожертвовать. Только вот проблема! Как её с ним свести, столкнуть, соединить? Не мыслю пока.

– Она должна ловить возле зоны такси. Узнаем, когда он выезжает домой. А Танька в это время будет красиво стоять на обочине и махать ручкой. Главное, чтобы он остановился и её взял. В остальном она спец! Найдёт, как охмурить, – придумал финал Лысенко.

– Гениально, – подтвердил Малович.

– Командир у нас голова. Ему палец в рот не клади, – вспомнил Вова Ильфа с Петровым.

Подполковник пообещал отследить, когда и какой дорогой уезжает с работы «кум», а Вова Тихонов сел на телефон и начал ворковать с Танькой, которая его сначала не прощала, но, поскольку он бы её всё равно доконал, простила. И они начали лепетать что-то хорошее о своём прошлом. Потом быстренько договорились встретиться в кафе «Колос» и только тогда командир отдал приказ: «Все свободны», после чего трое умных «лежавых» быстренько разбежались кто

по делам, кто по домам.

Татьяна Романова была в возрасте покидающей волшебный мир феи. Ей стукнуло тридцать. За эти годы она прочла букварь и вскользь какие-то учебники с формулами. Для чего цифры и формулы нужны, так и не дошло до неё. А после седьмого класса Танька резко стала обрастать телесами и спереди и сзади. Она в восьмой не пошла, а устроилась на молочную фабрику и делала кефир, катык, и ряженку. Таня была поразительно доброй и помогала соседкам пожилым. Мыла им полы, стирала и бегала по магазинам. Она собирала на дорогах безродных и потерявшихся собак и кошек. Жили они во дворе и двух сараях.

Зимой Танька покупала сено в деревне за Тоболом, кидала его в сарай и собачкам с кошками было тепло. Она посылала в газету письма, прочитав некролог о смерти какого-нибудь выдающегося человека и просила переслать письмо родственникам, чтобы они ответили, нужна ли им Танина помощь. Татьяна каждый день ходила в церковь и раздавала нищим на паперти деньги. Она после работы вкалывала в доме сестры, больной астмой. Сама сестра задышалась от любого избытка движений, а муж пил сильно и даже за водой к колонке на углу не ходил.

В доме сестры Танька делала всё, да ещё успевала свой

домик, оставшийся после гибели родителей в гололёд на мотоцикле, содержать в идеальном состоянии. Ей было жалко всех. Птичек, которые прилетали к ней во двор и клевали пшено, рис, семечки и хлебные крошки.

Всё, кроме крошек хлеба она покупала. Как и куриные крылышки да головы для кошек и собак.

У неё были три любимых места на Тоболе. Она приходила туда зимой и летом. Когда реку прихватывал лёд, она брала пешню у мужа сестры, крутила лунки и сыпала в них корм для рыбок, который продавали в зоомагазине. Летом в огороде за своим двором копала червяков, складывала в банку с землёй и каждый день утром кормила на Тоболе рыб. Они приплывали как только Танька появлялась, выпрыгивали из воды, кувыркались. Радовались.

Вот по этим причинам денег у Романовой никогда не было. Но она не занимала ни у кого. Отдавать всё равно нечем. Покупала себе дешёвые крупы разные и варила каши. Запивала их кефиром и ряженкой. Их по пять бутылок в неделю руководство просто так отдавало рабочим, а в отчетах потом списывало «на бой посуды» и естественную убыль. Мясо она в последний раз она ела в гостях у знакомых, которые пригласили её на Новый год. Ей тогда было двадцать семь. Три года назад всего.

Но больше всего ей было жалко мужчин. Все они, за редким исключением, были плохо одеты и обуты, беспомощны, как попало пострижены и почти у всех глаза были тусклыми как самые дешёвые слабенькие лампочки для детских фонариков. Они жили с противными, злыми женами, которых давно, как она понимала, не любили, но деваться было некуда. Разводиться, делить квартиру, шкафы и диваны – противно. Потому и продолжали с ними жить- маяться. И Таня их жалела по-своему. Она подходила к выбранному на некоторое время мужичку и открыто говорила.

Пойдём со мной. Я сделаю твою жизнь лучше и интереснее. Она приводила мужичка к себе, ласкала его, слова говорила милые, которых он давно не слышал. А, главное, дарила ему на время и душу свою добрую и роскошное тело, какого ещё поискать, да и не факт, что повезёт тебе, и вдруг найдешь. Жалела она таким образом очень многих. Искренне, от души, с любовью и сочувствием.

Но статус шалавы заработала быстро, несколько раз жены приходили к ней на работу и таскали её за волосы, ухитряясь, пока не разнимут, настучать кулачками ей по красивому лицу и выдающимся грудям.

Только зла в Таньке не было ни к прозвищу своему «подстилка дешёвая», ни к свирепым тёткам, ни к бросающим её после насыщения лаской мужичков. Так она жила. И жизни

другой природа и судьба, похоже, не собирались Романовой Татьяне предоставлять.

Володя Тихонов, несмотря на суровую милицейскую жизнь, был мягким, сентиментальным и обделённым лаской. Это было видно и по глазам его, и даже по походке. Поэтому она дня три рыдала когда он от неё избавился, и целый день ревела от радости, когда Володя ей неожиданно позвонил на работу. Тётки на кефирном конвейере отпустили её плакать и радоваться домой, поскольку в таком состоянии она могла что-нибудь в порядке отлаженной системы нарушить.

Встретились они с Тихоновым в кафе «Колос», Володя заказал такой набор блюд, какой берут обычно на праздники. Танька от пуза поужинала и расслабилась. И в этом состоянии её можно было уговорить хоть с парашютом прыгнуть, хоть два пальца сунуть в розетку.

После третьего бокала шампанского Тихонов сделал грустное лицо и доложил Татьяне, что хочет вернуться к её любви и ласке, но только после того, как она пожалеет одинокого мужчину, задолбанного работой трудной и отсутствием общечеловеческих радостей да людского внимания к себе. Военного. Подполковника. Начальника исправительно-трудовой колонии, который много лет каждый день видит только рожи преступников, этих моральных уродов.

– Ты приласкай его, попросись сходить с ним в ресторан. Так Шура Малович придумал. Скажешь мне в какой ресторан и, главное, когда пойдёте, а потом мы с тобой будем неразлучны. И даже жена не разлучит нас. Только смерть.

– Хорошо, – без особой охоты согласилась Танька. – Но только потому, что это нужно тебе и важность у мероприятия государственная. Говори, что надо делать.

Через день она остановила машину Серебрякова и он за час пути утонул в Татьяне как в омуте, из которого без помощи не выбраться. А ещё через пару дней «кум» заказал столик в «Туристе», о чём сразу узнал от Тихонова Шура Малович, и в десять вечера подполковник в шикарном гражданском прикиде был пьян в зюзю, нёс любовную ахинею и обещал Таньке райскую жизнь среди роскоши импортной, бриллиантов и золотых браслетов.

А тут мимо проходил какой-то поддатый ухарь, переодетый лейтенант «угро», случайно задел графин с грузинским дорогим вином и ещё более случайно опрокинул его точно на платье дамы Серебрякова. Не извинился и пошел дальше. Но «кум» успел поймать его за пиджак, поднялся и врезал мужику в ухо, а потом схватил за плечи и с размаха опустил его лицо в салат на чужом столике. И понеслось. Дралось

человек десять, причём кто на чьей стороне воевал, никто разобрать не мог. Наряд ресторанной милиции вызвал подкрепление и большинство присутствующих показало на Серебрякова, как на зачинщика этой бойни. Его и еще двоих буйных скрутили и отвезли в изолятор УВД.

Капкан на крупного «зверя», поставленный Маловичем, скрипнул и захлопнулся.

14. Глава четырнадцатая

У Маловича была уникальная жена. И не потому, что каждая женщина вообще уникальна. Мужики-то, они попроще. Подражают сильным или богатым, удачливым или уважаемым, и этим похожи друг на друга. Подражать у многих неплохо получается, но это всегда заметно. Сам мужичок хоть и косит под кого-то выделяющегося, но слабоват, злой, трусоват, жаден, не читает книжек, а самая серьёзная удача для него – спрятать от супруги заначку, а она её найти не может.

Неповторимость женщин в том, что, кому бы она не подражала, какой бы ни была дурой, но у неё грудь третьего размера и бёдра в обхвате сто десять сантиметров. А вот учительница музыкальной школы, которая всё знает о Шопене и Бизе, грудь имеет почти незаметную и бёдра у неё как у курицы магазинной. Но и она гордится собой. Тем, что душа её живёт классикой искусств и о груди своей да бёдрах учительница даже не вспоминает. А от того, что мужчины её не видят даже через лупу, гордости собой от причастности к великому она имеет в избытке и не теряет никогда. И уникальна именно этим.

байджанской, Киргизской, Таджикской, Армянской, Туркменской союзных республиках и дарили его высококвалифицированным врачам всех специальностей, у которых больные помирали реже, чем выздоравливали.

Шура званием жены гордился больше, чем она сама и хвалил её везде при подходящей возможности. Но способности «ведьмы» поражали всех без исключения. И родных, и коллег, даже случайных людей, которых она успевала или обрадовать заранее, или предупредить. Иногда, хоть и не хотела Зинаида, приходилось-таки огорчать граждан преждевременно. Но, к счастью, только они одни ей не верили, шутили и за волос её не таскали, а вспоминали Зину только через время, как раз в час горя или беды.

Вот она довольному Шуру, который отловил и посадил в следственный изолятор начальника «ИТК 4» Серебрякова, и смяла тонус радости от макушки до пятки.

– Не получится у вас с ним ничего,– сказала она между делом. А дело было нужное – лепила пельмени. – Вы ему сможете доказать только драку в ресторане, но даже мелкие взятки от «цеховиков» – вряд ли. Кто его за руку поймал? Ты? Нет. А кто? Он даже как исполнитель убийств не годится. Не докажете. «Кум» сам пальцем никого не тронул. А то, что платил за работу убийцам, так он просто чужие деньги

передавал одним людям от других. Он же не свои платил за определённую работу и не воровал государственные.

– Ты вот говоришь, что он большую часть себе оставлял. У вас что, есть расписки от него, будто он брал себе вообще какие-то деньги кроме зарплаты из кассы? Нет их. Убийцы вам сказали и написали. Они что, сами видели все деньги, какие давали заказчики? Ерунда ведь. Не могли они видеть момент передачи купюр. И то, что он вообще что-то забирал себе – слова пустые. Любой адвокат вас заплюёт с ног до головы.

Кому-то из бывших зеков «кум» передавал просьбы посторонних людей, чтобы кого-то ликвидировать. Так? Значит он посредник между двумя преступниками. Заказчиком и убийцей. Есть у вас хоть какая-нибудь уголовная статья не за «недонесение» а именно «за посредничество»? Федя, мол, тут Ваня, мол, попросил грохнуть Мишу. За это судить можно? Нет. И адвокат вам за пять минут разъяснит, что за драку в ресторане будет ему штраф. Или пятнадцать суток дадут. Так что, не хлопай в ладоши раньше времени.

Малович вышел во двор и двадцать раз поднял ось от вагонетки. Это его привело в чувство. Выходило, что живым он остался зря. Лучше бы снайпер его пришиб. Так опозориться! Жена про милицейские дела от Александра только

краем уха слышала и никогда в них не вникала. А тут нарисовала как масляными красками не пейзаж, а бляха, натюр-морт. Мёртвую натуру. По-другому – дохлое дело.

Но как просто объяснила жена! А лучшие умники-оперативники таких элементарных нестыковок не увидели. Ловить надо не «кума», командира бывших зеков, а тех, кто цеха держит, кто директорствует в магазинах, на заводах сырьевых, в больших кабинетах спецторга сидит и так далее. А поймаешь, так ещё попробуй, выдави из него признание, что он приказал убить.

Шура раз пять длинно себя вслух обматерил и пошел в дом к телефону.

– Сергей Ефимович, Серебрякова не трогайте. Пусть пождёт в камере, – с досадой оповестил он подполковника. – Мы крупно проиграли всем им. И «куму», и «цеховикам». Всем! Пролетели всем нашим умным составом мимо кассы и сейчас мы все в дерьме и без единого мухлёжного козыря в рукаве.

Мы крупно ошиблись, командир. Я ошибся. Вся вина провала операции на мне. Можете меня понизить до ефрейтора. Я заслужил своей хвастливой головой, в которой не мозг у меня, а холодец. Студень, причём большой кусок без извилин. Тьфу, мля! Сейчас приеду.

– Шура, не говори загадками, – закричал командир. – Студень. Все мы в дерьме! Сдурел, что ли? Жду. Вот ведь как день с утра не задался. Кошелёк потерял. Один раз из машины вышел. Сигарет пачку в киоске «Союзпечати» взял. За триста рублей, мля! Жене хотел после работы чешский фотоаппарат «Практика» купить. Она увлекается съёмками. А фотографирует «ФЭДом – 5 С». День рождения у неё завтра. Ну, да хрен с этими деньгами. Со сберкнижки сниму. Чую по тебе, что всё надо по новой начинать. Вот же...

Шура влетел к нему в кабинет как северный ветер. Быстрый, колючий и холодный. Принёс неприятные новости. А за окном гуляло начало лета. Пивных желтых бочек с колёсами стало раз в десять больше. Девушки в пёстрых одеждах не всегда успевали прижать к ногам вздымающиеся до пупа низовым южным ветерком гофрированные тонкие юбки. Туда-сюда резво мотались поливальные машины и вместе с петуниями, бархатцами да ромашками окропляли прохожих, которые почему-то радовались и смеялись весело.

А просто потому, что хорошо было летом. Птицы стряхивали с веток берёз молодые клейкие серёжки на головы населению. И ничего. Не шумел народ на птиц. Уборщики из «горжилуправления» остервенело сметали с тротуаров невидимую пыль, которая оставалась на мётлах и дымкой серой

оседала на прохожих. Нет! Никто не орал на уборщиков. Потому, что лето началось яркое, полное стрекоз, красных жучков, отмытых от весенней грязи скульптур и памятников. Заполненное девочками в коротких ситцевых платьях, доказывающих, что красивые ноги не хуже красивых лиц. Да, летом было хорошо. И Шуре не хотелось бегать за преступниками. Он желал висеть в гамаке на краю берёзового колка рядом с родной Владимировкой и читать на весу рассказы Чехова. Но надо было подняться на второй этаж к Лысенко и чесать во лбах. Вычёсывать из них ошибочные мысли и давать место правильным.

За час он обосновал неудачу и рассказал, что смог на ходу придумать, чтобы вильнуть с кривой дорожки на прямую, ведущую к победе разума над голым энтузиазмом.

– Давай тогда сначала вызовем Серебрякова. Пусть он тащит к нам своего адвоката и мы его суток на пятнадцать закроем. Хотя бы так, блин, – подполковник достал платочек и вытер вспотевшую шею. Таких жутких провалов в управлении не было лет десять. Не меньше.

Привели весёлого «кума». Он смеялся ещё в коридоре и со ртом, достающим краями уши, по-японски поклонился, прижав ладони к коленям.

– Ну, бывает, Виктор Фёдорович, – поманил его на стул Малович. – Ошибка вышла. Повели нас некоторые по ложному следу. Звоните адвокату. Будем извиняться и избирать совместно меру наказания за драку в ресторане.

Серебряков еле-еле успокоился от хохота и тыльной стороной большого пальца стёр капли «смешинок», слёз от смеха. Взял трубку, набрал номер.

– Николай Сергеевич, здоровья вам и хороших клиентов. – Виктор Фёдорович с затухающей улыбкой оглядел майора и подполковника. – Я сейчас арестованный и сижу в кабинете начальника управления уголовного розыска. Подрался вчера случайно в ресторане. Мою даму оскорбили. Я её честь защищал. Приезжайте сейчас, а то без вас мне тут и расстрельную статью припаяют, если захотят. С адвокатским удостоверением пройдёте без пропуска. Ждём.

Малович пока внимательно его разглядывал. Лицо строгое, прямой нос, зелёные глаза, тонкие губы и ямка на широком подбородке. Хищная внешность если к лицу прибавить фигуру. Широкие плечи, сильные руки и шрам на шее от уха до воротника рубашки. Рост под сто девяносто и большие ладони, в которых футбольный мяч будет похож на теннисный. Тыльную сторону пальцев правой руки украшала наколка, сделанная явно в колонии – «бойся». Буквы расположились

так, что читать их было удобно не хозяину руки, а тому, кто сидел или стоял напротив. Красноречивее и точнее хозяину зоны наколку никакой профессор бы не придумал. А слово это среди сотен тысяч нашел и выбрал Серебряков сам и наколол его через неделю после назначения начальником. Вне службы он правую руку держал в кармане и гражданский народ потому его не боялся.

– Пока нет адвоката, – сказал Шура мягко, с интересом. – Зачем вы...

– Да давай на ты, – протянул руку «кум». – Тогда же вроде договорились. По телефону.

Малович руку пожал. Крепко. На лице Серебрякова дёрнулось веко.

– Ты, Витя, зачем мой дом в труху разворотил, баню, ворота? Меня зачем убить хотел? В последней сцене третьего акта чётко в сердце со спины снайпер попал. А шеф в первый раз за службу уболтал меня надеть бронежилет. Так вмятина на титане была точно напротив сердца. На хрена?

«Кум» погладил себя сбоку по каштановому виску с проседью. Пощелкал пальцами. Обычно так делают, когда подбирают нужные слова.

– Шура, я неверующий. А то бы Господом Богом поклялся, что это не я. Зачем мне? Да, я брал деньги у тех, кто приказывал убить партнёра или «крысу», стыrivшую деньги или сырьё. И двадцать пять процентов давал тому, кто убивал. Но это всё. Ты мне ничем не мешал. Я же не убивал никого. Брал деньги как посредник. Но даже на это нет подтверждающих бумаг.

– Когда «цеховики» и их снабженцы узнали, что ты взял Русанова и приготовился «приземлить» меня, они испугались что мы их сдадим. То есть я признаю, что конкретный дядя с конкретной фамилией просил меня нанять бывшего зека и за дядины деньги завалить «одного козла». А я, блин, честно, понятия не имел, кого кто хочет шлёпнуть. Мне фамилию «терпилы», будущего «жмура», сроду никто не называл. А вот самих заказчиков-то я знаю всех. Так вот они и думали, что Русанова ты взял, значит, и меня возьмешь. А им меня очень жаль терять. Где они найдут такого как я посредника? Сами-то убить не смогут. Обделаются.

– Понимаешь, да? Вот я тебе возьму и не «расколюсь» даже на полслова, но ты меня за что-нибудь, да посадишь, если упрёшься. Ты же мастер. Нашел бы гнилое место в моих делах. Я-то не консерваторию возглавляю. А у нас на зоне, если принюхаться, найдешь и внутри колонии убийства, и сбе-

гают иногда зеки. Чудят в городе и области. Бандитствуют. Грабят. Убивают. Спрос с них? Нет. Они уже убийцы и бандиты. Я-то их приставлен перевоспитывать. С меня и спрос.

– А как я перевоспитаю парня, который уже кровь чужую пролил на землю? Не случайно вспорол брюхо «пером» терпиле богатому. А денег ради. Будь они трижды прокляты, блин. Думаешь, он однажды схватится за голову, зарыдает и пойдет работать воспитателем в детский сад или мешки с мукой таскать на городской мельнице? Хрена лысого!

– Значит, это не ты меня чуть в могилу не уронил? – удивился Малович по-настоящему. – А кто тогда пугал шрапнелью? Дом мне в щепки разнёс и ворота сломал кто? Мне пулю в сердце не твои люди запустили? А кто?

Серебряков закурил обычную беломорину, сделал штук пять неторопливых затяжек. Потом медленно достал из внутреннего кармана добротного своего твидового пиджака, который в ресторан надел, блокнот в кожаной корке.

– Он всегда со мной. Ни в столе, ни в сейфе его быть не может. Только в кармане. В кителе, в шинели, в пальто или пиджаке. Здесь все адреса, имена, фамилии и телефоны тех «подпольщиков», кто хотел кого-то убить и просил меня поспособствовать, свести с урками блатными. Тех, кто уговари-

вал меня, а я, дурак, не отказывал. Деньги, сука! Деньги халывные меня побороли и победили. Положили на лопатки. Потому, что лёгкая добыча.

Деньги – зло. – подтвердил Малович.– Дармовые – особенно. Совесть сжирают.

– Я ж ничего не делаю, труда не вкладываю. – Разгорячился «кум». – Передам просьбу одного козла другому козлу и всё! За раз – бабок больше, чем месячная зарплата раза в три. Мне их натурально уже девать некуда. Я вон цех в колонии на свои построил. Но главное управление дало мне бумагу, что под это дело средства мне выделило. А так бы любой хмырь из ОБХСС прикопался: «Как накопил на цех и на целый детский дом?»

– Мы в цехе, не поверишь, будильники громкие собираем. Продаём хорошо. Деньги – государству. Казне «ИТК- 4». А детский дом в Рудном я построил тоже на свои. И снова Главк мне будто бы денег дал на благотворительность. Бумагу прислал для отчётности. Они-то понимают, что деньги у меня «левые». Но я из бюджета ни гроша не тронул. Оно самому тупому бухгалтеру видно. А для Главка это бальзам на душу. Начальник, а не ворует. Белая ворона, блин. А где беру – их не топчет. Может, постоянно в лотерею выигрываю...

– Их много у меня, денег. Но вы их не найдёте. Да и зачем искать? Я ни копейки у государства не украл. Долю свою беру как посредник. Но посадить меня за это невозможно. Ни одной расписки нет, что я деньги взял, или что мне их дали. Квартира у меня обычная. Трёхкомнатная. Мебель алма-тинская и белорусская. Бриллиантов с изумрудами нет. Пер-стень на мне литой из недорогого серебра. Твоё, Шура, об-ручальное кольцо дороже вдвое.

Шура подышал на кольцо, протер рукавом, покрутил пальцем, показал, как слетают с золота яркие матовые блики.

– Не. Это обычная пятьсот восемьдесят пятая проба. Средняя. Золота тут чуть больше половины. Остальное – не понятно что.

Постучали в дверь.

– Входите, ждём! – крикнул Лысенко.

В кабинет медленно вплыл известный в Казахстане ад-вокат экстра класса Николай Сергеевич Хлопушин. Рабо-тал только за крупные деньги, поскольку защищать брался только «больших» людей, имевших хорошие запасы дензна-ков. Он оделся в велюровый коричневый костюм, коричне-вые туфли не советские, шелковую бежевую рубаху и черный

галстук-бабочку. В руке имел дорогой портфель с кодовым замком, сшитый из кожи очень редкого зверя. Не из крокодила точно, но, возможно, из носорога.

– А я думал, что опоздал, что вас, Виктор Фёдорович, уже и расстреляли, и погребли прах ваш. Простите за грубое начало моего присутствия.

– Да разобрались сами в главном. По той теме нет претензий ни у меня, ни у милиции, – поднялся Серебряков и пожал милиционерам руки. – Осталась драка в ресторане. Один чудака вылил вино на платье моей даме. И пошёл вперёд. Даже не оглянулся. Ну, я ему и въехал. Потом народ восстал. Трое за меня, трое против. Так мы и не побии толком друг друга. Приехали оперативники и нас повязали. Теперь мне отвечать надо.

– Хулиганства здесь не наблюдаю, – улыбнулся адвокат. – Защита чести дамы равна в СССР самообороне. Пределы обороны превышены?

– Нет. Всё в рамках. Только лёгкие телесные у двух мужчин, – Лысенко достал ручку и что-то черкнул на чистом листе. – Обычно мы применяем пресечение свободы на пятнадцать суток.

– Офицера? Подполковника? Начальника крупной государственной организации в камеру со шпаной? – адвокат перестал улыбаться и как-то странно оглядел милиционеров. Взгляд как бы спрашивал: – «У вас с головами всё в порядке?»»

– Да тут хватит и домашнего ареста, – сказал Малович. – И честь не оскверним, и наказание применим. Драку же ты, Витя, запустил.

– Домашний арест мне по душе. Отдохну. Почитаю хоть до отвала. Посмотрю телевизор, пиво возьму разливное, рыбку вяленую на базаре куплю. Меня устраивает и вам спасибо, – Серебряков мечтательно вздохнул.

– Вот для этого решения меня вызывали? – засмеялся адвокат. – Мне это лестно очень. Значит, вас устраивает мой юридический уровень.

– Собственно, нет. Мы пригласили вас для совета по сложному для нас вопросу, – Шура аккуратно дотронулся большой пятернёй до адвокатского велюра. – Тут, понимаете ли, кто-то на меня охотится. Дом почти в щепки разнесли шрапнелью, меня чуть не застрелили. Бронежилет спас. Я сперва думал на Виктора Фёдоровича. Но мы прояснили, что шлѐпнуть меня или запугать, чтобы я снялся с дела об убийствах

«подпольных цеховиков», хотя сами «цеховики».

Они же одновременно и заказчики платных убийств негодных им людей. Семь убийств с этого и прошлого года я раскрыл. Преступников, убийц-исполнителей посадили. Но нераскрытых осталось ещё восемь только по линии запрещенного частного производства. Ну, других «глухарей» ещё шесть. К «цеховикам» не относятся. Разберёмся. Мне нужно арестовать и посадить конкретных людей из производственного подполья, которые платили за каждое договорное убийство. Эти люди известны Виктору Федоровичу. У него всё записано в блокноте. Даже адреса и телефоны. Что посоветуете?

Адвокат поправил «бабочку» пригладил волос и сказал таким тоном, каким, наверное, бог Саваоф воскликнул: «Да будет свет!»

– Вы его вчера арестовали. Обыскать были обязаны. Обыскали?

– Да как-то и смысла не видели, – попробовал оправдаться командир. – Нам он не по драке нужен был. Драку сами подстроили. А для той цели, ради которой мы его забрали, обыскивать не требовалось.

Адвокат поднял палец.

– Тогда общите, протокол составьте и поинтересуйтесь, что за блокнот и кто в нём записан? Кто эти люди? Ответить «не знаю» мой клиент не сможет. Сам же писал. Почерк можете сверить. И тогда никто из «подпольщиков» Серебрякова не заподозрит, что он их сдал. Потому что арест был с обыском законным. Блокнот изъяли законно для изучения. Переписали всё, не нарушая закон, кстати, и блокнот вернули. А уже отлавливать заказчиков начали по своим записям и собственной инициативе. Выяснили, кто там есть кто, тоже сами. Мой клиент и знать об этом не мог. Да и адреса их с телефонами начальнику зоны зачем? Дружить с теми, кто шьёт и пластмассу плавит – с какой стати? То есть «цеховики» ему предъявить не смогут, что он их вам сдал. Взяли – то вы его за драку в ресторане. Это узнают все зеки. Сегодняшние и бывшие. Это ж сам «кум»! За драку!!! Герой! А вы, Виктор Федорович, на самом деле отдайте милиции заказчиков. Расскажите кого, как, и где можно повязать.

– Но когда возьмём их, подтвердит подполковник на очной ставке, что именно у них брал деньги на оплату убийств? – неуверенно шепнул адвокату Шура.

– Я советую подтвердить, – адвокат уверенно шлёпнул ладошкой по колену. – Их посадят, но, Виктор, клиентов у те-

бя всегда будет не меньше. На места посаженных прибегут другие. А машину устранения неудобных нигде в мире никому не удалось остановить. Не эти будут платить, так другие. Извините, что я в присутствии милиции такое вслух говорю. Но это же очевидно. И вам по-прежнему посадить начальника «ИТУ- 4» будет не за что. Но заказчиков настоящих он вам периодически будет называть. Вы его как бы арестовываете за что-нибудь. Обыскиваете. Блокнот находите. А дальше уже забота милиции так арестовать подозреваемых, чтобы на подполковника Серебрякова подозрений не было.

– Я согласен, – сказал «кум»

Зазвонил телефон. Лысенко снял трубку.

– Саша ещё не ушел?– спросила Зина слегка дрожащим голосом. – Обязательно наденьте на него бронежилет. Возле дома его снова попытаются застрелить. И прикройте его. Охрану дайте с автоматами.

– Не переживай, Зина. Он будет в жилете, оружие табельное возьмет и три автоматчика с ним поедут.

Динамик у телефона был мощный и все всё слышали.

– Жена откуда может знать? – «кум» натурально удивился.

– Дар у неё такой, свыше спущенный, видеть близкое и далекое будущее, – сказал Александр Павлович. – Сам не могу привыкнуть. Но ни разу Зинка не ошиблась.

– Пусть про меня скажет, а ты мне передашь, – попросил «кум»

– Лады, – Шура улыбнулся – Завтра скажу. Заеду. Слушай, ты подскажи мне. Я хочу первым задержать Марченко, директора завода кожзамениителей. На нём, чувствую, не только труп шофера Кудряшова висит. Как его надёжнее прихватить?

– Пойдем в коридор. Расскажу, – Серебряков вышел первым. Не было их минут тридцать.

Адвокат попрощался с каждым за руку и плавно удалился в своём нежном, ворсистом не мнущимся велюровом костюмчике.

– Ну, я тебя, Шура завтра жду, – сказал «кум», махнул подполковнику и тоже ушел.

Лысенко нахлобучил на большое тело Маловича бронжилет. Надел сверху рубашку, другого, крупного размера,

проверил, взял ли Александр свой «ПМ», по рации приказал автоматчикам готовиться, и тех, кто будет стрелять, не жалеть.

Малович подъехал к воротам, открыл их, загнал мотоцикл и вот когда шел обратно – закрывать большие тяжелые двери, почувствовал сильный удар в грудь и упал на спину. Было очень больно. Но сознание Малович не потерял и слышал три автоматных очереди.

– Ранен. Вон, в палисаднике напротив нас. Ловим и вяжем! – крикнул командир автоматчиков.

Через пять минут они притащили связанного парня. Одна пуля прошла сквозь ногу у бедра, вторая и третья застряли в плечах.

– Давайте его в больничку и потом в четвертую камеру, – Шура поднялся. Грудь ныла так, будто с полного разворота в неё врезался крюк подъёмного крана.

Автоматчики и снайпер уехали. Малович зашел домой и попал точно на телефонный звонок.

– Вот ты тварь какая живучая, – хрипло произнёс резкий баритон.

– Я знаю кто ты, – ответил Шура. – И ты, Марченко, лучше сдайся. Поймаю – так сначала отделаю, чтоб ты ни сидеть, ни стоять, даже ползать не мог, а потом следаку тебя сдам и уговорю его на «вышак» специально для твоей сучьей персоны. Ты его заработал. На тебе минимально четыре заказа по «мокрухе».

– А вот пососи морковку на ночь, – прохрипел Марченко. – Хрен ты меня найдёшь.

– В этой жизни я не могу найти только счастья не видеть и не слышать про таких ублюдков вроде тебя. А тебя отловлю как муху на окне. Если не допрёшь сам повеситься раньше, – Малович бросил трубку и набрал номер Аниной тёти.

– Сейчас Зиночке дам, – обрадовалась Шуре тётя Панна.

– Всё обошлось! Я же знала! – Зина три раза чмокнула трубку.

– Я его поймаю, этого гада Марченко? – спросил Малович. – Это он меня сейчас убить хотел. Даже позвонил потом. Расстроился, что я опять живой.

– Поймаешь, конечно. – Твёрдо заявила жена

Шура засмеялся.

– Я тебя, Зинуля, всё равно перетащу в уголовный розыск. Покормите меня? А то домой не успел купить ничего. Корооче, я еду к вам в бронежилете и с пистолетом. Не пугайтесь.

Он вышел в июньский двор, сорвал рядом с тропинкой одуванчик, который только что отцвел. Дунул на него и долго наблюдал, как медленно кружась и вращаясь падают в траву белые прозрачные парашютики.

Вот это копия жизни, – сказал Малович. – Прицельно дунет кто-то, и ты уже не жилец, спустишься в ад на таком же парашютике. Но с этого момента дуть на кого положено буду я. Всё. Озверел.

И с этой хорошей мыслью он поехал на замечательный, конечно же, ужин.

15. Глава пятнадцатая.

Андрей Андреевич Марченко имел кучу причин не любить милицию. Он со школьных лет пил водку, вино, пиво и, если подворачивалась возможность, самогон. В этом измененном градусами виде он по выходным ходил в парк на танцплощадку и здорово там бузил. Драки организовывал, девушек словесно уничтожал если они отказывали пьяному пареньку сплясать совместно фокстрот. Но несогласие девочек милицию не волновало, а вот за драки родители Андрюши платили ощутимые для семьи штрафы.

После школы он с участием папиного брата, инструктора Свердловского горкома партии, поступил на химико-технологический факультет университета. Там он так же злоупотреблял любимым народным напитком и бесновался на танцплощадках. Сажали его и на пятнадцать суток, и крупно штрафовали, посылали письма ректору с очень убедительной просьбой отчислить хулигана, но папин брат с ректором легко договаривался и в шестидесятом году получил Марченко диплом с хорошим распределением на Среднеуральский медеплавильный завод в городе Ревда младшим технологом. Рядом со Свердловском стоял этот могучий завод все-союзного значения.

Мастер электролизного цеха Зубов был крут и суров. Два первых дня Андрей весело появлялся в цехе, заглотив с утра по стакану водки, а третий рабочий день он даже не успел начать. Зубов, крупный и сильный дядя, взял его за шиворот и в таком виде, не отпуская, провел по всем кабинетам, где подписывали документы и приказ об увольнении Марченко по тридцать второй статье как злостного нарушителя «КЗО-Та». С этой записью в трудовой он мог устроиться только на кладбище рыть могилы, поскольку все работяги там имели биографии похуже.

Ну, кто пьёт активно, знают, что страсть эта поглощает всё остальное. Алкоголик, в которого закономерно года через два преобразовался Андрей Марченко, остался внешне приличным человеком. Хорошо одевался, был чистым, носил модные причёски, серебряные часы с серебряным браслетом и вокруг него примерно на метр растекался аромат французского одеколона «Арамис».

Это был потрясающий настой всяких трав, от которого быстро обалдевали близко проходящие, а девушки млели и непроизвольно выделяли соответствующий манящему запаху гормон. «Арамис» залили экстрактами трав. Там были Мирра, Артемизия, Клевер, Чабрец, Бергамот и Гардения, Пачули, Шалфей, Жасмин, Кардамон и Корень ириса, Ко-

жа, Дубовый мох, Мускус, Ветивер, Сандал, Амбра и Кокос. Благодаря случайно попавшемуся единственному увлечению ухаживать за собой, Андрей в обществе считался человеком приличным, умным и достойным. Больше, как и всех состоявшихся алкоголиков, его не интересовало ничто. То есть он любил себя, выпить и деньги. Но не зарплату, а только легко добытые в большом количестве. Любовь – то была, но большие дармовые деньги пока к нему в карман не спешили.

После изгнания с медеплавильного завода Андрей с папой пошли в горком и брат батин Сергей посоветовал юноше уехать в Казахстан с дипломом, но без трудовой книжки. Отдыхал, как бы, месяц после экзаменов и пока не работал. Не завёл книжку трудовую. В Кустанае он понравился своим дипломом директору завода кожзаменителя Новикову. Поставили его поэтому сразу мастером нанесения на ткань или бумагу тонкого слоя старинного пластика, жидкого поливинилхлорида. Фактически этот полимер наносила специальная машина и Марченко быстро научился выставлять на ней нужный параметр толщины плёнки.

Это он мог делать пьяным, очень пьяным и почти невменяемым. Никого состояние работника не печалило, поскольку брака Марченко не делал. Полуавтоматический агрегат никогда не ошибался. Андрей только переставлял рычажок

на правильную отметку. Работал рефлексивно и безошибочно потому, что то место, куда передвигать рычажок, покрасил чернильным «химическим» карандашом. Через год его повысили. Он стал лакировщиком. Лак тоже машина наносила и новый навык Андрею не понадобился. На агрегате был такой же рычаг и похожие отметки. Он исправно крыл ткань лаком, не включая голову.

Но до лакировки полотно красили и наносили или простой узор, или штампованное тиснение. Тогда заменитель было почти невозможно отличить от кожи. Вот ещё через год Андрюшу определили на эту главную, самую ответственную процедуру – теснение узоров. К этому времени он натренировал организм не терять ориентации в пространстве после двух больших бутылок вина «777» и производить правильные движения даже употребив бутылку «московской». Теснение тоже делала машина. Надо было вручную только матрицу с узором вставить в ствол штамповщика. Марченко за неделю научился не промахиваться матрицей мимо гнезда, потом створки штамповщика защелкивались. И всё. Больше у Андрея дела не было. Он устанавливал рычажок и сидел рядом на стуле, наслаждаясь ощущениями, которыми водка гладила душу.

Прошло чуть больше трёх лет и вдруг внезапно ушел в мир иной начальник цеха. Дирекция вспомнила, что Мар-

ченко ни разу не запорол дело и поставило его на место усопшего. Там Андрею тоже делать было нечего. Машины собирали в Германии и они как часы работали, оставляя трудящимся одну функцию – наблюдать. Ну, и вручную грузить готовые рулоны в кузова грузовиков или отвозить тачками на склад. Марченко научился покрикивать на рабочих, чем повысил свой статус руководителя.

Пить он стал больше и орать на подчинённых водка крепко помогала. Его боялись, а это было уже преимущество. Когда в шестьдесят восьмом директора фабрики забрали руководить городским профсоюзом, он на последнем собрании рекомендовал вместо себя Марченко Андрея Андреевича. Главное управление лёгкой промышленности занималось, естественно, главными вопросами и ему в принципе было до лампочки, кто станет руководить фабрикой. Управление знало, что немецкое оборудование при любом директоре даст хороший продукт.

В этом же году Андрей на какой-то крупной праздничной пьянке познакомился с бухгалтером швейной фабрики Русановым и Самойленко, заместителем директора горпромторга. И как-то сама, ниоткуда, у всех троих появилась одновременно потрясающая мысль. Шить по немецким лекалам спецодежду, чего не делала фабрика «Большевичка», обувь и головные уборы для людей разных профессий, но без уча-

ствия государства. Втихаря. А подставной конторой, через которую можно прогонять «левые» ворованные деньги, сырьё и готовые вещи, сделать вот эту самую швейную фабрику, где Русанов крутил бухгалтерией как жонглёр шариками и булавами.

То есть мог Алексей Иванович виртуозно управлять и белой бухгалтерией, и чёрной. Был разговор этот в апреле, лекала пробивной Самойленко через украинских друзей из Германии получил. А уже в августе стройки и больницы за небольшие деньги переоделись в униформу, которая и по виду, и по качеству равнялась импортной. Она была модной, красивой, удобной и добротной. Так проклюнулись сквозь скорлупу советской ГОСТовской надёжной серости первые в Кустанае «подпольные» буржуа, утопающие в бешеных прибылях и называющие себя в своих кругах капиталистами. Они вкалывали и верили в то, что капитализм победит и сожрёт смешную коммунистическую идею. Потому как деньги и хороший продукт куда лучше равенства и братства.

На фоне затянувшегося успеха перманентно пьяный Марченко стал регулярно жениться. Он не успевал произвести детей, поскольку все жены одинаково смущались рожать от вечно пьяного Андрея. То есть мимо позора иметь детей-калек его счастливо пронесло. В ЗАГС он ходил восемь раз. Четыре – для заключения брака и столько же – с целью рас-

торжения. Потом это ему надоело, он построил себе большой дом, забил все два этажа импортной мебелью, техникой и посудой. Начал жить один, привлекая для временного успокоения плоти всяких девчушек, которых подбрасывали приятели и с которыми он лично знакомился на бесконечных гулянках «капиталистов». Вакханалии проводились по субботам и воскресеньям у «цеховиков» дома. Денег было много и потому рядовая попойка выглядела как будто на неё согласился приехать председатель Совета Министров.

В главном управлении легкой промышленности области никто к директору фабрики кожзаменителей вопросов не имел. План перевыполнялся, зарплаты у всех были радующие, Марченко не шарahalся по Главку и не выпрашивал денег или оборудование. А потому его ценили, награждали чем-нибудь регулярно и никто на фабрику носа не показывал. А вскоре Русанов познакомил всех коллег с заместителем начальника ОБХСС Георгием Васильевичем Варфоломеевым и тогда жить стало радостней, жить стало ещё веселей. Прекратились даже случайные проверки государственной фабрики, а подпольные цеха за десять процентов от прибыли получили верного ангела-хранителя, умеющего в зачатке глушить интерес разной публики к появлению непривычной советскому человеку элегантной и вызывающе высококачественной спецодежды, которой не было ни в одном магазине.

Освоился Андрей Андреевич в роли поставщика сырья для обуви, кепок и спасительных заплат на локти и колени строителям, токарям, слесарям, дворникам и пожарникам да как-то очень уж быстро стал меняться. Погрубел, приосанился и стал особо суров к тем, кто часто приворовывал материал или деньги, а ещё крепче не любил не в меру самостоятельных, а также недовольных суммами личной прибыли, способных при удобном случае сдать подполье в КГБ республики или казахстанский комитет народного контроля, которые нельзя было разжалобить банями, девочками, коньяком и деньгами в конвертах.

И однажды, не закусив последние сто пятьдесят граммов «столичной», отловил он простую, хоть и страшную мысль.

– Недовольных, опасных и ненадёжных, плюс к ним воров надо физически устранять. И проблема канет в неизвестность или в вечность. Куда попадёт. «Нет человека – нет проблемы» – вспомнил он слова бывшего вождя, которого уважал не известно за что именно. Через хорошего товарища Русанова он познакомился с начальником «ИТК-4» Серебряковым. Он за определённую цену мог передать просьбу о физической ликвидации неугодных» цеховиков» бывшим зекам, а ныне своим подопечным, которые освободились, остались жить в Кустанае. А предложение убить кого

угодно за деньги они воспринимали примерно как просьбу сбегать в магазин за водкой. То есть обыденно. И с середины шестьдесят девятого до начала семьдесят первого он очистил своё окружение от шести ненадёжных, жадных и опасных. Совесть его при этом молчала как примерный аспирант в зале академического читального зала. Даже не кашлянула ни разу и не сморкнулась.

Вот с него Шура Малович и решил начать отлов заказчиков убийств и очистку Кустанайской советской экономики от «теневиков». Не потому, что Андрей Андреевич расстрелял его дом, пугал Александра Павловича выстрелами издали, а в итоге всё же пытался дважды его грохнуть. Нет, не поэтому. Тут «капиталист» всё делал с точки зрения вора логично. Марченко других людей пугал часто, при самой малейшей надобности. И своего добивался. А кого не смог пугнуть – отправлял в мир иной руками бывших зеков.

Андрей был в этой кодле неформальным лидером. С ним вежливо говорил и прислушивался к его предложениям даже управляющий всей подпольной швейной бригадой, горкомовский секретарь Камалов. Если «закрыть» первым Марченко, в рядах «цеховиков» начнётся паника. А неразбериха среди подозреваемых милиционеру, оперативнику «угро», нравится как пчеле тяжелый от нектара цветок. В процессе хаоса нет логики и милиция успешно пользуется временной

растерянностью «капиталистов».

Вечером пятнадцатого июня в кабинете командира Лысенко они вместе с Тихоновым «подбивали бабки» и планировали движение.

– Вот смотрите, – загибал палец Лысенко. – Семь исполнителей мы поймали. Деда и Цаплю, то есть Филонова и Семенченко фактически отпустили на волю. Ну, причина, конечно, была. Они сдали нам Серебрякова. А он оказался нам не по зубам. Посредник, блин. Сам не убивал и никого не заказывал. Кого прикажут зекам грохнуть «цеховики» мог, конечно, знать, но этого тоже не докажешь. Доказательств, что зеков «подписывал» на дело «кум», тоже нет. Расписок денежных – ни одной. Для суда он чист как памятник Ленину на площади перед двадцать вторым апреля.

– Мы начнём брать «цеховиков» и они волне могут под протокол сказать, что просили они убить человека у начальника «ИТК-4» и платили ему же, Серебрякову. За это пообещаем статью помягче расстрельной, – задумчиво проговорил Тихонов.

– Деда с Цаплей вернём, – сказал Малович. – Отсидят по три года за убийства на почве бытовой неприязни. Я же им пообещал. Но раскрыты не все убийства. Семь трупов – это

пока только то, что мы знаем от самих отловленных убийц. Но я нутром чую, что за Марченко еще не менее трёх «жмуров». А за Русановым? Мы-то его как помощника чаем индийским поим и держим в гостинице. Но кого приказывал убить он, не знаем. Так пусть меня понизят до ефрейтора, если я не прав, что Русанов тоже пару «жмуриков» на совести имеет.

– Значит, надо и его потрепать снова. А за четыре года существования швейных «подпольщиков» исчезли тринадцать человек из числа разных специалистов.– Шура стал перечислять по памяти.– Экспедиторы, мастера цехов, ещё два шофёра из цеха шитья, который держит Коля Лавриненко. У директора универмага Хабибуллина завскладом пропал прошлой осенью. Причём заявлений от родственников не было только на трёх пропавших, не Кустанайцев. Не нашли никого.

– Капитан Маркин Гриша расследовал с группой из пяти оперативников. Три месяца дело мусолили и тихо скинули в «глухари».– Вспомнил Лысенко. – У директора горпромторга Самойленко исчез бухгалтер в январе. Жена нам заявление приносила. Ляхов Витя записал показания Самойленко. Тот сказал, что бухгалтер Тимофеев не стал увольняться и уехал в Новосибирск. Сын его там устроил главбухом на мясокомбинат номер три. А кто проверял? Ведь жена могла с

сыном созвониться. Созванивалась? Нашелся Тимофеенко? Вот, глянь, Малович. Дело лежит сверху в угловом шкафу

Шура достал из шкафа Лысенко папку «дело Тимофеенко И.П.». Раскрыл.

– Вот заявление свежее. Неделю назад жена снова написала. Нет его ни у сына, ни на мясокомбинате. Я это заявление забрал у дежурного и в дело добавил, но никому не сказал. Не до этого было, – Командир нервничал. – И это не всё.

– Мы не проверяли Зимина с узла «Кустанай-сортировочный». Зимин гоняет «цеховой левый» товар по железной дороге без документов в разные города. Русанов мне рассказал после коньячка в нашей гостинице. – Вставил Вова Тихонов. – Так у него в августе прошлого года утонул приёмщик – старший сортировщик Гусев. Заявление было от брата. Утонул и нигде не всплыл. Но не было в сводках ни слова об утопленниках в августе. Я специально проверил после нашей задушевной беседы с «кумом».

– Короче, надо по-умному зацепить всех и задержать. Камалова только не брать. Шишка. Не по зубам нам, – командир Лысенко сделал грустное признание. – А вот Гусмана, который каски пластиковые штампует, можно. С Варфоломеевым из ОБХСС тоже никто не запретит поговорить в ка-

фе где-нибудь. Трупов на нём скорее всего нет, но знает он всё. И если он увидит, что мы валим и «приземляем» на разные сроки команду, которую он как пёс охраняет и от которой деньги берёт не символические далеко, то очко и у него сыграет. Не железное. Расскажет что-то нам неизвестное обязательно.

Давайте начнем с Марченко, – Малович поднялся со стула и пересел на подоконник. В глазах его копошилась деловая, вроде бы, мысль, но он её придерживал. Ждал вариантов от командира и друга Володи. – Вот так пойти и арестовать его мы можем только за незаконное частное производство. И его у нас сразу заберёт ОБХСС, после чего благодаря Варфоломееву дело замнут. А нам он нужен как заказчик убийств. С этой мыслью без доказательств глупо к нему бегать. Не выгонит, но посмеётся над тупыми «мусорами». Надо его задержать, но по другому делу.

– И его предстоит придумать, дело это, – Тихонов вздохнул. – Слушай, Шура, легкоатлеты из вашей сборной ребята сильные и ловкие. А Марченко пьяный всегда. И на «волге» своей катается по городу, не боится нас. Варфоломеев его от ГАИшников «отмажет» за пять минут.

– Подожди, – встрепенулся Александр Павлович. – Ты хочешь предложить, чтобы он сбил в пьяном виде пешехода,

а? Хочешь, чтобы я упросил на это мероприятие хорошего прыгуна?

– Ну, – кивнул Тихонов.

– Вполне невинная провокация, – согласился Лысенко. – Хитрый милицейский приём. Мы закон не нарушим. Задержим пьяного водителя на ДТП с наездом на человека. И начнем его мутузить по полной программе. Ну, ты, Шура, это умеешь. Из копейки рубль отлить.

Через три дня Андрей Марченко выехал со двора, загрузивши внутрь двести «армянского», и на небольшой скорости поехал на угол, чтобы повернуть вправо, выскочить на асфальт и рвануть на скорости к своему заводу.

На повороте девушка вырывалась из рук какого-то нахального парня. Вырвалась и побежала на другую сторону дороги. Марченко повернул на секунду голову, мельком на неё глянул и сразу же почувствовал удар по капоту. Парень взлетел над ним потом перевалился через лобовое стекло, кувыркнулся по крыше и свалился с багажника на грунт перед асфальтом.

Через пару минут вокруг машины уже собралась куча народа, шедшего на работу. Было восемь часов утра. Марченко, может, и уехал бы. С совестью у него неважно было и так,

а ещё двести граммов коньяка подстёгивали смыться, будили смелость. Но перед капотом стояло человек десять, а вокруг машины да возле сбитого пешехода не менее тридцати мужиков и женщин топтались. Кто-то сгонял к автомату и вызвал милицию.

Из ГАИ позвонили в уголовный розыск и доложили, что наезд, возможно, со смертельным исходом. Поэтому стражи порядка на дорогах и оперативники из управления расследования убийств приехали одновременно. Шура Малович спросил вызвали ли «скорую» и кто-то снова побежал к автомату на угол. Александр нашел пульс у парня и громко доложил всем, что пешеход жив. Парень удачно упал. Крови не было ни капли. Но этот факт не отменял самого наезда на человека.

– Да от него несёт на метр, – крикнула женщина в дорогом крепсатиновом платье с бусами из малахита. – Шофёр пьяный! Милиция, проверьте.

– Дыхните в стакан, – гаишник сунул какую-то колбу почти в рот Марченко. Насыпанный на дно колбы желтый порошок стал синим. – Ну, что сказать? Выпил недавно не меньше стакана коньяка крепостью сорок градусов. Пахнет не водкой.

– Свидетели, ко мне подойдите, – крикнул Малович. – Подтвердите вот под этим текстом, что водитель в пьяном виде сбил человека. – Он быстро достал из папки лист и написал короткое предложение. Все семь человек расписались.

– Мы водилу пока заберем к себе. Оформим изъятие прав на год и подарим штраф на двести рублей, – сказал капитан ГАИ. – А завтра я позвоню и вы его себе возьмёте на проверку – не был ли наезд преднамеренным, задуманным заранее

– Пойдёт. – кивнул Шура. – Переночует у вас? Вы же экспертизу официальную сделаете и допрос вечером?

– Так точно! – козырнул капитан и защелкнул на руках Марченко наручники. – Поедете в нашей машине. А вашу пригонит сержант Антипов.

– Есть пригнать! – сказал сержант.

И все разошлись и разъехались. Шура на мотоцикле поехал в управление доложить командиру, что всё прошло как задумали. Перед тем как «скорая» увезла пострадавшего, Шура шепотом спросил его, лежащего на носилках.

– Не ушибся, Олег?

– Да ну. С чего тут ушибиться было? Я машину просто перепрыгнул с касанием металла. И упал как в яму для прыжков. Нормально, езжай по делам, – тоже шепотом ответил товарищ по сборной области.

– Спасибо, – Малович погладил его по плечу. – Артист цирковой. Мы задержанному скажем, что ты скончался от полученных травм. Нам надо его крутить по другой теме.

– Да мне без разницы, – улыбнулся Олег. – Делай как тебе надо.

Доложил Малович командиру об удачно исполненной подставе. Лысенко Шуре пожал руку а свои потёр ладонью об ладонь.

– Ну, лиха беда – начало.

– Ладно, утром его заберём и начнём крутить, – Малович пожал командиру подполковнику руку, отдал честь и поехал к Виталику в школу. Он две двойки получил за неделю по литературе. Надо было разобраться.

На следующий день утром из ГАИ лейтенант привёз Марченко. Отвели его в седьмую камеру. На девять тридцать назначили допрос.

– Пойду-ка я для начала в гостиницу к Русанову, – объявил Александр Павлович. – Намекну ему на то, что посадим мы его, как я и обещал, за ложное обвинение, за ту фотографию, плохо смонтированную. Но если по ходу всех расследований вылезет его фигура в виде заказчика убийства, то снова откроем дело и тогда уже накрутим срок приличный с учетом введения следствия в заблуждение. А вот если он через день сам вспомнит, то с учётом добровольного признания добавим максимум полгода. И попрошу рассказать – как строить разговор с Марченко. Он-то ему почти друг. Знает, с какой стороны его брать.

Лысенко задумался и сделал озабоченное лицо.

– Может, не надо Русанова пугать? Он нам ещё помогать должен по каждому фигуранту. А их минимум пятнадцать. Пусть Алексей Иванович будет нашим тайным агентом. – Подполковник стал двумя пальцами щипать подбородок. Волновался. – Он же обо всех своих партнёрах знает всё. Вся бухгалтерия чёрная на нём. Если они с ним не откровенны по всем вопросам, то для них Русанов опасен. Он ведь может так элегантно кому – то цифры понизить, что не придерёшься. Всё обоснует и убедит любого. А разницу – себе за пазуху. Это они все понимают и потому все до одного перед бухгалтером как перед Господом Богом будут каяться

честно в тяжелой для них ситуации.

– Русанов может нам открыто докладывать кто и какие убийства заказывал.– Добавил Вова Тихонов.– Все подпольщики- боссы знают, что мы несколько убийц посадили. Вот они и «запели» на зоне. Перед своими хвастались. На Русанова никто и не подумает. Потому, что ему бы тут удачно от своих заказов отвертеться. Так давайте мы его насчёт убийств по его просьбе вообще пока не будем говорить. Тогда он станет нам помогать хорошо.

Малович поправил фуражку, вздохнул и согласился.

– Ну, вы правы. Успеем прижать и его попозже. А вот насчёт того как расколоть Марченко я с ним потолкую.

И Шура ушел в гостиницу. Русанов лежал на диване и смотрел новости по телевизору. Пил лимонад из буфета и грыз печенье «крикет»

– Слушай, Алексей, мы взяли Марченко.– Шура сел с краю на диван. – Но взяли на ДТП. Он человека сбил. Пьяный был за рулём. Убийство шофёра с фабрики взял на себя исполнитель Филонов. «Дед» у него погоняло. И сказал под протокол, что заказ был от Марченко. Но на следственном эксперименте он со своим подельником Цаплей – Се-

менченко сбежал. Сейчас в розыске. А я уверен, что Андрей Андреич ранее организовал через других исполнителей ещё минимум три труп.

– Вот как нам его расколоть? Слабые места Марченко дай мне. Ты всех их знаешь. Убийств, кроме уже раскрытых по швейным цехам, ещё десяток. Не меньше. Поможешь – я тебя вообще отпущу. От меня сбежишь при проверке тайника убитого Иванова. А я тебя в розыск не стану объявлять. Уедешь в Челябинск. Паспорт твой я тебе отдам. Там двенадцать швейных фабрик. И откроешь по новой своё дело. А бухгалтеры всем нужны. Да мои друзья помогут устроиться. А если откажешься помочь всех организаторов убийств посадить – я не обижусь.

– Санпалыч, ну ты же догадываешься, что и я такие заказы делал. Двух человек по моей просьбе «зажмурили». – Русанов сел и нервно закурил. – Нешто передумаешь меня за это наказывать? Тут мне явно «вышка» светит. А тебе звезда на погоны, медаль или орден. Такую паутину расплёл!

– Да если ты остальных мне отдашь – мне и без тебя звезда будет да орден. Там одиннадцать фигурантов. Раскрою заказчиков и закрою незаконное производство. Орден точно будет. Но мне и без него нормально пока. У меня уже есть. Зато ты на свободе и откроешь дело в другом месте. Я по-

могу. Слово даю.

Алексей Иванович пожал Шуре руку. Он ему верил.

– Вы Марченко три дня не допрашивайте, – Русанов улыбнулся. – Он без выпивки дня не может прожить. А после одного дня в ГАИ и трёх трезвых дней у вас это будет не шустряк Андрюша, а жалкое подобие человека. На допросе начните его поить коньяком. Не обеднеете. И с третьей бутылки он вам всё сам расскажет и напишет.

– Ну, Алексей, ловлю на слове, – поднялся Малович. – Если так получится, я лично тебе сюда ящик армянского принесу. Всё. Отдыхай.

Марченко поместили в изолятор и на три дня про него забыли. Он хлебал баланду, пил чай с бромом и конвоир водил его в сортир. Остальное время Марченко мучился. Он стонал, ползал по цементному полу, стучался головой о стены и кричал по пять раз в час, что ему нужен врач. У доктора он рассчитывал выпросить хоть сто граммов спирта.

– Вы здоровы. Врач вам не положен, – грубо отвечал дежурный конвоир. – Жди допроса, падла. Честное признание – лучший доктор.

На четвертый день Шура и Тихонов зашли в камеру. Перед ними на нарах лежало бледное, исхудавшее существо с высохшими губами. Оно дрожало всем телом и сдавливало ладонями голову. Человека, тем более солидного и богато-го, Марченко даже отдалённо не напоминал. Вместо него на шконке трупом лежал жалкий, сморщенный, серого цвета мужик, которого вот-вот должны были начать истязать предсмертные конвульсии.

– Так, – посмотрел на Маловича Вова.– И что нас с этим огрызком делать? Он же сейчас имя своё не вспомнит.

– Нормально всё будет, – прошептал Шура. Вышли в коридор. – Ты иди и купи шесть бутылок коньяка хорошего. Закуски возьми. Шоколад, яблоки, копчёной колбасы килограмм и пирожных штук десять. Нам с тобой – по три бутылки лимонада «крем-сода» Вот тебе четвертак. Если что, свои добавишь. Конвоиры Андрея принесут в кабинет и начнём допрос. С пьянкой, танцами, девками и цыганами. Понял? Иди, Вова. Работать надо.

Через час всё было готово. Привели Марченко и усадили на стул. Стоять у него сил не было. Тут влетел в кабинет подполковник Лысенко и закричал, будто ему сильно дали молотком по башке.

– Малович, бегом на мотоцикл. Всё откладываем. Там наряд ППС никак не может задержать двух хмырей, которые стреляют друг в друга из двустволок среди деревьев парка. Трезвые, но дурные. Народ гуляющий разогнали. Сержант по рации про трезвых, но дурных так и доложил. И просил только тебя прислать. Не справляются.

Через пятнадцать минут Малович без бронежилета и пистолета уже стоял между стрелками. Он встал между двумя стволами, которые росли рядом. Мужики с обеих сторон начали всаживать дробь в эти деревья.

– Да что ж такое! – Малович заковыристо выматерился. – Сколько уже народа хочет меня пристрелить. Прямо Техас, мля! Голливудское кино! Ну, как сговорились все – грохнуть Маловича! Эй мужики! Патронов до хрена ещё?

– А тебе чего надо? – закричал один истерично и визгливо. – Чеши обратно. Сами разберёмся. Этот козёл у меня жену увёл. И потому я буду делать из него труп.

Это ты козел! – откликнулся второй. – Галка сама ко мне ушла. Ты её бьёшь и не даёшь денег.

Шура стал прислушиваться. Каждый стрелял из двух стволов и перезаряжал патроны секунд десять. До первого

бежать надо было метров пятнадцать. До второго побольше.

-За десять секунд до мужика ближнего я добегу. А дальше посмотрим.

Он дождался когда оба выстрелят одновременно и рванул к тому, который был ближе, прятался за сосной и уже переломил ружьё, чтобы достать из кармана и вставить в стволы новые заряды. Он с разбега ударил по ружью ногой и двустволка отлетела в сторону метров на пять. Мужика он сжал предплечьем за шею и опустил его, обмякшего, на траву. Достал из его кармана десяток патронов, сползал за ружьём.

Зарядил, нацепил на мужика наручники и, петляя, побежал навстречу второму стрелку. Определил дерево, за которым он прятался и один заряд всадил в землю, в то место, за которым были ноги «охотника за головами». Тот с перепуга нажал на курки и тоже начал перезаряжаться. А до него оставалось чуть больше десяти метров. Малович забежал со спины и двустволку переломленную схватил за два конца, после чего легко перекинул ружьё через его голову. Мужик потерял равновесие и упал спиной в подставленные руки Александра Павловича. Шура так же согнутой в локте рукой слегка придавил мужичку горло и тоже положил его в осыпавшуюся хвою. Надел наручники.

– Вы где, парни? – позвал он сержантов. – Грузите задержанных в мотоциклы и везите в шестую камеру. Дежурному скажите, чтобы записал на меня задержание двух вооруженных стрелков, которые устроили дуэль в парке.

Пока сержанты возились с плохо соображающими мужиками, Александр сел на мотоцикл и полетел в кабинет командира. Вести допрос, который мог как золотой ключик открыть дверь в потаённое царство ворованных денег, охраняемых людьми, готовыми ради них на всё. Даже на самое зверское убийство.

16. Глава шестнадцатая

Пять дней подряд Александр Павлович после работы до темна дом свой ремонтировал. Выучка хозяйственная у него была высшего сорта. Во Владимировке, на родине, отец Панька, Павел Иванович Малович, с самого малолетства всех троих сыновей своих постоянно таскал с собой на разные многочисленные рабочие мероприятия, которые у казаков уральских кратко назывались «помочь». Не помощь, а именно так – «помочь» В деревне кому-нибудь, да надо было то сарай дополнительный поставить, то колодец выкопать или старый дом снести и возобновить там же другой. Побольше ростом, посветлее окнами и покрыть крышу входившей в моду жестяной кровлей, которую или суриком красили, а то и оставляли блестящей, луженой с верхней стороны. Солнце о такую крышу билось на скорости света и разлеталось почти над всей деревней сверкающими широкими ломтями весёлых бликов.

А, случалось часто, горели хаты у народа. Не у пьяниц и раздолбаев, плохо понимающих как правильно протянуть со столба электрические провода и растащить их по комнатам. Нет же. У серьёзных мастеровитых мужиков красный петух тоже огненными крыльями размахивал и обращал избы в

прах. То в печке искра ночью взбесится да выскочит из поддувала на дерево за пределы листа стального, который прибывают перед топкой. Или стеклянный дутый стакан над керосиновой лампой лопнет ночью от перегрева, потому, что в горнице зажженную лампу на ночь ставили к окну поближе. С улицы любой понимал, что хозяева дома и спят. Ну и по нужде из спальни потемну торопиться неудобно. Так пламя без лопнувшего стекла иногда задевало от ветра из форточки краем занавеску задёрнутую, и среди ночи неожиданность в виде пожара не давала хозяевам шанса его притушить.

А готовый помочь народ спал себе и о погорельцах узнавал с утра.

Никто из пострадавших или строителей нового жилья никогда никого не просил помогать руками да стройматериалами. Как-то само-собой сложилась в селе, что беда одной семьи – это общая неприятность. Дядя Гриша Гулько, старый казак и кавалер двух орденов Великой отечественной, сельский староста, обходил на одной уцелевшей ноге и деревянной подставке под левую культю всех в деревне и назначал прибыть на «помочь» к Мальцевым или Глущенко в семь утра в субботу. Все собирались, обсуждали, измеряли, прикидывали кто чем займётся и откуда кто притащит всё: глину, песок, брёвна, железо, гвозди, скобы и разные инструменты. Работали до ночи и дом пятистенку ставили за четыре – пять дней. Потом хозяева обходили каждого и зва-

ли «вспрыснуть» хату, отгулять её день рождения. Гуляли обычно дня три если не было посевной или уборочной. А в трудовую напряженку на полях пили только с вечера до утра, похмелялись и шли на трактора или комбайны.

Так было всегда и в «помочи» участвовали все. Дети, кроме грудных и не доросших до семи лет, женщины, старики и бабки. Поэтому пацаны вырастали и уже умели делать любую мужскую работу, а девочки – женскую. Они мазали стены глиной, штукатурили, а потом выравнивали глиняный «накид» тонким песком, разведенным в воде, куда для прочности конечной штукатурки разбивали сотню яиц. Вот по этой причине Малович и городской дом, расстрелянный негодями, возродил не один. Человек десять привёз из села в кузове Вася, муж сестры Александра Валентины Павловны.

Город традиции и навыка этой безвозмездной естественной «помочи» не имел. Внутри дома ничто не пострадало, а снаружи всё переделали на сегодняшней манер. Василий где-то добыл декоративную штукатурку, в которую добавляли по вкусу краситель, а потом не досохшую поверхность прокатывали валиком с узорами. У Шуры дом голубого цвета был откатан узором «волна». Казалась, что то ли речка неожиданно свернула и пошла вдоль стен, то ли дом специально построили на дне Тобола. Красиво, в общем было. Баню обили шлифованной доской, крыши на ней и на хате поло-

жили из модной пластмассовой черепицы, а вдобавок к этой красоте поставили возле ворот высокий фонарь на стальной ноге и стеклянным «скворечником» наверху, в котором поместилось аж две лампочки. Обычная и крашеная светлой прозрачной зеленью. Можно было перевозить Зину с Виталиком.

Гуляли во дворе два дня. Субботу и воскресенье. Именно в эти дни задержанного Марченко после пяти допросов готовили без Шуры к отправке в СИЗО, а далее на зону к «куму» Виктору Фёдоровичу, а после него по суду, если совсем уж не пофартит Андрею Марченко, повезут в «крытку» ждать расстрела то ли через месяц, а, может только на следующий год. Сами допросы много чего расставили строго по своим местам. Как шахматные фигуры.

Пять дней назад Шура и Володя Тихонов приказали конвоирам привести к девяти утра Марченко. Стоять он сам не мог. С глубочайшего похмелья ронял голову на стол, пытался что-то внятное выразить синими слипшимися губами и глаза его выделяли в воздух кабинета ужас похмелья и страх чувства перемены жизни после допроса.

– Ну, тут все свои, – начал допрос Александр Павлович. – Поэтому из омерзительного мероприятия, допроса, сделаем мы простые мужицкие посиделки. Потому как допрашивать

тебя, Марченко, нам не о чем. Знаем мы и так всё. Просто формально обязаны отрапортовать начальству, что допрос провели и протокол составили, а подозреваемый сознался и в том расписался личной подписью. Вова, доставай всё на стол.

Тихонов вытащил из большого шкафа две бутылки коньяка, три лимонада, колбасу, нарезанную заранее, и пирожные с масляным кремом. Марченко при этом зрелище трянуло как в кузове Газона на глубокой колдобине и рука его трясущаяся, телом не управляемая, потянулась к стакану.

– Первую пьем за то, что ты, Андрей Андреевич, как честный гражданин страны Советов, решился очистить совесть и признаться во всех преступных своих деяниях, – сказал тост Малович. – Кроме стрельбы по моему дому и в меня. Это я считаю не преступлением, а твоим истерическим идиотизмом. Статьи про стрельбу по дому в УК нет, в меня ты не стрелял, раз я тут живой сижу, а потому можешь считать, что ты просто пошутил неудачно и мы это в протокол не заносим.

Выпил Андрей двести граммов с трудом, но всё же залпом. Выпрямился и стал прислушиваться к организму. Он стакан армянского принял достойно и без сопротивления желудка. Через десять минут губы у Марченко стали розо-

веть вместе со щеками и телесная дрожь притихла. После второго стакана он достал из мятого пиджака расчёску и волос пригладил весьма фигурно. Почти модно.

– Вот ты, Андрюша, на кой хрен два раза меня убивал? – Шура по глазам Марченко понял, что говорить он готов. – Просто разъясни без протокола. Интересно мне. Вот ты ж умный мужик. Чую я. Понимаешь же, что все твои чудеса я не просто наизусть запомнил и в голове ношу. Убьёшь меня, а ничего не поменяется. Бумаги, где ты светишься как вор, заказчик убийств и подпольный миллионер, то есть нарушитель многих законов сразу, лежат во многих копиях в разных сейфах. И кранты один хрен тебе без духового оркестра и отпевания в церкви. Помрёшь либо на шконке от тубика или стрельнут тебе в зелёную точку на лбу. Живой я или тоже труп, значения-то не имеет. Пей ещё. Не стесняйся.

Марченко выпил бутылку без закуски как чудом вернувшийся из путешествия по пустыне любитель приключений, который обычно не ест три дня, поскольку с утра до вечера только пьёт воду. Он уже неторопливо взял второй пузырь, аккуратно залил до верха стакан и уже уверенным голосом спросил.

– А сами-то чего не пьёте, мужики? Или потому, что вы на работе?

– Короче, ситуация твоя рисуется так, Андреич, – похлопал его по расправляющемуся на глазах плечу Шура. – Ребятишки, которых я посадил весной за их «мокрые» дела по вашему чудо-производству незаконному капиталистическому, мне напели попутно, что шофера своего Кудряшова послал на тот свет лично ты сам своей рукой. Сперва нож воткнул в печень возле его дома вечером, потом загрузил его в свой «москвич», отвёз на Тобол, перерезал горло и скинул с обрыва. Ну, это на пятнадцать лет потянет. На «вышак» вряд ли. Потому, что шофёр сам был воришка ещё тот и вы сильно поругались за то, что он заводу государственной ущерб причинил. Ты же директор. За ущерб бы сам и отвечал. Тут ты голову потерял и его зарезал. Но, гражданин Марченко, трое других твоих работников полегли от твоего же ножа почём зря. Мы выяснили. Они не украли у тебя ничего. Не сломали. Тебя не оскорбили. За что ты их грохнул?

Тихонов наклонился к покрасневшему лицу Марченко и прошептал.

– Высшую меру не хочешь, лучше вспомни как дело было. Чем они тебя достали так, что суждено им было сгинуть?

– Да вы что, мужики!?! – Марченко налил и выпил ещё стакан. Но его уже зажевал кружком копченой колбасы. –

Может, Малович, я в дом и в тебя тоже сам стрелял? Лежал на крыше голодный, ждал когда изволишь приехать? Ну, вы, бляха, даёте! За кого меня держите? Я негласно у всех наших «паханом» считаюсь. Никто не голосовал. Само так вышло. А шофера с теми тремя чухнутыми вымогателями один урка «замочил». Я Серебрякову заплатил за четверых.

Ну, вы же это всё давно знаете. Вы же из «кума» весь ливер выдавили на допросе. Трое придурков с моего завода узнали, что я «налево» часть материала пускаю за наличные. И пообещали стукнуть сразу в КГБ, если каждому не буду по пятихатке в месяц отстёгивать. Ну, тогда бы конец и работе, и свободе, если бы они отбарабанили в КГБ. Но и полторы тысячи каждый месяц – это тоже жирно. У меня работяги без сна и отдыха режут заплатки и выкройки на сапоги, ботинки да строительные береты. И им не выходит пятьсот в месяц. Так для них и триста – манна небесная. Где ещё они столько возьмут?

– Да не надо этих деталей, – Шура налил ему ещё стакан. Удивительно, но Марченко в пьяном виде выглядел как трезвый. Разве что только болтал как пьяные. А, собственно, это и нужно было. – Хочешь сказать, что на тебе висит только смерть парня, которого ты сбил своей «волгой»?

– Он ведь живой был! – Андрей вскрикнул. – Как!? Я же сам видел.

– В больнице скончался Жаркович Виктор Сергеевич. От кровоизлияния в мозг после ушиба. Вот справка, – Александр сунул ему бумагу. Врачебное заключение было настоящим. Его Зина взяла по просьбе мужа на день в регистратуре. Там у неё подружка работала. Жаркович умер действительно до операции после того, как оступился на лестнице и кувыркался по длинному пролёту, ударяясь головой о бетонные ступеньки.

А тот, на кого Марченко наехал, звался Олегом и фамилию имел Дмитриев. Этого Андрей знать не мог никак. У Маловича имелась плохая хоть и не противозаконная, но аморальная привычка – дурить подозреваемых и хитро обманывать их разными способами, чтобы вытрясти правду о преступлении. Он понимал, что это неправильно и непорочно, но то, что он так добывает истину у сознательно преступивших закон злодеев и уродов-преступников, его успокаивало и совесть его сильно не терзала. Ведь в результате вора или убийцу наказывали справедливо. По собственным их признаниям или чётким доказательствам.

Марченко прочёл заключение и отдал документ. Опустил голову и задумался.

– Лет на десять потянет? – спросил он хрипло.

– Так ты же пьяный был. Десять лет трезвому бы дали. А тебе нарисуют вдвое больше. Отягчающие обстоятельства, – Тихонов жалостливо и медленно погладил его по причёске. – Теперь посчитай сроки за все эпизоды вместе.

– А как смягчить? – испуганно взвыл Андрей Андреевич. – Ну, какие-то выходы есть же? Не может быть, чтобы ты, Малович, да не знал как мне помягче сесть, раз уж влетел.

– Значит и в меня стрелял не ты лично, шофера убил не ты, троих с фабрики тоже не своей рукой завалил? Просто приказал, да?

– Это смягчит меру наказания? Конечно не я. Попросил «кума». Он дал адрес бывшего зека по кличке Дух. Реально зовут Димой Суворовым. Убийца со стажем. Шестнадцать «мокрух» за ним тянется за тридцать четыре года жизни. Я ему всех показал, кого убрать надо. Он и убрал. Деньги, которые я заплатил, получил у Серебрякова. Не вру. Всё так и было. Я только как бы скомандовал. Но он мог отказаться. Я ж ему не прокурор. А вот не отказался на мою беду. Но за заказ меньше дают, чем за сам факт собственноручного убийства. Это я знаю.

– Вот тут всё напиши, – Шура дал ему белый лист. – Ничего не забудь и не спутай. Распишись. Паспортные данные вставь. Адрес Духа – Суворова знаешь? Сам ведь к нему ходил.

– Знаю адрес, – кивнул Марченко.

– Тогда сюда, в блокнот мне запиши, – Тихонов раскрыл блокнот и сунул его прямо под перо, которым Андрей всё не решался дотронуться до бумаги. Марченко записал адрес и выматерился.

– Хрена я буду этому уроду жизнь спасать? Это разве человеческое занятие – кромсать насмерть людей? Даже за большие бабки.

Малович хмыкнул.

– Он что, сам спал и видел, кого бы ещё прикончить? Вы же и науськиваете этих гадов.

Он глянул в блокнот.

– Знаю я, где этот дом. Был там неподалёку. Всё, Андрей. Я тебе бутылку даю и закусь в камеру. Следующий допрос завтра в девять. Так ты всё не выпей к этому часу. А то ло-

мать начнёт тебя опять. Мы коньяк на свои берём тебе. А зарплаты наши – это не твои прибыли. Слезы горькие, а не деньги.

– Давай. Пиши добровольное признание и согласие помогать расследованию убийств и незаконного промышленного производства, – подтолкнул его в локоть Шура.

Андрей почти без пауз исписал два листа с обеих сторон. Но писал долго. Часа два. Малович и Тихонов прочли и оба разом выдохнули.

– Ну, совсем другой коленкор! – сказал Александр, укладывая листы в папку. – Не перевелись сознательные люди. Молодец, Андрюша. Повесть твоя слезу вышибает. Правдиво всё. Ну, на сегодня достаточно.

Марченко увели в камеру.

– Коньяк у него не отбирай, – сказал Вова Тихонов дежурному конвоиру. – Он алкаш и без поддачи слова молвить не может. А вмажет, и рассказывает всё. Колется как сухой пенёк берёзовый для печки.

Было два часа дня. Они пошли в кафе «Колос» пообедать и договорились, что на адрес поедут в машине Маловича

к одиннадцати часам вечера, когда Дух будет дома точно – пьяным или обкуренным. Взять Духа было бы хорошим подарком следствию по делу фабрики «Большевичка». Четыре убийства за одну ходку раскрыть – это не всегда так фартит.

– Но Дух вряд ли знает фамилии убитых, – сожалел Шура. – Да ничего. Марченко-то в добровольной «признанке» все написал. Вот тут. Гляди. Вова, он конкретно написал имена и фамилии убитых, заказчиком назвал себя лично по фамилии, плюс к тому исполнителя всех четырёх эпизодов тоже записал отчётливо. Дмитрий Суворов по кличке Дух.

И они пошли по кабинетам успокоиться перед задержанием опасного рецидивиста нежной бумажной работой. Рапорты все надо написать хоть и с опозданием, отчеты за прошлый месяц и прочую скучную, но очень хорошо расслабляющую ерунду.

Вечером Шура с женой и Виталиком гулял по парку. С неба сквозь сплошной свет фонарей пытались протолкнуть свои тонкие нежные лучи самые близкие к Земле звёзды, но это не удавалось ни звёздам, ни Луне, хотя блеск её был поярче фонарного. Просто лампочки летом начальство парка протянуло на длинных проводах разноцветными гирляндами. Провода тянулись от фонарных столбов, огибали деревья, соединялись, удлинялись, перекрещивались и висели в

трёх метрах выше голов самых высоких мужчин как множество почти настоящих радуг. В трёх концах парка играли духовые оркестры, совершенно не мешая друг другу. И для того, чтобы услышать их одновременно, надо было найти одну единственную точку в самом центре перекрёстка четырёх главных аллей.

Везде продавали мороженое из серебристых ящиков. В стаканчики тётки накладывали его ложками. Большими и увесистыми – пломбир, лёгкими серебристыми – эскимо и крем-брюле. На каждой аллее через пятьдесят метров стояло по две желтых бочки на колёсах. Одна сливала народу нефильТРованное, самое лучшее пиво, другая – квас. А между бочками чередой держались автоматы с газированной водой по три копейки за стакан с любим, на выбор, сиропом. Крутились визжащие голосами девчонок карусели на прочных цепях, медленно взбирались вверх и пропадали, выползая за потолок из гирлянд, кабины огромного колеса обозрения.

В десяти зелёных деревянных сарайчиках шла непрерывная стрельба по жестяным зайцам и волкам из пневматических винтовок. Тир в Кустанае был одним из самых любимых мест отдыха. Уступали эти стрелковые полигоны только пруду в центре парка, по которому в пересекающих друг друга лучах прожекторов гордо плавали пятнадцать лебедей. Во-

круг пруда толпились малолетки с родителями и обнявщиеся влюблённые. Они бросали в воду кусочки булочек, пирожных и огрызки вафельных стаканчиков от мороженого.

Все радовались и смеялись, удивляясь тому как ловко и мгновенно лебеди подхватывали еду, вытягивая шеи и тут же возвращая их в строгое гордое положение. Шура с семьёй прошел через тир и все лучшие аттракционы, втроём попили квас и сметали по три стаканчика мороженого. Твердым пломбиром насладились, эскимо и непревзойдённым по вкусу крем-брюле. Виталик был безумно доволен всем, но для полного счастья перед уходом сбегал ещё раз в тир и сбил там одиннадцать фигурок из тринадцати.

– Мне пора. Задержание в одиннадцать, – Александр Павлович достал из кармана ключи от «москвича». Все помахали парку двумя руками и уехали очень неохотно.

– Ты бы, папа, на другую работу устроился, – посоветовал сын. – Вечера бы были свободные. Катались бы на качелях до ночи

Зина вздохнула и стала смотреть в окно, за которым улетал назад центр города и вместо больших домов пошли избы с палисадниками и цветными воротами.

Шура заехал за Тихоновым. Они посидели на скамейке

минут десять и ненадолго вернулись воспоминаниями в свой позапрошлогодний отпуск, когда с семьями ездили в Гурзуф.

– Хорошо было, – прошептал Тихонов.

– Ещё съездим. Какие наши годы, – вздохнул Александр Павлович.

Они сели в машину и через двадцать минут были на адресе. Дом Духа напоминал скромный зерносклад на дальнем отделении маленького совхоза. Длинный, метров на тридцать растянутый, обнесённый двухметровым бордовым забором. Крыша у дома была высотой в пару метров. На ней продували чердак четыре больших слуховых отверстия, а сам дом имел по длине восемь окон, три из которых были открыты. Везде хозяин включил яркие лампочки, из окон неслась музыка с зарубежной пластинки. Кто-то хором смеялся, кто-то громко чокался тонкими, украденными из разных кабаков стаканами.

Народ гулял и, похоже, не первый день. Слишком дурацкий высказывал из окна смех и очень пьяно, почти неразборчиво несли какую-то чушь женские и мужские голоса.

– Через дверь не войдём, – сказал Малович.

– Через окна тоже. Там куча народа, – прислушался Тихонов.

Шура отошел на дорогу и оглядел крышу.

– Попробовать залезть наверх? Возможно, с чердака есть спуск в коридор, – вслух подумал Александр.

– Шура. Всё это не катит. А если нет там никакого спуска в коридор? Потолок будем пробивать до утра? – придержал его за рукав белой рубашки Тихонов. – И вообще... Там человек двадцать. Ну, положим, половина женщины. Но десятых мужиков мы не уговорим лечь на пол и руки держать за головой.

– Да, бляха, – Малович напрягся. – Ты прав. Но и отменять задержание нельзя. С Марченко затягивать допрос смысла нет. А не возьмём Духа, нужного нам конечного протокола, не получится. Надо брать. Идём в машину. Подумаем.

– Хорошо, если бы его кто-то вызвал на улицу. За ворота. Но кто? – Шура стал стучать кулаком по коленке. Это означало, что мыслить начал усиленно.

– Ты заметил, где калитка палисадника?

– Нет. А на фи́га? – Вова ещё не улавливал мысль. – Войти в палисад и позвать через окно?

– Примерно так, – кивнул Малович. – Но вход в палисадник всегда делают рядом с калиткой ворот. Если мы его возьмём, то бежать от окна до дверцы с грузом долго. Догонят и Духа отобьют. Тут надо... Надо, понимаешь, хитрость придумать. Вызвать, но чтоб за ним никто не попёрся. Чтобы он один в окно выглянул. Сейчас придумаю.

Шура вышел из машины и встал перед палисадником напротив окна, за которым было больше всего шума и звона стаканов. Потом присел и минут за пять с напряжением, но очень тихо оторвал штук десять штакетин и отложил их вбок. Образовался проход, через который запросто втроём можно быстро проскочить, если пригнуться. Он вернулся и пальцем позвал Тихонова выйти из «москвича».

– Сейчас мотор не включаем, ставим скорость на нейтралку и толкаем телегу чуть дальше прохода, который я выломал, чтобы на неё свет из окна не падал. Понял?

Перекатали машину. Сели в кабину.

– А дальше? – Тихонов стал догадываться. – Будем его

вызывать? А по какому делу?

Шура достал из «бардачка» блокнот и ручку.

– Сыграем приклатнённых. Точнее – ты сыграешь. «Маляву» ты принес Духу от «кума» Надо, мол срочно к восьми утра завтра Духу быть у командира, подполковника Серебрякова в кабинете.

– Думаешь, проскочит финт? Почерк «кума» Дух явно знает. – Вова почесал затылок. – Может, от кого другого записка?

– Ну! От Генерального секретаря ЦК КПСС, – засмеялся Малович. – «Кум» всем по телефону звонит. И Духу тоже. А недавно его вызывали в милицию и телефон теперь прослушивают. Что вызывали, все блатные знают.

В общем, маляву держишь ты. Скорее всего, к окну не он сначала подойдет. Но отдать «кум» приказал лично в руки. Я присяду перед тобой под окном. И когда будешь «маляву» передавать, я встану и его за руки из окна выдерну. Он записку и развернуть не успеет. Почерк узнает. Скажешь тоже.....

И они спокойно прошли в дыру на заборе, Малович сел на корточки под окно, а Володя громко постучал кольцом по

стеклу. Выглянул сильно пьяный, обкуренный анашой паренёк лет двадцати и устоялся на Тихонова.

– Ты х-кто, фраерок? – выговорил он и опустил на локти.

– Диме Духу «малява» от «кума», – Тихонов держал свёрнутую в трубку записку между пальцами.

– Давай, – сказал парень. – Отнесу ему.

Тихонов шагнул назад.

– Велено передать лично в руки, – Вова повысил голос. – Чё, рог ты пыжиковый, не кумекаешь чё я ботаю?! Вандай к Духу и баклань, чё «кум» вам, огрызкам, задрючил! За ним маза. Мне жохой перед ним пластаться не в масть. Вкурил звон, касьян херов? Не нямлишь, как вроде на снежок оторвался, мля!

– Так бы сразу и заботал как красный фартовик. А чё гореть во всё хайло!? Дух! К тебе пришли! – крикнул парень, локоть его соскользнул с узкого подоконника и он завалился на пол комнаты.

– Чё надо? – через минуту в окне появился худой, наголо

бритый мужик годами за тридцать.

– «Малява» тебе от «кума». Звонить не может. Как погорел на мусарне, прослушивают телефон, сказал Виктор Фёдорович, – Вова прижал записку к рубашке.

– Ну, так подкати маляву. Чё не посыпаешь? – Дух протянул ладонь. Шура вскочил и двумя своими здоровенными руками как морковку с грядки выдернул Духа за локоть на траву.

– Атас! – заорал Дух. – Это «мусора». Кадык, шмаляй из обреза! Он в углу. Их тут двое всего. Мочи сук, волчар позорных, легашей грёбаных! Направо шмаляй в самого здорового, да меня смотри не запятнай!

Шура и Володя заломили Духу руки и потащили к дыре. Влезли все. Поместились. Из окна грохнул выстрел и дробь скосила нижние ветки маленького тополя, раздробила первую от дыры штакетину.

– Быстрей тяни! – крикнул Шура.

Но тут в сто раз громче шума и визга в комнате шархнул Кадык из второго ствола.

– О-о-о! – хрипло застонал Малович.– Эх, мля...О-о-а-а...

– Зырь, Дух! – Брызгал из окна слюнями Кадык. – Я амбала справа закоцал! Жмур, в натуре!

– Шура! – закричал Тихонов, продолжая тащить Духа. – Шура, дорогой ты мой!

В доме внезапно всё стихло настолько, что слышно было, как Кадык перезаряжает обрез и готовится выстрелить снова.

17. Глава семнадцатая

Глухая улица Камышинская ночью была будто специально подготовлена для любителей пугаться и потом долго бояться всего. Это очень забавные любители и даже название имеют красивое – мазохисты. Неожиданно выпрыгивающий из щелей, дырок, ямок, из-под заборов и с веток, с проводов и крыш страх доводит одиночно добравшихся сюда граждан до истерики, а небольшой трезвый коллектив до плотного сжатия в неразделимую кучу и бьёт всю группу совместной крупной дрожью.

Это добавляет всем адреналина, он в свою очередь извлекает из потаённых закоулков организма неактивно дремлющие все главные гормоны. Сначала тестостерон, который грубо и самостоятельно выдавливает из других желёз дополнительные эстрогены, все вместе они разыскивают в глубинах плоти прогестерон, потом дигидроэпиандростерон, а уже в конце улицы извлечённые и ранее дремавшие гормоны все хором добавляют к этому коктейлю Д- гормон или проще – витамин Д.

Страх этот жуткий то вылетает в форме собаки из подворотни и отрывает всё, что отрывается быстро: куски брюк,

платьев, сапог, портфелей и целиком вырывает хозяйственные сумки. Или же слетает ужасный страх с черных от темени деревьев, прикинувшись вороной, и долбит народ в темя, надеясь отловить любое насекомое, выклёвывает из «авосек» колбасу, сыр, капусту и даже пробивает чугунными клювами банки с килькой в томатном соусе. Третий вид жути – это искрящиеся провода на старинных полусгнивших столбах.

Они мечут искры, похожие на молнии, интенсивно, но бессистемно и попадают либо за шиворот, что излечивается потом мазями всего за полгода, то осыпают народ фейерверком огненных оранжевых хлопьев и поджигают советские шмотки. У особо подготовленных, конченных мазохистов – одежды модные, импортные. Горящие граждане со скоростью среднего класса самолёта – истребителя долетают пару километров до колонки и долго ловят кайф от процесса тушения останков одежды и дымящейся кожи слабеньким напором воды.

Лампочки в домах не зажигают здесь по причине наспех скрученных повсюду проводов, тратящих почти всю электроэнергию на украшение воздуха миллионами разноцветных искр. Местные жители ходят ночью по улице к соседям за солью или свечками с тусклыми фонариками, которые мерцают как волчьи глаза и потому, видимо, прогуливающимся по этому жуткому месту мазохистам ещё легче

и интереснее пугаться. Ну, откровенно говоря, жути тут, на первой от реки Тобол улице Камышинской, побольше. Просто всю её не опишешь и, тем более, не испытаешь на себе.

Вот на ней, на этой заповедной улочке, и жил вдали от милиции и дружинников бандит Дух, который электричество провёл себе с соседней улицы и освещение в отличие от других имел отменное. Вот здесь и происходило его задержание с криками и стрельбой, которые не привлекли ни малейшего внимания местных жителей, повидавших, может, побольше, чем грешники в аду.

– Заднюю дверь открывай быстрее, – прошипел Тихонову Шура. – Надо этого урку упаковать на заднем сиденье. Я с ним буду. А ты – бегом за руль и ходу!

– Малович, бляха! Живой! – обрадовался Вова так, будто ему только что присвоили звание генерала, у которого и штаны с лампасами, и погоны по краям обшиты золотой ниткой, а зарплата – сказать страшно. – А чего стонал тогда? Может, ты ранен? Хотя я подумал, что тебя этот козёл застрелил насовсем.

– Ты, Вова, целый капитан милицейский, но туп как дежурный ефрейтор на входе в УВД, – Александр Павлович продолжал громко шипеть. – Я шишку набил об верхнюю

перекладину штaketника, а потом стал далее орать и стонать, чтобы снайпер с обрезом Кадык убедился, что он меня пристрелил и я в мучениях богу душу отдаю. Слышал же – он зарядил двустволку, но больше не стрелял. Значит, я его убедил.

– Как я рад! – сказал Вова, любитель изящно излагать мысли. – Даже смерть не в силах разлучить нас.

Шура затолкал Духа в кабину, врезал ему ребром ладони по шее, защёлкнул наручники и толкнул Тихонова в спину.

– Гони, извозчик!

Через полчаса они закрыли Духа в шестой камере и разъехались по домам спать.

Точнее – Шура отвёз Тихонова до калитки, потому, что одного отпускать боялся. Вова мог по ходу скрутить пару хулиганов, а потом до управления тащить их на себе. Опасное это дело.

– Ты не скажи никому, что я шишку набил. – строго попросил Малович. – А то закроют меня на месяц в госпиталь и будешь ты «колоть» хмырей в одиночку. Скучно же. А вдвоём – веселей. Вот завтра соберём четверых. Марченко, Духа, Русанова-бухгалтера и «кума» Виктора Фёдоровича. Ес-

ли всё сладится, то нашему с тобой, Володя, приключению с «цеховиками» и убийцами их людей конец. Можно, если хитро подойти, завтра всю кодлу подпольную разогнать, после того как эти четверо нам сами оставшиеся убийства раскроют и скоман্দуют всем своим разбежаться и не встречаться никогда.

– Что, и такое даже может быть? – притормозил изумлённый капитан Тихонов.

– Вова, не может быть только чтобы после воскресенья опять суббота была и не может быть обещанного дядей Никитой коммунизма. Всё остальное – в наших силах, головах и руках. – Александр был доволен концом рабочего дня и по поводу раскрытия завтра всех оставшихся убийств и разрушения «подполья», закопавшегося под честное имя швейной фабрики, не шутил.

Закончился вторник двадцать шестого июня семьдесят первого года. Такой совершенно обычный день милицеских оперативников. «Москвич» свой Шура загнал во двор в час ночи. Ну, без десяти. Посидел немного в кабине. Думал. Дело, которое они с Володей почти закрыли, только на первый взгляд казалось сложным. Столько трупов, столько «подпольщиков», шустрых, наглых, умных, но заранее испуганных перспективой быть пойманными. Закон-то они нару-

шали сразу с двух сторон. Вели запрещённое частное производство, обкрадывали государство, да и убийств совершили больше десятка. Хоть и не своими руками, но по своему желанию, по собственному приказу и незаконную оплату особо тяжких преступлений делали незаконно полученными деньгами. А раскрутить его, с виду объёмное и почти неподъёмное, оказалось легче, чем банальное уличное убийство с ограблением, у которого всего один свидетель, ночной сторож магазина. Он всё видел, но издалека, почти ничего не помнит, и не осталось никаких следов преступления кроме крови на тротуаре.

А потому легко удалось найти всё необходимое сыщику для быстрого результата, что слишком явной и почти открытой была связь одного вида криминала, незаконного промышленного производства, с охраняющим его уголовным миром, который и существует затем, чтобы красть, грабить и убивать. Не поставили бы «цеховики» перевалочной базой ворованных денег, сырья и готовой продукции известную швейную фабрику и «распустить клубок» было бы трудно. Но Маловичу просто повезло. На виду и под подозрением оказались сразу все и вычислить через фабрику, где находятся цеха, кто их содержит и кто может просить уголовников об устранении опасных для подпольщиков людей было не так сложно. А уж обезвредить убийц, которые и не пытались скрываться, – вообще простая рутинная работа.

Шура потянулся, зевнул от души и тихо просочился в пустую комнату с диваном, простынёй, одеялом и подушкой для гостей. Уснул он под затухающие и расплывающиеся мысли о завтрашнем допросе. Последнем. Так он был уверен. Потому, что всё просчитал и догадался, что нужно сделать, чтобы свернулись все производства. А нераскрытых заказных убийств осталось из двенадцати два и Лысенко уже передал их группе майора Крыленко.

Утром сели завтракать без Виталика. Он к восьми на тренировку убежал. Шура выпил после любимой пшенной каши два стакана земляничного компота, пошел одеваться в спальню, где шкаф для одежды занимал почти половину комнаты, а оттуда крикнул Зине.

– Как ты чувствуешь, Зин, закроем мы сегодня дело швейников или оно потянется ещё?

– Сегодня закончите.

– Вот надо было тебя забрать-таки в наш отдел, – Шура зашел на кухню уже одетый во всё белое. – Нам бы всем и делать было нечего. Ты бы, не отходя от кассы, все преступления раскрывала, а мы с Вовой только катались бы по городу и преступников штабелями складывали. Ну, спасибо за

завтрак и приращение. Может так оно и будет. Ты ж не ошибалась пока ни разу. Ладно, побежал я на допрос.

Он поцеловал жену, сел в машину и скоро подполковник Лысенко обрадовал его действительно хорошей новостью. Подполковника Серебрякова за примерную работу руководителем Кустанайской «ИТК-4» переводят начальником отдела «Главного республиканского Управления Местами Заключения» в Алма-Ату.

– Чувствовал Виктор Фёдорович, что сел он пока ещё легонько на остриё ножа и может плохо кончить, несмотря на нашу с ним договорённость. То есть не поверил он нам. А у него друзья в Главном управлении УМЗ. Ну, намекнул, а там ребята подсуетились и вытащили его из опасного места. Вовремя, кстати. Кто-нибудь из его бывших клиентов после такой встряски, какую ты устроил, запросто могли его заподозрить в том, что это он тебе их сдавал. И запросто могли капнуть на него даже в ЦК КП КазССР. Тогда бы ему от тюрьмы не отвертеться никак. А если бы и КГБ подключили, то светил бы «куму срок ох какой бо-о-льшой».

Шура набрал номер Серебрякова.

– Привет! Поздравляю, Виктор, с повышением. Успехов на такой большой должности.

– Да должность-то сама ничего, не маленькая, – засмеялся «кум». – Только вот за много лет привык я сам работать и за себя отвечать. А тут выше меня пять человек. Ну, да ладно. Привыкну. Но там будет спокойнее с бумагами возиться, чем здесь с зеками. Всё же годы... Старею. Уставать стал. Спасибо тебе от души за пожелания, Шура.

– Ты только, когда новому начальнику дела передавать будешь, не отдавай ему свой блокнот. Или просто не передавай преемнику сеть своих боевиков. Захочет – сам наберёт. Только ты ничего не подсказывай. Человека не знаешь. Ты-то умный и не каждый проверяющий к тебе прицепиться сможет. А вдруг новенький попадетсЯ им на слух? Мало ли! Так возьмёт и с перепуга расскажет, что это ты его научил. А как на это в Алма-Ате отреагируют, чёрт их знает, верно же? А должность у тебя теперь ого-го! Жаль такую потерять.

– Санпалыч, да я ребёнок, что ли? Всё своё ношу с собой и никому не даю. Пусть сами крутятся. Я вон без помощников обходился... Ладно, счастливо и тебе. Зла не держи на меня. Я к тебе с уважением. Ты – мужик! Молодец. Ну, обнимаю и пока! Может, свидимся ещё. А на новом месте меня не трогайте. Не дадут. Тут контора свирепая. На своих и дунуть не позволят.

Попрощались и положили трубки.

– У меня план есть как сегодня закрыть это муторное многоходовое дело. – сказал Малович. – Видите, уголовники, зеки бывшие, остались без козырного туза Серебрякова. Напрямую «цеховики» теперь на уркаганов не выскочат. Тех, кого они знают, мы уже посадили. А если бы «кум» не играл тут главную роль, то и не нашли бы они исполнителей для убийств.

Но Витя вовремя смылся. Чутьё у него хорошее. А мы сделаем так, что и «цеховиков» не будет, и производства «левые» все закроются. Я понимаю, что есть и другие, не швейники. Подвернётся шанс, их мы тоже придавим. Новый начальник колонии с ходу не начнет убийц поставлять тем цехам подпольным, о которых мы пока не знаем. Пока осмотрится, своих людей на волю выпустит да шайку соберёт... Это не год, не два. А я лично теперь отслеживать буду, где и какие «капиталисты» у нас дурные деньги делают из ворованного. Швейники – это хорошая для меня разминка была. Новая. И теперь я понял, как таких теневиков вычислить.

– У тебя же сейчас допрос Марченко и Духа Суворова?

– Ну, да! И Русанов будет, – Александр Павлович улыбнулся. – А у него сегодня главная задача – сесть года на пол-

тора только за ложный донос на меня, за тот фотомонтаж. А ведь на нём ещё два заказа на убийства и махинации с бухгалтерией чёрной. А это лет на пятнадцать строгача, не меньше тянет. И он знает, что я раскопаю всё без ОБХСС и КГБ. Поэтому сегодня будет делать и говорить то, что надо нам с вами. Ну, я пошел в допросную?

Он взял из шкафа пару бутылок коньяка, стакан и вышел. Тихонов уже сидел за столом в допросной, ждал Александра.

– Что, тащим злодеев к разговору по душам? – спросил он, взял у Маловича бутылки и поставил под стол. Стакан прятать не стал. – Конвой! Марченко и Суворова веди сюда.

Привели арестованных. Дух вошел смело, энергично, как к себе на «малину».

Гонор из него пока не выветрился. А Марченко всё же не удержался, допил вчерашнюю бутылку ночью. Наверное, от волнения. А потому снова был серым и обрюзгшим. Вчера после перерыва хлебнул лишку на допросе. Малович дал ему бутылку и стакан, и попросил особо не спешить всё выхлестать.

– Вы начинайте с формальностей протокола, – попросил Шура Тихонова. – А я сейчас приду. Но не один. С полезным нам всем человеком.

Он быстро добежал до милицейской гостиницы, забрал Русанова, проинструктировал его по дороге и в допросную они вошли, заранее зная, чем это мероприятие закончится. Марченко уже выхлебал без закуски стакан и выглядел довольно-таки свежим, бодрым и настроенным на смягчение его вины любыми средствами.

– Мы, товарищ майор, все формальности закончили, так что можно сразу писать признательные протоколы, – официальной интонацией оповестил Маловича Володя.

– Гражданин Марченко, вы знаете человека, сидящего слева от вас?

– Это Суворов Дмитрий. Кличка у него Дух. Он бывший заключённый «ИТК-4»

– Что вас с ним связывает? – Шура наклонился над столом.

– Я по совету начальника «ИТК» попросил его за деньги убить четырёх человек. По тысяче рублей за каждого.

– Через кого вы передали деньги подполковнику Серебрякову?

– Через Русанова Алексея Ивановича, который здесь присутствует.

– Подтверждаю, – сказал Русанов. Встал, сказал и снова сел на стул рядом с милиционерами.

– Через кого вы передавали деньги Суворову за исполненные убийства? – Шура повернулся к Марченко.

– Через Русанова, – Марченко смотрел в пол.

– Как вы убедились в том, что приговорённые вами к смерти люди действительно мертвы?

– Суворов каждый раз приезжал за мной на мотоцикле и возил к берегу Тобола, где прятал прикрытый травой труп. Я его опознавал и мы уезжали. Через час я звонил Русанову и он передавал деньги Суворову в договорённом месте.

– Подтверждаю, – сказал, вставая, Русанов.

– Сука ты, Гена, – плюнул Дух под ноги Марченко. – Тварь трусливая.

– Назовите фамилии убитых Суворовым. Назовите места

их захоронения.

– Кудряшов, Силаев, Габрилович и Стаценко, – Марченко бросил равнодушный взгляд на Духа. – Захоронены за посёлком Нечаевка, с края их сельского кладбища. Я лично присутствовал. Всех закопали в одну могилу по очереди. Закапывали Дух и Клещ из банды. Кроме Кудряшова. Его сбросил в воду один Клещ. Но его в живых нет. Отравился палёной водкой. Помер. Знаю от Суворова.

Шура подошел к скамейке и остановился напротив Духа.
– Встать! – сказал он громко. Дух, уже не выламываясь, поднялся.

– Мне ваше признание, Суворов, не требуется, – Шура говорил спокойно, растягивая слова. – Марченко и Русанов не свидетели, в чьих показаниях могут быть неточности и недоговорки из-за боязни мести. Они – соучастники убийств. Один прямой, второй косвенный. Вас они не боятся, дружков ваших тоже. Сидеть они будут не в Кустанае и отомстить вы им не сможете. Не найдёте просто. И мне достаточно их показаний. Но слова я вас не лишаю. Можете сказать то, что будет занесено в протокол.

– Они всё сказали. Я не фраер и не баба. Я мужик и против правды, хоть и от сволочей она идет, хилить в кусты не буду.

Пишите в протокол. Всё, что они сказали, я подтверждаю и в содеянном признаюсь. Пометьте, что признание добровольное. Мог бы запросто и отказаться. Ещё неделю бы вы все со мной попотели, чтобы я раскололся. А если напишете в протоколе мою явку с повинной по признанию, то я добавлю ещё два эпизода.

– Хорошо. Оформим явку с повинной, – тихо произнёс Володя. – Я пишу, что это ваше добровольное признание и сказано вами добровольно в помощь следствию. Говорите. Я записываю.

-Лавриненко, начальник цеха шитья заказал мне через Серебрякова убийство экспедитора Зиновьева и водителя Петренко, – Дух опустил голову. – Я Зиновьева застрелил в его машине возле дома. Петренко порешил заточкой в автобусе. Никто ничего не понял и я спокойно вышел. Где их похоронили не знаю. Адрес Зиновьева – Октябрьская, 37. Телефон Петренко мне дали для того, чтобы вызвал из дома если не выслежу в другом месте. Номер – два, двадцать три, четырнадцать. Проверьте. Но я не вру. Пишите как добровольное признание и явка с повинной по этим эпизодам. Тогда «вышки» мне не будет. Верно?

– В юристы тебе надо было идти, Суворов, – хмыкнул Малович. – Но уже не получится. «Вышака» ты последним при-

знанием избежал. Я следователя попрошу, чтобы он предложил суду пятнашку. А там не бузи и выйдешь по УДО лет через семь-восемь. Похвально, что ты не трус. И раз поймался, поступаешь как мужчина.

– Какую деятельность осуществлял в подпольной группе швейного производства секретарь горкома партии Камалов Борис Ильич? Были ли от него просьбы об убийствах и за что он получал деньги? От кого и сколько? – Тихонов приготовился записывать.

– Я отвечу, – поднял руку как школьник на уроке Русанов. – Он только подыскал руководителей цехов и нашел места, где можно было вести производство. Документальных подтверждений этому нет. Он договаривался устно. С кем – не знает никто из наших. Я официально был вторым после него лицом. Работал на фабрике бухгалтером, а скрытно – управляющим всем производством, поэтому знаю точно. Деньги ему собирали все руководители цехов и передавали через меня первого числа каждого месяца. И опять-таки без расписок или других записей.

Получал он тысячу рублей ежемесячно. Об убийствах никогда не просил и сам был не в курсе каких-либо криминальных событий, связанных с производством. Об убийствах, которые уже все раскрыты, он вообще и не слышал. Думал, что

всё гладко идёт. Он же регулярно вызывал меня и заслушивал отчеты мои устные о результатах и потребностях для развития дел. Договаривался с другими городами о поставках нужного сырья или оборудования. По телефону. Документов, подтверждающих его контакты с госпредприятиями республики о незаконных поставках нам всего, что я упоминал, нет.

– Я тоже подтверждаю сказанное, – Марченко поглядел на Русанова. – Как неформальный лидер я постоянно обсуждал с Русановым всех людей, проблемы и планы. За Камаловым кроме оргработы и общего контроля ничего нет. Причём контактировал с ним только Русанов без каких либо записей и документации.

– Ну, на этом и закончим. Распишитесь все в протоколах и добавьте, что каждый написанное прочел и со всем согласен, – Малович обошел всех и они написали то, что требовалось. Он в конце поставил свою подпись, выдохнул и произнёс, подняв глаза к потолку.

– Финита ля комедия. Дело закончено, передаю в следственное управление и далее в суд. Напоминаю, что Марченко вменяется заказ четырёх убийств, в чём он признался добровольно, чем оказал помощь следствию. Следакам будет предложено определить ему меру наказания в семь лет.

Марченко перекрестился и тяжело вздохнул. В глазах его просматривалась благодарность.

– Суворову предполагается с учётом явки с повинной, добровольным признанием и содействием расследованию срок пятнадцать лет в колонии общего режима, – Александр Павлович глянул на Духа. Тот улыбнулся и поднял вверх большой палец. – Русанову Алексею Ивановичу вменяется ложный донос на сотрудника милиции и принимается во внимание добровольная активная помощь в расследовании, ускорившая раскрытие полной картины преступной групповой деятельности, и предлагается следствию назначить ему наказание в полтора года лишения свободы. Также будет предложено следствию просить суд об отбытии сроков их наказаний в разных колониях КазССР или РСФСР по усмотрению суда. Всё!

– Конвой, ко мне! – приказал Тихонов, открыв дверь. Уведите всех арестованных.

Когда они остались вдвоём Шура подошел к окну, долго молча глядел на Тихонова и наконец грустно сказал.

– Всё, да не всё. Ты вот чем займись, Володя. Надо вызвать Филонова и Семенченко, Деда с Цаплей. Бояться им

некого. «Кум» уже в Алма-Ате. Потом надо пригласить для чистосердечных признаний и явки с повинной Лавриненко, хозяина цеха шитья. Адрес цеха – Октябрьская, восемь. На нём два трупа. Он этих людей Духу заказывал. В протоколе есть конкретные показания на него, от исполнителя Суворова. Больше доказательств не требуется. Пусть лет пять огребёт за заказ. Ну, а мне надо встретиться с Камаловым.

– На фига? – удивился Вова. – На него же нет ничего. Слова одни.

– Надо, чтобы все цеха исчезли и люди разбежались. Работяги простые с какого хрена должны перед ОБХСС на коленях ползать? Или перед КГБ? – Малович потянулся и от души зевнул. – Мы, Вова, дело размотали крупное, хорошо сделали работу. Но всё было так скучно. Никогда мне после дела не было так тошно. Само всё в руки шло. Сами гады каялись, в плен сдавались и подельников сдавали как бутылки в приёме стеклотары. Быстро и без сожалений. Тьфу! А реально ловить досталось нам мелюзгу одну. Это был не тяжкий и опасный труд оперативников, а волшебная сказка. Я бы предпочел никогда больше о деле «подпольщиков» не вспоминать и никому про это не рассказывать. Мне лично стыдно. Сделали и слава КПСС! Не детектив получился у нас с тобой, а волшебная сказка вышла про двух гигантов и маленьких гномиков, мля! Игра в песочнице. Тьфу ещё раз!

– Ну, а вот завтра у тебя начинается дело с ужасающим фактом и сплошными знаками вопросительными,— это командир Лысенко тихо вошел, стоял у мужиков за спинами и всё слышал. – А поработали вы всё-таки отлично. Благодарность вам будет с занесением.

Шура набрал номер телефона Камалова.

– Добрый день, Борис Ильич. Это майор Малович из уголовного розыска. Во сколько я сегодня могу к вам зайти на десять минут?

– А я вас раньше ждал, – ответил Камалов и поздоровался.— Сейчас прямо и приходите. Получится?

– Уже пошел, – ответил Шура и положил трубку. – Завтра вам расскажу про весёлую беседу с секретарём. А что там за дело мне толковое подвалило? А, Сергей Ефимыч?

– Сберкассу ограбили центральную сегодня в девять утра. Убили директора, двух кассирш, сторожа из «вохры», который в зале работал, охранника в хранилище сейфов и водителя инкассаторской машины. Он пытался их остановить. Было грабителей трое. А ещё один в машине ждал. В «волге» без номеров. Посетители сберкассы и уцелевшие работницы рассказали. Свидетели записаны. Данные у меня. Взяли аж

сто семь тысяч. А многие на разных работах сейчас зарплату получают через сберкассу. И зарплата почти у всех будет скоро, через три дня. Уму непостижимо. Не было у нас таких ограблений лет двадцать.

Малович улыбнулся и побежал в горком партии, на ходу самодовольно прикидывая, что новая, натурально трудная работа наконец начинается. И работа эта как раз для такого «волчары» как он.

18. Глава восемнадцатая

Борис Ильич Камалов до четырнадцати лет мечтал удержать себя и не смыться из школы раньше срока, а дотерпеть до свидетельства о семилетнем образовании, и пойти в ПТУ-17 города Рудного, выучиться там на машиниста шагающего экскаватора ЭШ-15 и огромным ковшом выгребать из карьерных откосов железную руду для «ССГОК»а, Соколовско-Сарбайского горно-обогачительного комбината. Тогда бы он мог зашибать по пятьсот рублей в месяц как сосед дядя Коля. У него, у дяди, дом имелся, каких в городе штук пять, может. Два этажа, размером двадцать на пятнадцать метров, машина «волга», катер «кр55» для посрамления хозяев плоскодонок с хилыми моторами, два ружья двуствольных, палатка на пятерых, шесть зарубежных удочек и три спиннинга. А ещё он держал в своём городском дворе длиной в сто и шириной в шестьдесят метров три коровы, шесть толстых свиней, десять баранов, двух коз и лошадь.

Семья пила когда домашнее коровье, когда козье молоко, сливки, ела сметану, брынзу, масло, творог и всякое мясо. А на лошади дядя Костя переплывал через Тобол и скакал по степям, отдыхая таким образом от угрюмого городского существования. Каждую субботу он собирал гостей, парил

их сначала в своей большой бане, после чего из раскрытых окон большого дома проливалась на окрестность популярная музыка с пластинок фирмы «Мелодия». Ей подвывали гости под звон хрустальных стаканов и визжал беспричинный, но обязательный хохот жен дядиных друзей и личной супруги.

Лучшей жизни Боря и сам не видел, и не слышал о ней ни от кого. Поэтому машинист шагающего экскаватора, самого большого в мире, автоматически приобретал статус человека, достойного белой и чёрной зависти. В зависимости от затюканности завистника действительностью советской власти, которая нарочно не приучала основную массу граждан к зарплатам выше ста тридцати рублей, чтобы они не даже по пьянке не чувствовали в себе уважительное равенство с ненавистными нашей власти буржуями.

Но за пару месяцев до прощания с семилетним образованием к Боре, а, точнее – к его маме приехал её родной брат из Алма-Аты. Дядя Анатолий. На мамин день рожденья. Там, в стольном граде, он уже больше десяти лет полз по карьерной лестнице ввысь от простого комсорга домостроительного комбината до заместителя министра промышленности, строительства и связи. Добрался таки. Заскочил в кресло высокое. Причём самостоятельно. Только с помощью силы воли! И при символической поддержке друзей из ЦК компартии республики, которых ему сам бог послал, как утвержда-

ла его сестра, мама Борина.

Бог, возможно, был не в курсе, что мамин брат ещё комсоргом комбината организовывал с другими комсоргами разных контор отдых для простых инструкторов ЦК в лучших заповедниках Заилийского Алатау, где было несколько блуждающих ночами снежных человеков и много лесничеств с добрыми егерями, меняющимися девичьими бригадами, собранными комсоргами исключительно для доброго дела – для расслабления молодых усталых инструкторских тел, измученных кабинетным трудом.

Там прятались за тянь-шанскими елями просторные деревянные дома с десятком комнат, большая, пахнувшая недавно срезанной осиной банька. Чудесная, глядящая душу фабрика по производству радости. С дубовыми и пихтовыми венниками, бассейном, коньячком и ружьями, с которыми отдохнувшие гости в голем виде носились по горам и долам, извергая банный пар от тел в горный лес, попутно стреляя в совсем не кажущихся ночью после парной и водочки кабанов, гиппопотамов, тигров и мамонтов.

– Ты, Борька, не рвись в рабочий класс шибко-то, – лениво говорил большой мамин брат за праздничным ужином. – Скоро коммунизм же грянет. А при нём всю работу чёрную делать будут роботы, всякие механизмы. Народ будет

отдыхать и заниматься только интеллигентными делишками. Петь, музыку сочинять, писать книжки, малевать картины и кино снимать. Да ещё останутся те, кто всем этим будет руководить. Потому как без верной направляющей руки даже внутри коммунизма те же писатели такого начеркают, что перед гадскими капиталистами стыдно будет народу нашему.

– А чего ж ему делать-то, Борьке? – схватила за голову сестрёнка дяди Анатолия. – Он же тупой как наши ножики в доме. Отец его как помер, царствие ему небесное, так точить и некому. Я не умею, мамка моя престарелая тожеть уже не способная, ножики из рук выпадают. А Борька и не знает обо что точить. Кудой ему, придурку, приткнуться при коммунизме?

– Вот тебе наказ мой, Борис Ильич, – дядя Анатолий встал, выпил стакан, зажевал колбаской. – Ты учись себе дальше. Нынче уже десять классов, не одиннадцать. Год мучений вам устранили, догадались. А потом я тебя определю в культурные люди. Чтоб ты народом руководил, а не наоборот. Понял умную мою задумку?

– И чего предстоит делать? – испугался разрушения мечты Борис. – Это что, экскаваторов не будет что ли при коммунизме?

– Они-то не пропадут, – поднял указательный палец дядя. – Но за рычагами будет сидеть железный человек, сделанный из стали, проводов и радиодеталей. И мозги будут из них же. Вот он и будет копать руду. А ты, Борька, приедешь ко мне и я тебя определю туда, где не работать надо, мозоли набивать, а управлять. Представь, что ты на автобусе руль крутишь. Вот куда крутнёшь, туда народ на твоём автобусе и поедет. Управлять будешь народом. А это полезнее, чем ковш посылать туда, да обратно. Хоть это понял?

– Это он понял, – определила Борькина маманя, сеструха дяди Анатолия.

И угадала. Через два года Борис понял. Работать руками – удел недоразвитых умственно, а умным надо головой работать. Талантов у него не было ни к писательству, ни к музыке. Считать в уме он тоже к семнадцати годам не приспособился. Оставалось ехать к дяде Анатолию и делать то, что он за Борьку придумал. А он-то, дядя Анатолий, заместитель министра промышленности, строительства и связи. Большой человек. Глыба. Всё строительство от него зависит. Вот крикнет он на собрании с похмелья: – «А ну-ка начинаем строить повсеместно только автовокзалы, вокзалы нужные, железнодорожные вокруг всех городов, и автобусные остановки с ресторанами внутри!» И всё! Пошло дело. Вся страна в вокзалах через пару лет, а с остановок автобусных никто

никуда не едет. Все гуляют в кабаках. Такая власть у зама министра.

– Я тебя, Борис, сажаю сперва инструктором столичного горкома комсомола. Буду жив – через три года определю инструктором горкома партии в Алма-Ате. А далее направлю служить партии в областном центре секретарём горкома Кустанайского.

Здоровье у дяди было крепкое и он как обещал, так и сделал. Через пять лет сел Борис Ильич Камалов в кабинет второго секретаря. В горкоме города Кустаная. Знал он мало, книжек так и не приучился читать, но руководил правильно. Согласно линии партии. Выучить линию одну – это ж не схему телевизора освоить и понять. А тут пришел к нему года три назад скромный бухгалтер Русанов от фабрики «Большевичка» с идеей, которую читатель уже знает. И понравилась ему идея, хотя партия не позволяла вести частное производство.

– Для партии это, конечно, позор, – сказал Борис Ильич. – Но я-то в ней – пылинка незаметная. Потихоньку можно шить втихаря. На святом и всесоюзном советском строе не отразится наш скромный порыв – улучшить качество спецодежды.

Так и стал Камалов предводителем, подпольщиков «цеховиков». О чём никто не догадывался. Даже жена Наталья. А партии такую мелочь и не разглядеть было. Ей виделись в основном великие, глобальные дела. Целина, нефть, газ, Саяно-Шушенская ГЭС, космос и поворот рек в обратную сторону.

Шура пришел к нему как раз после того, как первый секретарь похвалил Камалова при всём коллективе горкома за строгое соблюдения устава и принципов марксизма-ленинизма. Аплодировали Первому на всякий случай стоя, поскольку никто из горкомовцев толком не вникал: что это такое – основы марксизма. А ленинизма тем более. Не семнадцатый же год. Сейчас уже не основы. Уже развитие их задумок всемирного значения. Малович вошел в городской комитет без допросов сторожевых вахтёров, что явно означало наличие в СССР демократии. Поздоровались Шура и Борис сдержанно, официально, как положено двум ответственным за народ и служение законам социализма представителям власти.

– Присаживайтесь, Александр Павлович, – ткнул Камалов пальцем в сторону стула напротив себя, по другую сторону большого стола с зелёным сукном поверх крышки и зелёной высокой настольной лампой на фигурной ножке. – Тему разговора нашего я заранее знаю. Поэтому и начнем не издале-

ка, а прямо-таки с вашего желания.

Малович пришел в форме, с которой просто не успел снять все медали и ордена. Он сел, закинул ногу на ногу, фуражку аккуратно опустил кокардой вверх на сукно и причесал свой красивый волнистый волос перламутровой расчёской, вырезанной одним умельцем, который вышел из заключения и в знак уважения за аккуратное задержание и рекомендацию суду небольшого срока вырезал Шуре расчёску из большой морской раковины, и подарил в день советской милиции.

– Я думаю, что вам, Борис Ильич, надо ликвидировать все, созданные вами и работающие вопреки закону частные цеха, связанные со швейным производством спецодежды, – Александр Павлович произносил это тягуче, с акцентом почти на каждом слове. – Вы можете удивиться, что просьба эта идёт от сотрудника уголовного розыска.

– Да в общем-то я в курсе, что были нарушения, хотя мне докладывали, будто нет никаких проблем и качество товара нравится потребителям. Шьют действительно лучше, чем государственные фабрики. Но недавно мне Алексей Русанов доложил, что лично вы раскрыли десять убийств, которые были заказаны разными руководителями моего производства и исполнены бывшими уголовниками.

– Ну и зачем вам кипеть с ними в одном котле, Борис Ильич? Мы посадили многих. И заказчиков, и убийц. Но на допросах составлялись протоколы. Ваша фамилия в них отсутствует только по моей просьбе. Я знаю, что вы всего лишь организовали дело, помогли с расселением цехов да по ходу договаривались о сбыте товара и поисках дешевого сырья. Вы никого не убили, не заказали ни единого убийства. С точки зрения уголовного кодекса на вас нет вины. И я бы к вам не пришел. Если бы не одно обстоятельство.

Камалов тщательно делал вид, что он спокоен, поскольку перед законом чист.

– Да, – сказал он. Поднялся, походил минуту по ковровой дорожке и аккуратно сел, дёрнув брюки с острой стрелкой вверх, выше колен. – Я чувствую, что обстоятельство это для меня опасно. Вы имеете в виду деньги, которые мне собирали с цехов?

– Да я про них не знал бы, если бы один задержанный, не Русанов, не написал об этом в протоколе. Но это недоказуемо. В суд эти факты не попадут вообще. Расписок о получении вы не давали. Записей об этом нет ни у кого. Так что, эта тема нам не интересна.

– А чего мне опасаться? – тихо спросил Борис Ильич.

– Я хочу сегодня полностью закрыть дело подпольных швейников, – Малович нагнулся над зелёным сукном. – Но не уверен, что на суде оставшиеся пока на свободе участники производства, свидетели, а так же сами подсудимые не упомянут вас как родоначальника частного производства. Как организатора.

Тогда вами может заинтересоваться КГБ республики, которому сопротивляться – себе дороже будет. Организация теневого частного производства без прочих отягчающих – это уже статья.

Преступное нарушение закона. Преступление, проще говоря. У нас же нет частного производства и собственности. Вот уголовный кодекс. Открываем вот тут. Читаем.

«Статья 63-2. Организация или руководство преступной группой

либо преступным сообществом, участие в преступном сообществе.

Создание организованной преступной группы, руководство ею, а

равно участие в ней наказываются лишением свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества.

Организация или руководство преступным сообществом, а равно

участие в нем – наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет с конфискацией имущества.»

-Так ваша команда швейников и есть – преступное сообщество. А вы, получается, организатор. Ну и чего ради вы должны сесть лет на пять в лучшем случае? Или на десять с конфискацией?

Камалов задумался и стал снова гулять по дорожке зелёной с красными полосами по бокам.

- А если мы сегодня же всё закроем, уберём оборудование и людей, уничтожим все бумаги? – спросил он без испуга, но с осторожностью и надеждой. – Бумаги сожжем все до одной за весь период работы. Тогда нас как бы нет и не было вообще, да?

- Так я и пришел к вам не приказывать, а посоветовать-ся. Да. Уберёте людей, оборудование и все бумаги, то доказать, что именно вы работали, а шили одежду конкретные подпольные частные цеха, вряд ли удастся, – Шура глубоко вздохнул. – Вам, если что, такая должность потом уже даже сняться не будет.

- Да... – протянул Камалов. – В общем, считайте, что уже нет цехов.

– Вы, главное, так сделайте, чтобы они просто адреса не поменяли. А то уедут на окраины города, и там шуровать будут дальше.

– Не будут. Закроем полностью, – твердо заявил Борис Ильич. – Обещаю.

– Вы не против, если я этот процесс проконтролирую? – улыбнулся Шура.

– Да что вы! – Камалов пожал Маловичу руку. – Пожалуйста. Но завтра не будет уже ни одного цеха.

– Спасибо. Я тогда пойду, – Шура продолжал улыбаться.

– Удач вам в вашем опасном труде, – тоже улыбался Камалов.

И майор Малович козырнул да вышел. Надо было идти к своему командиру и принимать дело об ограблении сберкассы. С долгой и страшной работой по подпольным цехам Шура мысленно попрощался, имея слабую надежду, что больше ему влезать в похожий кошмар не потребуется.

– Подполковник Лысенко глядел на несколько заявлений,

лежащих перед глазами и что-то неслышно бормотал. Рассуждал умственно.

– Вот, Шура, читай, – подвинул он Маловичу заявления и объяснения сотрудников сберкассы.

Александр Павлович взял их и сел на диван. Через пятнадцать минут ему стало видно приблизительную картину ограбления. Когда сберкассу утром открывали, серую «Волгу» «ГАЗ 21-М» кассирши заметили не на обочине асфальта, а на повороте к воротам, которые закрывали внутренний двор кассы и только здесь инкассаторы могли туда въехать. Заметили и спокойно пошли внутрь на свои рабочие места. Не первая машина там остановилась. Многие шоферы оставляли автомобили на этом повороте. Удобно же. В одном заявлении второй сторож «вохровец», в которого не стреляли, написал, что машина инкассации никогда в ворота не заезжала. Ставили перевозчики денег будку свою у бордюра и ножками неторопливо бегали туда-сюда с мягкими баулами, набитыми деньгами. А зачем прятаться во дворе? Кого бояться? Ограблений сберкассы и банка не было больше двадцати лет. Да и то стародавнее, двадцать лет назад случившееся ограбление единственного банка назвать бандитским налётом было смешно. Два бывших тридцатилетних зека в тот далёкий год спокойно пришли с обрезам. Один сразу пошел к окошку кассы, сунул тётке под нос сумку и дуло дву-

СТВОЛКИ.

Сказал очень тихо, чтобы кассирша скинула из трёх касс наличность. Вокруг на стульях сидели бухгалтеры из разных организаций. За зарплатами пришли и с отчётами. Так они вообще ничего не поняли. Просто им потом сказали, что сегодня денег не будет и они ушли. Ну, так кассирша тогда очень быстренько собрала все деньги и сумку вернула в то же окно. Второй грабитель в это время держал дуло рядом с головой сторожа, прикрыв ствол полой расстёгнутой куртки. Никто ружья не видел, кроме самого «вохровца». Но он почему-то не испугался и даже со стула своего не пытался встать.

Тревожную сирену включили когда грабители уже ушли. Забыли, где кнопка. А зачем помнить? И в милицию, пока банк грабили, позвонить тоже забыли. Растерялись, наверное. Было это в пятьдесят втором году и ограбление банка в то время считалось такой же нелепостью как приезд президента США в дохлую студенческую столовую «Белочка» с высокой миссией – пообедать тефтелями и запить их компотом из сухофруктов. Грустный был случай, но хоть без жертв.

В общем, в этот раз грабители инкассаторов не ждали. Значит знали, что деньги доставлены. Откуда, от кого ин-

формация? Это первый вопрос. Вторая непонятка – зачем убили столько людей? Никто не кричал и никак не сопротивлялся. Заведующая сектором работы с бухгалтерами написала, что деньги привезли вчера вечером перед закрытием сберкассы, а убитый «вохровец» утром в момент нападения открывал форточки на окнах и грабителей вообще не видел. Ружья при нём не было, но его застрелили первым, причём в спину. Оставшиеся в живых две кассирши из четырёх написали, будто они сразу рассказали бандитам, что деньги лежат в кассах и в отдельной комнате, в двух сейфах. Ключи от сейфов у охранника, Ивана Фёдоровича Молочникова, который сидит в той комнате. Он бы эти ключи сам отдал потому, что как раз у него почему-то не было даже палки. Но грабители застрелили его, хотя худой шестидесятилетний безоружный дядя застрашать грабителей не смог бы точно даже десятиэтажным матом.

Директора не имелось смысла даже пугать. Он сразу ушел в свой кабинет на второй этаж и вообще никого, кроме открывающего дверь ночного сторожа не видел. Даже выстрелов с конца коридора второго этажа директор слышать не мог. Далеко. Да и кнопки вызова милиции у него на рабочем месте не имелось и быть не могло. Но его почему-то тоже застрелили в кабинете. Причём странно, что знали где он сидит и бежать до него долго, да и без надобности вообще.

Сто семь тысяч за пятнадцать минут неспешно собрали

бандюги из касс и сейфов, крикнули в конце, что мусорам звонить можно через десять минут, не раньше, и медленно уехали, причём из открытого окна «волги» приёмник доносил до сотрудников сберкассы прекрасный баритон Магомаева.

Первым милиционером, которого Лысенко послал в сберкассу после звонка оттуда, подвернулся ему под руку Володя Тихонов. Он и принёс оттуда все заявления и объяснительные. Ходил он вместе со следователем Макаровым и криминалистом Жарковским. Они же и труповозку вызвали.

Криминалист собрал улики: окурок «беломора», спичку, пряжку от сумки. Оторвалась, видно, когда денег в сумку натолкали столько, что закрыть не смогли. Отпечатков пальцев не было. Перчатки надели грабители. Под батареей отопления нашел Жарковский гильзу единственную. Остальные бандиты сразу в карманы сунули, а эту обронили и не нашли. Калибр двенадцатый. Кусков пыжей самодельных с пола поднял штук пять. Три дробины третьего номера ковырнул из стены. Больше следов вообще никаких. Правда, кто-то из бандитов плюнул на пол смачно. Криминалист затолкал плевок в колбочку и закрыл крышкой.

– Хреновое дело, – сказал Шуре Тихонов. – Следователь со всеми переговорил и никто ему ничего путёвого не поведал. Испугались и потому толком никого не запомнили. Все,

мол, примерно одного роста, худощавые, лица свои они не прятали, но ничего заметного в их внешности не было. Ни усов, ни шрамов, ни золотых зубов или наколок на руках.

Во, мля! – огорчился Александр Павлович. – Они явно брали не первую сберкассу или банк. Кто на первый «скок» идёт, наследит непременно. А эти ребята с опытом. Значит, вряд ли кустанайские. У нас за последние годы даже магазинов не грабили. Уличный «гоп-стоп» и всё. Да... Пойду похожу по сберкассе. Надо понюхать тщательно всё. Ну, атмосферу уловить. А ты скажи криминалисту, пусть плевков отнесёт в областную больницу, в лабораторию. А я Зине своей скажу, чтобы результат анализа забрала и принесла домой.

К полудню жарко стало. Июнь был сухой, без влажных подарков с небес. Центральные улицы поливали из машин и зелень росла пышно. Цветы вдоль главных улиц имени Ленина и Октябрьской революции можно было для хорошего дела срезать. Штук триста разных. Да поехать в Алма-Ату на выставку цветов. Она каждый год работала в это время по три недели. Первое место мог бы Кустанай взять. И грамоту получить почетную. Да плюс пакетиков десять всяких семян.

Но уже на четвертой, ниже главных улочке, названной в честь Павлика Морозова, хозяева домов в палисадниках сами поддерживали жизнь растений. Те, кто любил цветы и де-

ревья. В остальных местах всё, что росло из земли, сникло, пожухло и вызывало грусть. Сберкасса центральная как раз на этой улице, связанной с именем принципиального и безжалостного пацана, и стояла. Длинный двухэтажный дом из силикатного кирпича с большими дверьми, окнами без решеток и крупной голубой жестяной вывеской, на которой обведенными желтыми буквами значилось: «Центральная сберегательная касса. Храните свои сбережения только в сберкассе».

Шура минут пять посидел на скамейке перед площадкой у входа. Осмотрелся. Грабители, заметил он, обратно к машине бежали не по дорожке цементной, которая сначала шла прямо, а метров через десять раздваивалась и тянулись уже две прямых линии цементных к обочине асфальтной дороги.

Бежали они с тяжелыми сумками по вянущей траве, наступая на неизвестные Маловичу стойкие к жаре цветы. Шура пошел по следам грабителей и в одном месте, прямо перед поворотом к забору, отделяющему улицу от двора финансового учреждения, нашел-таки след ботинка.

Похоже – на этом месте кто-то пролил из ведра воду, перешагивая через бордюр. Колонка с водой была на углу здания, за спиной у милиционера. От этого места до базара бегом добежать можно за пять минут. Шура сбегал, купил там в богатых строительных рядах банку гипса и на выходе из

базара взял в киоске бутылку дешевой местной минеральной воды «Сосновый бор». Потом он прибежал обратно, залил след водой и засыпал сверху слоем гипса.

Сохнуть ему предстояло минут двадцать и он сделал то же самое на месте, где останавливалась машина грабителей. Оставшуюся воду налил в банку с гипсом и размешал веточкой до густоты деревенской сметаны. Потом аккуратно вылил густое месиво на след протектора, принадлежащего колесу «Волги 21-М». После чего платочком стер с лица пот, вытер руки и пошел в сберкассу. Удивительный народ трудился в этой конторе. Никто не запоминал ничего в принципе. Помнили свою фамилию с именем и отчеством, узнавали друг друга в лицо, знали, что за праздник тридцать первого декабря в полночь, а дальше – сплошные провалы в памяти. Сели они вчетвером на диван. Шура, две кассирши и сторож из «вохры».

– Так машина, значит, серая была? – спрашивал Малович.

– Вроде бы так, – Морщила лоб кассирша Катя.

– Или мне показалось, но она была белая, только грязная шибко, – сомневался Иван Михайлович, вооруженный охранник.

– Вот у «Волги» на капоте серебристый олень есть. Ножки поднял, голову поднял. Бежит, значит, – задумчиво проговорила вторая кассирша Наталья Ивановна. – А на этой машине не было оленя. Я-то мельком глянула на «Волгу». Чего на неё долго пялиться? Но что оленя нет, сразу по мозгам чиркнуло. Вот, мол, дурак хозяин. Такую красоту потерял и на новую денег жалко. Да. Так и было.

– А директор ваш давно тут работал? – поинтересовался Шура.

– Да месяц всего, – вздохнул Иван Михайлович. – Даже во вкус не успел войти. Директор – работа увлекательная. Я к нему ходил. Зарплату просил поднять рублей на пятьдесят-шестьдесят. Мы же, охранники, каждый день жизнью рискуем за девяносто рублей. Вот один уже дорисковался. И меня когда-нибудь шлёпнут. А будь у меня оклад хотя бы сто пятьдесят, я бы костыми лёг, но сам перестрелял этих гадов.

– Но ружья у вас нет, – сказал Шура.

– Ружья нет, – охранник смутился. – Да не дали же. Прежний директор сказал, что среди мирных людей ходить по сберкассе с берданкой опасно. Кто-нибудь спяну вырвет его и народа покрошит минимум пятерых. Дробь-то разлетается через пятнадцать метров в разные стороны. И не дали ружьё.

А было бы оно, нешто бы я позволил бандитам к деньгам народным притронуться?!

– Ладно. Спасибо. Завтра приду теперь, – Александр Павлович слегка поклонился дамам, Михалычу руку сжал до хруста суставов и пошел к гипсу. Он высох и на той стороне, что на земле лежала, образовались рисунок подошвы ботинка и линии протектора от колеса.

– Информации для человека с высшим образованием меньше чем на плакате «Добро пожаловать», – сказал сам себе Малович. – Но у Холмса и такой сначала не было. Но он, бляха, включал метод дедукции и негодяй тут же объявлялся. Бери его и скручивай руки в узел.

Он завернул слепки в газету. Купил в киоске. Их, киосков «Союзпечати», было в городе по одному на сто человек населения. Культурным считался Кустанай. Городом образованных и начитанных граждан он был. Так сам народ говорил. А чего ему чушь нести, честному народу? Шура шел к себе в кабинет и думал о том, что грабители уже поделили деньги и пропивают их в лучших местных кабаках. Без плясок цыган, но с клёвыми марухами.

– А вот с чего я начну завтра, так это с проверки серий и номеров купюр, выданных сберкассе банком, – Малович

поднялся на свой третий этаж, сел за стол, взял голову в руки и закрыл глаза. А когда закрыл, увидел лица всех троих бандитов.

– Надо водки выпить, – сообразил он. – Иначе вот такая ересь и будет казаться. И вот как он пожелал, так в кафе «Колос» и сделал. Да так ему славно это удалось, что дома Зина на себе донесла его до дивана и оставила в таком виде дожидать до начала первого дня, когда придет к нему везение и сам собой появится в голове незнакомый пока метод дедукции.

19. Глава девятнадцатая

Через день после ограбления в сберкассе пришла красивая девушка в бирюзовой вискозной блузке и полосатых голубых брюках в обтяжку. Девушка имела короткую стрижку, которую опоясывала бирюзовая узкая лента, принесла на себе позолоченные серьги без камней в маленьких ушах и розовый шелковый шарфик, нырнувший концами в декольте. Она спросила охранника где найти заведующую кассовым отделом и, как-то ухитряясь не вилять бёдрами при тонкой талии и пухлых ягодицах, быстро пошла к окошку.

За стеклянной панелью с оконцем внизу издали бросался в глаза высокий, крашеный почти фиолетовой краской волос женщины бальзаковского возраста. Ещё в окне виднелись её коричневые роговые очки и сжатые губы без помады.

– Здравствуйте, – нежно пропела девушка. – Я мужа потеряла. Не ночевал дома вторую ночь. Милиционер он у меня. Его позавчера послали сюда. Сказали, что сберкассе ограбили. В милиции сейчас мне объяснили, что группа милицейская два дня у вас работает без отдыха, следы ищут от преступников. И спят, сказали, по часу, а потом снова ищут. Где они? Как мне его выловить? Даже не позвонил ни разу, гад

такой!

Ирина Андреевна Лучко, не поднимая головы, всё же снизу вверх коротко глянула на посетительницу, которая пришла не по финансовому вопросу. И почему – то подумала, что девушка эта не жена милиционера. Чего бы он в сберкассе искал два дня? Да ещё и не один.

– Позавчера приходили трое. – Ответила она сухо. – Но были всего около часа Ничего не нашли и убежали. Чего бы ему дома не ночевать? Утром же работали, и то недолго.

– Ничего совсем не нашли? Ни одной улики? – девушка опечалилась. – Так где же он тогда, если им тут делать нечего?

Ирина Андреевна подняла голову. Фиолетовый волос свалился ей на спину.

– Ну, в милиции и спрашивайте. Может, его на какое другое преступление направили. Может, он сутками в засаде не разгибаясь сидит. А у нас никого больше не было. Не нашли же улик. Чего им снова бегать сюда? Государство вчера возместило нам украденное. У него денег много, у государства.

– Ну, я ему!!! – сердито пробормотала посетительница и

неторопливо ушла.

– Эта расфуфыренная уже на Галкино, царство ей небесное, место кассиршей прибежала устраиваться? Полтора дня по радио передают, что нас ограбили, охрану и кассиров убили. Ну, шустрая. Разодетая, как на танцы вроде собралась. Очень уж у неё вид вызывающий. Не бухгалтерский. – Сразу же подлетела к окну кассирша Катя Малыгина и скороговоркой выдала эту длинную фразу. – Отшили вы её?

– Иди, не мельтеши, – строго сказала заведующая. – Что, клиентов нет? Тогда полы протри влажной тряпкой. Бывший директор уборщицу не принял. Жлоб. Может новый возьмёт в штат. Назначат же вместо убитого. Нельзя без директора. А то мы бесплатно и моем, и окна да двери красим. А это экономия что ли? Лучше бы ружья охранникам выдали, да ещё двух наняли. Здоровых, сильных. При наших хранителях-дедушках, у которых вон и без бандитов руки дрожат да ноги по полу шаркают, нас всех скоро насмерть перестреляют, раз уж началось такое...

Катя протерла пол в зале и вышла на улицу. В одиннадцать обещал прийти к ней Олежка. Жених. Так просто забежит на пять минут. Поцеловаться. Он тут рядом работает на ремонтно-механическом заводе токарем. Деталь выточит с начала дня и перекур будет у него минут на пятнадцать. Как раз

хватит времени поцелуя на три. Долгих и страстных. Но до него пришел милиционер позавчерашний. В белой рубашке и бежевых льняных брюках.

– Не узнали меня? – засмеялся он. – Здравствуйте, Катя. Меня зовут Александр Павлович. Я тут кое-что забыл уточнить позавчера. Заведующая на месте?

– Ну, да, – улыбнулась Катя. – Не поймали грабителей?

– Так быстро можно только насморк поймать на сквозняке, – сказал красивый милиционер. – У вас там не дует? Я в прошлый раз видел, что все форточки открыты. Пейте чаще горячий чай. Разрешают вам?

Только Катя рот открыла, а в этот момент Олежка подбежал. Жених. Он тягучим нехорошим взглядом обмусолил Маловича и обнял Катю.

– Это к тебе гражданин? – спросил он беспокойным голосом.

– Я из милиции, – Шура показал парню удостоверение. – А ты откуда? Про ограбление знаешь?

– Конечно, – быстро ответил жених. – Весь город знает.

По радио говорят. И в газете написали. А мне Катерина доложила.

– Давно у вас любовь? Извините за проникновение в личную жизнь. Служба такая.

– Ну, допустим, три года. Жениться будем осенью, – Олег пригладил каштановый «полубокс». – А вам оно на что? Это наше дело – любить да жениться.

– А ты позавчера с девяти утра до половины десятого где был и что делал? – Внимательно оглядел его снизу доверху Александр Павлович.

– Позавчера в девять я начал точить резьбовую штангу для стяжки нижних тросов на башенном кране. Я с ремонтно-механического завода токарь, – доложил Олег равнодушно. – Сберкассу не грабил. В цехе двадцать шесть человек скажут, что я вышел на пять минут покурить около двенадцати. Деталь сложная.

– Как фамилия твоя?

– Луганский.

– Идём к телефону. Позвоним начальнику цеха, – Шура

взял его за рукав.

Позвонили с телефона охранника.

– Луганский с утра позавчера до обеда пахал как Бобик, – доложил начальник. – Деталь заковыристая. А он мастер. Та-кую точить двое смогут из цеха и всё.

Тут Александр Павлович использовал одну из милицей-ских хитростей, стандартный «мусорской» приём, который в обычной жизни люди называют наглой провокацией. С его помощью он мог поймать ниточку – причастен токарь Олег к ограблению или нет. Ведь возлюбленная могла ему сказать, что вечером деньги привезут и завтра будет много работы. Она – то знала. А Олег мог передать это кому- то из банди-тов. Вполне.

– А за день до того как подсел он на эту серьёзную деталь, что за друг к нему приходил? – Спросил он, не зная, есте-ственно, приходил кто к токарю или нет. Наудачу спросил. – Я из милиции. Майор Малович.

– Я его не запомнил толком. Но он часто забегает. По-моему, Витькой его зовут. Вышли они, пять минут покурили и Олег уже не отрывался. Точил до конца дня, – начальник цеха закашлялся и трубку положил.

– Вы откуда знаете, что ко мне друг приходил? – Олег сделал круглые глаза.

– Начальник и сказал, – улыбнулся Шура. – Я милиционер уголовного розыска, а не волшебник. Как бы я сам догадался? А чего приходил он?

– На рыбалку мы собираемся в субботу с ночёвкой. Договоривались, чего и сколько брать. Катька и его Людмила с нами едут. А что?

– Ладно, ребята, целуйтесь, а то заругают обоих на работе, – Шура шутя едва коснулся его подбородка кулаком. – Мне тут спросить надо кое-что.

Заведующая встретила его как старого друга семьи. Стул подвинула, чаю стакан налила горячего и шоколадку выложила.

– Ну, движется расследование? Мы переживаем. Нам эту же сумму сегодня банк снова дал. Люди простые на наши проблемы наткаться не должны. Но если вы те деньги найдёте и мы их в банк вернём, нас похвалят и станут к нам ещё лучше относиться. Кстати, тут недавно жена вашего милиционера приходила. Вроде он второй день дома не ночует.

Ищет его у нас. Странная. Вы же что-то нашли, так за час всего! А я ей сказала, что не нашли ничего и ушли. Врёт?

– Врёт, – улыбнулся Шура. – Правильно вы сказали. Это, я думаю, от грабителей посыльная с проверкой. Узнать хотят гады, какие следы они оставили и можем ли мы их по следам разыскать. А как она выглядела?

– Да я лицо только видела. Окно высоко, посмотрите. Кроме лица не черта не видно. Но лицо смешное. Красивая девушка, только уши совсем малюсенькие, детские. И видно, что рыжая. Волос в белый цвет перекрасила, а лицо красноватое и конопушки вокруг носа как у всех рыжих.

–И глаза косят заметно?– Спросил Малович.

– Во! Точно.– Оживилась заведующая.– Смотрит как бы на меня, но выглядит это так, будто собственный нос разглядывает.

– Понял.– Александр Павлович засмеялся.– Это Никулина Светлана по кличке «Жареная», подруга жизни карманника одного. И сама воровка на доверии. Мошенница – проще говоря. Я с ней поговорю. Послал её к вам, похоже, этот карманник. «Холоп» его кличут. Но сам он на грабёж с убийством не пошел бы. Кто – то из грабителей его попросил,

чтобы Светка сыграла жену милиционера и узнала – сильно они наследили или нет. Я после нашей встречи пойду и найду её или Холопа. Поговорю. Спасибо. Полезная информация.

Ну, да ладно. Перейдём к моим вопросам. В городе три банка. Центральный, Стройбанк и филиал Алма-Атинского «Госбанка», – Шура загнул три пальца.– От какого из них позавчера вы вечером получили деньги? И кто знал, что привезут их вечером перед утренним ограблением?

Ирина Андреевна поправила причёску, очки и шепотом назвала.

– Центральный прислал в этот раз. Но в их банке о том, что нам деньги направят вечером знали не все, конечно, а только директор, главбух, инкассаторы да их шофёр. А! Ещё начальник отдела кредитования Муттер Лев Борисович. Мы же деньги в кредит берём. Потом возвращаем без процентов. Из наших работников я знала. Они мне звонили. Директор, которого убили, знал, естественно. Ну, и наш «вохровец» из хранилища. Его тоже застрелили. Всё.

– А кассирши?

– Да нет. Им зачем? Разве что Катерина... Деньги привезли вечером. А мы с Катькой чай пили часов в десять утра.

Дружим с ней. Хорошая девка. Я сказала, что часов в семь, к концу рабочего дня привезут деньги, а с утра пахать придётся без продыху. Дни зарплаты начинаются. Народу – тьма набегает.

– С упаковок кто переписывает серии и номера банкнот? – Шура сделал глоток и отломил квадратик от шоколадки.

– Я вообще-то. Но это если днём приходят деньги. А вечером – не успеваю. Это ж до часа ночи сидеть. А мне пешком в конец города одной топать в это время как-то неохота, – Лучко Ирина Андреевна тоже глотнула из стакана. – Утром хотела внести в реестр. Но, сами знаете, что помешало. Они же в самом начале рабочего дня напали.

– Ну, хорошо, – Малович поднялся. – Пойду в Центральный банк. А Катерина ваша жениху своему не могла сказать про поступление денег вечером? У неё бесполезно спрашивать. Скажет, что никому не говорила.

– А может и могла, – заведующая опустила голову и смотрела в «амбарную книгу». – Они же откровенничают сейчас друг с другом. Показывают обоюдное доверие. В семье-то положено секретов не держать никому. Ну, вначале, перед свадьбой, все так думают.

– Спасибо, – Шура слегка поклонился и ушел. Катя с женихом возле двери на улице всё никак не могли оторваться друг от друга. Малович похлопал парня по плечу, пожелал счастья и пошел в банк, думая на ходу почему-то о кассирше Кате. Видел он в ней хорошую, добрую неглупую девушку, которой на первый взгляд повезло. Она выходила замуж за симпатичного тридцатилетнего мастерового и по виду – серьёзного, спокойного парня, и жизнь вдвоём могла получиться вполне удачной.

Не знал Шура, да почти никто и у неё на работе уже не помнил, как они с Олегом встретились, почему начали дружить и как решили соединить жизни. А три года назад так вышло, что Олег и его старая компания на пляже пили пиво, загорали, травили анекдоты и в перерывах купались. С середины Тобола, метров за тридцать от берега хриплый истошный мужской голос кричал только два слова.

– Тонем. Помогите!

Парни пригляделись. Из воронки, которые часто образуются на Тоболе от резкого перепада глубин и течения, пытались безуспешно вырваться парень со своей девушкой. Он кричал ей: «Греби левой рукой», сам делал то же самое, но ничего у них не получалось. Четверо из пяти любителей пива и знатоков анекдотов вскочили и поплыли к воронке. На-

до было, не доплывая до неё, схватить ребят за руку и сильно рвануть на себя. У Олега это вышло сразу. Он дернул девушку так, что и руку мог бы оторвать. Но зато она, рыдая от страха, вцепилась в талию Олега и он дотащил её до места, где уже можно было встать на ноги.

Они оглянулись. Парни ныряли со стороны вглубь воронки и вылетали из воды метров за пять от неё. Ныряли они минут двадцать. Но впустую. Воронка всосала парня и донное течение унесло его вниз по реке. Воздух в лёгких кончился и он умер под водой. Никто не мог предположить, где тело прибьёт к берегу. Кто-то побежал с пляжа на бугор, где шла первая улица. Там был телефон. Вызвали милицию. Она приехала через десять минут. Милиционеры взяли лодку на лодочной станции и прошли вдоль обоих берегов почти километр. Не нашли тело.

Анекдотов больше никто не рассказывал. Налили девушке пару стаканов пива. Она минут через сорок успокоилась и согрелась. Рассказала, что с парнем этим познакомилась час назад на пляже. Они болтали, сыграли несколько партий в дурака и пошли купаться. Парня звали Мишей

– Тобол переплывёшь? – крикнул Миша и рванул вперёд красивым кролем.

Катя плавала очень хорошо и быстро его догнала.

– Переплыву, конечно, – успела ответить она и в эту же секунду оба влетели с разгона в воронку.

Миша потратил много сил, пытаясь её из бешено крутящейся воды вытолкнуть. Не вышло. Остальное видел весь пляж. Но спасти побежали только друзья Олега и он сам. Наверное, так и бывает всегда. Кто-то жизнью рискует, а другие за него переживают. Так мир устроен. Потом Олег проводил Катю домой. Рассказали немного о себе. Олегу исполнилось двадцать семь, Кате двадцать два. Он был четыре года женат. Но год назад жена случайно познакомилась с летчиком в кафе парка. У неё обеденный перерыв был. Работала рядом в музыкальной школе. Преподавала сольфеджио.

Лётчик жил в Свердловске и летал оттуда в Кустанай и обратно. Утром самолёт садился на кустанайскую полосу, а вечером возвращался в аэропорт Свердловска. Ночью оттуда он летел в Челябинск. Там ночевал и в десять утра летел в Свердловск. День отдыхал и всё повторялось. Встречались они с полгода по его расписанию, а тридцать первого декабря он позвал её встретить новый год в Свердловске с его друзьями, поскольку он уже два года холостой. Жена его покинула мирно, но по веской причине. Дома он из семи дней недели ночевал два раза. Остальное время уходило на полёты. Вот улетела с ним жена Олега, и больше он о ней не слышал ни-

чего и ни одного письма не получил. Детей она не хотела. Их и не было. Жил холостым.

Катя замужем не была, но три года с девятнадцати лет плотно дружила с бывшим одноклассником. Он учился в педагогическом институте, а она в кооперативном техникуме на кассира-бухгалтера. Потом, после института, его забрали на год в армию. В город Ростов-на-Дону. Танкистом служил. Ну и остался в Ростове после службы. Написал Кате: «приезжай». Но она уже устроилась в сберкассу и не поехала, поскольку Диму, одноклассника, не любила.

А после своего невероятного спасения она стала встречаться с Олегом, в котором инстинктивно угадала настоящего мужчину. Он выучился на токаря в ПТУ, занимался боксом и волейболом, много читал, писал стихи, сам научился играть на аккордеоне, не нёс Катерине всякой сопливой любовной чепухи, умел делать руками всё, что положено уметь мужчине, был нежным, добрым и очень хотел, чтобы Катя родила ему сына. Что они и собирались сделать после свадьбы.

Катя чувствовала, что уже счастлива и не понимала, почему так повезло именно ей. Она сама почти ничего не умела делать. Только шила всё что угодно на маминой машинке с ножным приводом. Ну, готовила очень хорошо. Бабушка

научила. Всё. Книжек почти не читала, в искусстве не разбиралась, ничего не понимала в спорте и талантов не имела даже к выбранному бухгалтерскому труду. Единственное, чем она гордилась, так это своей любовью к животным. Дома ей никто не запрещал держать трёх собак, пятерых кошек, несколько кроликов, и даже десяток куриц во главе с петухом Петровичем, которые гуляли по двору вместе с кошками и собаками.

– Теплая ты душа, Катюха, – говорил ей дед Фёдор. Потом он внезапно умер от инфаркта и на память Кате оставил эти слова.

Всё это Катя рассказала Александру Павловичу позже. Когда он три дня подряд что-то искал, измерял, записывал в сберкассе, а в обед они вчетвером сходили в столовую, затем заведующая и сторож Дуленко Иван пошли на места свои, а Шура с Катериной сели подышать на скамейку у входа. И она сама, ни с того, ни с сего, вдруг стала рассказывать ему короткую историю своей жизни и неожиданной любви. Малович слушал и чувствовал, что очень хорошая жена достанется Олегу Петровичу Луганскому, токарю и настоящему мужчине.

Вышел Шура из сберкассы и стал вспоминать – где он нашел Светку «Жареную» после того, как в прошлом году

на вокзале Холоп неудачно подрезал карман у мужика, который ждал посадки в вагон. Мужик его поймал за руку, а тот перехватил точёную монету в другую руку и порезал пассажиру шею и лицо. Мужика, перед тем как Холоп начал подрезать карман, отвлекала какими-то вопросами именно Светка. Карманника взяла железнодорожная милиция, Светка успела убежать, а Маловича позвали потому, что была попытка убийства. Заточенной монетой горло перерезать запросто можно. Поехал он потом с Холопом за соучастницей. Много свидетелей сказали, что они вдвоём пришли и долго оба кого-то ждали. Где же она была? Где её нашли?

– А, блин, вспомнил. – Шура щёлкнул себя по лбу. – Она же гадает на базаре с помощью золотых колец. Находит доверчивых дурачка или дуручку с золотым кольцом и у себя в ридикюле имеет десяток дешевых медных, но позолоченных. Кладет на ладонь два кольца – сначала кольцо лоха, определяет размер и достаёт такое же. Размещает их на ладони у «терпилы» и говорит.

– Если кольца начнут сближаться медленно, то жизнь ваша будет улучшаться, а если они станут расходиться в разные стороны – жди неприятностей.

Свою руку она держала снизу под рукой клиента и незаметно делала так, чтобы его ладонь или сжималась чуть за-

метно, или разгибалась. Потом говорила, чтобы клиент зажал кольца в кулаке и встряхнул три раза. Пока он тряс, она шептала какую – то чушь непонятную, разжимала кулак и говорила, что никаких бед теперь у человека не будет. После чего забирала кольцо золотое, а своё, копеечное, оставалось у лоха. Подмену не замечал почти никто и работала она гадалкой лет пять, не меньше.

Нашел её Шура легко. Отвёл в сторону и спросил – кто послал её в сберкассу и заставил прикинуться женой милиционера.

-Холоп.– Сказала она. – А его попросил Мишка «Нищий» из блатных. Но Мишку тоже кто- то попросил, только ни она, ни Холоп не знают кто именно.

– Ну, ладно, дури народ дальше. Участковый тебя не трогает?

– Да тут все свои.– Засмеялась Светка.

-Холоп там же живет, на улице Чкалова?– Спросил Малович.

– И я там с ним живу.

– Я к вам зайду вечером. Не убегайте. И не бойтесь. Просто поговорим втроём. Обещаю – просто поговорим.

– А нам чего бояться? Приходите.– Светка помахала рукой, когда Шура уже выходил из ворот.

–Теперь надо сбегать в два ювелирных. – Решил Александр Павлович.

Позавчера он ходил в Центральный банк, ему переписали все номера, серии купюр и дома он три вечера подряд сидел над этими листами. Думал, где искать место, в котором помеченных в банке купюр оказалось бы больше всего. Оттуда можно было бы протаптывать тропинку к кому-то, кто эти деньги в большом количестве туда принёс. Решил, что начинать надо с трёх. С самого богатого ресторана, основного ювелирного магазина, с торговой точки для избранных «Берёзка», где продавали то, что больше купить было негде в городе.

Деньги ресторан сдавал раз в неделю, а оставить в кабаке приличную сумму банкнот из списка с переписанными номерами грабители могли запросто. Ну, это только если бандиты были местные. А если «гастролёры», то задача со многими неизвестными автоматически превращалась в почти неразрешимую проблему. Сидят они сейчас где-то в Тамбо-

ве и впихивают награбленное в приносящие удовольствие дела. Но, судя по тому, что послали на разведку девицу, чтобы понять, напали на след «мусора» или мимо проехали, всё же из Кустаная банда была. «Гастролёры» уехали бы сразу.

Последнее июньское утро хвасталось солнцем и тёплым ветерком перед ждущим за следующей ночью июлем. Он, центральный месяц летний, гордым был, даже спесивым. А что б ему и не выкаблучиваться! И дождей он несёт столько, что хоть купайся в лужах. И цветов в июле – тьма тьмущая. Солнце жаркое, ночи тёплые, дни укорачиваются чуть заметно, Да что особенно хорошо, кроме дней рождения и свадеб, никаких праздников. Деньги у людей не тают со скоростью апрельского снега, мужики почти все дни трезвые, а ближе к августу рождается у большинства граждан зуд ожидания урожая.

Всем в любой организации дают за городом делянки по десять-пятнадцать сотых гектара. Сажают всё. От помидоров и огурцов, до баклажанов, перца и, непременно, картошки. Второй хлеб как-никак. Без неё – не жизнь. А какие закаты в июле! Не только влюблённые юные, но и старшее поколение находит место, откуда виднее как проваливается солнце за край земли. Лучи радужные, зарево завораживающее переливами и игрой теней на земле. Красота! Отдых сердцу.

Вот в такое последнее утро июня пошел Александр Павлович в ресторан «Турист». Самый дорогой, уютный, имеющий лучших в городе поваров и известный всему Казахстану вокально-инструментальный ансамбль «Степное эхо». Встретился с директором Владимиром Валерьевичем Югаем. Он с родителями из северной Кореи переехал пятьдесят лет назад. Пока молодым был, лук выращивал в артели потребсоюза. Корейцев в Кустанае много. У них с войны образовался внутри города свой городок. Его так и называли – «Корея».

Потом пошел учиться на повара. Десять лет готовил еду в кафе «Кустанай», а потом устроился метрдотелем в «Турист» и за пять лет добрался до должности директора. Лучше него директоров ресторанов и кафе не было и славился «Турист» благодаря его управленческому таланту вот уж лет пятнадцать. Шура его знал. Югай много раз помогал милиции. Но генерал приказ написал, чтобы никто из МВД не вздумал есть и пить в «Туристе» бесплатно. Платили все. И это вызывало у директора дополнительное уважение к советской милиции.

– Володя, – приступил после объятий Малович к делу. – Вот номера и серии купюр, которые три дня назад унесли грабители из центральной сберкассы.

– Слышал я, – сжал кулачки маленький директор. – Они ж там ещё человек пять пристрелили, сволочи.

– Именно пять, – удивился Малович. – Откуда точные данные?

– Обедал вчера тут ваш генерал с проверяющим из Алма-Аты. Он и сказал.

– Они, Володя, вполне могли позавчера и вчера гулять в твоём ресторане. Надо же достойно отпраздновать удачное дело, – Шура оглядел помещение. Сам-то не часто сюда ходил. Красивый был зал. С лепниной узорчатой на потолке и стенах, столики розовыми скатертями покрыты. Салфетки накрахмаленные в центре стола выглядывают из высокого хрустального стакана. Хорошо! – Купюры, Валерьевич, самые новые. Прямо из банка. Мне банк дал номера и серии. Можно их сейчас выловить из общей массы?

– Жора, официантов всех собери. Пусть ко мне подойдут, – сказал Югай метрдотелю.

Подбежали шесть молодых ребят и четыре красивых девушки в коротких черных юбках.

– Объясните людям задачу, Александр Павлович, – директор поправил на белом воротнике филигранно отутюженной рубашки официанта галстук- «бабочку».

– Вы деньги сразу сдаёте в кассу? – спросил Шура. – С кем из вас рассчитывались абсолютно свеженькими банкнотами? Десять рублей, двадцать пять в основном.

– Из кассы Надя их вечером достаёт, заворачивает, подписывает дату и сумму. Относит в главный сейф, – пояснил Югай. – Найти можно. Так кто новенькие получал? Только что из банка нужно найти шуршики. Новенькие.

– Со мной рассчитывались хрустами свежими. Трое мужиков и три девки вон там сидели. Пили «Армянский». Бутылок десять на шестерых взяли, ели салаты всякие, икру, потом это... как же? А! «Утку по-пекински» заказали и поросёнка молодого, зажаренного на вертеле, – вспомнил большой мускулистый молодой человек. – Сидели с пяти вечера до двенадцати. Нагуляли на сто тридцать, сейчас в блокнот гляну... На сто тридцать восемь рублей шестьдесят пять копеек. Зарплата инженера за месяц. Чаевые дали. Двадцать пять рублей тоже новенькие. Я их дома в копилку сложил. Машину хочу купить. Собираю с чаевых.

– Ни хрена так. Четвертак на чай! – пискнула хорошень-

кая блондинка с подносом и при белом крахмальном фар-
тучке. – Мне за симпатичность тоже добавляют. Но четверт-
ной никто не давал.

– Пошли, – позвал Шуру директор. – Ключи от сейфа у
меня тоже есть.

Достали пачки денег за три последних дня. Развернули.
Володя оглядел стопки денег сбоку и как на колоде карт
сдвинул верхнюю часть. Взял новеньких двадцатипятируб-
лёвых бумажек пять штук, одну свеженькую десятку и ещё
старый «трояк» плюс два рубля прошлогодних.

– Да, вот это их расчёт со мной, – официант-атлет улыбал-
ся. – Сами они – хмыри. Видно, что с тюремным прошлым.
И девки – шмары. Клеймо лепить некуда.

Шура сверил серии и номера четвертных купюр. Долго ис-
кал в своём огромном списке. Нашел. Всё совпало. Это были
деньги с ограбления.

– Я их заберу как вещдок для начальства? Вернём вам эту
сумму прошлогодними деньгами. Из нашей кассы МВД, –
Малович вопросительно глянул на директора.

А о чем речь, Шура?! – Югай взял из тумбочки белый
длинный конверт. Такие обычно держат для взяток. Кому

давал их ресторан, Маловичу было ясно, но не интересовало. Он заложил деньги, заклеил сверху и сунул в карман.

– Кто помнит какие-нибудь особые приметы этих богачей?

– У одного, лысого, лет тридцать ему примерно, на лбу от правого глаза шрам до начала лысины, – вспомнил официант. – А другой, постарше, на руке наколку большую имеет. Издали видно. Морда змеи с высунутым раздвоенным языком. Я ж прямо над ним стоял. Тарелки ставил.

Шура всех поблагодарил, Югая обнял. Официантам пожал руки, а девушкам слегка поклонился.

– Капитально мне помогли, – весело сказал он. – Спасибо огромное. Побегу я.

Командир Лысенко выслушал версию Шуры.

– Поганцы эти – местные. Чужие пили бы с удачного «скока» в своём городе. Им главное – свалить побыстрее. Да и не могли «гастролёры» знать, что инкассаторы привезут деньги вечером. – Малович рассказывал медленно. Чтобы шеф всё запомнил. – А нашим кто-то явно подсказал. Напасть вровень с началом рабочего дня, когда все служащие ещё в дела

не врубилась, – это ход хитрый и умный.

Среди бандитов обычно таких хитроумных мало. Наверняка придумал кто-то из сберкасы. Тот, кому долю пообещали. Его обманули. Не дали долю. Пожадничали и пристрелили. Ну, не «вохру» же в долю брать! Да и не придумал бы он. А вот директора нового шлёпнули. И в этом есть смысл. Случайно совпало? Появился новый директор и через пару недель – грабеж?

Ну, и то, что грабители убийцы из Кустаная – ещё такой факт утверждает.

Они прислали в кассу через день шмару в модном прикиде. Она искала мужа-милионера, который уже второй день дома не ночует, а что-то, мол, ищет в сберкассе. Заведующая сказала ей, что мы ничего, никаких улик не нашли и сберкассу покинули через час. И она убежала. Я её нашел. Поговорил. Но от неё длинная цепь тянется. Сегодня вечером пойду к ним. Она с одним знакомым мне карманником живёт. Поболтаем. Может выплывет что-то полезное.

Да! Чуть не забыл. Я вот изъял вещдоки в ресторане «Турист». Клиенты расплатились вечером в день ограбления вот этими деньгами. Новенькие. Серии и номера совпадают с теми, которые отправил банк в сберкассу. Уже кое-что. Возьмите, к делу присовокупим. Приметы бандюганов мне офи-

цианты дали хорошие. Буду искать. Уже легче. Теперь схожу в центральный ювелирный и в «Березку». Ну, и далее по обстоятельствам.

Зазвонил телефон.

– Лысенко, – ответил командир. – Понял. Записываю. Хорошо. Сейчас направлю туда Маловича с Тихоновым.

Что там? – кивнул Александр Павлович на телефон.

– На окружной дороге вокруг города носятся двое мотоциклистов. Один не может догнать другого и стреляет в него из двустволки. Второй гонит впереди и отстреливается от него тоже из двустволки. Через плечо стреляет. А там людей полно, на окружной. Давай, Шура! Обоих возьми живьём. Вот козлы же, а!

Малович не стал отвлекать Тихонова сел на мотоцикл и рванул на окружную. Остановился перед мостом через Тобол и стал ждать. Минут через десять услышал мотор мотоцикла «ИЖ-56» и два выстрела. Он отогнал свой крупный «Урал» к маленькому дому, выбежал на дорогу и лёг поперёк неё лицом вверх в белых штанах и такой же рубашке. Мотоциклист начал гнать Шуру матом с асфальта еще за двести метров. Как только заметил. Но Шура не шевелился.

Второго мотоцикла пока слышно не было. Первый тор-мознул перед лежащим, поставил свой «ИЖ» на подножку, схватил Маловича за ноги и хотел стащить на обочину. Малович в движении сел на задницу и руками дёрнул мужика за обе ноги на себя. Мужик рухнул, Шура дал ему по шее ребром ладони, взял ружьё, подтащил мужика к его мотоциклу и присел за ним. Тут вылетел второй. На мотоцикле поменьше – «К-175 Б». Он увидел затор на дороге и снизил скорость метров за двадцать до мотоцикла. Александр Павлович проверил – заряжена ли двустволка, быстро выставил ствол, прицелился в колесо и выстрелил. Попал. Второго, который догонял, занесло на пробитом колесе и он при малой скорости завалился набок.

Правую ногу придавил своим транспортным средством. Малович забрал у него ружьё, тоже дал по шее, нацепил наручники, потом вернулся к первому и также украсил его кисти «браслетами». Потом оттащил их технику с дороги, загрузил обоих в коляску и привёз в отделение. Дежурный записал ему задержание в одиночку двух вооруженных людей, ведущих стрельбу на улице. Малович отвёл их в третью и шестую камеры, сказал сержантам, чтобы пригнали от моста два мотоцикла и пошел к командиру.

– Поганцы задержаны. Находятся в камерах номер три и

шесть. Пусть Тихонов ими займётся. А я в ювелирный пойду. В «Рубин» Там мне как раз до вечера работы будет.

– Ну, молодец, что стрелков задержал – Лысенко пожал ему руку. – Никто не пострадал?

– Не... – зевнул Шура. – Эх, давно в ювелирном не был.

– Заодно Зинке брошку с бриллиантами купишь.

– Я их, бляха, и не видел никогда. Да и Зина тоже. Мы ж из деревни. Кольца свадебные и то из серебра недорогого. Куда нам до бриллиантов. Ладно, простите, если что-то сегодня не доделал.

И ушел в сопровождении хохота командира.

20. Глава двадцатая

В ювелирный Александр Павлович не успел. Магазин до семи вчера открыт. Только к карманнику Холопу удалось добраться часам к девяти. Шура уже вышел во двор милиции, вспомнил как зовут директора «Рубина» и завёл мотоцикл, но уехать не дал посыльный сержант. Ему начальник «угро» крикнул по рации, чтобы Малович моментально вернулся к нему в кабинет.

Шура взял у сержанта рацию.

– Сергей Ефимович, я же в ювелирный собрался, но сперва хотел переодеться. Этих мотоциклистов, которые дуэль устроили, я же остановил когда поперёк дороги лёг на спину во всём белом. Так на мне штаны сзади не белые уже. И рубашка тоже. Вы не заметили? Асфальт-то грязный. В ювелирный уже не красиво в таком виде появляться. Престиж МВД уроню.

– Потом, потом, Шура, сгоняешь переодеться, – кричал подполковник. – Срочная работа для тебя.

– Григоренко пошлите или Ляхова. Ну, есть же свободных человека три. Я знаю.

– Можно было бы, так и послал бы! Умник! – Лысенко горячился и фразы из него вылетали скороговоркой. – Бегом ко мне. Это только для тебя работа.

Малович отдал сержанту рацию, сказал: «Твою мать» и глянул на небо.

Июль всегда ухитрялся поменять внешний вид всего, что росло, ездило, ходило и стояло в виде недвижимых предметов. Домов и памятников Ленину, рабочим и колхозникам. Небо становилось глубже. Ближе к земле оно окрашивалось горячим солнцем в тёмно синий цвет, а, удаляясь, постепенно голубело, и там, где ночью перемигиваются звёзды, становилось почти белым. Листья серебристых тополей во дворе под тёплым тихим ветерком поворачивались серебряными сторонами медленно, на пару мгновений делая невидимой жгучую зелень «виридонового» тона, который обожают художники.

– Давай, бегом! Давай, нарушай правила, превышай скорость или он, сучок ломаный, ей горло перережет, – кричал Лысенко. – Пьяный придурок с рюкзаком влетел в маленький магазин на углу Текстильной и Седьмого ноября, показал продавщице большой нож и перелез через прилавок. Набил рюкзак под завязку водкой и уже собрался лезть обратно. Тут на крик тёткин выскочил из подсобки сторож.

Он ещё на вахту не заступил. Просто раньше пришел и пил с грузчиками чай. Сторож имел берданку, хоть директор магазина говорил ему, что это «не положено». Он дуло нацелил на ноги грабителя, а тот схватил тётку, нож приставил ей к горлу и сейчас стоит с ней возле двери на улице, рюкзак полный не бросил, за спиной на лямках висит. А сторож целится ему в ноги и кричит грузчикам, чтобы они вызвали милицию. Хотя они давно уже и вызвали, де ещё в красках дежурному нашему рассказали всё, что я тебе передал.

– Бляха. Не успею в ювелирный. Хотя... – Шура наморщил лоб.– Они выручку вообще раз в месяц сдают. Ну, тогда я в этот магазин полетел. На работу не вернусь. Мне вечером к карманнику Холопу надо, во как! Его кто-то уговорил свою шмару послать в сберкассу. Узнать, чего мы нарыли на преступников.

Через десять минут он был уже почти рядом с магазином. Кустанай – город хороший, но маленький. На приличной скорости с запада на восток областной центр можно было проскочить меньше, чем за полчаса. Мотоцикл оставил возле дома перед углом и пошел посмотреть, где кто как стоит и кто что делает. Ну, вполне драматически смотрелось противостояние сторожа, продавщицы и грабителя. Шура глянул на крышу. Одноэтажный кирпичный дом сверху покрыт был

ребристым шифером.

– Это что, пока не работает магазин? – крикнул он всем сразу. – Мне хлеба две булки!

– Вали отсюда! А то отпилю этой шавке головёшку! – истерично заверещал пьяный парень, по возрасту – армейский дембель. – Жри без хлеба сегодня. Или в «гастроном» чеши. А ну! Пошел! А ты, защитник, дуло убери, падла.

– Ага! – возмутился сторож. – Я уберу, а ты ей горлышко – чик и через забор. Я тебе даже если в спину попаду – меня посадят. А в ноги – можно. Но ты, пьянь драная, дальше шустрить всю жизнь будешь уже на костылях. Уловил?

Шура дослушал монолог сторожа, уже поворачивая за угол. Он перепрыгнул через низкий штакетник, наступил на ромашки, которые почти сразу выпрямились, и подошел к берёзе, с обратной стороны магазина посаженной хозяином следующего жилого дома. По берёзе он поднялся до крыши и аккуратно на четырёх точках перевалился через «конёк». Увидел его только сторож. Шура помахал ему рукой и прижал палец к губам. Ткнул себя в лицо пальцем и скрестил руки. Не смотри, мол, на меня. По направлению дула определил Малович где стоит преступник с жертвой и очень тихо, медленно дошел до кромки шифера. Потом заправил ру-

башку поглубже в брюки и прыгнул.

Получилось так, что он летел и видел куда приземлится. Прямо перед рукой с ножом и посиневшим от страха лицом продавщицы. Парень целиком отдался ругани со сторожем и опасности ждал только от него. По крайней мере, о том, что кто-то спорхнёт на него с крыши он вряд ли думал. Малович снизу быстро протолкнул свою руку под локтем парня и между ножом и горлом сразу появилась дыра сантиметров в десять. Лево́й рукой Шура толкнул вбок тётку, а правой из-под локтя потянул руку грабителя вниз. Парень, естественно, наклонился вправо и равновесие потерял. Александр Павлович лево́й прихватил его за локоть, а правой сильно ударил по кулаку, в котором был зажат нож. И он улетел, кувыркаясь в воздухе, почти к ногам сторожа. Шура заломил руку похитителя водки за спину на рюкзак, достал из заднего кармана наручники и подтянул на излом левую. Защёлкнул «браслеты». Продавщица поняла, что она победила и с размаха раз пять крепко въехала парню по физиономии.

– По ногам, отец, можно стрелять. Ты ж на работе. Оружие вам положено, – Малович посадил парня на ступеньки и подошел к сторожу. – Это ваши начальники перестраховываются. Если ты его застрелишь, тебя вряд ли посадят, но затаскают начиная с нашей конторы, а я из уголовного розыска, кончая судом. А если в ногу ранишь, то сперва к нам попа-

дѣшь. И мы против тебя возбуждать дело не станем. Ты охранял доверенный тебе нужный всем государственный объект. Понял?

Он взял мужичка за воротник, дотащил до коляски, за вѣл мотоцикл и вскоре сдал задержанного в камеру предварительного содержания под стражей. Дежурный записал ему пятьсот тридцать шестое задержание вооруженного преступника в одиночку и Шура поехал к вору-карманнику Холопу. Очень нужным и важным помощником мог оказаться карманник. От него можно было добраться до инициатора ограбления сберкассы.

По дороге на улицу Чкалова попалась ему бывшая одноклассница Нинка Соболева. Шла она, судя по одежде и вполне агрессивной раскраске лица тональным кремом, тушью, тенями и помадой, на вечеринку или день рождения.

– Саня! Малович! – закричала она и стала размахивать маленькой розовой сумочкой с длинным ремешком. Шура остановился. Нинка плюхнулась в коляску как в ванну с тёплой успокаивающей водой и модной пеной, которая из простой жидкости во флаконе превращалась в нечто, похожее на весёлые облака без дождя. – Довези меня до Кирова, сто двадцать восемь.

Надо было ехать обратно и потом подняться в верхнюю часть города. Но Холоп и Света обещали его ждать.

– Привет, Нинка, – чмокнул Малович одноклассницу в щёчку и его губы стали ужасно пахнуть тональным кремом. Нос-то рядом. Уловил сразу. – Гуляешь? Всё не замужем?

– А вот ты Зинку брось. За тебя пойду. Тут на область натурально таких как ты штуки три. Где их найдёшь? А ты вот он, – Соболева потянулась к Маловичу и задела его волосом. Прибавился на рукаве рубашки сверлящий обоняние настой горьких трав и сандалового дерева от духов «Climat Lancome » и лака для волос.

– Зина уже вопросы будет задавать. Как я этот запах духов вытравлю? В автобусах не езжу. Преступники – мужики в основном. От них прёт водкой, а не заграничными духами, – Малович улыбнулся.

– Да, ну и ладно. Не бросай Зинку. Но порядочный джентльмен должен иметь пассию. Ну, любовницу. Для души. Однообразие же. Ты с Зинкой живёшь уже одиннадцать лет. Одуреть! Вроде недавно оплакивали её трояк по русско-му, а когда это было! Ужас как годы ускользают. Сань, давай теперь встречаться будем. Я не напрашиваюсь, но ты сам прикинь. Я хороша, с кем попало не сплю. А ради тебя всех

пошлю. Подружим, сколько протянем. Давай, а!? Мне прямо жаль тебя. Такой мужик и без любовницы. Скажи кому – не поверят.

– Ну, пару дней дай подумать, – засмеялся Шура. – У меня не одна Зина. Мама живая ещё. А мама заругает, если узнает. Вот маму я боюсь. Короче – я подумаю. Ты всё на кондитерской фабрике?

Нинка кивнула.

– Я тебя найду.– Шура притормозил. – Вот Кирова, сто двадцать восемь.

Нинка встала в коляске обняла его и крепко поцеловала в щеку.

– Ну, всё! Жду! Приезжай. У меня и квартира прекрасная. Ладно, побежала. А то начнут без меня, сволочи.

Теперь Малович источал ароматы духов, лака для волос, пудры, помады и еще чего-то сладкого.

– Она же в карамельном цехе вроде. Ну, попал я. Теперь надо придумать, что Зине сказать. Хотя – скажу как есть. Она-то Нинку помнит. Ещё та фря была с девятого класса.

К Холопу со Светкой он попал, как и предполагал, к девяти вечера. Они налили ему чай, поставили вазочку с клубничным вареньем и блюдо с вафлями.

– Ну, Евгений Батькович, помоги мне маленько. Зачтётся при случае. Ты ж меня знаешь.

– Александр Павлович, – Холоп глотнул чая и похрустел вафлей. – Там длинная цепочка. Конца я не знаю. Но два звена засвечу. Если, конечно, мне зачтётся. Хотя я-то «лопатники» стригу, да по ширме работаю. Не ваш профиль. Как вы мне подсобите, если вдруг чего?

– Женя, у нас в «уголовке» звон обо всём одинаковый. Домушники, коих много, карманники и убийцы пойманные, сразу – на первой же планёрке у шефа становятся всем нашим известными. Мимо моего уха твоя фамилия не проскочит, Холопченко.

– Тады, короче, так, – Холоп внимательно поглядел на Маловича. – Меня попросил, чтобы Светка «мусорской» женой прикинулась и выловила что-нибудь нужное, Муха. Работает на базаре рядом со Светкой. Вот же хмырь толковый! Берёт три карты. Три шестерки. Показывает лоху. Кладёт одну на другую вверх «рубашкой» И говорит: вынь шестёрку. Чер-

вонец на кону. Тянешь шестёрку – берёшь у меня червонец. Тянешь любую другую карту – платишь ты. Тот тянет и вытягивает даму пик. А её там и близко не было. Так, главное, у него любая одежда по локоть закатана. В рукав не заныкаешь. И всегда только три карты в руках. Вот как это?

– Фокус? – улыбнулся Шура

– Шулерский экстра класс, – Холоп щёлкнул пальцами. – Ну, а его попросил Кудрявый из крутой блататы. На нём и его кентах «мокрухи» – лучше не называть. Но и не он крайний. Вот его уговорил конкретный исполнитель. Из тех, кто громыхнул сберкассу. Его я не знаю и Кудрявый не называл.

– Говори, где искать Кудрявого. Как выглядит и как его фамилия?

– Не знаю фамилию. А так... Ну, высокий, на носу родинка. Лысый. Ему сорок лет, а облысел в двадцать пять. Бывает же. Ну, а торчит он вечерами в «лихоманке». Тошниловка такая по дороге в аэропорт. Он там вечерами «американку» стучит. Кий у него свой. Счастливый. Кудрявый всегда выигрывает. С ним никто за стол вставать не рвётся.

– Ну, спасибо, Женя и Света, – попрощался Малович. – И варенье – во! И информация толковая. Пошел я. Ты акку-

ратнее, Жека. Не попадайся.

А попадешься – подмогну.

– Счастливо Вам, Санпалыч, – сказали Холоп и Светка дуэтом.

Шура вышел и поехал домой с надеждой, что с утра командир опять его куда-нибудь не забросит убийц отлавливать. Страсть как надо было посетить ювелирный магазин «Рубин» Самый богатый в области.

Вечером летним или январским Кустанай в центре своём всегда собирал массу гуляющих. Что это за феномен такой – ни местные не знали, ни временные гости города. Ведь и гулять-то особо негде было. На квартал от обкомовской площади, с которой огромный бронзовый Владимир Ильич показывал путь в прекрасное далёко, лежал парк культуры и по нему бродил культурный народ. Пил пиво и зимой, и в тёплые июльские вечера, катался на колесе обозрения круглый год и танцевал под духовой оркестр, который, кажется, парк не покидал никогда, в нём ночевал и зимовал.

Без обкома партии город ещё можно было себе представить, но отсутствие в парке духового оркестра огорчило бы население так крепко, что самые слабые нервами могли даже с собой покончить. Тихой ночью пронзительный голос трубы

и трепещущий звон медных литавр долетал до всех окраин, но спать не мешал, потому, что граждане Кустаная имели почти на середине города здоровенный завод химического волокна. Над заводом торчала огромная, почти как телевышка, труба. Работала она три раза в сутки, спуская лишний пар. И вот когда ночью оператор нажимал рычаг и пар вырывался в вечное небо, то было это похоже на то, что планета умирает и испускает последний дух. Фантастическим и страшным был голос заводской трубы. Но народ к этой производственной истерике привык и спал сладким сном. Куда уж литаврам из оркестра до трубы этой!

Шура ехал медленно левее парка по асфальту улицы Ленина, огибая дефилирующую публику, одетую как на праздник, почти трезвую и пахнущую одеколоном «Шипр» да духами «Быть может» плюс «Пани Валева». Что заставляло жителей милого городка, не сговариваясь, добираться с окраин в центр и просто ходить допоздна большими толпами, перешептываясь о чём-то своём и кланяясь встречным знакомым – неизвестно было ни партийно-советским инстанциям, ни милиции. Даже профсоюзные работники не догадывались.

Приехал он домой почти в полночь. Зина по инерции поцеловала его почти с разбега, но сразу же отшатнулась и с ужасом оглядела мужа от кончика тупфи до самого высокого

вихра на волнистом волосе.

– Ты, милый, никак присоединился к лучшей части мужского человечества?

Прилепился к любовнице? А то я уже переживать стала – чего это на моего красавца и орденосца не клюют шалавы? Ну, слава богу! Теперь ты как все нормальные мужья – бабник и предатель.

– Зин, – сказал Малович и онемел. Он все запахи от Ники и от гуляющих по вечернему городу вдруг разнюхал сам. Это было ужасно. Мерзкий коктейль из прекрасных духов и тонального крема в смешанном виде напоминал запах протухших помидоров, картофельных очисток и заветревшего свиного мяса.

Они стояли напротив молча и долго. Минут десять.

– Зин, – снова сказал Шура. – Какая любовница? Любой тебе у нас на работе скажет, что я «белая ворона». Потому что все любовниц имеют, а я нет. Ну, в уголовном-то розыске ничего не скроешь. Мы ж там все ищейки легавые.

Нет у меня никого.

Зина ушла на кухню.

– Нинку Соболеву из нашего класса встретил, – Шуру, скосило, скривило от того, что выпал хреновый случай. Надо было оправдываться. Но обратного пути не находил он. – Она меня остановила. Я на мотоцикле ехал. И попросила подвезти. Она на вечеринку опаздывала. Я подвёз. И она по дружески, чисто по приятельски меня обняла и чмокнула в щёку. Поблагодарила. Вот эти все запахи от неё. Измазала и обрызгала себя всем, что продают в отделах парфюмерии. Не знаешь Нинку, что ли? Вся такая – на понтах, на шарнирах и винтах. Кривляка, мля!

– Саня, – жена стала накрывать на стол. – Ты же знаешь. Я вижу всё. И всегда предсказываю, как будет. У тебя никого нет. Это да. Хорошо. Но эта корова Соболева уже пальцем тебя поманила, уже начала напрашиваться в любовницы. И будет липнуть к тебе ещё месяц. Не хватало нам в семье ещё этой козы. Чтoб немедленно послал её подальше твёрдо и в строго заданном направлении. Всё. Ужинать садись. Хотя, блин, скоро и завтрак уже. Когда ты уже полковником станешь, чтобы сел в кресло и как все люди работал до шести!? Так ещё три года ждать. Ну, в общем, ты меня понял. Появляется любовница – теряется семья. Не пропустил? Услышал?

– Да! – вскрикнул обрадованный Малович, роняя изо рта в тарелку кусочек котлеты. – Никогда и ни при каких. Как

говорят мои задержанные, «зуб даю!»»

Виталик вышел из своей комнаты на громкие голоса. Заспанный и уставший на вечерней тренировке.

– Па! – спросил он, глядя на улыбающуюся маму. – Тебя не ранили, нет?

– В душу маленько влетело дробин, – Шура прижал сына к груди. – Но дробь мелкая. На воробьёв. А я кто!

– Волчара позорный. Волчина! – засмеялся Виталик и ушел досыпать.

Александр Павлович скинул с себя отравленную парфюмерией одежду, помылся в душе, нацепил махровый халат, в зале подхватил жену на руки и унёс в спальню. Началась нормальная домашняя ночь.

Утром Малович приехал в ювелирный магазин-гигант «Рубин» к самому открытию. Сторож отмыкал большим круглым ключом наружную фигурную чугунную решетку, потом дубовую со стёклами дверь освобождал от замка ключом маленьким, тянул её на себя и третьим инструментом, напоминавшим отмычку, освобождал створки решетки внутренней. Потом выключил сирену, которая начинала

выйти на весь город, если решетки ломали или резали автогеном. На крыльце привычно ждали директор Яшин Никита Антонович, бухгалтер и продавцы. Их Шура не знал.

– О! Товарищ милиционер! Товарищ Малович! – почему-то обрадовался директор Яшин. – Бриллианты? Изумруды? Есть агатовые колье для вашей супруги.

Шура протянул руку и поправил на себе серый льняной пиджак, под которым очень симпатично смотрелась голубая рубаша с модным удлиненным воротником.

– Это я обязательно куплю с генеральской зарплаты, – улыбнулся он. – То есть уже скоро.

Все засмеялись и вошли в зал.

– Никита Антонович, сберкассу ограбили. Вы в курсе? На сто семь тысяч нагрели государство.

– Знаю. Знаю, – помрачнел директор. – Когда же вы этих сволочей переловите? Я себе вон сколько загородок от них придумал. И на окнах решетки в палец толщиной. Замурованы в бетонные косяки. И то каждое утро еду сюда и боюсь. Не дай бог!

– Центральный банк переписал мне номера и серии всех отправленных в сберкассу купюр. В ресторане «Турист» грабители пропилили-проели сто тридцать восемь рублей с копейками. Отметили фарт. Остальные деньги они хранить или тратить уже не могут. Сто с лишним рублей от общей суммы – гроши. Начальство ресторанное могло со стороны и не обратить внимание на номера и серии. Это я сам пошел к ним и мы вместе их нашли, деньги украденные.

А вот остальные они должны обезличить. Превратить их в маленькие, удобные для хранения и вполне пригодные для продажи барыгам, скупщикам краденного, вещицы. Девяносто пять процентов за то, что это ювелирные изделия. Давайте посмотрим сколько и чего да на какую сумму продал магазин золота и камней за три последних дня.

– Идем в бухгалтерию, – директор взял Шуру под руку и повел в конец коридора, с левой стороны зала уходящего метров на двадцать вдаль. К кованой двери в подвал. Кабинет бухгалтера был прямо перед этой дверью.

– Меня зовут Лидия Борисовна, протянула руку сидя женщина без украшений. В скромном трикотажном платье-костюме. Что именно Вас интересует? Выручка за вчерашний день – двести сорок три тысячи. Позавчера продали больше. На триста тридцать одну тысячу.

– Вот давайте исследуем позавчерашние продажи, – сказал Малович. – Что продали конкретно и что сколько стоит – как узнать?

– А у девочек в журналах всё отмечено. Число – когда продали, название вещи и цена. Я сейчас принесу журналы.

– А так разве найдёте? – удивился Яшин, директор.

– Мне важно, чтобы деньги от продаж за эти дни не увезли в банк инкассаторы. У вас банк какой? – Малович стал разглядывать записи в журналах. Бухгалтер вернулась через пару минут.

– Филиал Алма-Атинского Госбанка, – сказала Лидия Борисовна. – А деньги мы будем сдавать им ещё через две недели. Ну, вот, смотрим. Будем выбирать одинаковые по сути, но разные по размеру или вставленным камням.

Вот перстней с бриллиантами в один приём продали на сорок тысяч. А тут что у нас? А! золотые цепочки с золотыми медальонами. Сразу купили на пятьдесят три тысячи. И... Так... Ещё вот большой закуп – золотые и платиновые кольца разных размеров. Это у нас на сколько? А! На одиннадцать тысяч семьсот рублей. Итого – на сто четыре тысячи семьсот рублей.

– А деньги эти увидеть можно? – Шура уже не сомневался, что четвертаки и десятки с ограбления здесь, в ювелирном. – И пусть продавцы выпишут мне названия и внешний вид купленных цацек. Камни пусть назовут, пробы золота. Я их у барыг найду. Постараюсь.

Без особого энтузиазма директор распорядился всё выписать точно так, как милиции надо и открыть хранилище.

– Так. Вот Вам три ключа, – достала из своего сейфа связку Лидия Борисовна. – Мне с вами идти?

– Обязательно, – кивнул Александр Павлович. – Мне нужны деньги вот с этими номерами и сериями. Я думаю, что все вот эти покупки за один раз сделаны на деньги с грабежа сберкасс. Не побоялись столько потратить в одном месте. Хотя нашим продавцам по фигу. Да?

Спустились в хранилище и директор достал из большого сейфа брезентовый саквояж, на ручке которого висела прикреплённая ниткой табличка. На ней – число и сумма. Открыли, разложили деньги на большом столе, обитом мягким плюшем.

– Втроём вот сюда, на правый угол, складываем самые све-

жие на вид ассигнации, – Яшин потер руки, бухгалтерша тоже. – И вы, Александр, тоже ладони разотрите. Тёплыми руками легче раздвигать и вытаскивать нужные купюры.

Процедура заняла половину часа. Посчитали. Денег было сто четыре тысячи. Семьсот рублей десятками искали ещё сорок минут. Сверили номера и серии. За час всего. Всё совпало. Это были деньги из сберкассы.

– Лида, ты сложи остальные и в сейф закрой. А мы пойдём в мой кабинет, – завершил операцию поиска нужных купюр директор Яшин. Он их сгрёб в стопку, забрал и понёс на вытянутых руках.

В кабинете они выпили по пятьдесят граммов коньяка и съели две конфеты «Грильяж в шоколаде».

– Вот эти деньги вы отправьте завтра же в «Центральный» банк. Нарочным. Пусть отдаст лично директору и скажет, что деньги с ограбления, – Малович с трудом прожевал «грильяж». – Три тысячи грабители профукали. Пропили, в карты продули и на бильярде проиграли. Их мы не найдём. Считай – естественная убыль. Усушка – утряска. А я директору «Центрального» завтра скажу, и они вам пришлют другие купюры, но столько же. Хотите – наличными привезут?

– Лучше налом. У нас инкассация «живые» деньги забирает. Нарушить можно, но с Алма-Атой долго согласовывать.

– А я буду искать драгоценности. Сколько найду – привезём вам. Куплены они на ворованные деньги, значит, и у вас их украли. И будет вам неожиданная прибыль. Вы мне дайте одну, но точно такую же цепочку с медальоном. Я принесу через пару дней. Мне надо барыге показать и прикинуться, будто один чудак у него купил. А цепочка куплена на деньги с ограбления сберкассы. Только о возвращённых вам драгоценностях рассказывать потом никому не надо. Хорошо?

Яшин кивнул. – Ну, какие хитрые же у вас в милиции методы. Зато ведь правильные. Просто так никто сам не признается. – С директором «Центрального» я все бумажные формальности решу и вам справку выпишу, что лично вы, Малович Александр Павлович, нашли деньги с ограбления сберкассы. Это Вам для отчёта перед своей конторой.

Они попрощались и разошлись. Шура вышел в город и уже почти решил сразу же ехать в «лихоманку-тошниловку» и там на бильярде поймать Кудрявого, скрутить и привезти его для допросов в «уголовку». Но потом передумал. Кудрявый – не фраер дешёвый, а такой же волчина, только из блатного мира. И возни с ним может быть много. Просто так он

Шуре в ручки не упадет и свои не протянет, чтобы на них «браслеты» повесили.

А Малович сегодня устал. Не понятно, правда, от чего. Но брать опытного преступника надо со свежими силами.

И поехал он на работу составлять отчет о проделанной за неделю работе. Купил халвы, лимонада, печенье «курабье», чтобы подсластить горький и неблагодарный бумажный труд. Улыбнулся, представляя завтрашнюю схватку с Кудрявым и дал газу в направлении УВД.

21. Глава двадцать первая

Кабинетный рабочий день полз как тяжело раненый во все части тела боец, пытающийся с вражеской территории перебраться к своим и умереть рядом с нашим врачом в медсанбате. К шести часам вечера Александр Павлович обнаружил, что в общий отчёт пишет что-то не то, вылавливая из небрежно, хаотично раскиданных докладных и рапортов первые попавшиеся на глаза строчки. Прочёл всё изложенное для начальства за последние полчаса, ахнул, порвал отчёт на мелкие фрагменты и смёл их со стола на газету, скрутил из неё кулёк, сдавил покрепче да печально похоронил плоды неудачного труда в проволочной корзине, где отходов накопилось почти доверху.

– Рожденный ползать летать не сможет, – обозлился на себя Шура. – Надо Борьку, брата, просить. Он корреспондент газеты. Для него попытка ручкой и бумагой – удовольствие, удовлетворение от единственно любимого дела.

Шура решил пойти к брату завтра с пачкой исходных бумаг. И Борька отчёт из них сделает такой, что хоть на всесоюзный конкурс писателей его отправляй. А сегодня придумал Малович рано появиться дома. Вот прямо сейчас стар-

товать и появиться на кухне раньше жены, сделать яичницу с сельским салом пожаренную, открыть банку маринованных огурцов, разложить их красиво на большом блюде и всем этим Зину крупно обрадовать.

Пришел, сел на кухне к окну и долго разглядывал трёх воробьёв на ветке тополя, которые не могли по очереди выклевать из трещины то ли букашку, а, может, кого-нибудь покуснее. Попутно наблюдал Александр Павлович воробьиную делёжку. А в основном размышлял. Не исчезал из его раздумий уркаган Кудрявый. Не было повода его задерживать. Ну, гоняет он шары в «Лихоманке». На деньги, да. Но с шестьдесят третьего года игру «на интерес» для бильярда разрешили.

Ну, к чему полегче прицепиться, чтобы Кудрявый не послал его подальше, а повиновался и пошел с ним в комнату для допросов? Остановился на том, что надо проверить у него документы. Точнее – прихватить всех, кто там будет, перечитать все паспорта и справки об освобождении. А всего к троим, чтобы не спугнуть Кудрявого, прицепиться. У блатных в документах всегда можно найти какую-либо нестыковку. Вот ГАИшники умеют же! Если ты на работника ГАИ огрызнулся сверх нормы, то он хоть что-нибудь, да найдёт в машине, чтобы дырку пробить в техталоне. А чтобы проверка документов смотрелась правдоподобно и называлась пла-

новой, надо взять с собой Вову Тихонова и трёх сержантов с оружием.

– Во! Так и надо сделать! – Шура повеселел. – Я у него в документах обязательно что-нибудь неправильное выловлю.

Пришла Зина.

– Саня, случилось что-то? Тебя на должность полковника посадили? Ты ж раньше шести дома появился, да?

– Да писал отчёт. Чтобы, блин, подошли все, кто придумал этот садистский приём мучений честных офицеров и ни в чём не повинных гражданских. Я не выдержал. Семь страниц написал какой то фигни, порвал отчёт и сбежал. Мне завтра надо «колоть» одного из наводчиков на сберкассу, а Лысенко пристегнулся ко мне с этим отчетом и послезавтра его ждёт от меня. Дам завтра Борьке бумажки. Он за полчаса изобразит нашу борьбу с гадской преступностью очень живописно. Слезу будет Борькин текст вышивать даже у генерала.

Зазвонил телефон.

– Малович слушает, – Шура сел в кресло. – А, это ты, Нинка! Привет. Слушаю.

– Саня, приветик! – радостно пропищала Нинка Соловьёва. – Давай вечером встретимся. Возле кинотеатра «Сорок лет Казахстану». В киношку ходим. Потом в «Колосе» посидим, винца марочного хлебнём. Погуляем после марочно-го. Ты же сегодня никаких бандитов не ловишь?

– У меня поезд через два часа, – Шура от неожиданности вспотел. – Меня на курсы повышения посылают в Караганду. Неделю меня не будет. Или две. Потом я тебя сам найду. Ну, пока...

И он аккуратно уложил трубку на рычаги.

– Я тебе говорила, что она сама не отклеится от тебя, Соловьёва эта, шваль неприкаянная, – Зина остановилась напротив мужа. – Я тебе говорила. И с чего бы ты её сам будешь искать? Саш, ты меня пока не дуришь, но эта профура может тебя измором взять. И звонит уже не в первый раз, да? Рабочий номер знает, конечно? Ну, стало быть, понесло тебя, кобеля!?

Тогда давай так сделаем. Я и Виталик поедем поживём у Борьки с Аней, а ты кроме ловли преступников ещё и Нинку от себя отрываешь. Как головку от подсолнуха. Как погоны с офицера, который честь потерял.

– Во, ария из оперы, блин! – психанул Александр. – Ты же

всё видишь как рентгеновский аппарат. Ну, знаешь же, что я с Нинкой роман не кручу. И видишь, что и не буду крутить. А то, что она липнет, так пойди и по морде дай. И успокойся.

– Виталик, в рюкзак сложи всё, что тебе нужно на неделю. Потом остальное заберём, – Зина собрала свои вещи в спортивную сумку Маловича и они с сыном ушли.

– Ну, с Нинкой сегодня я уже не переговорю, – прикинул Шура. – Завтра, похоже, не получится никак. Сколько с Кудрявым возиться буду, пёс его знает. Съезжу к ней на кондитерскую через день. Тянуть не стоит. Привыкнет жена отдельно жить – потом из девичьей жизни одиночной не вытащишь. Хотя, думаю, этот концерт на две-три недели. Как, блин, Нинка эта нагло работает! Домой звонит запросто. Телефон узнать – раз плюнуть. Жену вообще не опасается. А знает, зараза, что Зинка ещё та тётка! Волосья при надобности все вырвет сопернице нелегальной и нахальной. Шура действительно не желал иметь любовницу. Ну, вот не хотел другую! И всё! Значит, и так бывает.

Есть он не стал. Выпил бутылку лимонада. Позвонил Тихонову. Сказал, чтобы завтра в полной форме и с пистолетом был у Лысенко, у командира. И чтобы командир дал ему для акции проверки документов трёх сержантов-автоматчиков. Предстоит поймать под этим соусом одного из наводчиков

ограбления сберкассы. Тихонов ответил, что в десять утра всё будет готово.

– Поедем в обед на нашем «Газ-69» в «Лихоманку», где блатные гужутся. Рядом с аэропортом кафе старое, – Шура зевнул. – А я сейчас схожу к Николаеву из отдела паспортного контроля, узнаю, как повернуть мою задумку получше. Чтобы был нужный эффект.

У Николаева он узнал несколько хитрых приёмов, которые помогают доколотаться до любого человека. Даже если он паспорт получил вчера и никому его ещё не показывал. После чего вернулся, прочёл всю газету «Ленинский путь» и уснул рано. Включил телевизор и под светлые звуки классической музыки в исполнении струнного квартета мгновенно вырубился. А проснулся в семь под голос диктора из серьёзных «Последних известий». Диктор добросовестно рассказал то же самое, что и вчера. Шура его заглушил, сел на мотоцикл и не спеша двинулся на работу.

Никто ещё пока толком не объяснил народу, почему с утра люди злее, чем вечером. Вот насчёт преступлений многие, не знающие вопроса, крепко заблуждаются. Думают, что чёрные дела только под покровом тёмной ночи таятся и происходят. А вот Малович триста сорок семь задержаний вооружённых преступников провёл утром. Часов до одиннадцати

что-то не так внутри душ и умов граждан. Потом отпускает.

К обеду народ почти уравновешен, думает о пожарских котлетах в столовой и насыщенном компоте из сушеных яблок. Ждет вечера, когда можно глотнуть литр пива по дороге домой из желтой бочки на улице или в забегаловке, где и рыбку вяленую продают кусочками. А ещё вечером телевизор может окончательно приласкать психику трудового человека художественным фильмом о неразделённой любви или фигурным катанием, которое и зимой и летом дает советским гражданам шанс увидеть много молоденьких девушек в плавках.

Девушки в воздухе широко расставляют ноги и выделывают ими всякие кренделя. И нормальному мужичку, несколько не переозабоченному, имеющему ежедневную возможность наблюдать жену в любом виде и положении ног, всё равно хорошо. Внутри пиво, на экране катание с фигурами или балет, на который часто отвлекаются из кухни и жены, поскольку балерин они в это время совсем не видят, а вот фигуристые юноши-танцовщики в белом трико балетном – это далеко не муж в семейных трусах.

Шура вспомнил этот феномен когда вошел в кабинет командира «утро» подполковника Лысенко.

– Шура, мать твою! Ты должен раньше начальства прибывать на службу и первым узнавать о касающихся тебя новостях.

– Ну, допустим. – согласился Малович.– Только без командира я новость могу понять не так и сделать с ней не то. Решает у нас командир – что с новостью делать и кого она касается. Если не прав я, разжалуйте меня до ефрейтора. Буду стоять и проверять в дверях УВД пропуска.

– Короче, – Лысенко вытащил из стола рапорт дежурного. – Достал ты меня разжалованием в ефрейтора. Кончай уже дурковать. Слушай дело. В семь утра киномеханик клуба «Заводской» вытащил из кровати жены любовника, хотя сам, подлец, всю ночь торчал у любовницы. Ну, навесил ему всего пару фингалов, после чего любовника сдуло попутным ветром. Вот это всё соседи рассказывают. Они утром рано во дворе развешивали бельё на верёвки. Жена с пяти часов всё постирала. Они вообще ложатся и встают рано.

И сосед Выдрин через низкий забор видел, как киномеханик с ружьём двадцатого калибра в руке выволок жену за кудри и поставил её к сараю. Выдрин думал, что он бабу свою неверную попугает, даст пару раз по хребту и они успокоятся. Но Витя Хорошевский прилепил бедолагу к стенке, отбежал и с десяти метров начал её как бы расстреливать. Выд-

рин рванул к автомату телефонному и всё рассказал дежурному.

Стреляет, мол, Витька, отлично, охотник отменный. Он вокруг жены – сверху, снизу и с боков всю стену изрешетил кучными выстрелами. Даже землю перед её ногами. Она дрожит и плачет, просит прощения. А у него патронов – дня на три в сумке. Он её вместе с ружьём притащил. Так-то ничего страшного, сказал сосед Выдрин, но вдруг чихнёт Витёк в момент выстрела и продырявит свою Людку.

Вот это всё выложил подполковник со страшным лицом и пугающими жестами Шуре, и дал бумажку с адресом. Улица Первомайская, шестнадцать.

– Злой народ с утра, – сказал Малович. – Любовник у неё был! А кто вместо него мог быть? Пропагандист Шевелёв из Дома политпросвета с лекцией «Как нам толковать учение Маркса, которое всесильно потому, что оно верно»?

– Ты мне приведи немедля стрелка-киномеханика. Насмотрелся фильмов типа «Лимонадный Джо», стервец. Не хочешь видеть у жены любовников – уезжай в пустыню Кызыл-Кумы. Там вообще никого. И сам не будешь ночевать у бабы незамужней. Стреляй в грифов и тушканчиков. Охотник, блин.

Малович приехал в адрес, пришвартовал свой «Урал» с коляской к воротам, открыл калитку и пошел к стрелку. Он стоял к Шуре спиной. Сумка с патронами на шее висела. Жена его от страха стоять уже не могла и сидела молча. Слёзы все вышли.

– Витя! – позвал Александр Павлович. Он был в форме, к Кудрявому же в обед ехать. – Кто ж так стреляет? В жену с десяти метров ни разу не попал. Спорим, что я лучше стреляю!?

Кинемеханик обалдел и положил ружьё на землю.

– Да я учу её, шалаву, уму-разуму! Пугаю заодно. Пусть боится и помнит, что за измену плотють кровью.

– А сам где ночью был? – улыбнулся Шура.

– Так я мужик! – поразился тупизне осведомлённого майора Витя. – На Людке-то рога не вырастут. Это бабы нам рога наставляют, и я чую, что один уже пробивается вот тут. Как у носорога будет торчать людям на смех.

– Вить, давай на спор, – хитрым голосом сказал Малович. – Вот монета. Двадцать копеек. Уношу её и ставлю воз-

ле выхода в огород на умывальник. Кидаем ещё одну монету. Пять копеек. Выпадет орел, ты первый сбиваешь двадцать копеек. Потому, что орёл у нас ты. Жену расстреливаешь. Герой. Так вот. Если сбиваешь ты, я уйду. А если промахнёшься и попаду я, то ты едешь со мной. Проведём с тобой беседу, штраф выпишем и гуляй. Ты же её убить не хотел?

– Хотел бы – убил. Тут делать не фиг, – зло сказал киномеханик. – У, сука!

Шура подкинул монету, поймал и разжал кулак.

– Орёл, – удивился Витя. Жена следила за начинающейся игрой с любопытством и страхом одновременно.

– Двадцать копеек – двадцать метров дистанция, – Александр подошел к умывальнику, поставил на ребро монетку и сзади подставил камешек маленький. Чтобы она не скатилась. Отмерил двадцать метров и дал ружьё Виктору. – Приготовься! По команде «огонь» дави курок.

Киномеханик усмехнулся, встал на точку, прицеливался минуту и после команды пальнул, но не попал. Сантиметра на два ниже впиалась дробь в алюминий умывальника. Малович снова поставил монету. Взял ружьё, сам себе сказал «пли» и сбил десять копеек, которые так далеко улетели, что

и не найдёшь.

– Ну, это я случайно, – сказал Шура серьёзно. – Ты стреляешь лучше. Вон гляди. Весь сарай вокруг фигуры Людмилы твоей просвечивается. В дырках весь. А её ты не зацепил ни разу. Я бы так не смог. Застрелил бы, скорее всего. А с монеткой мне просто повезло. Ну, так поехали. Ты же проиграл.

– Не посадите? – осторожно поинтересовался киномеханик.

– Штраф сто рублей и расписка, что если ещё раз попробуешь то же самое, то согласен на статью «покушение на убийство». Три года отсидишь всего. А ружьё конфискую на шесть месяцев. Проживёшь их без замечаний – отдадим.

Шура привез Виктора Хорошевского к Лысенко. Рассказал всю историю и предложил.

– Товарищ подполковник, ружьё на полгода, думаю, конфискуем, беседу вы с ним проведёте, штраф на сто рублей выпишите и расписку пусть напишет. Он знает что писать. По-моему, наказание есть, а преступления как такового не было. Просто хулиганство без последствий. Квиток об уплате штрафа он вам завтра принесёт. А я пойду. Мы сейчас

Кудрявого брать поедем. Разрешите идти?

– Задержание вооруженного на тебя записать? – крикнул вдогонку Лысенко.

– Не, не надо. Я его не задерживал. Он сам пошел со мной.

И Александр Павлович двинул к Тихонову, чтобы у него провести точный инструктаж с присутствием сержантов-автоматчиков. В два часа они выехали в сторону аэропорта. Народ группками шел на работу из трёх столовых. В этом краю построили много заводов и фабрик, а к ним для удобства трудовикам поставили три столовых, кафе, маленький кинотеатр, чтобы можно было перед прибытием домой окультуриться советским фильмом. С той же целью разместили прямо возле дороги библиотеку. «Лихоманка» стояла чуть глубже в квартале рядом с мебельным цехом. Она была здесь всегда. Забегаловка для конченных пьяниц. Здесь всё стоило дёшево, готовили плохо, но после разливной «бормотухи» плодоваягодной по цене рубль двадцать за литр вкусным было всё. В конце шестидесятых «тошниловку» отремонтировали на свои деньги блатные воры, украсили столовую изнутри и снаружи, поставили три бильярдных стола и наладили вкусное питание, собрав хороших городских поваров, которым и платили неплохо.

«Лихоманка» теперь удивляла даже эстетов, которых водили для «понта» туда специально. Мозаика на полу и стенах, импортные плафоны на потолке, над каждым игровым столом – специальное освещение. Ковровые дорожки на полу, кожаные диваны и кресла, а главное – ресторан, начинающийся сразу за последним бильярдным столом. В нём всё было как в лучшем городском кабаке «Турист». Изысканные блюда и такое же питьё. Там не было драк и матом ругались вполголоса. Разговаривали, правда, по «фене», но это убрать было невозможно по воровским понятиям.

Шура и Тихонов вошли первыми, а за ними, грохая сапогами, ввалились сержанты с автоматами. Народа было много. Ресторан забит, игровой зал тоже. Бегали симпатичные официантки в коротких юбках, играл в углу маленький оркестрик, из пяти музыкантов собранный, причём не исполнял он никаких уркаганских мелодий. Только советскую эстрадную и камерную зарубежную музыку. Когда вошли милиционеры, в первые пять минут всё остановилось. И официантки застыли у столиков, и звуки оркестра замерли под потолком. А через пять минут к Шуре подошел седой старик в шикарном твидовом костюме, в расстёгнутой белой рубашке, из-под которой почти до горла виднелась татуировка купола церкви с крестом. Он протянул Маловичу руку и спросил.

– Товарищи милиционеры не откажутся отобедать с нами

за счёт заведения?

Надеюсь, вы не намерены провести банальный шмон в культурном месте?

Держу ответ, что среди нашей публики нет людей с оружием, нет беглых и совершивших вчера преступление. Проходите, товарищи, даже те, которые с «пушками»

– Да у нас обычная плановая проверка документов, – улыбнулся Малович. – Час назад мы сделали её в кинотеатре. Остановили фильм на полчаса. И потом все продолжили отдыхать. Если вы не против, сейчас мы ненадолго прервём ваш досуг и проверим документы. А уж после отобедаем с удовольствием. Спасибо за приглашение.

Старик едва заметно поклонился только головой и пошел за свой столик у окна.

– Все документы, какие имеются, приготовьте к досмотру, – попросил Тихонов негромко. Но услышали все. Даже повара вышли с паспортами.

Проверяли молча, вопросы задавали только тогда, когда действительно, что-то было непонятно. Кудрявого Шура увидел сразу. Он стоял у стены напротив игрового стола, держал в левой руке кий свой личный, а в правой паспорт. К нему он и подошел. В паспорте всё было нормально. Кроме очень существенной детали.

– Вы, Алексей Иванович Голиков, были судимы? Судя по наколам на пальцах и запястье, были. Извините, можно взглянуть на вашу грудь?

Кудрявый быстро расстегнул все пуговицы на шелковой бирюзовой рубашке. Грудь украшала большая татуировка: змея и рядом большой крест, что означало авторитетное положение человека в блатном мире.

– Ну, уж простите и последнюю просьбу, – мягко попросил Малович. – Спину покажите.

Голиков повернулся и откинул рубаху назад. На всю спину разлеглась красивая церковь с шестью куполами и разными по величине крестами на них.

– Одевайтесь, Голиков, – Шура поднял сзади воротник рубахи и Кудрявый застегнул все пуговицы кроме верхней.

– Что не так? – спросил он без эмоций.

– Да нормально всё, – Малович вернул Кудрявому паспорт. – Вы в Кустанае по какому адресу прописаны?

– Улица Красноармейская, дом сто шесть.

– Капитан Тихонов, подойдите, – позвал Александр Вову. – Рация с собой? Выйдите в фойе, свяжитесь с паспортным столом. Мне нужна прописка Голикова Алексея Ивановича, тридцатого года рождения.

Тихонов ушел.

– Один вопрос по паспорту, – Малович взял из руки Кудрявого документ. – На спине у вас шесть куполов. То есть шесть судимостей. Почему их нет в паспорте? Где записи и штампы о судимостях? Сняли судимости? Есть справка?

– Не сняли судимости. Все они по убийствам. Попробуй их сними. А паспорт, если честно, мне люди из вашей конторы и помогли новый сделать. Не посадите за это? Паспорт не фальшивый. Настоящий.

Вернулся Тихонов.

– В этом адресе жилых помещений нет. Там средняя школа номер шесть.

– Прописку тоже наши коллеги сделали?

– Кудрявый отвернулся и кивнул.

– Но Вы, Голиков, давно на воле. Честный человек. Гражданин, – Шура взял Алексея за локоть.– Зачем эти чудеса? Прописаться негде? Не женат? Своего жилья нет?

– Всё верно, – сказал Кудрявый. – И что мне было делать? С судимостями на работу не берут. А я сейчас работаю слесарем в «Кустанайтяжстрое». Потому, что паспорт без отметок. А насчёт прописки – фуфло в натуре. Негде прописаться. Замуж никто за меня не идёт. Я же со стажем зек. Всем бабам видно. На квартире у деда одного живу возле Тобола. Так он ни в какую. Жить, говорит, живи. А прописывать такого ухаря не буду. Начудишь чего-нибудь, так и меня, говорит, прижмут. Оштрафуют. Или посадят. Зачем такого отброса общества прописал? Так мне скажут в милиции.

– Сколько нарушителей паспортного режима у тебя? – Малович шлёпнул по плечу друга Володю Тихонова.

– Двое.

– Забирай их и поехали разбираться да помогать людям. Надо, чтобы в документах был честный порядок. Алексей, ты тоже с нами едешь. Попробуем реально снять твои судимости и прописать в правильном месте, чтобы вопросов у органов не возникало.

Лысенко ждал в кабинете.

– Вот это нарушители паспортного режима? – кивнул он на задержанных. – Документы изъять для изучения и возможного исправления. Мы вас не задерживаем. Но паспорта остаются у нас. На беседу по поводу дальнейших действий совместных надлежит вам прибыть завтра к десяти утра. Пропуска мы выпишем. Вот вам талоны с печатью. Пройдѐте по ним сюда. Я командир отделения уголовного розыска подполковник Лысенко. Ко мне и явитесь.

Вышли.

– Алексей, задержись. Идѐм ко мне в кабинет, – Шура махнул рукой в сторону своей каморки. – Подумаем, как тебе помочь.

Вошли. Шура за стол сел, а Кудрявый на подоконник. Малович долго и внимательно его разглядывал. Улыбался.

– Да проблема-то мелкая. Я переговорю с кем надо. Судимости снимут. В суде есть разумные друзья у меня. Пропишем тебя в семейном общежитии фабрики «Большевичка». Прописка постоянная и надёжная.

– Ну, насколько я вас, милиционеров, знаю, то от меня нужна «ответка» за ваши добрые дела. Что делать?

– Про сберкассу знаешь?

– Конечно, – Кудрявый что то добавил еще, беззвучно шевеля губами.

– Кто её брал, и кто на неё навёл? – Александр буквально поедал его взглядом, откусывал кусками.

– Грохнут меня, – улыбнулся Голиков Алексей. – Я сам там не был. Но старого директора убрали, а нового посадили по моей просьбе. Есть у меня контакты на высоких горках с повелителями. Вот новый директор – заказчик и есть. Был, точнее, мля! Для того и сел в это кресло. А после ограбления хотел получить долю свою – пятьдесят процентов и сразу уехать в Сибирь куда-то. Он всё и сообщал. Про инкассаторов. Сумму денег назвал. Ну а Ди..., короче – главарь делиться не стал. Борзо больно – половина от всей суммы. Сам директор, падла, с кресла не слезал даже.

– Ты главаря можешь назвать. Не бойся, – Шура встал и походил по кабинету.

– Сто, минимально, человек видело как вас троих забрали

за нарушение паспортного режима. И если мы с тобой договоримся, то ты потом настоящий паспорт и постановление суда о снятии судимости покажешь кому надо, чтобы узнали все, зачем мы тебя к себе возили.

– Ладно, – Голиков долго держал в ладонях свою лысую голову. – «Дикий» в ихней кодле пахан. Где живёт – не знаю. К нам в «Лихоманку» не ходит. Но регулярно торчит на трассах Кустанай – Боровое. Или Кустанай – Есиль, Семиозерное, Фёдоровка. Или на дороге в Челябинск, А то и на Тургайской дороге. Выбирают места тихие. Ни посёлков там рядом, ни озёр с рыбаками. Он с теми же двумя кентами «бомбит» продуктовые машины. Совхозов – то на каждом направлении – десятки. Которые экспедиторы за товаром в город едут, у тех деньги отбирают. А если тормозят продовольственную будку из города, то хапают весь товар и в Кустанае через одного фраера из нашего облсовпрофа пихают по определённым магазинам. Берут у них с удовольствием. Они на двадцать пять процентов дешевле отдают. А магазины потом «докручивают». У «Дикого» всё схвачено. По – моему не только в ГАИ но и в «уголовке». На уровне заместителей начальников отделов и управлений. Точно не знаю. Врать не буду.

– А как они машины останавливают? – Шура уже думал о захвате «Дикого»

– У них то «Газ-51» с будкой «Скорая помощь», то «волга», сделанная точь в точь под машину ГАИ, или передвижная кинобудка. Разрисованная лицами артистов и обклеенная афишами. Они иногда на тракторе с прицепом стоят, у которого задний мост оторвался, а то сгонят зимой «москвич» в кювет, аккуратно его на бок поставят. Вроде как авария. Тоже помощь нужна. Короче – умный «Дикий» и хитрый. Даже аварии на трассе инсценировали, дорогу перегораживали в нужный момент, когда с поста ГАИ сигналили, что машина с товарами через сорок минут будет возле них. Они всегда меняют трассы. А трасс от Кустаная шесть направлений в разные стороны степи. Я только раз с ними ездил на «скорой». Но, честно, из машины не выходил и денег у «Дикого» не брал сроду. Они все в белых халатах и шапочках были. Врачи будто и санитары. Делали вид, что сломались. Капот открыт, задняя дверь тоже, ящик лежит рядом с инструментами. «Голосуют». Ну, кто не остановится «Скорой помощи» подсобить? Или аварийной машине помочь? Двадцать с лишним таких «гоп-стопов» они провели. Если не тридцать.

– И что?– Шура почесал затылок.– Я вот их не ловил. Не посылали. Их что, вообще никто «приземлить» из наших не пытался? Начальники ихние в милицию не обращались? Пропали деньги государственные, товары, и хрен с ними?

Странно.

-Они обрезы достают, деньги забирают или шофера – «терпилы» сами им товары переносят в машину или прицеп. Шустрый этот «Дикий», мля! Правда, на трассах никого не убили. Но они там, мля, пару лет пасутся и гаишники их не трогают. Кто-то наверху в «ГАИ» получает лаве от «Дикого». Правда, в милицию лично сами «терпилы» не заявляют. Им при ограблении говорят, что если они к «мусорам» пойдут с заявой, то их здесь же на дороге отловят и пристрелят. А директора совхозов и заявления пишут, и сами на приём к заместителю начальника ездят. Раз пятнадцать «угро» ваш выезжал на облавы. Но не после ограбления, конечно. Что там делать когда все разбежались? Поскольку обходилось без убийств, монстра Маловича и других «орлов» из отдела убийств и вооруженных нападений не направляли. Нет же? Посылали бригады на волгах со спецсигналами. Но, похоже, с поста ГАИ на выезде из города им по рации давали сигнал и «Дикий» с кентами «делали ноги». А часто и сигналить не требовалось. Грабил- то он не каждый день. Гулял, пил, в бане парился, с «биксами» веселился. И ваши «мусора» отдыхали.

-Да ну тебя!– у нас строго с этим.– По каждому преступлению, по грабежам особенно – шум большой и много движения.– Задумчиво сказал Александр Павлович.

– Так согласитесь, товарищ майор, что чаще милиция летает с шумом на облавы фактически «для галочки». Есть грабители или нет их – по фигу. Съездили, отчитались и хорошо. Вот таких нераскрытых грабежей от бригады «Дикого» в «угро» вашем накопилось много. Я уверен. «Висяки». Не могут их отловить никак. Потому, что у него с подельниками есть фантазия, наглость, расчёт на обязательный фарт и большие покровители продажные в ваших органах. А для УВД три тысячи отобранных денег – мелочь. В отчётах слабо смотрится такая цифра. Авторитета вам не убавляет, если не нашли её. У вас ведь много громких раскрытий с убийствами и огромными суммами.

Чего лыбишься? – Психанул Шура. – Да. Очень крупные и страшные дела раскрываем. С убийствами и миллионными грабежами. Но совхозы тоже жалко. Хотя, тут ты прав. Для отчётов на самый верх нашим начальникам мелкие потери и маленькие суммы не шибко нравятся.

– Да и для совхозов тоже не особо накладно.– Сказал Голиков хмуро.– Хотя они тоже шумно реагировали всегда. Заявления, походы к начальству. Делали даже так, что подозрение на самих экспедиторов падало. Привозили в УВД, допрашивали. Но не доказали, ясное дело. Деньги и товары умные бухгалтеры списывали потом как «утраченные» после

якобы опрокидывания машин или потерь денег по халатности экспедиторов, или по пьянке. За что директора, как будто бы сурово наказывали перевозчиков. Увольняли или зарплату срезали. Да только туфта это всё. Ничего они с ограбленными не делали. Не наказывали. Знаю. Государственные деньги – не свои. Не директорские. Возмещают им эти потери всегда. Государство доброе. Богатое.

– А в позапрошлом году убили вахтёра и сторожа Универмага они? А на железной дороге товарняк с флягами мёда они взяли? Три вагона. Застрелили начальника состава и двух сопровождающих? – вспомнил Малович. – Мы тогда так и не нашли их. Награбленное в универмаге и мёд забрали у барыг-перекупщиков. Они перепродать не успели. А грабители затихарились.

– Все грабежи с убийствами в городе за последние три года – это «Дикий» со своими кентами, – хмуро закончил Кудрявый.

– Ладно. Ты иди. Скажи своим, что паспорт заставили мы тебя новый сделать. И прописку приказали найти настоящую. Дали три недели. И всё. Других вопросов не задавали. А «Дикого» мы возьмём на трассе так, что они и не поймут ничего. А на тебя вообще не подумают.

Потоньше сработайте, – посоветовал боязливо Голиков.– Он хитрый, гад. Надо так, чтобы он не задумал искать наводчиков среди своих.

– Так и будет. А ты мне напиши для суда бумагу Когда, за что и сколько сидел, если по УДО выходил, напиши. Последнее преступление когда совершил?

– Одиннадцать лет назад. Через три года по УДО за примерное поведение отпустили.

У-у! – Малович засмеялся.– Пиши и это. Снимут судимость и справку заберёшь у меня. Фотографии мне принеси новые на паспорт. И заявление с просьбой выдать новый взамен потерянного.

Голиков помахал рукой и прежде чем уйти спросил, как с Маловичем связываться.

– Дежурному УВД звони по ноль два и проси соединить с Александром Павловичем. Говори, что ты младший брат моего отца. Понял?

После разговора с Кудрявым Шура понял, что банду он возьмёт точно.

В это время из кабинета выбежал Лысенко и закричал.

– Ты где шарахаешься? Забирай Тихонова и молнией лети во двор промтоварного магазина «Спутник» Там перестрелка какая-то. Из магазина стреляют и с улицы. Уборщица позвонила. Ещё кого из прохожих зацепят, не дай бог. Бегом, мать твою!

– Есть! – крикнул Шура, забежал в кабинет, переоделся в белые брюки и рубашку, туфли бежевые надел и побежал к мотоциклу. Про Тихонова забыл.

Через десять минут он уже сидел на корточках возле стены магазина, слушал свист крупной дроби и определял, кто и откуда «шмаляет» из дустволок. Стрелков было три. Один в магазине и двое во дворе.

– Ну, погнали! – сказал себе Малович и, пригнувшись, побежал со двора, выбил локтем стекло с улицы на первом этаже, влез в магазин, который закрыли в семь. Час назад. И побежал на второй этаж. На «ахающий» звук выстрелов и пламя из двух стволов

22. Глава двадцать вторая

Кто-то обязательно считает, что провинция – это тихая глухомань, где все жизненные процессы происходят как у спящего. Сердце реже стучит, ноги- руки шевелятся подсознательно и почти не заметно со стороны, а мозг тоже замирает, не производя мыслей. Ну, а кто так считает? Все, кому попался плохой, дешевый фильм про «замороженный» городок, далёкий от Москвы. И те, кто в провинциях не жил. В реальности провинция кипит страстями, здесь всё движется, может, побыстрее даже, чем в столице, любые события всегда заметнее, чем в огромных городах.

А время в захолустье, отодвинутом на карте за пару тысяч километров от Алма-Аты и от Москвы, и за четыре тысячи от Парижа, бежит шустрее, потому, что оно переполнено всякими случаями, которые скорость бега времени в маленьком географическом пространстве увеличивают. Даже если в Ленинграде, например, событий происходит двадцать в день, то пятнадцать из них город просто не замечает, если о них не расскажут по радио.

В глуши живут такие же подвижные и на всё способные граждане, как, допустим, в огромном Киеве. Талантливые

творцы и талантливые преступники. С той разницей, что какой-нибудь киевский шустрый деятель и его выкрутасы дальше своего района не известны никому, а в спрятанном за уральскими горами Кустанае, где народу меньше, чем в московских Сокольниках, каждый может совершить что захочет и об этом через пару часов уже шумит весь город. Радуетя, горюет или злится.

В Москве, скажем, начало семидесятых годов позволяло преступникам производить примерно тридцать-пятьдесят разных преступлений в день.

Так и народа там жило семь миллионов и сто тысяч человек. В Кустанае – восемьдесят тысяч. Как в трёх кварталах Черёмушек. А преступлений – не меньше десяти за день. Ну, это не только из-за того, что здесь было много ссыльных с тридцать седьмого года и до конца войны, огромное количество временных поселенцев. В Кустанае была очень большая тюрьма и «зона ИТК-4». Откинувшиеся зеки далеко не все ехали туда, откуда их посадили на Кустанайские нары. Они оставались, приживались и, привыкнув к местной воле, вольно и жили.

Вот поэтому у милиции работы было невпроворот, и если бы не такие защитники мирного населения как Шура Малович, Тихонов Володя, Ляхов, Звенигородский, Садыков, Тищенко, Гульбин и ещё человек сто, существовали бы чест-

ные горожане в вечной реальной опасности. Малович был уникальным оперативником. Если сравнить со спортсменами, чтобы понятнее было, то он был, допустим, как Валерий Брумель. Прыгунов в высоту в мире имелось много тысяч, но Брумель был один. Он не просто прыгнул на два метра и двадцать восемь сантиметров вверх, но выше него смогли прыгнуть только через восемь лет. И то только потому, что американец Фосбюри придумал более лёгкую технику и в первые ряды победителей вышли ребята, которые сами ростом были не ниже двух метров. А Брумель прыгнул выше своей головы почти на полметра. Уникум! Ничего подобного и в двадцать первом веке не произойдёт. Вряд ли появится второй человек с такими невероятными данными.

Лирическое отступление это сделано специально, чтобы не описывать скучное восхождение Александра Павловича с первого этажа длинного здания «горпромторга» на второй. Он пробежал по коридору первого до конца, через две ступеньки вспорхнул на площадку перед торговым залом и наткнулся на подошвы лежащего человека с ружьём.

– Мы наряд милиции вызывали, – повернул голову и осмотрелся сторож – А где наряд? У нас грабитель в «капкане», но сами взять его не можем. Застрелить – себе дороже будет. А ему по фигу. Лупит на поражение. И патронов прихватил полный патронташ. Так где наряд?

– Я – наряд и есть,– прошептал Шура. – Тебе что надо? Чтобы рота сюда пришла непременно? Или обезвредить грабителя? В конце зала тоже сторож с ружьём? Тебя как зовут?

– Дима. Дмитрий. Я же говорю: мы его в тиски зажали. Он во втором от нас отделе. В окно хочет уйти. А двое наших по окну с улицы стреляют. Ну, он отстреливается, сучок!

– А что вообще было-то? – Шура закатал выше локтя рукава рубахи и снял туфли.

– Мужик перед закрытием долго ходил по магазину с мешком, в котором что-то лежало. Ну, мало ли что. Мы и не дёрнулись. – Дима отложил ружьё и закурил. – А он потом спрятался под лестницей и когда магазин закрыли мы с мужиками пошли в сторожку чай пить на полчаса. А он – на второй этаж. Там каждый отдел – комната с дверями. Потому, что второй этаж отдан под дорогие вещи. В одной часы золотые и платиновые, в трёх других комнатах – ювелирка всякая. А в остальных – дорогие сервизы, ковры персидские, импортные фотоаппараты и кинокамеры, да ещё комната с дорогими итальянскими тканями. Он отмычками вскрыл такие дорогие замки, гадёныш.

– В мешок он сбросил часы и ювелирные изделия, – вслух

рассуждал Малович. – Сверху сложил фото и кинокамеры. Только то, короче, что может продать через перекупщиков и нести не сложно. Не ковры же на горбу переть!

– Угадали вы, – зло сказал сторож. В мешке у него была толстая верёвка. Специально взял. Кроме как через окно ему не убежать. Он же, падла, нас изучил. Знает, что сторожей четверо. Привязал верёвку к батарее и хотел уходить. А я ему в дверь закричал, что он окружен, и мы стрелять будем. У него двуствольный обрез. У нас четыре «Белки». Ребята по окну лупят, я пару раз шарахнул по дверям.

– Много у него в мешке? – Малович пошел к двери отдела, где сбоку от окна стоял грабитель-стрелок.

– Ну, мы поглядели с Мишкой. Вон, видите, Мишка лежит с ружьём на другом конце зала? Тысяч на шестьдесят взял он товара. Но в окно верёвку сбросил, придурок, зря. Кто ж ему из наших с улицы даст на подоконник залезть? Ребята стреляют аккуратно. Его-то не заденут. Но он думает, что застрелят и потому сам палит по вспышкам от наших выстрелов. До утра у нас у всех патронов хватит.

– Ты это... Подойди ко мне. Я дверь приоткрою, – Шура присел и взялся за ручку двери. – Вот как приоткрою, ты дожись когда он шмальнёт на улицу, потом сразу стреляй

через две секунды по очереди из двух стволов в стену и в потолок. И сразу обратно, туда, где залёг. Понял?

Парень кивнул.

Шура рванул дверь. Дмитрий стал стрелять. И под этот грохот с пламенем из обеих ружей и свист дроби Шура прыгнул низко над полом, упал на бок и как бревно быстро покатился в угол между окном и стеной. Комната была тёмная и он незамеченным уткнулся в ноги стрелка. Подхватил его под колени и поднялся. Мужик лбом стукнулся о подоконник, выронил ружьё и распластался на полу лицом вниз. Шура подломил руки за спину и нацепил на запястья стрелка «браслеты».

– Дмитрий, иди сюда. И Мишу своего зови. И ребятам на улице в окно крикни. Пусть поднимаются к нам. Машина есть у вас?

– «Москвич» есть, – Дима был ошарашен таким очень быстрым завершением операции по задержанию, что глядел на Маловича, как на слона, который гулял по центральной улице сибирского городка Кустаная.

– Сейчас погрузим «героя» в коляску мотоцикла и вы на «москвиче» поедете за мной. Напишите свидетельские пока-

зания. И распишетесь под моим заявлением о вашей помощи при задержании грабителя,— улыбнулся Шура. — Премии получите. И в отпуск летом пойдёте. Я попрошу вашего директора.

Грабитель молчал и с тоской глядел на то, как один из сторожей берёт мешок с драгоценностями и уносит его куда-то. В надёжное место.

А вечер выскочил после провалившегося за край земли солнца добрый и ласковый. Июльский воздух после семи часов вечера освобождался от выхлопных газов почти полностью. Кроме автобусов уже никто не катался по городу. Какая малость — вечером почти исчезал в природе привкус слащавого этила, смешанного с щекочущим запахом растворённого свинца. Бензин «А-72» на котором как-то ухитрились работать почти все моторы, был в реальности веществом массового поражения, которое в войне вполне можно использовать как ядовитое оружие. Вот когда его концентрация в воздухе падала после рабочего дня, народ начинал чувствовать запах всех цветов. Их в Кустанае высаживали всюду, где не было асфальта. Тетраэтилсвинец почему-то не трогал цветов и они не вяли. Гладиолусы, розы, петунии, бархатцы и космеи с цинниями весь город превращали в большой парк-заповедник, где рядом с лилейниками и каннами росли клёны, тополя, ясени берёзы, желтая акация и сосны

с елями.

Шура подышал глубоко ртом, пропуская в лёгкие ароматы цветочные, вкус степной травы, летящий в город с тёплым ветром из степи. Было на душе его уютно и тихо как в библиотеке, несмотря на некоторые временные искажения в жизни. Болели негромко шрамы от пуль и ножей на руках и в груди, щемило сердце от того, что хоть и временно, но ушла от него жена с сыном, ныло в голове неприятное предчувствие сложностей при задержании бригады убийц и грабителей под руководством безжалостного и наглого уркагана «Дикого». Но все неприятности, как и радости, были частью назначенной Шуру Маловичу судьбы, в которой никогда никому не удавалось самостоятельно что-то изменить. Судьба выдавалась сверху в готовом виде и оставалась неизменной и неповторимой как папиллярные линии у каждого человека.

Подышал он, поразмышлял и поехал на работу. Надо было подготовиться к поимке «Дикого» и порешать текущие вопросы с командиром. Он сидел в кабинете до десяти. Раньше уходил редко. Дежурный записал в журнал задержание Маловичем вооруженного грабителя магазина как всегда в одиночку, и Шура поднялся в кабинет Лысенко.

– Поганец взят. Потерь с моей стороны нет. Его повели в пятый изолятор. Завтра можете его допросить. А я с утра

поеду ловить троих убивцев и крупных любителей больших денег, – доложил он подполковнику.

– Придумал, как брать их будешь? Это ж на трассе надо делать. Простор. Могут и сбежать? Не все, конечно. – Спросил Лысенко.

– Мне в десять утра нужна будет дня на три настоящая машина с будкой. На будке должны быть всякие промтовары нарисованы. Телевизоры, унитазы, холодильники, стиральные машинки ну и всё такое. Машину надо поновее. Может, придется « Дикого» догонять. Номера – областные.

– К десяти у нас во дворе будет стоять такая машина из Нечаевки. То, что она из Нечаевки – на двери не написано. Пойдёт? Внутрь будки что поставить?

– Ну, ящика три с телевизорами, пару холодильников, диван кожаный и два кресла. Этого мне хватит, – Александр Павлович выпил воды из командирского хрустального графина. – Рацию на правое сиденье бросьте. Частота наша. Но я с вами буду говорить как с директором совхоза, а вы со мной как с экспедитором. Только частота пусть будет закрытая. Только для нас. Чтоб, не дай бог, никто из МВД в разговор наш не лез и друг друга не вызывал. А то спалимся в момент.

– «ПМ»-то возьми в этот раз. Мало ли...– Лысенко посмотрел на Маловича взглядом просителя милостыни с паперти Кустанайской церкви.

– Сергей Ефимыч, – Шура скривился. – Я и пулемёт могу взять. Но и с ним меня могут убить. Если я без оружия – тоже могут шлёпнуть. Но! Весь вопрос в этом. Если смогут! Пистолет мне ума и хитрости не добавит. Мёртвые бандиты нам с вами не нужны. Я им могу ноги прострелить вообще без разговоров. И это будет считаться, что я сильнее уродов-убийц? Нет, не будет. А в блатном мире должны понимать, что мы умнее и сильнее. Тогда нас будут бояться. А покосить их десятками и сотнями на всех «малинах» и «сходняках» из «калашникова» – дурное и нехитрое дело. Почитания нашего преимущества над ними не вызовет ни у наших, ни у ихних.

– Ну, ладно, ладно, – сел за стол командир. – Тогда ты уж аккуратнее там. Не карманников ловить будешь. Поосторожнее работай. Всё, до завтра. Ах! Забыл. Жена твоя звонила мне. Просила тебя вечером перезвонить Борису Павловичу.

– Сейчас перезвоню. Уже вечер. С Вашего телефона можно?

– Привет, – сказала Зина. – Я съездила на кондитерскую к Нинке и сама с ней поболтала. Она глубоко раскаялась в своём глупом поведении. Липнуть к тебе не собиралась и не будет никогда. Просто неудачно пошутила. Так что мы с сыном завтра возвращаемся.

– Ну, как замечательно, – сказал Шура. – Продуктов купить? А то я сейчас в столовой ем.

– Я сама всё по дороге куплю. Боря на своём «москвиче» нас попутно и в магазины забросит. Он так сказал. Мы к вечеру приедем.

– Я тоже к вечеру. У меня задержание завтра. Всё. Целую. Жду.

– Забавный народ – женщины, – тихо сказал Лысенко. И они поехали по домам.

Шура ехал и вспоминал как они задружили с Зиной в девятом классе. Целовались на скамейке возле дома её тёти. Она приехала учиться в город из далёкой деревни Камышинки. После одиннадцатого класса Шура в армию ушел, а она поступила в медицинский техникум и к его возвращению уже работала фельдшером в третьей городской больнице. Малович в форме с тремя сержантскими лычками при-

шел к ней на работу. Они сели на подоконник в коридоре и через десять минут договорились завтра с утра идти и подавать заявление в ЗАГС.

Александр после службы превратился в мужчину, хотя выглядел просто как красивый и мускулистый юноша. Он, где только мог, назанимал денег и пока тянулся предсвадебный подготовительный срок, построил с друзьями и братьями хороший дом недалеко от центра Кустаная, заполнил его всем, что положено иметь в крепкой и состоятельной семье. Долгов набрал, если и не на полжизни, то лет на пять точно. Потом они расписались и сыграли свадьбу в отцовском дворе во Владимировке. Три дня не просыхали, пели, плясали и складывали в дальнюю комнату Панькиной пятистенки подарки от своих деревенских родственников, друзей и от новых городских.

– Женюсь один раз – сказал Шура вместо первого тоста. Все стали хлопать в ладоши и звенеть стаканами с водкой. Оно так и вышло. Прожили они до две тысячи тринадцатого года, в котором умер от рака настоящий полковник Шура Малович, а через год от горя – Зина, хирург, врач высшей категории. Но всё это случилось потом, прямо на середине доброй жизни в любви и согласии, да рядом с сыном Виталием и внуками Андреем и Кириллом.

А к семьдесят первому прожили они всего одиннадцать

лет, занятые делами по горло и собой до самых глубин своих любящих душ.

Утром двадцать третьего июля семьдесят первого Малович на своём синем с красной полосой мотоцикле въехал во двор милиции, которая всех, как могла, берегла. Он переоделся в клетчатую шоферскую рубашку, надел армейские галифе и сапоги, в которых пришел из армии. Поговорил пять минут с командиром по рации и уехал на трассу, внимательно пересчитав всё, что стояло и лежало в будке. Свёрил товары с накладной и поехал на трассу Кустанай-Боровое. На приличной скорости проскочил восемьдесят километров и никто не пытался его остановить, не было на обочине аварийных машин и прочих подозрительных механизмов на колёсах или гусеницах. Малович развернулся, снова приехал к городской развилке и выбрал дорогу на очень далёкий Кушмурун.

На сороковом километре вылил в бак двадцать запасных литров из канистры, которых в будке имел ещё пять. И снова почти весь день в пути прошел напрасно. Никаких приключений. Вернулся он к развилке в шестом часу вечера. Голова гудела почти как сам мотор. Машина была хоть и не старая, но собранная явно в стремлении победить соперников по социалистическому соревнованию. То есть наспех и кое-как. Кресло водителя конструкторы упростили так, что если

не стелить под задницу свёрнутое шерстяное одеяло, то тут тебе через пару лет и геморрой с простатитом, да плюс люмбаго или ишиас. Всё в движке стучало, визжало, скрипело и шаталось. Но она, собака, ехала. На западе так делать не умеют. Чтобы автомобиль работал на всю катушку при десятках недоделок.

Домой ехать было вроде рано, но и ловить вечером банкетов, которые знали, что к ночи никакой дурак с деньгами не поедет в город, а товар в это время тоже никому не выдадут. Все склады до шести работают. Двинул в город. Домой. Зина, как и обещала, вернулась, и потому о столовской еде, и об одинокой постели он вспоминал со сдержанным отвращением. Да и вообще – окончательно убедился в преимуществе семейного очага перед холостяцким, хоть и временным. Четыре утра подряд Шура пораньше выезжал на машине с будкой и вот так болтался по плохим шоссейным имитациям настоящих междугородних трасс. Повезло только на пятый. Выехал он в сторону Челябинска и на семьдесят втором километре увидел милицейский патрульный «УАЗ-450» именуемый в народе «буханкой». Этот скоростной и плевавший на любое жуткое бездорожье автомобиль брали с большим желанием военные, милиция, скорая помощь и геологи.

Машина стояла на обочине. Но перпендикулярно трассе. Передок на асфальте, а «корма» почти возле кювета. Её по-

красили в синий цвет и посередине кузова провели широкую красную полосу с желтыми, обведёнными чёрной краской буквами – «милиция». На крыше автомобиля торчали две антенны, громкоговоритель и фонарь из красно-зелёного стекла. Возле машины стояли три невысоких гаишника с длинными и полосатыми палочками-выручалочками, в высоких фуражках. Шура сразу понял, что ГАИ фальшивая. Потому как из под фуражек милиционеров торчали довольно длинные волосы. Чего просто не могло быть. Не стриженных коротко сотрудников в милиции не было никогда.

Один из трёх оттолкнулся спиной от корпуса передка между фарами и вышел на дорогу. Палкой волшебной провёл траекторию остановки товарного фургона на обочине сразу за «буханкой». Шура растолкал по карманам солдатских штанов три пары наручников и остановился там, куда ткнул старший сержант жезлом. Вышел. Потянулся. Сказал через зевоту.

– Здравия желаю. А чё случилось? Ехал на скорости шестьдесят, водку не пил на этой неделе. Могу дыхнуть в стакан. Да она, телега долбанная, мля, у меня вообще еле ползёт. Делаем её, падлу, делаем, но на заводе всё так косо-криво привинтили, что после каждого рейса день на подкрутку гаек идёт да на прочистку жиклёров.

– А документы? – довольно мирно спросил сержант.

– Это мы разумеем, – обрадовался Шура. – Сам могу большим ехать, с ого-го температурой, но документы всегда в порядке. Вот права, вот техпаспорт, тех.талон и накладная на груз.

Подошли оставшиеся двое. Шура обратил внимание, что никто из «милиционеров» не поворачивался к нему даже боком. Это означало, что он уже окончательно не ошибся. Сзади на спине под ремень были воткнуты обрезы. Все трое по очереди мимоходом посмотрели права и тех.талон, но очень сосредоточенно вчитывались в накладную.

– Незаконных предметов кроме вышеуказанного в бумаге не везёте? – спросил самый волосатый, у которого чуб как у молодого казака выбивался из-под козырька.

– Да боже упаси! – воскликнул Малович! – Мы люди законопослушные. Мне насильно будут вталкивать мину противотанковую, чтобы зерноток подорвать во вред государству или там «бормотуху» подпольную, дабы колхозников травить этой самопальной гадостью, так я поперёк лягу, перекусаю всех, но незаконное мне подсунуть не дам, вы что!

– Откройте будку. Проведём досмотр на предмет соответ-

ствия накладной живому товару.

Малович пошел открывать две здоровенных стальных щеколды на задней двери. Упирался и делал вид, что у него не получается так естественно, что «милиционеры» поверили.

– Чего, товарищ водитель, ослабли от тяжелой дороги или засовы ржавые?

– Щеколды, падла, прикипели! – возмутился Шура. – Механику на прошлой профилактике прямо-таки написал список, где подкрутить и где солидолом смазать. Ему, суке, за это платят, а не мне. Я свои гроши получаю токмо за перевоз.

Сержанты втроём потянулись к ручке щеколды, стоя позади Александра Павловича, чтобы он не заметил обрезов, за ремни заткнутых, и она открылась. Стали открывать нижнюю. С трудом, но открыли. Шура перед отъездом накрошил в пазы щеколд горсть мелких ржавых опилок. В милицейском гараже взял. Распахнули дверь.

– Двое держите дверь возле петель, а то она, гадюка, захлопнется. Видите, как её скосило от тряски? – Малович вписался в роль шоферюги чётко. – А делать некому. Сам шофёр делай! А вот и хренушки вам! Не платите за это, ну, тогда сами и делайте. Верно я говорю, товарищи милицио-

неры?

Один из них забрался в кузов, а двое спиной стояли к двери и руками крепко держали дверные петли. Большие, как на кузовах самосвалов «Зил»ов. Шура сделал вид, что хочет им помочь держать дверь, подбежал к углу между будкой и дверью, и неожиданно, причём незаметно, как мастер-фокусник, обеими руками зацепил одни концы наручников за петлю, а вторые – за руки «милиционеров». Один не понял сразу, а второй закричал вглубь будки.

– Дикий, это «мусор». Атанда! Шмаляй.

Дикий не сразу врубился в ситуацию и высунулся из-за коробки холодильника через пару секунд. За это время Малович выдернул у прицепленных «браслетами» бандитов обрезы и сразу выстрелил из обоих дустволок двумя зарядами в потолок и в стену будки.

– Ах, мля, так ты волчара позорный, мусорок вшивый! – закричал Дикий. – Взять меня хочешь? А ху-ху не хо-хо!?

И он выстрелил с верха коробки холодильника в открытую широкую дыру когда Малович уже стоял сбоку от открытой двери.

– Есть вариант, – крикнул Шура. – Я сейчас найду с другой стороны двери, отцеплю твоих кентов и пусть они бегут без оружия. У меня ещё два патрона в ваших обрезках и две обоймы от «макара». Я закрываю сзади дверь. Дробью ты её не пробьешь. И мы с тобой едем к нам в «уголовку». Там тебя встретят автоматчики и отведут в изолятор. А дня три ты поголодаешь и мы начнём с тобой длинную нудную тягомотину допросов с применением спецсредств. Потому как ты особо опасный. Словил мысль? Чудес за тобой – куча мала, да «жмуров» минимально пятнадцать. Кенты твои пусть бегают и прячутся, а «паровозом» пойдешь ты. За всех своих один отбрёхиваться будешь. Но «вышак» тебе рисуется хоть по групповухе, хоть по одиночке. Как тебе идея?

– Ты, мля, мусор, не жилец! – рычал из кузова Дикий. – Я таких как ты акробатов вертел на фуфеле! И ты вертеться будешь. Пусть вся ваша мусарня ржёт над тобой, герой ты грёбаный! Ну, давай, банкуи! Чего подзатих?

– Э! Нас не надо отпускать, мусор! – заорал один и зацепленных наручником.

– Он нас сдаст всё равно. Он же не идиот – одному по расстрельной канать. Мы у него пешки. Рабы. И доля наша – третья часть прибыли на двоих. Раз взял – бери всех. На допросах само вылезет кому, чего и сколько.

– Лады, – согласился Малович, подумав минутку. – Тогда один стоя поедет, другой сидя на полу. В углу. Наручники я не снимаю. Если Дикий вас шамальнёт по дороге, нам возни меньше. Но я бы ему не советовал. Одного будем драть за всех троих. Но я думаю, что у него мозгов хватит. В группе сроки рассосутся на троих и «вышака» может вообще не быть.

– А как ты дверь закроешь? – заржал Дикий. – Петли же не дадут. Браслеты мешают.

– А вот смотри! – Шура прополз под днищем будки зашел за дверь, потянул её на себя и петли на пружинах раздвинулись. Он, прикрываясь металлом дверным, побежал вперёд, держась за дверную ручку и не давая пружинам сжаться. И дверь встала точно под щеколды. Стружка из них давно высыпалась и щеколды легко закрылись.

– Ни хрена так! – сам себе сказал Малович, ничего не имея в виду. Он сразу включил рацию.

– Я слушаю, Шура! – крикнул Лысенко. Волновался подполковник.

– Ну, половину дела сделал. Поганцы задержаны. У всех оружие. Нехай на меня одного запишут задержание троих

вооруженных бандитов. Напали на промтоварную машину. Я через час буду во дворе МВД. Пусть встречает машину взвод автоматчиков. Там у меня один с обрезом без наручников.

– Встречаем, – выдохнул Лысенко, командир.

Шура ехал и думал о том, что даже половины он не сделал. Главное-то не поймать, а доказать все грабежи и убийства, сотворённые руками этих козлов.

– Ну, мы с Тихоновым вроде не девушки уже, – засмеялся он. – И обманом да хитростью трахнуть мы себя не дадим. Мы, слава богу, и сами умеем.

Он сдал бандитов, приехал домой, обнял Зину и Виталика.

– Что-то я жутко устал, – сказал он. – Прилягу на часок. Потом поужинаю и все вместе по телеку любое кино посмотрим – какое покажут.

Прилег на диван и проснулся утром. Зина ушла на работу. Виталий в школу. День начался.

23. Глава двадцать третья

В июле знаменитые артисты театра и кино уходили в отпуск. В театральном сезоне летнее время – просто перекур. В кино, как обычно, всё было более волшебно. Зиму снимали в мае и июне, а лето зимой. Июль и август руководство студий отдавало актёрам на отдых у волн Черного моря и на творческие встречи со зрителями, благодаря которым любимцы народа зарабатывали себе на автомобили, возможность ловить кайф в дорогих ресторанах и подставлять белые животы солнцу не в Пицунде, набитой трактористами, победившими в соц.соревновании, а на пляжах «Золотые пески» в самой дружественной нам всем Болгарии.

Капитан Володя Тихонов считался в УВД самым утончённым и добротнo рафинированным милиционером. Ему не было равных в познании тонкой поэзии, лучших живописных школ мира, он один единственный мог назвать больше двадцати композиторов-классиков, регулярно перечитывал «Войну и мир», а кроме всех этих извращений имел привычку ходить на постановки облдрамтеатра и творческие встречи с гастролирующими в отпусках популярными актёрами.

Тридцатого июля во Дворце профсоюзов встречался с на-

родом кумир девушек и любимец остальных – Леонид Быков. Все обожали его после старого уже фильма «Максим Перепелица», более поздних – «Алёшкина любовь», «На семи ветрах», «Зайчик» и «Разведчики». Тихонов ни морально, ни физически не имел права пропустить встречу с таким грандиозным талантом. И отсидел в третьем ряду почти два с половиной часа, внимая ироничному повествованию Быкова о своей биографии и тяжком актёрском труде. В конце после показа нарезки кадров из разных фильмов ему стоя аплодировали минут двадцать и за это время Вова, разглядывая зал, увидел свою бывшую любовницу Танечку Романову.

Он тогда ещё не знал, что она заметила его намного раньше, и потому слегка ошалел, когда на улице, на первой ступеньке дворцовой лестницы увидел её, платочек в руках тебящую и ждущую его, Тихонова.

– Вовочка! – произнесла она единственное слово, но так, будто он был самым несчастным, болеющим всеми болезнями одновременно, а потому жалким и крайне нуждающимся в исцелении её оздоровительной страстью.

– Татьяна, охолони! – выставил вперёд обе руки Володя, ладонями отгораживаясь от тепла, которое струилось из Танькиного тела, одетого в невесомое шифоновое платье, подшитое сантиметров на тридцать выше колен. – Если я не

удержусь и приклеюсь к тебе снова, то меня Малович пришибет. Он обещал. Или жена опять уйдёт и потом больше не вернётся. А меня, Танюха, как вроде бульдозер сзади на тебя толкает и внутренности мои содрогаются от сладостных воспоминаний.

– Вовочка! – как разрядом электричества в триста восемьдесят вольт прошила Танька насквозь душу и тело капитана. Или это она духом колдовским, которому не воспротивишься, дохнула на Вову. Но он устоял ещё целую минуту. Почти вечность. И-таки обнял её, и как под гипнозом, стал целовать сладкие от помады губы и гладить дрожащей рукой её грудь третьего размера. При всём честном народе, среди которого он не замечал знакомых своих и подруг жены. Он не целиком помнил, как она поймала такси, вообще не понимал – как оказался голым в Танькиной кровати. Дошло до него только то, что они, оба скользкие от пота, через час лежали с сигаретами в зубах и почти в бессознательном состоянии дули в потолок дымом от сигарет «Ту-134».

Домой он дополз как политый дихлофосом таракан, объяснил Марине, что чуть не подох, гоняясь за опасным преступником, отказался от еды, упал на диван в своём лёгком льняном костюме и полосатых носках, после чего сказал: «Во, как, мля!» и затих до утра. И снов не видел, и телефонных звонков не слышал. А потому и не знал, что уже через

час после его приключения Маринкины подружки, тоже посетившие встречу с Быковым, всё про Володю с любовницей ей рассказали с выражением и в черных красках.

Утром он проснулся бодрым, поскольку сбросил литров пять тестостерона с адреналином, и первым делом на груди своей увидел листок из блокнота Марины, которая вкратце сообщила, что на развод подаст сегодня, искать её не надо, а забыть о том, что она – жена Тихонова, необходимо прямо с этой минуты.

– Шура.– позвонил он другу. – Застрели меня из моего личного табельного «макара». Самоубиться срочно хочу. Но сам не смогу. А если шлёпнешь из моего, то вроде я сам и стрельнулся. У меня, Шура, случайно, но опять была случка с Романовой Танькой. Я не понял как это вышло. Вроде как под гипнозом. Но жене тут же «дятлы» отстучали, и ушла она насовсем, а потому жить мне больше не стоит. Преступников ты и без меня всех отловишь. А меня похороните как самоубийцу и последнего козла в степи глухой. Да креста не ставьте. Чтобы зарос я травой и как не было меня никогда, долболома!

– Ты давай, дуй на работу, – сказал Малович, пропустив все горестные Володины слова. – Из нас с тобой Лысенко сколотил следственную группу. Так что Дикого с кентами до-

водить до суда будем мы. Посадим, а потом я тебя убью щелбаном с оттяжкой. Это пострашнее пули, Вова. Рука у меня тяжелая. Да тебя, предателя, и убить-то маловато будет. Я лучше тебя женю на Таньке. Это куда ужаснее. Живи потом сколько протянешь, весь в рогах как ёжик в иголках.

Вова горестно обошел квартиру, лишенную Маринкиных и Машкиных вещей, умылся и поехал на мотоцикле заполнять свою опустошенность общением с грабителями и убийцами. Всех троих привели в допросную комнату, Шура что-то писал за столом, а бандиты глядели на него с жалостливыми ухмылками, потому как не сомневались, что очень легко «отмажутся». Нападения на промтоварную машину реально-то не было. Просто они – ребята весёлые и любят розыгрыши. А переоделись, чтобы над водителями подшутить. Потому как никто из шоферов лично постов ГАИ на дорогах не видел сроду. Не было у Кустанайской дорожной милиции такой традиции – ловить нарушителей за семьдесят километров от города. И все это знали.

– Капитан Тихонов, у наших задержанных при себе нет документов. Надо установить их личности, – определил Вова задание майор Малович. – Сейчас они дадут адреса свои и ключи от замков. И скажут, где лежат паспорта. Или, если паспортов не будет, за нарушение паспортного режима мы их привлечем как тайно проникнувших в СССР шпионов из

Америки с целью проведения серии диверсий и нанесения большого вреда государству. Это – сразу высшая мера. Никаких доказательств суду не надо. Ну, граждане диверсанты, даёте ключи с адресами или по лёгкому пути пойдём к высшей мере?

– Ты чё, майор!?! – побледнел один из троицы. – Мы воры карманные. Какие с нас диверсанты? Да и сидели тут, в Кустанае, в «четвёрке». Проверить легко.

– На ключ. Адрес – Октябрьская, сто восемь, – Дикий первым подал ключ Володе, который проткнул им насквозь бумажку с адресом. То же самое быстренько сделали остальные и Тихонов уехал.

– Вы пока посидите. Может вспомните сами как чудили и чего гадского тут наворочали, – Шура пошел к двери. – А я пока пойду с генералом посоветуюсь. Может, действительно, пропустить вас быстренько как диверсантов-шпионов да и зелёнку вам на лоб? Чтоб не возиться с вами неделю, если не больше. У нас-то и без ваших косяков работы хватает.

– Не, майор, – Дикий погромел наручниками. – Подождём паспорта. Ответим за то, что докажете. А не докажете вы ни хрена. К тому ж, диверсанты и шпионы вообще не ваше дело. КГБ пусть их ловит. Подождём паспорта.

Шура хмыкнул и пошел в буфет выпить лимонада и закусить его двумя эклерами, которые в милицейский буфет привозили, естественно, самые свежие. Сразу с плиты.

– Что ж делать мне с кобелём неуёмным, с Володей Тихоновым? Такая жена у него,— сожалел Малович. – Почти как моя. А холостяком останется – конец ему. По рукам пойдет, по койкам, и будет из него через пару лет не свирепый оперативник, а гнилой сучок или тряпка половая, трёпанная да дырявая. Я, наверное, Таньку переселю куда-нибудь в Тамбов. Капитану Ляхову скажу, чтобы привлѣк её за разврат и аморалку, за охмурение милиционера с целью получения секретных данных о планах УВД по борьбе с преступным миром. Срок за это не дадут, но выслать из города можно. Я с Тамбовскими товарищами договорюсь и её там пропишут, на молочный завод устроят, квартиру получит от завода. Во-вку-то жалко. Это умное решение его успокоило и он взял ещё бутылку «крем-сода» и три эклера.

Вернулся Шура в допросную вместе с Тихоновым. Он привѣз паспорта.

– Всѣ в порядке, гражданин начальник?– улыбался Дикий. – Не фальшивые ксивы?

– Карпов Василий Николаевич – это Дикий. Садовский Сергей Сергеевич – кто? Погоняло какое? – Александр Павлович взялся за дело. – Михайлов Роман Ильич. Так. Кликуха?

– Я «Пугач», – представился Садовский. Плотный малый с тремя золотыми фиксами и квадратным подбородком. Кличут так за то, что я «на малолетке» пугачи втихаря пациентам делал в мастерской. Они шариками от подшипников стреляли. Метров на десять. Больно, если попадёшь. Всех на зоне вооружил. Год за это добавили.

– А меня «Тихим» окликают, – ткнул себя в грудь невысокий мускулистый Михайлов. – Я тихий. Молчу всегда и не ругаюсь громко. Сразу – в рыло или заточку в задницу.

– Ну а я, Карпов – Дикий, потому, что дикий. Мне при рождении сверху не прописали ни правил, ни законов. Ни жалости не дали, ни совести. Сволочь я. Так и живу. Куда деваться!?

– Ладно, хрен с ними, с кликухами вашими тупыми, – сказал Малович. – Давайте за жизнь потолкуем. За ограбление промтоварного транспорта вы имеете минимум по пять лет. Групповое ограбление, организованное.

– Гонишь, начальник. – улыбнулся Пугач. – Доказательства есть?

Тихонов дал им почитать по очереди бумажки, исписанные сверху донизу.

– Это показания свидетелей. Девять человек. Вещественные доказательства стоят в нашем хранилище. На них отпечатки пальцев главаря банды. Вот бумага от водителя и экспедитора, которые признают свои товары. Они их везли на станцию «Тобол». А ещё свидетели ехали мимо на автобусе в Копейск. Остановился автобус, и они видели как вы в милицейской форме, с обрезам за спиной избивали экспедитора с шофером и потом хотели увезти товары в город на машине с будкой. А также успели понаблюдать как вас нашли и арестовали сотрудники уголовного розыска, отняли у вас оружие и надели наручники.

– На вещдоках пальчики Дикого. Их сняли два часа назад и сгоняли в архив «зоны». Сверились. Отпечатки совпали, – Шура подошел к главарю. – Ещё одна статья к этому случаю прилипает. Дискредитация органов милиции. Урки, блин, в славной форме доблестной советской милиции. Позор ложится на всё Управление внутренних дел страны. А через этот факт вам ещё пять лет на нос. Все же были в милицейской форме. Где взяли? С кого сняли или у кого укра-

ли? А, может, выдвинем на следствии версию, что вы «замочили» патруль ГАИ? Ну, это отдельная тема.

– Не было автобуса, – зло сказал Дикий. – На арапа берешь, мусор. Пустая трасса была и ты один приехал. Мы там три часа тебя ждали.

– Вот это ты суду и прокурору скажешь. Только чтоб не впустую языком размахивать, предъяви им подтверждающие документы. Показания очевидцев на бумаге с подписями и номерами паспортов. Вот только ими ты убедишь прокурора и судью, что не было автобуса и свидетельских показаний вот этих вот тоже нет. Что прокурору и суду эти свидетельские показания на бумаге только кажутся. Без подтверждающих документов твой трёп прокурора только разозлит. И он лет пять-семь добавит за введение суд в заблуждение.

Зато сколько у нас документов! Видите все листы с показаниями свидетелей? Я их подшиваю в дело. Тут номера их паспортов, прописка, адреса, – Малович тоже разозлился. Ему еле успели к допросу привезти из Копейска показания свидетельские. Местные друзья Шуры поехали к настоящим вахтовикам и дружелюбно попросили их подписаться в свидетели ограбления. За каждым из строителей была куча мелких грешков, нарушений закона и правопорядка. Они и не думали отказываться.

– Люди эти сами из Копейска, – закончил краткую речь Александр Павлович. – Домой ехали с вахты на Джетыгаринской стройке железорудного комбината. Их вызывать не будут в суд. Достаточно письменных показаний.

– Думайте. Дальше ещё интереснее будет. – Малович поднялся. – Пошли, капитан, на свежий воздух. Подышим минут пять.

Вышли. Сели на мотоцикл Тихонова. Володя смотрел на колесо и цокал языком.

– Чего? – толкнул его легонько в плечо Шура.

– Да... – Тихонов закрыл глаза. – Так нельзя работать. Противно. Подставные брехливые бумаги. Доказательства сочиняем сами с учётом возможностей и степени хитрости. Нечестно это. Какое правосудие? То есть правильный суд? Доказательные факты фальшивые. А урки нам что могут в их ситуации противопоставить? Они докажут, что свидетели фальшивые? Да кто их слушать будет, убийц да грабителей?

– Тихонов, мля! – психанул Шура. – Это убийцы. Они только в сберкассе положили пять человек и сто тысяч забрали денег. За ними и других трупов навалом. Но ты ве-

ришь, что в сберкассе их опознают? Свидетели из бедной сберкассы скажут, что они бандитов узнали? Кто? Кассирша? Сторож, которого не успели шлёпнуть? Ты уверен? Они не побоятся? Они же и представления не имеют, что у этих грабителей полно в городе таких же друзей. Да? Дураки и дуры сплошные в сберкассе. Им по фигу, воткнут им перо в печень возле собственного дома если они опознают бандитов! Ты их будешь сопровождать и охранять днём и ночью? В сортир водить, в баню, по магазинам? С детьми ихними ты гулять будешь и в школу их водить?

– А я верю, что опознают, – возмутился Вова. – Да, им страшно. Но ради того, чтобы этих преступников больше не было в городе и всем жилось от этого легче, они их опознают и подпишутся под своими словами. Плохо ты о нашем народе думаешь, Саша.

– Ну, посмотрим. Наша задача поганцев посадить или под расстрел подвести. Это не люди. Отребье. Враги честных людей. Враги народа. Ты знаешь, что они грабили и убивали? Знаешь. Я знаю. И куда их мы должны отправить? В Пятигорск? В лучший санаторий? Не было же натуральных очевидцев на глухой трассе, на семьдесят каком-то километре именно в минуты задержания. И что – отпустим с миром убийц и грабителей? У них три обреза было когда я их брал. Просто я их перехитрил и они меня не грохнули. А может,

не надо было хитрить? Стоит машина милицейская. Фальшивая. И ничего не происходит. Тихо все стоят. Курят и дышат.

А тут мы, орлы, подлетаем со взводом автоматчиков и крошим всё в пыль. И нет бандитов. Хрен тебе, Вова. Их надо отдать суду. Но как быть, если я их поймал, зная, что они ограбили не один десяток государственных совхозов? Наказали на деньги, которые капают государству от пота наших трудяг? Никто, кроме меня и шоферов не видел, как они это делают. Так шофера рот на замке держат. У них семьи, да и просто жить охота. А их обещали пристрелить, если вякнут хоть слово. Что, может, реально отпустим? Они же, мля, центральный банк ещё не грабанули, не всех кассирш перестреляли. Иди, снимай с них наручники и дай денег на такси, мля! И обрезы им верни. Они ведь сразу дальше побегут грабить. Так не из рогаток же им в людей стрелять. Давай!

Шура спрыгнул с мотоцикла, плюнул и пошел в допросную. Бандиты, пока милиционеров не было, о чём-то усердно договаривались. По лицам и позам напряженным чувствовалось, что разговор был очень серьёзный. Тихонов появился в комнате мрачный и вялый. Переставил стул от Маловича подальше, прямо под окно с решетками. Откинулся на спинку стула и глядел в потолок безразлично и тупо.

– Капитан, – Шура заставил его повернуться. – Позвоните в сберкассу. Пусть приедут сейчас же свидетели. Охранник, заведующая бухгалтерией и кассирши. Опознать нападавших они должны.

Володя пошел в свой кабинет и через полчаса дежурный сержант привёл народ из сберкассы в допросную.

– Эти люди грабили и убили пятерых ваших сотрудников?

– Пусть они встанут. Мы их сидячими не видели, – попросил сторож.

Пугач, Тихий и Дикий без охоты поднялись.

– Это они, – кассирша проговорила два слова и заплакала.

– Они. Грабили и пятерых убили вот эти люди. Но кого застрелил, мы твердо сказать не можем, – внимательно вглядываясь в лица грабителей, заключила заведующая и хлопнула себя по бедру. – Убить вас на месте, мерзавцы, это самый правильный суд будет.

– Напишите каждый на отдельном листке, что преступников вы опознали и в своих показаниях уверены, – Малович раздал всем листки и ручки, место уступил за столом. Тихо-

нов тоже встал и подвинул стул от окна к столу.

– Фамилии свои напишите, домашние адреса обязательно, – Шура дождался когда последним закончил писать сторож и собрал листки, проверил написанное. – Всё. Спасибо за помощь. Вы свободны.

Задержанные сели и молчали. Ничего не говорили и Маликович с Тихоновым. Просидели как на похоронах довольно долго. На улице перед воротами УВД сигналил шофёр милицейского «ГаЗика». Видно, сержант, на этих воротах стоящий, убежал в туалет и слегка задержался. Наконец машина престала горланить, скрипнули петли ворот, потом проскрипели ещё раз и легкий удар метала об металл рассказал, что машина въехала и ворота закрылись.

– Меня начальство ругает иногда за то, что я даю возможность преступникам спасти себя от расстрела или помочь самим себе снизить срок, – сказал Шура тихо. – Но у меня свой взгляд на жизнь и смерть, волю и неволю. И начальства я не боюсь. У меня больше пятисот задержаний в одиночку, а в паре с этим молодым красивым капитаном – далеко за семьсот переваливает. Я имею два ордена и несколько медалей за отвагу при ловле вооруженных бандитов.

Поэтому меня никто, даже генерал, не заставит работать

с задержанными, как со скотом. Вы плохие. Мерзавцы и падаль. Но вы в то же время, к сожалению, люди. И я даю вам человеческий шанс на облегчение своей поганой участи. У меня много свидетельских показаний. Подтвержденные факты убийств, которые вы совершили. Я взял в архиве заявления директоров совхозов. Вы ограбили двадцать шесть их машин. Забрали товаров на сто семьдесят тысяч и деньгами двести одну тысячу шестьсот рублей.

– А в позапрошлом году убили вахтёра и сторожа Универмага тоже вы? – вставил Вова Тихонов. – А на железной дороге товарняк с флягами мёда вы взяли? Три вагона. Жаль – не нам это дело дали.

– А, это когда застрелили начальника состава и двух сопровождающих? – вспомнил Малович. – Наши опера тогда так и не нашли убийц. Молодёжь искала. Опыта нет. Награбленное в универмаге и мёд забрали у барыг-перекупщиков. Они перепродать не успели. А грабители затихарились. Но это были вы, я так думаю. Практически уверен.

Бандиты переглянулись.

– Да не, начальник. – Обиженно сказал «Пугач» – Вот что точно – это не наши дела. Что, кроме нас все честные и благородные? Не грабят, не убивают? За своё мы вину признаём

полностью.

-Четырнадцать фактов за три года, а трупов – двадцать один. Только в сберкассе пятерых положили. Подлая, конечно, вы банда, кровожадная.– Александр Павлович стал ходить по комнате от двери к окну.– Надо бы нам с капитаном забрать нераскрытые, да поискать хорошенько доказуху. А вы покантуетесь в СИЗО годик. Ну, там хорошо. По пятнадцать человек в камере на четверых. Как вы считаете, товарищ капитан?

– Хорошая идея. И если мы вас сейчас закроем в СИЗО ждать конца следствия по всем вашим убийствам, то за полгода или за год всё вытащим на свет божий с доказательствами. Все ваши тайны. Грабежи, вымогательства и изобилие «жмуриков» вас приведут тогда к высшей мере точно. Двести процентов даю. Ждать будете в СИЗО полного расследования? Малович лично сам начнет искать факты и доказательства и, ясно заранее, что найдёт,– негромко и довольно вежливо пояснил Володя.

– Но ладно. Нам пока хватит сберкассы и ограблений на дорогах, – Малович засмеялся. – У нас правосудие жесткое. При Сталине за украденный колосок зерна с поля – в лоб пулю вгоняли. А сейчас «колосовики» бы за это штрафом отделались. Но вы-то грабители крупные и убийцы безжалост-

ные, наглые, на чужие жизни плюющие свысока. Вам «вышак катит». Видите, сколько на вас дали показаний! Зелёной целиком оболъют, не то, чтоб только лоб натереть.

– Ну, ладно, начальник, – поднялся Дикий. – Ясно всё. Что надо от нас? Ну, чтобы на расстрельную не потянуло?

– Я вас поймал на ограблении одной машины без применения вами оружия, – Шура медленно прошел мимо скамейки с уголовниками. – Это года по три на рыло. Не стреляли, да и не успели ничего взять. Я об этом сам рапорт написал. Значит, уже пошло в зачёт. А остальное всё пишете сами. Всё как и сколько чего было. И к этому несостоявшемуся ограблению добавьте добровольную явку с повинной по всем своим эпизодам за три года. Получится, что не УВД, не уголовный розыск вас припёр доказательствами, и вы, куда деваться, признались. А сами пришли с повинной и добровольно помогаете следствию.

– Ювелирку вот всю барыгам зря спустили, – сказал Тихонов. – А то бы вернули в магазин, считай, почти все те самые деньги, которые взяли в сберкассе. Сто семь тысяч шестьсот тридцать восемь рублей. Ещё минус пять лет от общего срока. Убийства в сберкассе вы будто и не планировали. Хотели испугать всех, но они метались, и сами полезли под пули. Директора в кабинете застрелили уже специально. Он мог

выстрелы слышать и вызвал бы наряд милиции. Хотя на самом деле директор был «свой». И вы с ним что-то не поделили. Не смотря на то, что нападение организовал он.

– А вот если серьёзно... – хмуро произнёс Александр Павлович. – В сберкассе директор был – ваш человек. Вы с помощью друзей больших уволили старого и посадили своего, которому должны были долю отдать. После чего он бы без увольнения смылся подальше. В Сибирь, например. Так?

– Ну, – кивнул Дикий. – Но решили не отдавать. Во-первых, он запросил аж пятьдесят процентов. Половину забрать, не отрывая задницы от кресла – это шибко борзо. И ещё... Он должен был свои ключи от хранилища вечером перед налётом мне скинуть в парке. А он, сука, не пришел вообще. Вот мы и подумали, что раз не дал ключ, то при стрельбе может «мусоров», то есть вас, милицию, вызвать. И под шумок, пока стрельба и беготня, взять деньги, а потом на нас стрелки перевести. Если бы мы вырвались. А мы бы точно вырвались. Стреляем хорошо. Все бывшие военные. Уволены за нарушение дисциплины и превышения власти.

– Так у вас всего по одной ходке за «гоп-стоп» на улице, – Малович полистал паспорта. – И сроки по два года. У одного только ещё полтора года по «малолетке». То есть вы не прожженные уголовники, имеющие по пять – семь «хо-

док», а просто жадные, безжалостные и злые мужики. Но вы мне растолкуйте. Не понимаю я. Зачем было убивать девочек-кассирш в сберкассе и охранников, у которых даже палок не было? Ради интереса? Или чтобы свирепость свою, значимость особую показать?

– Скорее второе, – тихо проговорил Тихий. – Мы знали и верили, что мы неуловимые. Выучка военная помогала всё делать чисто. Вон сколько мы «глухарей» выпустили. Так и болтаются у вас «висяки». И никто до майора Маловича нас поймать не мог.

Срок можно ещё малехо сократить, – Малович взял Дикого за плечо и сжал. Карпов Василий, крепкий сорокалетний мужик скривился от боли. – Надо провезти вас по тем барыгам, которым вы «цацки» сбагрили. Они скажут, кому продали. Мы их соберём и вернём государству. Деньги, которые вы взяли я по сериям и номерам в ювелирном забрал и передал в Центральный банк. Получается, что ювелирку вы украли. Деньги-то вернулись туда, откуда ушли в сберкассу. А золото и камни пропали. Значит, это грабеж.

– Подожди, начальник, – охнул Дикий. – Отпусти плечо. Мы пропили сто тридцать рублей в «Туристе» Три тысячи в карты просадили. Их не вернём уже точно. А потом решили фарт не испытывать и на сто четыре тысячи купили «рыжьё»

всякое и камушки. На них и в карты сейчас никто не ставит, и в кабаке ими не считаешься. Так мы их никому не давали на продажу. Они лежат в тихом месте. Все до самой долой цепочки. Решили поберечь. Денег-то мы всегда бы добыли, а таких ювелирных магазинов здесь нет больше. Только, может, в Алма-Ате. Богатый магазин, высшего уровня.

– Во! Другой разговор, – Малович повеселел. – Мы их возвращаем ювелирному после вашей добровольной передачи нам в помощь следствию. Так и напишете в явке с повинной. Сумма кражи очень внушительная. Тоже лет пять снимут. А если «признанку» нарисуете и по прочим убийствам, то мы будем ходатайствовать за «пятнашку» каждому. Это ж почти подарок! Вместо смерти от пули в затылок или в лоб отсидеть пятнадцать лет! Это же счастье! А то и амнистия какая подвернётся. Ну, так что?

– Дикий, я съезжу с капитаном за брюликами и ржавьём? – спросил «Пугач» Садовский.

– Давай. И не потеряй ничего, – Дикий сел и закрыл глаза.

– Ну, мы в магазине сегодня же сверку сделаем, – Шура выдохнул. – Вы, капитан, сразу езжайте в магазин. Пусть они пересчитают всё и дадут нам соответствующую справку, что милиция нашла и вернула украденные драгоценности на

сумму такую-то. На сто четыре тысячи.

Тихонова и Садовского не было часа два. За это время Шура узнал, что все бандиты – бывшие офицеры. Все трое – капитаны.

– Напишем всё и во всех преступлениях признаемся, и в конце укажем, что с повинной пришли добровольно и давления при написании признаний на нас не оказывали, то будет к нам снисхождение? – тихо поинтересовался Дикий. Карпов Василий.

– Будет, конечно. Раскаяние чистосердечное хорошо воспринимается судьями и прокурорами.

Остальное время просидели молча. Вернулись Тихонов с Садовским. Привезли справку из магазина. Все ценности вернулись в сохранности и соответствовали сумме продажи. Благодарность лично Маловичу и всему Управлению Внутренних дел директор письменно выразил. Внизу три росписи и красивая печать.

– Ну, вот вам бумага, ручки. Пишите, – Шура поднялся, раздал всем по три листка. – И в три листа уложите. Но напишите полную признанку по всей вашей преступной деятельности. Если что-то забудете, то я точно на суде вспомню.

У меня память прекрасная. Тогда срок подрастёт. А то и в «вышку» превратится. Смотря, что вспомню.

– Не переживай, начальник. Мы хоть и гады, но смерти себе пока не хотим. Всё напишем до малейших деталей, – Дикий почесал ручкой за ухом и в правом углу сверху написал. «Явка с повинной от...»

– Идём на улицу, – позвал Володю Малович. Вышли. Снова сели на мотоцикл. – Пусть сосредоточатся. Завтра всё проверим, подготовим заключение для суда, Лысенко подпишет, да и закроем дело.

– Ну и как тебе наши «трусливые» свидетели из сберкасы? – Ткнул друга в плечо Тихонов. – Вот побольше бы таких. Да, они понимают, что опознать преступников – это опасно. Но не все дрожат за свою шкуру, Шура. Порядочные и честные люди могут через страх перешагнуть только ради справедливости. Я знаю, что таких много. Согласен, что ты был не прав?

– Да я просто тысячу раз сталкивался со свидетелями, которые нечего не помнили, никого не узнавали. – Малович отвернулся. – А эти, из сберкасы – молодцы. Извини, это я от злости ляпнул. Не прав. Признаю. Вспомнил некоторых свидетелей. Они мне трусостью своей дела разваливали нату-

рально. Я, правда, выходы находил. Но противно с трусливыми работать... От них помощи ждешь, а они тебе подножки ставят, честные трудящиеся.

-Но всё равно как-то шибко уж легко и быстро вышло, – сказал Тихонов без радости. – Это потому, что ты хитришь, обманываешь этих ублюдков, провокации им устраиваешь. А они на них клюют и ловятся, сдаются. Нет. Мне это не нравится. Нечистая игра. Они у нас в руках и вывернуться из твоих объятий невозможно.

-Ну, так ты иди к другому оперу напарником. К Коростылеву. Он честно работает, не провоцирует задержанных, не хитрит. И раскрытий у него девять за год. Считай – вообще нет раскрытий, – Малович выдохнул и взялся за голову. – Вова, я закон нарушил хоть раз? Я пытал хоть одного зверюгу, иглы под ногти загонял, голодом морил и спать не давал? Бил уголовников хоть раз? Выколачивал вот этими кулачищами признания? Я навесил на кого-нибудь «глухаря» чьёго-то? Того же Коростылёвского, у которого нераскрытых дел в десять раз больше, чем раскрытых? Я силой и властью своей заставлял преступника писать под мою диктовку о том, чего он не совершал? Нет же, бляха! Нет. Никогда.

Преступника надо переиграть. В рамках закона, естественно. Я хитрю и провоцирую только ради того, чтобы пре-

ступник не отвертелся, сознался добровольно в том, в чём действительно виноват, а не с перепуга, что я его на дознании забью насмерть. И чтобы отсидел законный, подчеркиваю, срок. Причём – какой суд даст, а не тот, что я ему пообещал. Я не прокурор и не судья. Назначить срок я-то не могу! Пусть хоть заобижается потом до зубовного скрежета, что судья со мной не согласился и добавил год- другой. Но нагадил – ответь! И я знаю как сделать, чтобы он ответил по полной.

Они мне явки с повинной пишут и сбивают наказание с большого срока лет на пять меньше. Или от расстрела уходят. Ну и что с того? Ты думаешь, что десять лет на строгом режиме – это намного лучше, чем пятнадцать? Да там даже год провести – пытка. Некоторые и пяти лет не осиливают, помирают или от туберкулёза, или от чьей – то заточки. И то, что вот этих «диких» теперь в городе не будет лет десять – пятнадцать, это плохо для народа, сберкасы и всяких магазинов?

Убитых меньше будет – это плохо? А без моих хитростей и провокаций ковыряться нам с делами Дикого – год минимум. А тут, мля, он сидит и чистую правду добровольно про своё скотство пишет. И сядет через неделю. Не, Вова. Я их должен быстро ловить и быстро сажать. Ради покоя простых людей. И чем больше я их поймаю, тем свободнее люди ды-

шать будут, а меня моя совесть не загрызёт, а в темечко поцелует. Ладно. Я домой поехал. А ты бумаги проверь и отдай Лысенко. Пусть пишет заключение и печать ставит. Отправим через день дело в суд.

Он завёл свой мотоцикл и медленно поехал по центральной улице мимо щитов с призывами быть верными делу партии и бочек с нефилтрованным пивом. Ехал и думал о том, что, судя по хитрой с утра физиономии подполковника Лысенко, пары дней отдыха у Шуры не будет точно. Поскольку очередное и непременно запутанное новое дело уже забрал командир у кого-то, кто не справлялся, да подарит его завтра своему любимчику, «волчаре» Маловичу.

24. Глава двадцать четвёртая

Было у отца три сына. Двое умных, а младший – милиционер. Мужик у под сорок, а он бегает по чужим домам и квартирам, лазит через заборы, ползает в подвалах, носится по крышам, мечется меж деревьев и через кустарники в лесах – ловит разбойников и убийц. Старший сын – корреспондент. Средний – главный ветеринар района. Интеллигентные, уважаемые мужчины. Правда, милиционер, подражая умным братьям, пьёт временами, как все местные интеллигенты, армянский коньяк и как старший брат отрывает от земли «Газ-51», ухватившись за передний бампер. Но для этого не надо ума.

– Ты бы, Шурка, уволился из ваших внешних да внутренних органов, не позорил бы казачий наш род, а пошел бы главным электриком на завод искусственного волокна. Там у меня друзья-однополчане с войны заместителями директора вкалывают. Устроят тебя главным по электричеству. Ты ж три года в рудоуправлении чинил электричество и новые линии протягивал. Это же очень уважаемая должность – главный электрик завода. И если тебя убьёт током, то всё ж не так стыдно перед людьми мне будет, чем если тебя бандюган какой-то ножиком прирежет как свинью.

– Хорошо, Панька, – говорил Шура, изображая послушание лицом и поникшей фигурой. – Если генерал отпустит, то пойду я на завод лампочки выкручивать и вставлять новые.

Но никто бы Маловича из угрозыска не отпустил. Потому как пока в Кустанае уголовный мир боялся его больше всех. Сделает какой-нито мерзавец подлое своё дело и потом через знакомых пробует выяснить: кому поручили расследование. И если узнаёт, что Александр Павлович будет его ловить, то с расстройством сваливается в длительный запой на какой-нибудь «малине» или сматывается из города куда подальше, где Малович его всё равно быстро находит и сдаёт суду.

Сначала даже на работе все считали, что Шура просто везёт. Но через год лично начальник УВД на всяких общих собраниях громко всем докладывал, что у Маловича самое большое количество задержаний убийц, потому как он имеет аномальную интуицию, чутьё нечеловеческое и кучу хитроумных собственных методов поиска. Ничего подобного другие, даже очень хорошие оперативники, не имели.

Шура никогда не носил оружие, отлавливал злодеев раз в десять быстрее других, и со стороны могло показаться, что кто-то, чуть ли не сам Господь, отринутый и униженный со-

ветской властью, несмотря на неприязнь к КПСС, Маловичу на ухо всё же нашептывает, как поймать убийцу быстро и ловко. Ибо убийство – грех не простой. Смертный, страшный грех. Сам Малович об этих своих уникальных способностях не думал никогда, а Бога не вспоминал даже выпив поллитра коньяка. Он считал свою работу умственной и старший брат Боря, корреспондент, с ним соглашался.

– Ты, Шурка, умный в принципе, то есть вообще, – говорил он. – Ты можешь делать что угодно и всё будет получаться у тебя отлично. Начни учить физику – станешь профессором лет через десять, пойдёшь директором совхоза – будет хозяйство лучше всех, а ты весь в орденах и при звании депутата Верховного Совета. Это, Саня, ошибка природы. Она задумалась о своём, природном, отвлеклась и случайно впихнула в тебя одного ум, разум и мудрость минимум десятка достойных этих даров людей. Молодых и старых. Гордиться этим не надо. Заслуга не твоя. Но пользуйся этой ошибкой природы там, где самому нравится.

Маловичу нравилось трудиться в уголовном розыске. Заковав в наручники очередного убийцу, он не испытывал гордости и не чувствовал превосходства над пойманным. А только радовался, что злодей больше не сможет много лет отнимать у людей жизни. Гордился он только своей семьёй и родом своим казачьим, обосновавшимся после изгнания с

Урала в уютной и родной деревне Владимировке.

Приехал Шура утром десятого августа на работу и пошел к командиру доложить. Лысенко заканчивал собирать для суда подшитое в толстую папку дело банды Дикого. Всего за полторы недели управился. Хорошо работает командир!

– Красиво ты провёл следствие с дознанием, – пожал он руку майору. – Нет желания в следственный отдел перейти? Скоро сорок лет. Хватит носиться за этими гадами на предельных скоростях.

– Не, Ефимыч... – задумался Александр. – Жена тоже советует. Говорит, что в розыске я погибнуть могу легко. Может, смертью храбрых, что её тоже не радует. Но я быстрее скончаюсь от бумажной работы. Да и рыбаки толковые говорят начинающим свою заповедь. Не бегай, говорят, по всему берегу, не меняй место, пока на этом месте ловится хорошо.

– Ну, лады, – командир отложил папку с делом группы Дикого. У меня есть одно очень замороченное преступление в разработке. Его три наших бригады поочередно уже третий месяц мусолят без результата. Мы все эпизоды по делу объединили по признаку схожести и я решил его отдать тебе. Но отдам и всё расскажу про него после одного маленького поручения. Сгоняй сейчас на мясокомбинат. Там вчера днём

кто-то в разделочном цехе сзади топором раскроил голову начальнику цеха Неверову.

Наш следователь и криминалист ездили сразу после звонка дежурному. Ничего не нашли. Людей в цехе всего четырнадцать. В час убийства был как раз общий двадцатиминутный перекур. Все рубщики курили на лестничной площадке. А начальник вообще с другого конца шел по пустому цеху. Никто из курильщиков ничего не видел. Не видно ни черта с площадки, где курили. На топорище следы стёрты мокрой тряпкой. Ты разберись, а потом я тебе это загадочное дельце передам и скажу всё, что про него знаю. Договорились?

– Так я поехал? – спросил Малович без интереса. – Раньше сядешь – раньше выйдешь. Хочется побыстрее к загадочному приступить.

И он рванул почти за город. На центральный мясокомбинат. В разделочном милицию ждали. Следователь сказал, что завтра наш лучший оперативник приедет. Надо, мол, найти сперва мотив убийства.

Шура обошел цех медленно. Вдоль него по обе стороны от прохода стояли огромные чурбаки – срезы старых дубов, привезённых с Уральских гор. В диаметре они были больше метра и топоры из них торчали огромные. Лезвие в длину не

меньше тридцати сантиметров у них. А сталь толщиной почти в сантиметр. Рубщики подбирались на эту работу крупные, очень сильные и выносливые. Другие тут не протянули бы и недели.

Топор с топорищем весил больше десяти килограммов. Чтобы поднять его над головой, размахнуться и точно по центру размозжить до шеи голову начальника нужен был такой мужик, каких подбирали именно на эту работу. А их четырнадцать и на каждом топоре отпечатки пальцев только того мясника, который им работал. Никто чужой топор никогда бы и в руки не взял. Шура поднял окровавленный инструмент для рубки мяса с пола. Его никто не трогал после убийства кроме криминалиста, который отпечатков вообще не нашел и бросил топор туда, где преступник его оставил.

Покрутил его в руках Малович и подошел к чурбаку. Приставил топор с убийства к тому, что торчал из обрубка дерева.

– Так это не из вашего цеха тесак, а ребята? – спросил он мясников.

Все подошли к Шуре и внимательно пригляделись, чего явно не сделали раньше.

– Так он, бляха, меньше намного, – удивился хозяин места, на котором торчали рядом два разных топора. – Как мы этот факт не зафиксировали? Эти топоры имеются в обвальном цехе. Точно. Там как раз такие. Им мясо от жил и плёнок отделяют. Рубить тушу таким бесполезно.

– Как он сюда мог попасть? – улыбнулся Шура. – Так вам в цех пулемёты начнут таскать – вы и не заметите.

– Да не было его до убийства, – твёрдо сказал белобрысый парень двухметрового роста, весь состоящий из мускулов. – Я полы протирал вчера шваброй. Воду плесну, кровь после рубки разбавлю и толкаю всё вот к этому каналу сливному. По нему всё уходит в трубу и далее в канализацию. Так вот не было этого топора. Кто-то, видно, шел с ним тихо за начальником и его за спиной держал. Знал, что мы курим в это время. Шарахнул сзади, топор из головы не выдернул и убежал.

– А это был начальник вашего цеха, – Шура пнул пару раз чурбак носком элегантной серой туфли. – И его убивает посторонний, не из разделочного цеха, но свой для комбината. Чужой сюда пройти может?

– Не-е! – хором крикнули рубщики. – «Вохра» не пропустит.

– Так где такими топорами работают? В обвальном, говорите?

– И ещё в подсобном. Там тонкие рёбра ими рубят, хрящи, – уточнил белообрый двухметровый.

В обвальном работали мужики помельче размером и крупные женщины. Действовали они такими же топорами, каким грохнули начальника цеха разделочного, и большим ножами с изогнутой для удобства рукояткой.

– А где ваш руководитель? – спросил Александр у женщины, которая была к нему ближе. – Я из милиции по убийству в разделочном. Вас как зовут?

– Ниной зовут меня. А начальника две недели нет уже. В санатории он. Скоро вернётся. Через неделю. У него печень не в порядке. Отправили лечиться грязями в Кисловодск или куда-то рядом с ним, – крикнула обвальщица из-за части разделанной туши. – Замещает его Васильев Виктор. Официально – старший мастер-обвальщик. Витя, иди сюда! Милиция интересуется.

Подбежал из дальнего угла лысый мужичок с ножом в руке. Фартук клеёнчатый в крови, лицо тоже.

– Сколько вот таких топоров в цехе? – спросил Шура.

– Двадцать два, – быстро ответил Васильев.

– Идем вместе. Пересчитаем, – Шура потянул его за рукав мокрой от крови рубахи.

Посчитали. Одного топора не хватало. Он был в руке у Маловича. Остальные лежали возле каждого рабочего места вместе с разными ножами.

– Странно, – потёр подбородок Витя обвальщик. – Топора нет возле подвески-цепи Мишки Савушкина. И Мишка заболел ещё позавчера. Позвонил, сказал, что пошел в больницу. Что дня три вряд ли появится. Желудок у него больной. Но инструменты все лежали на месте. И топор этот. Я видел.

– А он, случаем, не родственник убитого начальника Неверова? – Шура разглядывал обвальщиц, которые поразительно ловко работали ножами и топорами. – Может, брат или зять? Может племянник? И где его место рабочее?

– Нет, это Мишкин дружок закадычный, Коля Зимин из колбасного – зять Неверова, – сказала женщина Нина. – А место Мишкино вон где. Справа от входа первое.

Ладно. Спасибо.— Шура с топором вернулся в разделочный цех и крикнул, чтобы все слышали.

— Во сколько точно Неверова убили?

— Ровно в три мы курить пошли, — сообщил невысокий квадратный юноша лет двадцати пяти. Он был в майке, трико и фартуке поверх этой почти спортивной формы. — Заходим обратно, а Неверов лежит на цементе и портфель рядом с разрубленной головой весь в крови. А в голове топор застрял. Полчаса нас не было на местах.

— Мы через каждый час курить ходим. На двадцать — тридцать минут. Режим такой начальник установил.— Добавил большой взрослый мужик в клетчатой рубаше и пляжной кепке.

— А зятя его вы знаете? — Шура пытался увидеть всех, но сквозь туши на крюке многие не просматривались. — Колю Зимина знаете?

— Да конечно, ясный полдень! — крикнул белобрысый.— Он всем намозолил глаза. Бухарик и ходок. Козёл ещё тот. Алкаш и бабник — если культурно сказать. Неверов их насильно со своей дочкой, женой Колькиной, развёл. У него друг боль-

шой в горисполкоме. Позвонил этот друг в ЗАГС и Кольку со Светкой без них развели. Заочно. И о разводе свидетельство отдали Неверову. Колька сам говорил. А вроде Светлана сама вовсе и не хотела разводиться. И Колька не собирался. Они, конечно, собачились промеж себя, но жили почитай уже пять лет. Да! Пять!

– Колбасный цех как найти? – Малович пригладил волос рукой, свободной от топора.

– Второй этаж весь под колбасы отдан. Но Колька, если он нужен, в цехе сырокопчёной колбасы. Это спуститесь и налево до упора. – Подсказал мужик в пляжной кепке.

Шура нашел колбасный быстро. Но Зимина не было.

– Он запил позавчера. Вчера его, пьяного, мельком наши видели. Шарахался по этажам. На работу не вышел. И здесь даже не появлялся. Я его точно уволю. Задолбал пьянками, блин! – сказал начальник цеха. Шура взял у него адрес Коли и вышел на улицу.

– Дома его ловить не стоит. Нет его дома. Искать надо в «тошниловках» или пивных подвалах, – он подумал и вернулся в отдел кадров. Взял там маленькую фотографию Зимина, запасную, которая в личном деле лежала на всякий

случай. Топор завернул в газету, которую подарили кадровики и кинул его на дно мотоциклетной коляски. – Бляха, с души воротит эти притоны-«рюмочные» нюхать. Но найти его надо поскорее.

Часа через три, уже ближе к вечеру Шура после девяти порожних посещений забегаловок разных зашел в круглосуюточную пивнуху «Жигули». Коля Зимин качался возле высокого грязного столика, страдающего от тяжести поставленных на него восьми локтей, трёх бутылок «агдама» и десятка ополовиненных кружек с пивом. Малович подошел к нему сзади и прошептал на ухо.

– Поехали лучше в «Турист», Колян. У меня бабки заимелись. Коньяка хлебнём по паре пузырей.

– А ты кто будешь? – не глядя на Шуру, прошелестел Зимин губами, которые хозяина почти не слушались.

– Да Санёк я! – обнял его Александр Павлович. Шура заметил на руке Зимина почти свежий порез чуть выше левого большого пальца.– Вчера ж мы здесь познакомились и побратались. Забыл, что ль? Я ещё тебе пива купил и водкой разбавил. Потом бутылку ты разбил и мы руки поцарапали. Кровью соединили руки. Братьями стали. Поехали, братан! Хрена это пойло гадкое хлестать?! Догоним кайф ар-

мянским.

– Мы поехали. Но вернёмся. Ждите, – доложил Коля тупо смотрящим на Шуру корешам. Они обнялись и с трудом в таком единении протолкнули себя в дверь, ведущую на улицу. Малович отвёз уснувшего по дороге Колю в камеру предварительного заключения номер три. Донёс его на руках до шконки и уложил. Сам сходил за топором, сунул его под шконку, потом набрал ведро холодной воды в колонке возле ворот УВД и вылил её, почти ледяную, на Колину голову. Зимин подпрыгнул, грохнулся головой об верхние нары и сразу же пришел в себя.

– Ты кто, мужик? Я где? – он часто моргал и мутными глазами вглядывался то в Шуру, то в аскетичный интерьер камеры.

Шура достал удостоверение. Раскрыл и поднёс его к глазам парня.

– Малович...так... майор...ага...Уголовного роз... Ты чё!?! А ну вези меня назад к пацанам. Не знаю я никакого уголовного розыска.

– А Неверова Илью Сергеевича знаешь? – тихо спросил Шура.

– Жены моей, суки, батяня. У нас начальником разделки работает. Падла такая, – Зимин минуту скрипел зубами и матерился.– Развёл нас с женой через своих блатных в гор-исполкоме. Ненавижу.

– Ну, и ненавидел бы на здоровье. Кто не давал? Но убивать-то зачем было?

– Это как так? – удивился Зимин. – Кого убивать зачем было?

Шура достал из под шконки топор и протянул его Коле. Тот взял его, подержал минуту, Махнул им над головой пару раз и лицо его осенилось невнятным воспоминанием, после чего Александр Павлович за лезвие топор прихватил и завернул в газету.

– Вечером позавчера он меня вышвырнул из дома. Сказал, что мы со Светкой уже не муж и жена. Что, мол, я тут теперь чужой и лишний. И что я пошел вон! Ну, и вытолкал меня на улицу.

– Побольше бухай, – сказал. – Может скорее сдохнешь, алкаш хренов. А жена промолчала. Утром вчера я пораньше пришел, вмазал по дороге в пельменной водки триста грам-

мов. Пельменная с семи открывается. Потом сел возле обвального, взял топорик. Он бесхозный был. Лежал почти рядом с открытой дверью. Ждал я тестя до трёх часов. Начальник же. Приходит когда захочет. Он мимо меня должен был в свой цех пойти со своим портфелем из крокодиловой кожи. Дорогой, мля! Ужас! Ему брат родной привёз из командировки в Германию.

На наши деньги – четыре моих зарплаты стоит. Восемьсот рублей, мля! А как он им гордился, козёл! «Такого даже у секретаря обкома нет,» – хвастался. А в нём носил тесть бумаги разные, документы и фотоаппарат импортный. Каждый день что-то фотографировал когда шел на работу, а по выходным ездил на своем мотоцикле природу фотографировать. Любитель фотографического искусства, мля! И я со зла за развод наш несправедливый хотел наказать его, портфель хотел порубить крокодиловый, почти драгоценный, на куски вместе с внутренностями. Догнал его уже, когда он в цех вошел и в мелкие куски порубал портфель.

– А ты не добавлял водочки по дороге? – Шуре всё стало понятно.

– Ну, ещё два по сто пятьдесят принял в столовой «Степная сказка».

– Понятно. – Шура поморщился. – Но не попал ты по портфелю, Зимин. Ты на две части раскроил тестю голову. Топор не вынул и сбежал. Пошли в кабинет начальника моего. Там договорим.

– Вот. Задержал поганца, – посадил он Колю к столу командира. – Он зарубил начальника цеха Неверова по пьянке. Но думал, что рубит портфель его из дорогой крокодиловой кожи. Тестю брат привёз из Германии. Обиделся на Неверова Коля. Тесть по знакомству сумел развести его с женой без их присутствия и свидетельство ему выдали. Потому, что Коля сильно пил и бил жену. Хотя сама жена разводиться тоже не собиралась.

– Там криминалист кое-что нарыл. Сейчас я его позову, – отозвался Лысенко и позвонил.

Пришел Шершнев из аналитического отдела. Принес клейкую бумагу с отпечатком ботинка, который нашел прямо возле лужи крови. Дал Зимину такой же чистый лист и сказал.

– Правой ногой наступи.

Коля наступил.

– Вот, – показал криминалист всем два листа. Один и тот же рисунок.

– А чего же ты отпечатки пальцев не стер с рукоятки топора? – спросил Шура.

– Стер я. Плюнул три раза на рукав рубашки и стёр мокрым местом. Значит не все стёр, блин.

Криминалист взял его за руку, подвел к столу, достал из кармана синюю коробочку с губкой, пропитанной черной краской, и ткнул три пальца Зими́на в губку. Потом приложил пальцы к листу белой бумаги. Остались отпечатки. На топорщице он клейкой лентой тоже ткнул в три места и перенес отпечатки на лист рядом с первыми. Все папиллярные линии были одинаковыми.

– Всё понятно? – спросил он командира. – Разрешите идти?

– Иди, – Лысенко долго смотрел на Зими́на.

– Дурак ты, Николай, – сказал он грустно. – Страшной смертью наградил ты своей рукой тестя. Пиши признание. Что имел неприязненное отношение к тестю Неверову. Причём укажи сколько выпил за день и в день убийства. И напи-

ши, что в совершенном убийстве раскаиваешься чистосердечно. Не забудь описать, как поднимал топор и сколько раз ударил.

Зимин сел писать.

– Под расстрел, может, не попадешь, но сидеть придется долго.

Он вывел Маловича в коридор.

– Я Зимина следаку сам передам. Лет десять дурачок этот схлопочет. Спасибо, Шура. А новое дело будет ой, какое серьезное и трудное. Кто-то стреляет через дверь закрытую и убивает людей. Звонит. Его спрашивают: «Кто там?». И он на голос стреляет точно в голову. Уже четыре трупа за два месяца. Люди разные, никак друг с другом не связанные. Живут в разных районах города. А один ветеринар вообще жил в совхозе Варшавский. Семь кэмэ от Кустаная. Так у него дверь потолще, чем городские в панельных домах. Пробыл, сучок шрапнелью. Тоже в голову и насмерть. Убивает их кто-то, кому они хорошо знакомы. Я так думаю. Потому что никакой одномерной зависимости и связи нет. Учитель физики, кассирша из магазина игрушек, тренер по боксу и ветеринар. Дикость полная. Разнобой несочетаемый.

Лысенко пошел в кабинет и вернулся с бутылкой коньяка и стаканом.

– Пишет Коля Зимин. Ты ж пить не будешь? А я глотну малость. Устал что-то. Иди, Шура, к Ляхову. Его группа последней пыталась понять, что к чему в этих расстрелах. Мотивацию хотя бы. Иди.

Ляхов достал из стола несколько бумаг.

– Свидетельские показания и заключение криминалистов, – протянул он бумаги Маловичу. – А свидетели подтверждают только то, что выстрел был громкий. Выглядывали не сразу от страха. И уже, конечно, никого не видели.

В комнате Ляхова было накурено до той кондиции, когда можно было подбросить ручку и она бы зависла в дыме, который всё же содержал процентов пять воздуха.

– Пошли в коридор, Гена, – Александр Павлович выскочил первым. – Тут же смертельная доза никотина. Лошадь убивает.

– Да откуда у нас тут лошадь? – засмеялся Ляхов. – Я да Витька Хромов. Кони мы. Коней три капли никотина не берут. И пять. Да и двадцать пять. Два стакана водки не берут.

Видишь, я бегаю, разговариваю. Даже бумажки пишу. Башка, правда, гудит. Но это чепуха.

– Смотри, – показал Малович на бумагу. На рапорт Ляхова командиру. – В июне два убийства за один вечер. Двадцать четвертое число. И в июле двадцать шестого двоих расстрелял. Одного в совхозе около семи вечера, а вторую, кассиршу, в половине десятого. Но тоже двадцать шестого.

– И что? – не удивился Ляхов.

– Да ничего особенного. Пока только кусочек подсказки. Но хоть такой для начала, – Шура взял рапорт криминалистов. – Стреляли всегда один раз. Шрапнелью. Только шрапнелью. Из обреза. Разгон дробы короткий, а разброс по сторонам от тела уже шестьдесят сантиметров. Причём убитые всегда стояли почти вплотную к двери. Голову разбивала шрапнель так, что опознать человека могли только близкие по одежде, часам, женщину – по платью и золотой цепочке с медальоном.

– Вот и думай тут! – Ляхов длинно выматерился. – Мы головы сломали с Хромовым. Ну, убивал бы одних начальников, например. Оттуда выгнал один, отсюда – второй, с третьего места – третий, четвёртый уволил за какую-нибудь хрень. Тогда хоть мотив есть. Отвергли, прогнали, обидели,

унизили. А тут разноразной такой... Учитель, кассирша, тренер, ветеринар. Что общего у стрелка с учителем, который, может, всего-то лишнюю двойку ему в пятом классе вклеил. А бедная кассирша сдачу недодала? Тренер по боксу морду ему набил в кабаке? Ну, чушь же! А ветеринар его, козла, лечить отказался? За это какой дурак убивать будет? Вот и думай что хочешь. Серийное явно. Но бессвязное. Думать надо. А мы уже всё с Витькой передумали.

– Шура поднял глаза к потолку и беззвучно что-то шептал.

– Убийства были через тридцать, нет через тридцать два дня. Если я правильно думаю, то следующий расстрел – двадцать восьмого августа. Как говоришь? Отвергли, унизили? Да... – Малович забрал бумаги, пожал Ляхову руку и пошел на улицу.

– Почему, блин, двадцать восьмого? – крикнул Ляхов в спину Шуры.

– Но Малович не ответил. Он уже начал крепко думать. А в эти моменты Шура так глубоко уходил в себя, что искать его было бессмысленно. А и найдёшь – ни слова из него не выжмешь и сам можешь ничего не говорить. Не услышит. До предполагаемого убийства из этой серии восемнадцать дней оставалось по разумению Маловича. И надо было очень

сильно расшевелить мозг, чтобы понять – кто и где будет новой жертвой у неизвестного и весьма таинственного стрелка.

Началась, похоже, действительно крупная работа с тайнами и загадками, по которой Шура давно тосковал.

25. Глава двадцать пятая

Шура Малович сам никогда всерьёз не относился к тому, что милиционеры и уголовники считали его очень умным, хитрым и сверхъестественно проницательным. Он вообще не понимал и не пытался прояснить, откуда в голове появлялась вдруг почти натуральная картина, нарисованная как бы цветными карандашами, на которой слева направо изображалась панорама преступления от замысла до исполнения. Причём он даже видел людей без лиц, но движущихся к своей цели – преступлению. Видел места, куда ему надо было обязательно попасть, чтобы выскочить на след нарушителя закона, чувствовал приближение к нему и перед самым задержанием подсознательно ощущал, как оно произойдёт.

Пробовал года три назад сесть капитально на целый день и всю эту почти колдовскую мешанину расшифровать, догадаться: почему всё происходит так именно, как он чувствовал и предугадывал. Надеялся вычислить ту силу неизвестную, которая легко и быстро ведёт его к поимке преступника. Но ничего не получилось. Спросил очень разумного брата старшего Бориса. Но ответ получил вообще неожиданный.

– Ты, Шурка, ненормальный. Не в том смысле, что псих.

Ты – аномалия. Мозг и нервная система у тебя генетически искажены. Видно, мама наша до рождения твоего что-то не то ела. Какое беременным не положено есть. И потому что-то там в системе образовалось с избытком. Штук на пять больше иксов или игреков стало. А, может, генетическая цепочка вообще узлом завязалась. Или даже тремя. Морскими. Отсюда у тебя и сверхспособности к нелогичному, но интуитивно верному решению всего.

Умный Шура ни черта из речи брата не понял. А поэтому сделал поправку на то, что Боря – корреспондент, мастер художественного слова и ему словами повыпендриваться – просто удовольствие. Утвердилось в сознании только то, что интуиция ему помогает больше, чем мозги.

– Да и ладно! – успокоился Малович. – Всё получается как надо и пёс с ней, с причиной, от которой всё и получается. Интуиция так интуиция. Значит, если мозги откажут когда-то, то на работе это и не отразится.

Вспомнил он разговор этот с братом, открывая кабинет Вовы Тихонова. Надо было посидеть вдвоём и прожевать пока твердый, как старый хлеб, кусок факта: «какой-то гад расстреливает разных людей через двери их квартир».

Тихонов употребил, похоже, стакана два водки и вёл себя

весело.

– Ты, Саня, прикинь: нас ведь с Маринкой развели. Раньше чем через месяц. А я прожил это время один и врубился, что мне лучше стало. Сам всё, что пожелаю, то и делаю. Готовить научился. Вчера бифштекс сам сжарил. Отчитываюсь только вам с Лысенко по работе, к бабам своим «левым» бегаю без морального ущерба для совести. А это, скажу я тебе, Шурка, для моего организма, оказывается, очень оздоровительное мероприятие. Как витамины А, Б, Ц и Е. Вот я тебе то же сделать советую. Разведись и живи как вольный орёл. Черпай от баб витамины и повышай уверенность в мужестве.

– Ты б закусывал получше, – сказал Малович. – И не вздумай такое командиру ляпнуть. Выгонит нахрен. Пойдёшь заведующим нашим гаражом трудиться. Весь будешь в бензине, соляре и масле по бабам бегать за витаминами. Ты лучше послушай, что нам с тобой надо будет в ближайшее время делать.

И Александр Павлович за полчаса изложил ему всю фактуру по таинственному стрелку, убивающему как будто наугад и неизвестно кого да зачем. Шарахается по подъездам с обрезом, находит дверь, которая ему не понравилась номером или цветом обивки, и вызывает хозяина. Тот и открыть не успевает, а сразу превращается в труп.

– Ну, и что ты в этой теме можешь придумать? – сел он на край стола. – Чего он стреляет в кого попало, причём всегда через тридцать один-тридцать два дня? И почему гробит ровно по два человека за вечер? Ну, свободный ты нашенский витаминизированный орёл, какая будет твоя версия?

Даже думать не стал Вова. Сразу сообразил. Потому, что выпил не четыре стакана водки, а два всего.

– Это, Шура, псих больной. Освобождает мир от вредных злых людей. Сперва узнаёт у соседей, кто в подъезде самый гадкий и мерзкий, а потом находит время и его, мерзкого, гасит. Мир становится чище.

Малович поморщился. Несло от Володи дешевой водкой метра на два вперёд и в стороны.

– Соседей всех опросил Ляхов до того как нам с тобой дело передали. Никто его не видел даже. Только выстрел все слышали. Ни к кому он не подходил и ничего не спрашивал. А через каждые тридцать один-два дня почему убивал? Мог бы и через одиннадцать дней или вообще когда попало. Так нет ведь. Строго через определённое время. Какие мысли? – Малович уставился на нетрезвого друга без надежды на ответ.

– Я сегодня с Танькой в кино иду! – вспомнил Вова и лицом посветлел. – А потом пойдём к ней и...

– Рапорт подай на увольнение, придурок. Я с тобой работать не буду. Керосинить бросишь – подумаю. И то, если «сухим» месяц продержишься. Пошел бы ты, капитан Тихонов! Знаешь куда.

Шура вышел на улицу и через пятнадцать минут уже ел мороженое «крем-брюле» в парке на скамейке центральной дорожки. В голове свистел ветер северный, умеренный до сильного. Выдувал все мысли о работе. Тоненький звонок в часах Маловича «Слава» обозначил, что наступил полдень. Он звенел два раза в сутки. В двенадцать дня и в двенадцать ночи. Но никого не будил. Звонок был тише писка комариного.

– А надо сейчас без мыслей тупо идти в наш единственный оружейный магазин.– Сказал ему кто-то изнутри твёрдо и уверенно.

Малович объявился в кабинете директора магазина «ИЖ» вовремя. Шла планёрка и в кабинете сидели все. От первого заместителя до сторожа.

– Ружьишко прикупить надумали, Александр Павлович? – протянул Шуре руку директор Софронов. – Подберём соответствующее вашему статусу!

– Нет, – Шура сел на свободный стул и поправил свой блестящий волнистый волос. – Я хотел бы получить список людей, которые покупали шрапнель-патроны примерно с апреля и до сегодняшнего дня. Вы же по охотничьим билетам продаёте? Значит фамилии есть и количество патронов тоже отмечено, да?

– А как же, – Софронов махнул рукой старшему продавцу, Алексею Михайловичу, седому дяде, который работал в магазине с его открытия в пятьдесят девятом году.

Алексей Михайлович через пять минут принёс журнал. Там были записаны все, кто покупал оружие и патроны.

– Свободны. Весь коллектив, – сказал директор. – Мы тут втроём останемся. Алексей, ты не уходи.

– А я и не ухожу, – засмеялся старший продавец и почесал затылок. – Тут сперва надо поправку сделать в терминах. А то запутаемся. Не бывает в ружьях охотничьих шрапнели. Это охотники чтобы прихвастнуть сами придумывают и потом рассказывают, что стреляли шрапнелью. А это не для

ружей заряд. Для ружей – картечь. Это шарики, крупнее самой крупной пятимиллиметровой дроби. Их в патроне может быть от трёх стальных шаров до двадцати шариков из свинца с сурьмой.

Короче если говорить коротко и упрощенно, то картечь – это сами поражающие элементы, крупные, конечно, но вылетающие непосредственно из ствола, а шрапнель – это поражающие элементы, которые доставляются отдельным снаряжением до необходимого места, где он и разрывается. Разорвётся и разбрасывает отдельные игольчатые или любые остроконечные металлические штуковины на десятки метров во все стороны. В артиллерии шрапнель есть. Старая придумка сэра Шрапнэла. А для простого ружья такой патрон даже двенадцатого калибра не сделаешь. Потому в ружьях – только картечь. Но убойная сила и разброс шаров-пуль тоже большой. Очень опасная вещь. Промахнуться картечью сложно, да и раны от неё страшные и всегда смертельные.

– А многие охотники любят картечь? – озадаченно спросил Шура. До сих пор все ему говорили, что убийца стреляет в дверь шрапнелью.

– В Кустанае примерно сорок восемь-пятьдесят городских охотников её берут. Из области, из деревень приезжают за такими патронами человек двадцать, – Алексей Михайло-

вич листал журнал. – Тут всё записано. Кто купил, когда и сколько, и какие именно патроны: с тремя большими шарами или с десятком шариков поменьше диаметром. Я вам сейчас скопирую нужное. У нас свой аппарат «Эра». Официально разрешенный и зарегистрированный. Будет у вас самая полная информация. А что случилось? Почему ищете любителей картечи?

– Да появился в городе «охотник за головами», – Шура покачал головой. – Стреляет через закрытую дверь на вопрос «кто там?». В голову. Жертвы ни с ним, ни между собой ничем, по сегодняшним данным, не связаны. Но так не бывает. Если человек на учёте в психдиспансере, он у вас ничего не купит. Вы же справку оттуда запрашиваете?

– Обязательно, – улыбнулся директор. – Если на учёте состоит, так ему и пишут. А не состоит – тоже пишут. Мы строго всё проверяем. Оружие у психически больного – это страшно.

Шура дождался копий, пожал всем руки и поехал в кабинет изучать списки. Кого только ни было среди любителей стрелять в крупных животных. Малович сильно удивился, когда отдельно выписал людей, представителей очень добрых профессий. Девять врачей, восемнадцать мужчин-учителей, руководитель танцевального коллектива, писатель, за-

ведущий детским садом и одиннадцать студентов педагогического института, будущих преподавателей истории, философии, физики и иностранных языков. Ну, кроме них директора совхозов были. К числу «добрых» их должности не относились. Тринадцать мужиков в возрасте около пятидесяти лет и старше, шофёры ещё, шестнадцать человек, два милиционера, которых Малович знал и ещё девять строителей. Ну, и егеря с лесниками, конечно.

Вот всю эту бригаду надо было отловить и поодиночке с каждым поболтать про охоту и картечь. Потому как все остальные три тысячи семьсот шестьдесят два покупателя патроны брали стандартные – обычную дробь, чаще всего третьего номера. На зайца, уток, фазанов и перепёлок.

Неделю Александр Павлович встречался с людьми из списка, расспрашивал о том, где охотятся, с кем ездят, привозят ли добычу домой и смогут ли в семьях подтвердить, что глава часто радуется их мясом кабанов или разных антилоп, коих в степях очень много. Шестнадцатого августа он съездил к последнему любителю картечи, врачу-дантисту Березину и понял, что КПД всей работы, которую он провернул быстро и грамотно, ниже, чем у старого паровоза. Подозрений не вызвал никто.

Интуиция Маловича молчала, как партизан на допросе.

Не почувял он преступника среди людей из списка. Это ввело его в оторопь и ступор. Не делает же убийца картечные патроны сам. Дома! Тут мастером надо быть. А стрелок по дверям явно им не был. У него была цель – убрать определённых людей, а не стать специалистом по набиванию довольно сложных патронов. Вряд ли он делал их сам. Тогда где брал? В магазине – точно не покупал. За всё время встреч с охотниками ничто в душе майора не ёкнуло, ничто не насторожило.

Надо было через общество охотников и рыболовов узнать, сколько в городе умельцев, набивающих картечные патроны на продажу или для себя. Шура приехал к председателю общества, которого пришлось пугать. Не хотел он ничего рассказывать.

– А если я выясню, что вы выписываете охотничьи билеты без справок из психдиспансера? – спросил он дружелюбно Валерия Антоновича Агапова, председателя. – Вот Игнатенко Виктор так у вас получил билет и путёвку на отстрел сайги. Сайгу ведь нельзя отстреливать, это раз. Во-вторых, одного Игнатенко мне хватит, чтобы вас привлечь как нарушителя закона.

– Я не помню никакого Игнатенко, – задумался председатель. – Да и вообще у меня семь тысяч охотников в обще-

стве. Всех упомнишь?

– Я говорю – одного достаточно будет. Мы завтра с ним приедем и он подтвердит устно и письменно, что вы у него справку из диспансера не брали. А сделали билет вообще без справок за пятьдесят рублей. Бумагу его я себе заберу и с ней к вам придёт наш следователь. Посидит у вас недельку и много чего накопает. А Игнатенко, вам для воспоминаний на досуге, утром пришел с просьбой, а в обед уже имел охотничий билет. Заплатил полтинник. Так он напишет. Пятьдесят рублей – это уже крупная взятка. Возбудим дело. Вам надо это? – Шура смотрел на председателя прямо и строго.

– Ладно. Не надо возбуждать, – Валерий Антонович растегнул на рубашке верхнюю пуговицу и закурил. – Пишите. Хрященко Иван набивает патроны на продажу. Улица Герцена, дом семь, квартира тридцать три. Половцев Андрей Иванович набивает картечь и продаёт. Мы не запрещаем. Всё под нашим контролем и с нашим разрешением. Ещё есть Замков Игорь Сергеевич. Мастер. Он и оружие делает. Регистрирует у нас номера и продаёт. Хорошие двустволки изготавливает. Не хуже Тульских. Разрешение от нас имеет и отчёты сдаёт раз в квартал. Он и патроны набивает, естественно. И они лучше магазинных. Вот вам на бумаге их адреса.

– Вы аккуратней работайте, – Шура поднялся и на выхо-

де напомнил: – Неучтенное оружие и боеприпасы могут вас лично и всю организацию очень больно укусить. А взятки – тем более. Я уже сказал, что и одного факта хватит. А он у меня уже есть. Надо будет – ещё найду. Верите?

– Верю, – потупился Агапов и Шура вышел, не прощаясь. Он догадывался, что в обществе охотников мухлюют и взятки берут за билеты да разрешения на отстрел не в сезон. Но сейчас это его не могло заставить отвлечься от поисков стрелка.

Пошел сразу к Мастеру. К Замкову. И вспомнил Игорь Сергеевич, пожилой мужик, бывший слесарь на механическом заводе, а на пенсии – изготовитель ружей и патронов, которые стоили дешевле, чем в «Иже», но ценились охотниками больше. Вспомнил он мужичка тридцатилетнего, странного на вид и поведением. Справку из диспансера он имел. В ней было сказано, что Таран Олег Алексеевич на учёте не состоит.

Паспорт мастер тоже просмотрел на предмет наличия судимости. Не было такого штампика. Но Олег вёл себя странно и выглядел так же. Побритый наголо, в сером комбинезоне, какие носят крановщики подъёмных кранов и промышленные сантехники, работающие в канализациях. Он говорил быстро и не очень членораздельно. Объяснил несвязную

речь тем, что в детстве переболел менингитом. Он курил дешёвые сигареты «Архар», но одекolonился французским парфюмом. Так решил Мастер. Запахи советских одекolonов он знал все. Сам имел коллекцию от «Русского леса» и «Шипра» до знаменитого одеколонна «Саша».

– Вот он берёт у меня картечь. По десять патронов в месяц. – Вспомнил Игорь Сергеевич. – Спрашиваю, где охотится. Так он говорит, что в разных местах. Ходит на лося в основном, так говорит. А где тут поблизости лоси? В Сибири, да на Урале. Но он туда точно не ездит. Я спрашивал, где в Сибири или на Урале стреляет, так он ни одного населённого пункта из тех мест назвать не смог. Ни хрена не понимает в охоте этот Таран.

Но патроны-то берёт. И двустволку я ему делал лично. Попросил он, чтобы я выбил на ружье номер один. Я выбил. Сдал отчёт в «Охотсоюз». Но там «номер один» числился за председателем облсовпрофа. Начальник общества охотников плюнул, выругался, но сказал, что хрен с ним, с Тараном этим. Председатель облсовпрофа всё одно про дубликат номера никак не узнает. А я и по виду, и по манере говорить со специалистом, таким как я, например, понял сразу, что вообще не охотник он. По бутылкам, небось, лупит картечью, придурок. Есть такие. Купит ружьё и стреляет по банкам пустым в степи.

– Адрес в паспорте видели? Прописка какая у Тарана? – как бы с неохотой спросил Малович.

– Пролетарская улица, а дом... Дом этот, как же там написано... А! Семьдесят два, вроде. Или восемьдесят два. Но два в конце точно. Квартиры нет. Значит, свой дом.

– Ну, спасибо. Просветили вы меня, – пожал ему руку Шура и поехал на Пролетарскую, семьдесят два. Во дворе сидела на скамейке пожилая женщина в ситцевом платье с полосками и вязала шерстяной шарф.

– Да, Олежка мой сын, – довольно сказала она, не отрываясь от спиц. – Сейчас он на работе. Он сторожем работает в гастрономе «Спутник» возле железобетонного завода. Сегодня у него смена до трёх.

– А на охоту он куда ездит? – мягко и ласково спросил Малович. – Я бы хотел с ним поездить. Товарищ посоветовал. Говорит, он везучий охотник, Олег ваш.

– Меня тётя Наташа зовут, – сказала женщина и засмеялась. – Да врут они вам, товарищи ваши. Ни разу с охоты даже утёнка не принёс. Чего ездит? Да он и охотиться-то начал месяца три назад. До этого и ружья в руках не держал.

– А что за ружьё у него? Что за патроны? – лениво поинтересовался Александр Павлович.

– А вот этого я не знаю, – глянула, наконец, тётя Наташа на Маловича. – Он их не дома хранит. На работе. Там сейф ему дали специальный для оружия. Так у него как раз смена до трёх. Сейчас уже и придёт. Вы дождитесь. Он сам лучше всё расскажет.

В половине четвёртого появился сам Олег.

– А кто вы? – он протянул руку, но слова «здравствуйте» не сказал.

Шура показал удостоверение, которое никакого воздействия на Тарана не произвело.

– И чё? – спросил он равнодушно. – Я что-нибудь нарушил?

– Регистрацию оружия проверяем. Плановое мероприятие. Мне шестьдесят человек надо обойти. Кому-то сто, некоторым полегче работа выпала – тридцать охотников проверить, – Шура держал руку Олежки и не отпускал. – Документы на оружие предъявите и охотничий билет.

Таран аккуратно выдернул руку из большой пятерни Мамовича, сказал «сейчас» и скрылся в доме. Через пару минут вынес коробку от фотоаппарата «Смена» и открыл. Шура внимательно изучил всякие разрешения, лицензии и даже талоны, а ещё личные расписки мастера Замкова Игоря Сергеевича на изготовление ружья и на набивку каждой партии картечных патронов.

– Это привычка у меня. Я все документы храню, – Олег сам перебрал все бумажки, вынутые из коробки. – Вчера насос купил для велосипеда, так чек дома в папке лежит. Не знаю. Отец приучил, царство ему небесное. Он сам всё сохранял. А что! Меня, например, эта странность моя сколько раз от проблем с торговлей и с вами, милиционерами, спасала! А что конкретно вы проверяете?

– Наличие оружия в исправном состоянии, документы на него и на покупку патронов, а так же проверяем пригодность и безопасность патронов самих, – Шура почему-то уже начал склоняться к мысли, что Таран и есть тот самый стрелок. Что-то подсказывало. – Ну и где вы, Олег, охотитесь? В степи, в лесу?

Я животных не могу убивать, – Таран смотрел себе под ноги. – Стреляю по банкам. Набираю их в городе. Разные ищут.

Большие и совсем маленькие. Стреляю за Тоболом. Три километра отсюда. Там овраг глубокий. Из него вверх ни одна картечина не вылетит. Безопасно.

– Двадцать восьмое августа у вас свободно? Хочу с вами пострелять. Давно не палил картечью, – Шура наклонил голову, улыбался, ответа ждал.

Таран поднял глаза к небу и стал губами шевелить. Вспоминал и подсчитывал.

– Двадцать седьмого я в ночь дежурю, двадцать восьмого дома весь день, двадцать девятого с трёх дня до восьми. В любой из этих дней можем пострелять. У меня всё в сейфе на работе. Мне директор сейф дал старый. Ружьё спокойно входит.

– Поехали, я двустволку посмотрю. Состояние проверю. И патроны гляну. Это быстро. Обрато привезу домой, – Малович поклонился матери Тарана и они поехали на мотоцикле в гастроном. Шура особо не гнал, ехал как законопослушный водитель. Сорок километров в час по оживлённым улицам.

– Да. Похоже, это он, – подсказывала интуиция. Вряд ли кто другой. Малович соединил три факта. Первый – Олег на-

чал стрелять три месяца назад. Чуть позже, дней на десять – двенадцать, были первые расстрелы через дверь. Второй – ружьё купил не в магазине. То есть людей, которые знают о том, что у Тарана есть оружие, почти нет. Мастер Замков Игорь Сергеевич и мама. Третье – картечь. На фига картечь там, где нет крупных зверей? А стрельба по банкам – тренировки. Чтоб плечо приклад держало, чтобы ствол не прыгал, чтобы курок спускать нежно, не рвать его как гвоздь из доски.

– Как он поедет со мной в свой овраг двадцать восьмого? – удивлялся Малович. – Ему в этот день или на следующий надо очередного человека убить. По виду похоже, что он психопат. Болезнь определить я не могу, но явно с башкой у него не всё хорошо. Автобусные билеты, наверное, тоже хранит. Одевается как клоун. В центре города работает, а носит на себе одежду сантехника, который чистит канализации. Разговаривает сбивчиво, почти неразборчиво и торопливо.

– Олег, а чего это ты так поздно к стрельбе проникся. Тебе тридцать есть?

– Да. В декабре тридцать один стукнет, – Таран ехал и оглядывался по сторонам. – А стрелять начал потому, что моя девушка мне сказала, что марки собирать и французские одеколоны – не мужское занятие. Надо стрелять, в секцию

тяжелой атлетики ходить, Гонять со скоростью на мотоцикле по грунтовке за городом. А у меня на мотоцикл денег нет. Всё на лекарства уходит. В детстве менингит был. Подлечиваю кое-что до сих пор.

– Ну, может и не менингит случился. Или, допустим, был он, а потом ударил по психике. Как осложнение,— думал Малович. – В полнолуние психозы обостряются. И все четыре выстрела в дверь случились именно в полнолуние. Оно дня три держится. Вот на второй день полнолуния, двадцать восьмого числа мы с утра до самого вечера постреляем. А вечером я его как-нибудь задержу. И весь третий полнолунный день следить за ним буду. У стрелка всё спланировано. Нарушить своё расписание он не в состоянии. Иначе – зачем вообще было затевать расстрелы!?

Приехали. Шура изучил двустволку и насторожило его только то, что стволы были по семьдесят шесть сантиметров. Не спилены. А криминалист сказал, что стрельба идёт из обреза. Странно. Хотя... Криминалист уже один раз ошибся. Отпечатков не увидел на ручке топора, которым зять Невеорова порешил.

– Больше нет ружей? – Шура сунул голову в глубокий сейф.

– На фи́га мне два? – Таран достал ящик с патронами. – Я же только учусь. Три месяца назад начал. Одного хватает во как!

Шура вскрыл один патрон. Вынул верхний пыж и увидел три стальных шарика, лежащих в углублении заряда.

– Все такие? – спросил он.

– Только красные, – Олег Таран достал патрон желтый. – А вот эти имеют внутри десять шариков по восемь миллиметров из свинца с сурьмой. Крепкие. Не мнутся при ударе о цель.

– Ну, ладно, поехали домой, – Малович помог всё затолкать в сейф. – Мне ещё на работу надо заскочить. Утром двадцать восьмого я за тобой заеду. Прокатимся до твоего полигона.

По дороге он заскочил к Зине в больницу и попросил, чтобы она узнала в неврологии, был ли такой больной менингитом Таран Олег. Отделение имело свой архив. Зина ждать не стала и позвонила знакомой, та быстренько сгоняла в архив и доложила Зине, что Таран болел с десяти лет и на учёте стоит до сих пор. Два раза в год ложится на обследование.

– На мозг влияет менингит? – спросила Зина.

– А как же! – удивлённо воскликнула знакомая. – Именно на мозг.

Шура всё слышал. Он встал, поцеловал жену и поехал к Лысенко.

– Кажется попал я на стрелка, – тихо доложил Малович. – Теперь надо все полнолунные дни держать его под контролем. Он неврологический больной. Жертва менингита. Полнолуние может изменять мозговую деятельность. При полной луне все душевнобольные чувствуют свободу, прилив сил и смелости. Берёт он ружьё и идёт убивать намеченного человека. У него график свой. Нарушить не может.

– Поймаешь, не волнуйся, – похлопал Шуру по плечу Лысенко. – Когда такое было, чтобы ты убийцу упустил? Не было вообще.

Двадцать восьмого Малович взял в шкафу рацию для связи с командиром и поехал к Тарану. Они загрузились оружием, патронами и банками разнокалиберными. Рванули в тот самый овраг за рекой Тобол. Стреляли не спеша. Рассматривали развороченные картечью банки, в которые стрелять после первого попадания ещё раз было бессмысленно.

От них ничего не оставалось. Просто куски будто плоскогубцами раскуроченного в разные стороны металла. Стрелял Олег не спеша, долго целился, но попадал из десяти раз девять. Для трёхмесячного, минимального опыта очень даже неплохо было. Даже отлично. Шура из сорока раз промахнулся только однажды. Часа в четыре вечера они развернули тряпицу, которую мама наполнила пирожками, двумя бутылками кваса, помидорами и колбасой, и с удовольствием всё это за полчаса не спеша уничтожили.

А в пять на рацию позвонил Лысенко.

– Шура. Только что позвонили. В доме тридцать, в квартире шестой на улице имени Павлова через дверь застрелили директора станции юных техников Науменко Василия Федоровича. Сорок пять лет. Позвонили, видно, как и в прошлые разы. Он спросил «кто?». Дверь пробили картечью. Дыра как футбольный мяч размером. Криминалист там сейчас работает. Голову разнесло на куски. Езжай быстро.

– Олег, грузи всё, кроме банок. Я тебе других много дам. У нас их полно дома. Давай. Там убийство, – Шура высадил Тарана на углу его улицы и полетел в адрес. Картину убийства, которую он увидел, лучше не описывать.

– Командир!– кричал Малович в рацию. – Скоро будет второй расстрел через дверь. Час или два осталось. А я, мать-

перемать, не знаю где. Куда, мать его, ехать!?

Лысенко витиевато выругался и рацию отключил.

Шура спустился к выходу из подъезда, сел на лавочку и попросил у прохожего сигарету. А, поскольку не курил вообще, сразу закашлялся и истёк слезами. То ли от кашля протёкшими, то ли от досады за ошибку.

26. Глава двадцать шестая

Есть в жизни много чего ненужного и нехорошего, чего абсолютно все ждут с содроганием. Едешь в автобусе по гололёду февральскому и обреченно ждёшь, сжавшись до минимальных своих размеров, что от тебя ни черта не будет зависеть если машину развернёт на дороге и через тротуар впечатает кусок железа с колесами и добрыми людьми в бетонную стену прочной крупнопанельной пятиэтажки. Или плывёшь храбро через тридцатиметровую речку Тобол и не думаешь о мягкости тёплой воды, о ждущих трепетно прикосновения рук человеческих ветках нежно-зелёного тальника на другом берегу. Ты ждешь внезапной судороги, которая скрючит тебя почти в узел и увлечет ко дну умирать. Да полно вариантов.

Вот, скажем, прошел слух по учреждению, где ты проводишь половину жизни, что с нового года всем повышают зарплату. Но ты ежедневно содрогаешься от злой мысли, что вот как раз тебе её и не повысят, а при состоявшемся для тебя повышении жалования счастливо радуешься, что добавленных денег теперь как раз хватит на долгое лечение нервов. А в самолёте? Через три ряда после твоего при разгоне на полосе весёлый голос громко сообщает соседу, как любит он

летать в самолетах «Аэрофлота» потому, что полгода назад их самолёт гробанулся при посадке и выжило только пятеро из восьмидесяти. Главное, что и он неожиданно выжил. Поэтому летать теперь любит. И ты с содроганием ждешь посадки, после которой желаешь любым способом отловить того голосистого провокатора и набить ему рыло.

Шура Малович содрогался от мысли, что после убийства через закрытую дверь двадцать восьмого августа стрелок вот-вот грохнет ещё одного человека, а помешать ему – ну, никак невозможно. И если едущим по гололёду, плывущим через реку и летящим в «Ту-134» печальный конец только чудился, то Маловичу не повезло вполне очевидно. В девять вечера Лысенко позвонил ему домой и раздраженно сказал, что десять минут назад картечью через дверь стрелок-маньяк превратил в труп руководителя хора городского Дворца профсоюзов Леонида Ломова. В хоре пели талантливые люди, выигрывающие любой республиканский конкурс лет десять подряд.

– Ты, Саша, тут не при чём, – успокоил Маловича взбешенный командир. – Теперь у тебя в запасе ещё тридцать один день минимум. Думай. Маньяк хитроумный, конечно. Но он, действительно, убивает только в полнолуние. До следующего, сентябрьского, ты его вычислишь. Только не разозлись, пожалуйста. Работай мягко. Как обычно. Найдёшь. Я

печенью чувствую. А пока развейся, отвлекись от мыслей про серийного идиота. Расслабься! Вот тебе срочное задание для успокоения нервов.

Сейчас собирайся и гони по трассе к станции «Тобол». Туда через сорок минут придёт поезд восемьдесят третий «Алма-Ата – Москва». В нем два «героя» с пистолетами грабят пассажиров. Один стоит в конце вагона и никого не пропускает, второй ходит от начала вагона с пистолетом и открытым портфелем по плацкартным отсекам и купе. В портфель под дулом «ТТ» пассажиры ему сбрасывают кошельки. Железнодорожная милиция послала сразу после сообщения начальника поезда трёх парней. Они догнали поезд на двух мотоциклах и смогли запрыгнуть на ходу. Но одного быстро ранили в ногу, второму прострелили плечо. Железнодорожная милиция просит нас прислать подкрепление. Бандюги едут от Кустаная. До нашего города их проводники не видели. Вот. Всю информацию от них я тебе передал. Так милиционеры по радиации своему начальству рассказали ситуацию. В форму не одевайся. Давай, лети, а то не успеешь.

Шура надел белую рубашку и любимые льняные светлые брюки, туфли лакированные серого цвета, затолкал в карманы две пары наручников и выбежал во двор. Мотоцикл у него был почти новый и по хорошей трассе, протянутой под углом к железнодорожной ветке, на станцию он успел

добраться раньше поезда. Возле маленького вокзала станции «Тобол» уже стояла «скорая помощь» для раненых железнодорожных милиционеров, а на перроне ждали отъезда человек сорок. Когда тепловоз подтянул к станции начало поезда, Александр Павлович увидел, что в первых вагонах, включая пятый, народ ел яйца вкрутую, холодную курицу и безмятежно пил водку, как это положено было при путешествиях поездом в далёкие края.

– Значит, движутся хмыри с конца,– прикинул Шура. – А на станции сейчас тихо перешли уже в первый вагон, где ещё не грабили, и спокойно отсидаются до окончания стоянки, после чего при движении вернутся назад. Всего в составе тринадцать вагонов. Все их бандиты смогут обойти даже при быстром сборе денег только перед станцией Джетыгара, не раньше. А это почти сто километров. Там они дело закончат и выскочить планируют. Значит надо садиться в шестой вагон и ждать. С полчасика, не больше.

Он показал удостоверение проводнице и сел дальше середины шестого вагона на нижнюю полку пятого купе. Проводница пошла с ним и попросила тётку с белой высокой причёской продавщицы место уступить для дела.

– В задних вагонах после нашего никто ничего не знает. Хорошо ещё, что ресторан в девятом,– тихо нашептала она,

поправляя белую блузку со значком «ЖД КАЗ ССР». – Из ограбленных сюда идти все боятся. А на дальней двери, на выходе в тамбур из вагона, который грабят, торчит второй бандит с пистолетом. Никто из пострадавших туда и не пойдёт даже на три метра. Пристрелит, гад!

– Вы мне газетку какую-нибудь дайте, – улыбнулся Шура. – Я пока читаю. Когда ещё он появится, неизвестно.

Раскрыл газету и как будто спрятался за ней. Минут через двадцать дверь купе раздвинулась и в проёме появился мужик лет сорока в кепке, с золотой фиксой во рту и раскрытым портфелем в левой руке. Правую он держал возле груди и дуло пистолета направлял то влево, то вправо, на нижние и верхние полки.

– Лопатники, по-вашему кошельки с бабками, все осторожно бросили вот сюда, в эту «берданку», по-вашему – в сумку. Вместо повтора просьбы делаю дырку на лбу, – спокойно и негромко сказал мужик.

Все пятеро пассажиров, включая Маловича, переглянулись, но пистолет выглядел очень внушительно и потому кошельки кинули в сумку все. Один Шура очень медленно отложил газету, вынул из кармана и не спеша бросил в портфель наручники. Бандит обалдел от увиденных «браслетов»

все-го-то на пару секунд. Но их майору хватило, чтобы правой рукой схватить левое запястье с портфелем, висющим на пальцах, и резко рвануть его в левую от себя сторону. Мужика развернуло спиной к Маловичу и левой Шура дернул его на себя.

Бандит упал спиной между его коленями и он легко вывернул правой пистолет из кулака бандита, после чего рукояткой приложился к его затылку, вышел из купе и побежал ко второму грабителю, стреляя на ходу в металлические таблички над его головой. Бежать надо было метров пять. Бандит от неожиданных громких ударов пуль над головой не сообразил отстреливаться, а подсознательно присел и нагнул голову. Шура, как обычно – кулаком сверху врезал ему по шее и уронил грабителя на пол. Заломил руки, накиннул наручники. Потом побежал в купе, достал браслеты из сумки и ту же процедуру проделал с «отключенным» сборщиком денег. Выволок его в коридор и тоже уложил лицом вниз.

– Вас как зовут? – спросил он подбежавшую проводницу.

– Неля, – на лице девушки не образовалось и тени испуга. Всё быстро вышло и незаметно.

– Вы мне, Неля, сюда сейчас начальника поезда вызовите. Быстренько.

Она убежала к внутреннему телефону, который имелся во всех вагонах. Через пять минут пришел крупный мужчина в кителе и форменной фуражке светло-коричневого цвета с чёрным околышем и зелёными кантами.

– Свяжитесь с горотделом УВД Джетыгары. Пусть пришлют машину «автозак» к перрону и двух сопровождающих с оружием. Повезём этих наглецов в наше УВД. В Кустанай. Это первое, – Шура загнул палец. – Второе – пусть какой-нибудь сержант из Джетыгары доедет с нами в машине обратно до станции Тобол и там меня сменит. Я возле вокзала мотоцикл оставил. Будет с автоматчиками сопровождать задержанных. А я поеду впереди милицейской «буханки», чтобы шофёр не заблудился.

И третье. От первого вагона до половины шестого пройдите лично с этим портфелем и пусть все заберут свои кошельки. Я их не забираю как вещественные доказательства потому, что их не пришлось искать. Кошельки не покидали портфеля, а моей задачей была не поиск денег, а задержание конкретных вооруженных грабителей. Но когда будете возвращать кошельки пассажирам, то не давайте им совать в портфель руку и выбирать кошелёк. Спрашивайте сначала – какой именно был кошелёк, Цвет, форма, материал, особен-

ности внешнего вида, сколько в нем лежало денег и что было кроме денег. Ну, фотография или ещё что-нибудь. Потом сами его находите, проверяете и отдаёте.

А пострадавший на вашей бумаге вашей ручкой пишет, что кошелёк после ограбления и задержания грабителей был возвращён милицией в прежнем виде и с той же суммой денег. И роспись владельца кошелька. Пострадавшие тоже являются свидетелями. Грабили сначала одного, а другие это видели. Ну, и так далее. Нам будет достаточно свидетельских показаний пассажиров и ваших сотрудников. Работы для вас много, но и грабят ваших пассажиров не каждый день, да ещё и с оружием. И потом – помогать милиции это обязательное дело для каждого честного человека. Вы не будете возражать? Да, от вас с проводницами всех ограбленных вагонов прямо сейчас нужна объяснительная о том, что такого то числа в таком-то поезде произошло вооруженное ограбление пассажиров и что майором Маловичем из Кустанайского уголовного розыска грабители обезврежены, и деньги возвращены пострадавшим. Распишитесь все и поставьте печать поезда. И абсолютно все бумаги передаёте мне. Есть у вас печать?

– А как же! – взял под козырёк начальник поезда. – Всё сделаем до станции. Ещё полчаса ехать. Бумага белая как снег свежий. Сейчас всё напишем, распишемся с пассажира-

ми и всем коллективом, тогда документы принесём в папке с тесёмками. Майор Малович, правильно? Разрешите выполнять?!

– Ещё как разрешаю! – тоже торжественно сказал Шура и пошел посмотреть внимательно на задержанных. Шляпу бы ему с загнутыми полями и напоминал бы Шура лихого ковбоя. Два пистолета за поясом, мощное тело под тонкой рубахой и готовое к любой опасности выражение на красивом обветренном лице.

– А! Надо же! Саврас! – узнал он бандита, который еще пять минут назад стоял возле тамбура с пистолетом. – Ты же, ваши бакланят, в Магнитогорск свалил и там медвежатником светишься на хазах блатных. А ты, блин, щипач Кустанайский по-прежнему. Только с волыной вместо ловких пальчиков. Обмельчал ты, Саврас. Медвежатник – бомбила сейфов – это высшая каста. А ты «маслятами» фраеров на дорогах пугаешь. Во, мля! Но катит вам обоим за разбой с оружием и грабеж при отягчающих обстоятельствах статья 76, часть первая, части вторая и третья отдельно. По червонцу на рыло вам, жиганы храбрые. Организованная группа, блин! Отягчающая вину. Вкапались вы, орлы, по самое «не хочу».

– Я думал ты уже полковник, начальник, – промычал Сав-

рас.— Сидишь в кабинете. Рядом в горшке пальма из нейлона. Ковер под ногами, коньяк в шкафчике. А ты всё носишься, силы тратишь. Житья от тебя нам, босякам, нет, мля!

Шура наступил ему на спину правой туфлей и слегка придал.

– Ты, поганец, детский дом ограбил и Володя Марецкий, лейтенант молодой, не смог следствию обосновать тяжесть и мерзость преступления. И дали тебе всего три года, козлу. Жаль, что не мне твоё дело сунули тогда. Сейф ты у директора подломил. Дети – сироты. Директор им собирал деньги на новогодний утренник. Новые костюмчики и платья хотел детдом купить в подарок девочкам и мальчикам сиротам. Все воспитатели за эти деньги на уборочной отпахали по очереди сезон на элеваторе. Зерно тётки молодые – красивые буртовали деревянными здоровыми лопатами. И директор с ними одинаково вкалывал. А ты все деньги тиснул и три клифта себе выходных в индпошиве сшил из бостона. Остальное пропил с кентами. Дети без радости остались, без подарков. Зато ты, сука, лоснился от жира. Жрал деликатесы в кабаках, коньяком запивал. Ладно. Похлебаешь баланды десять лет – понт твой сойдёт, а «тубик» тебя догонит.

Он пошел в купе и сел к окну.

– Чаю вам принести? – подошла проводница Неля.

– Давай, – кивнул Шура. – Без сахара только.

Скоро ему принесли в белой картонной папке не только объяснительные и отчет о задержании, но и благодарность от пассажиров в письменном виде с подписями на четыре листа. А ещё через два часа он сдал бандитов в изолятор временного содержания и поехал домой. Время шло к полуночи. Семья спала. Он выпил бутылку холодного кефира и, чтобы не будить Зину, лёг в зале на диване.

Утром командиру доложил, что поганцы обезврежены и сидят в шестом изоляторе. И что он, если хочет, может их допросить. Снизу позвонил дежурный.

– На Маловича записывать задержание двух вооруженных бандитов в одиночку? А то на бумаге фамилию не правильно написали – Милович, майор.

– Да, на Маловича, конечно. Кто ещё двоих ухарей с «пушками» голыми руками возьмёт!?! – сказал командир. И переключился на Шуру. – Ты с этого дня по двадцать девятое сентября занимайся только вычислением стрелка через дверь. Никаких дел кроме поимки убийцы картечью через дверь. Больше от него трупов быть не должно. Это приказ.

Понял.

– Так точно!– откозырял Малович.– Не должно и не будет. Разрешите приступать?!

– Давай, Шура. Давай, дорогой,– командир крепко пожал ему руку.– Тут если не ты, то уже никто больше. Удачи!

Майор вышел из кабинета и сел на подоконник. Здесь ему всегда хорошо и плодотворно думалось. Как ни кощунственно и прискорбно, но эти два последних трупа вчерашних подтянули Александра Павловича к нужной мысли. Её надо было только проанализировать правильно и рассчитать, что делать дальше. Оба вчера погибших кого-то чему-то учили. Один пению в хоре, второй был директором станции юных техников и явно преподавал там в какой-нибудь секции. Авиамodelистов или радиолюбителей. Надо было проверить. Шура перебрал предыдущих убитых. Учитель физики Головки. Тренер по боксу Лыков. Все давали знания ученикам. То есть учили.

Ветеринар Закревский тоже вполне мог попутно преподавать в Кустанайском ветеринарно-зоотехническом техникуме. Проверить не сложно. Только кассирша Конюхова Настя из этой общности выпадала. Но, возможно в школе она училась с будущим убийцей. Получалось так, что расстреливал

маньяк только тех, у кого чему-то учился или сидел на уроках в одном классе. С Настей, например. Значит и в сентябре у него тоже намечены две жертвы из сферы какого-то обучения. Надо только понять – почему он приговорил именно тех, кто давал ему знания из самых разных направлений деятельности. Учителям обычно благодарны все. Вспоминают, звонят, приходят, открытки шлют на праздники. Цветы и подарки приносят в день рождения или на день Учителя. Странно.

Шура спрыгнул с подоконника, поболтал во дворе с караульными сервантами, завел мотоцикл и поехал в ветеринарный техникум. Директор, к счастью, сидел в своём кабинете. Шура поздоровался и рассказал зачем пришел.

– Иван Иванович Закревский очень уважаемым человеком был, – директор печально поглядел в окно. – Он и в совхозе считался мастером в своём деле, и у нас вёл часы по основам ветеринарии на первом курсе очень толково. Семь лет у нас успешно преподавал три раза в неделю. И ведь живёт за городом, а ездил в техникум без пропусков и опозданий.

– Вы кого-нибудь отчисляли за неуспеваемость или по другим причинам с первых курсов за последние годы? Ну, лет за пять? – спросил Шура.

– А у завуча нашего есть архив всех отчисленных. Да не за пять лет, а, по-моему, за десять,– директор нажал на столе кнопку и тут же дверь открыла секретарша. – Николая Васильевича пригласи. Пусть возьмёт два журнала с именами отчисленных студентов.

Завуч принёс не два, а три журнала. Там кроме фамилий отчисленных была описана причина и вклеена «объяснительная» от отчисленного. В ней он докладывал, что с решением дирекции согласен, что претензий к руководству и преподавателям техникума не имеет.

Этот год не берём,– Шура достал блокнот.– Давайте шестьдесят девятый.

– Вот трое. Муравьёв Алексей, Спицын Анатолий и Левицкая Татьяна. Муравьёв отчислен по ходатайству преподавателя зоотехники Турманова за непосещаемость, провал всех зачётов и экзамена в первом семестре. Он пересдавал его трижды, но удовлетворительной оценки не получил. Спицына рекомендовал к отчислению преподаватель основ ветеринарии Закревский Иван Иванович, почасовик. Ветеринар из Варшавского совхоза. Говорят, его убили в прошлом году. Жаль-то как.

Причина ходатайства – Спицын Анатолий не был ни на

одной лекции, не приходил ни на один семинар, а на экзамен пришел и просил поставить ему хотя бы «тройку», причём в зачётную книжку вложил двадцать пять рублей. Закревский его выгнал с экзамена и сразу же обратился к нам с этим ходатайством, – завуч приподнял клеенную объяснительную. – Вот что писал в объяснительной Спицын:

« Считаю претензии ко мне учителя Закревского не правильными и лживыми. Я его предмет знаю на твердую четвёрку. Никаких денег ему не предлагал. Исключён я из-за личной неприязни ко мне учителя Закревского и считаю исключение несправедливым.» Это всё о Спицыне. А Левицкая вышла замуж за алма-атинца. Он тут в командировке был. Встретились вроде в парке, понравились друг другу и через пару недель решили пожениться. Она и уехала. Отчислили по уважительной причине.

– Отчество Спицына и год рождения вы знаете? – Спросил Малович.

– Анатолий Валентинович Спицын. Сорок шестого года рождения. Когда исключили, ему было двадцать три года, – завуч улыбнулся. – Сейчас бы было двадцать шесть. Молодые специалисты в нашей отрасли хорошо зарабатывают, им жильё дают. Не хватает в области ветеринаров. Вот же балбес!

– Спасибо, – Шура поднялся, спрятал блокнот и пожал обоим руководителям руки. – Вы мне очень помогли.

Он вышел, сел в кресло мотоцикла, но с места не тронулся.

– Вполне вероятно, – сказал Малович сам себе. – Очень даже вполне. Семнадцать лет ему стукнуло в шестьдесят третьем. Десять классов закончил. Ну, если закончил, конечно.

И поехал в единственный на город боксёрский клуб «Енбек». Вместо погибшего Лыкова работал с тремя группами боксёров бывший чемпион области в среднем весе Михаил Желтков.

– Лыков Толю Спицына выгнал или он сам ушел? – Шура хорошо знал Желткова. Он специально на беговые упражнения приходил не раз в легкоатлетическую школу, где Малович был одним из лучших.

– Да выгнал, конечно, – Миша сел на угол ринга. – Представляешь, Саша, этот недоумок Игорю Иванычу, заслуженному тренеру республики сказал, что он тренировать не умеет вообще и ему лучше идти слесарем работать или дворником. Это потому, что Спицын все свои первые три боя проиграл нокаутом. Так это ладно бы. Когда Лыков сказал, чтобы

ноги его в зале больше не было, этот придурок в него плюнул и бегом убежал. Не доплюнул, правда, но всё равно сволочь.

Это было давно. Я тоже только начинал тогда. В шестьдесят третьем. А через год он Толяна выгнал. В августе шестьдесят четвёртого. Точно. Он после школы сразу пришел и я тоже. Мы ровесники со Спицыным. А у Лыкова из воспитанников, между прочим – двадцать три чемпиона республики в разных весах, два чемпиона Союза. Полутяжи. Тринадцать мастеров спорта и сорок кандидатов в мастера. Это ж от бога тренер был. Тренировать, блин, не умеет! Это ж додуматься надо – такое ляпнуть! Придурок этот Спицын. Хорошо, что Иваныч его попёр.

– А ты, Мишаня, в какой школе учился?– Шура подёргал канаты и тоже сел на край ринга.

– Я в десятой. Напротив Дворца пионеров.

– Про Спицына не знаешь? Ну, где он школьные годы провёл?

– Э-э! Как же! – оживился Желтков.– В четырнадцатой он десять классов кончал. Мы тут всё друг о друге знали. Где учился, с кем дружил, в каком краю города проживал, что любил кроме бокса, в какой библиотеке записан и чем ещё

увлекался. Болтали подолгу после тренировок. Толик еще в хоре пел тогда. Один наш ему и посоветовал не ходить на бокс, а петь песни. Потому, что боксёра из него, все понимали, не получится.

Тренироваться Спицын не любил. Думал, что само всё получится. Он вообще-то крепкий парень был тогда. Считал, что этого хватит. Но бокс – это не только кулаки пудовые. Надо приёмы оттачивать и хитрости специальные долго изучать. Тогда будешь боксёром. Ну, а его три раза в нокаут скинули, он и спёкся. Ладно, Саня, мне работать с пацанами пора. Затянулся перерыв.

Они попрощались и Шура долго катался на мотоцикле по окраинам города. За мотоциклом вереницей бегали собаки, разбрызгивая слюни и надрываясь от лая. По улицам окраин ходили полуодетые мужики. В трико, но без майки. Все что-нибудь да несли. Кто вёдра с водой, кто доски или инструменты. Пилу, топор, рубанок или что-то в этом духе. В собственных домишках всегда надо было что-то латать, исправлять, достраивать или, наоборот, сносить.

Малович думал, куда ему сейчас поехать. Школу парень окончил в шестьдесят третьем. Кто его там помнит через восемь лет? Хотя... Если был он там не затюканным заморышем, а шустрым и сильным, то должны учителя старые хоть

что-то оставить о нём в памяти. Развернулся и поехал по самой нижней улице. Четырнадцатая школа стояла лет тридцать уже в двух кварталах от Тобола. Сегодня третье сентября. Уже не каникулы. Так что, преподаватели на месте.

– Вы подождите окончания уроков второй смены. В шесть часов они закончат и тогда мы все соберёмся в учительской, и о Толе Спицыне поговорим. Устраивает? – директриса Людмила Евгеньевна, красивая пятидесятилетняя дама в строгом черном платье и модных туфлях на коротком каблучке, села рядом с Маловичем в своём кабинете, закинула красивую ногу на такую же, причём закинула-то очень красиво. Как артистка в фильмах о любви или шпионах производства Чехословацкой студии «Баррандов». За разговорами о проблемах школы и милиции они оба слегка вздрогнули от длинного громкого звонка, именно длительно обозначающего конец занятий второй смены.

– Ну, пошли в учительскую, – директриса поднялась, элегантно одернула подол платья, топнула звонко об паркет подбитыми стальными набойками каблучками и вышла первой.

Из тринадцати учителей давно работали восемь. И Спицына помнили хорошо. Его не любил никто за наглость, неуспеваемость, обострённое самолюбие, шумное поведение от желания стать в классе лидером. Он хамил учителям, с

восьмого класса бил тех пацанов, которые были очевидно слабее. Причем ни за что. С этого же времени приставал сразу к четырём видным девчонкам. Трое из них даже в парк с ним ходили поочередно, а в десятом шампанское пили у него дома, когда матери не было. Только одна его отшила сразу. Причём так, что даже этот наглый Спицын испугался. Она пообещала рассказать братьям о том, что он к ней липнет против её воли, а братья у неё были грозой для половины Кустаная хулиганского. Их даже приבלатнённые уважали и побаивались.

– Настя была у нас такая вся из себя! – сказала седая учительница, которая не успела избавиться от указки и размахивала ей как рыбак удилищем. – Конюхова у неё фамилия. Где сейчас она – неизвестно. Но характер был – ого-го! С таким только начальницей работать.

– А физик у вас был. Слышал я, что он умер, – Шура переключил тему. – Он со Спицыным в каких был отношениях?

– Во-первых, он не умер, – отчетливо сказала женщина в старомодном костюме. Жакет из тонкого «бостона», серый со стоячим воротничком, и юбка почти до туфель с медными пряжками спускалась. Ладони её были белыми от мела. – Убили Никиту Андреевича Головки. Застрелили бандиты. Дома. Ошиблись, наверное, этажом или номер квартиры им

не тот дали.

С Анатолием Спицыным они враждовали открыто, – добавила Людмила Евгеньевна.– Головка на весь класс не раз говорил Толе, что без знания физики его или током убьёт непременно, или при опытах с расплавленным свинцом он выльет на себя граммов сто и сожжёт напрочь самые дорогие мужчине органы.

Он даже ударил его однажды в коридоре на перемене. Спицын его неизвестно почему обматерил, а Никита гордым был мужчиной и дал ему в челюсть. Ребята рассказывали, что Толя отбежал на пару шагов и прохрипел громко: « Всё, пададь, тебе не жить!» И разошлись. Короче, не ладили они и за год учитель Спицына утопил бы в «двойках. Но я запретила третировать ученика. Пусть заканчивает на тройки и идёт на все четыре стороны. Так и вышло.

– А чем Спицын увлекался вообще? Кто помнит? – Малович сказал и сразу подумал, что этого уж точно учителя не знают.

– Ха! – воскликнула дама с химической завивкой под тонкую смушку ценной овцы. – Меня зовут Нина Сергеевна. Я химию преподаю. Да куда его только не носило. Я с его мамой говорила. Она приходила сюда. Мы и сейчас с ней в хо-

роших отношениях. Милая женщина. Так он и на бокс ходил, и в хор записывался, модели кораблей пробовал собирать в секции юных техников. Но он там что-то украл и директор секции, он же мастер-преподаватель, милицию вызывал. Факт доказали и мать заплатила весомый штраф. А Спицын обозлился на преподавателя и облил ему дверь в квартиру краской масляной вперемежку с помоями из какой-то столовой.

Давно это было. Он ещё учился у нас. Потом уже, после школы записался в изостудию. Говорил матери, что будет знаменитым художником. Но преподаватель Салов Юрий и оттуда его отчислил со скандалом. Толя при всех кричал, что рисует он получше остальных и то, что Салов его выгоняет, ему ещё кукукнется. За год Спицын не научился даже гипсовые слепки в студии срисовывать простым карандашом. Мы с его мамой часто по телефону общаемся.

Вот я от неё и знаю, что он в прошлом году пошел в мастерскую резчиков по дереву. Хотел научиться вензеля выпиливать для фронтонов больших домов и много зарабатывать. Но Петренко Олег, мастер цеха, через пару, по-моему, месяцев его выгнал. Мать сказала так. Он вроде бы украл в цехе чертежи, несколько разных пилочек и электролобзик. Ну, и кубометра три дерева ценного. Ясеня и осины. Ночью с кем-то пришел, отмычкой дверь открыли и на «москви-

че» в багажнике всё это вывезли. Но ничего не получилось у Спицына. Забросил он это дело. Сейчас каменщиком работает в СМУ- 2. Мама его дня три назад мне звонила поболтать.

– У меня просьба, – Шура мельком поглядел на директрису.– Особенно к вам, Нина Сергеевна, учитель химии и подруга мамы Анатолия. Маме Спицына о нашем разговоре ни слова. Или я для вас подберу статью о препятствии следствию. А это срок на зоне. Года два. И, пожалуйста, вспомните кто-нибудь: куда ещё он устраивался чему-либо учиться. Вы понимаете, конечно, что я вас пытаю о Спицыне не из любопытства. Он – преступник. И его надо обезвредить.

– Ах!!! – вскрикнули учительницы и почти все прижали ладони ко рту.

– Нет. Больше никуда. Я точно знаю, – заверила Нина Сергеевна. – Я бы знала.

– Вот его адрес. Записывайте. Улица Советская, дом семнадцать. Зелёные ворота, – открыла толстую общую тетрадь директриса. – В палисаднике берёза и тополь. Я была у них. Давно уже, правда.

Шура всех поблагодарил и поехал к себе в кабинет. Но

не думалось. Он вышел в коридор и плюхнулся на любимый подоконник. Тогда мысли стали выстраиваться.

– Значит, скорее всего, он пойдёт расстреливать сначала художника – учителя изостудии Салова. Завтра узнаю адрес и с ним встречусь. А после него в тот же день вечером будет убивать мастера-резчика Олега Петренко. Или наоборот. Поэтому в одной квартире должен ждать маньяка я, а в другой – Вова Тихонов. Будет это тридцатого сентября. Или первого октября. Через тридцать один день – два после последнего убийства. Полнолуние у нас с двадцать девятого сентября по первое октября. Но он стрелял всегда на второй день полной луны.

Шуре хотелось скрутить маньяка прямо сейчас. Но доказательств того, что картечью крушил двери именно он, не было. Взять его чисто, спокойно и безукоризненно, без возможности выпутаться, можно было только приёмом, который назвался «брат на живца» Рыбацкий приём. Безотказный. Времени ещё – двадцать семь дней. Надо встретиться с художником и резчиком по дереву. А с ними договориться, что в дни полнолуния в квартирах не должно быть никого кроме милиционеров, которые и подойдут на звонок к дверям с вопросом «кто там?»

27. Глава двадцать седьмая.

Утром пятого сентября Зина разбудила Маловича непривычно рано. Сама она привыкла просыпаться в шесть. Во сколько бы ни уснула. Это ей досталось от мамы. В совхозе, где они жили, мать уходила на утреннюю дойку к половине седьмого. До фермы пешком надо было полчаса топтать. Ну, сама поднималась в пять, давала корм двум коровам и кабану с супругой, а дочь будила в шесть, чтобы она отцу завтрак стоговила. Ему на автобазе требовалось в семь быть. Он там начальником работал и шоферов встречал, спрашивал всё ли нормально с машинами и здоровьем. Позже подтягивались слесари-ремонтники, кузнец и автоэлектрики. Которых тоже надо было опросить по поводу потребностей на день. Хорошим начальником был Михаил Трофимович Быков. Потому и автобаза считалась передовой в районе.

– Саша, – толкала Зинаида его, лежащего на боку, в широченную спину.– Давай, вскакивай! Срочно надо.

Малович шарил рукой позади спины, искал одеяло, чтобы от жены спрятаться. Хотя был очень умным и знал точно, что надолго куда-нибудь заныкаться от любящей, неравнодушной жены не удавалось никому.

– Блин, Зинка!– ныл он, пребывая частично в дрёме. – Я всех поймал и посадил. Имею право на отдых. Уйди пока.

– Тебе Борька звонил сейчас. Вы о чём с ним договаривались? Забыл, что ли? Или один будешь картошку копать? Пятнадцать соток.

– Шура напряг почти спящий ум и вспомнил, что сегодня они с братом и собственными сыновьями едут выкапывать урожай картофельный на Заячью поляну. Каждый год УВД давало под картошку и овощи землю своим служащим. От рядовых до генерала. Брат Борис получал землю от редакции, а жена Аня от школы, где преподавала русский и литературу. Поэтому у всех Маловичей картошки, капусты, огурцов, помидоров и подсолнухов было очень много. И часть урожая своих они раздавали родственникам, у которых огороды были маленькие или их не имелось вообще.

Борис с Володей помогали Шуре, Шура и Володя – Борису, а оба они собирали урожай Володе вместе с ним. Причём женщины Маловичей вкалывали на огородах от посадки до уборки одинаково с мужиками. И дети тоже ползали по грядкам, прикапывали выглядывающие из земли резаные картофелины весной и подбирали оброненные клубни или кочаны осенью.

Копали три дня подряд. Семья-то большая. Потом, после того как засыпали урожай в свои погреба, развозили излишки отцу Паньке и двум сёстрам. У них во Владимировке свои огороды плодоносили прилично и поначалу они от братских даров отказывались. Но старший Малович, Борис, сказал на семейной сходке.

-А если нам государство больше не станет давать землю? Мало ли как повернётся. Поделитесь с нами или нам на базаре втридорога покупать?

Этой единственной фразой он решил вопрос и закрыл тему. В общем, вместе с работой, привозом и делёжкой с роднёй уходила неделя. В городе тоже своих было достаточно. Когда всё развезли, сели у Бориса дома отмечать удачный исход сбора еды на зиму. После третьей рюмки Боря спросил младшего.

- Чё, Шурка, не ловится, не клюёт пока твой серийный монстр?

- Хочешь – гоняйся за ним вместо меня, – пошутил Александр Павлович.

- Да я не к тому. Мне твоя Зина на картофельном поле сказала, что ты весь на нервы изошел, но поймал его в по-

следний день сентября. А она ж у тебя почти ведьма. В хорошем смысле слова.— Брат налил четвёртую рюмку.— У нас это первый такой случай в Кустанае. Маньяков пока вроде не было. Злодеев, конечно, навалом, но помешанных на удовольствии от своих убийств точно не существовало до сих пор. Поэтому я напишу про то, как ты обезвредил ненормального стрелка. Он точно больной. И если его не тормознуть сейчас, он найдёт новые причины для убийств и новых жертв.

— Писать, Борька, не надо, — Шура долго жевал солёный огурец.— Брательника родного хвалить неприлично, блин.

— Так я под псевдонимом статью сделаю. Напишу «К. Федотов». Зато народ выдохнет. Молва по городу давно разнесла, что появился маньяк, который уже двести человек через дверь умертвил. Боятся спрашивать кто к ним пришел и к двери не подходят. Ни родственникам, ни друзьям не открывают. Теряют, бляха, друзей из-за одного козла. Это ж гадство просто!

— В этот раз я его возьму.— Шура стукнул кулачищем по столу. Подпрыгнули рюмки, бутылка и тарелки. — Я уже вычислил по реальным фактам. Это почти пацан. Ему двадцать шесть с хвостом всего. И он не просто убивает, он вершит великую месть. Эти люди, царство им небесное, его обидели. Пока здоровым был, ему в башку такое и прийти не могло.

Но я специально ходил в читальный зал и просмотрел научные книжки по психическим расстройствам. Они, понимаешь ли, могут появиться не с рождением, а позже. От травмы головы, от инфекции, от случайного мощного стресса. Загадочная болячка. И лечатся психические расстройства с большим трудом, да к тому же – не все. И вот в полнолуние они обычно у всех обостряются, болезни эти. И люди чудят. Каждый по своему. Такое дело, брат. Но вот поймаю – ясно будет чем его накрыло, какой заразой.

Десятого сентября он поехал во Дворец пионеров. В изостудию. Внутри этого огромного здания, куда должны были бегать по разным кружкам и секциям молокососы в красных галстуках, в реальности взрослых было больше. Тут учили всему и всех без возрастных пределов. Даже дед семидесятилетний имел право записаться в клуб шахматистов или танцевальную студию. В изостудии было светлее, чем на пляже в самый жаркий полдень. Сверкали люминесцентные лампы, фонари с направленными на объекты рисования лучами и настольные лампы, под которыми на плоской поверхности столов рисовали на специальных шершавых листах акварелью «по мокрому».

Юрий Салов, которому недавно, похоже, исполнилось сорок, был одет как хрестоматийный академический художник. Большой ворсолановый бордовый пиджак- балахон с

желтой жилеткой под ним и голубой тонкий свитер, закрывающий горло. Широкие коричневые штаны из плиса и домашние тапочки, в которые художник вставил полосатые красно-зелёные шерстяные носки вместе с ногами. На голове Юрий имел широкий, свисающий вправо красный берет. Он ходил между мольбертами, наклонялся к рисунку или, наоборот, откидывал корпус назад и оценивал работу как бы издали.

– Юрий Сергеевич!– крикнул негромко Малович от дверного косяка.

Художник подошел и протянул руку,– Добрый день. Хотите влиться в наш коллектив?

– Да я не склонен к этому. Я из уголовного розыска. Майор Малович, – Шура пожал руку. – Мы можем поговорить вон на том диванчике?

– Сейчас задание кое-кому изменю и поговорим, – Салов вернулся через пять минут и сел рядом. – Слушаю внимательно.

– У вас занимался такой юноша по фамилии Спицын?

Художник помрачнел.

– К сожалению, да. Был. Наглый юноша, патологически бездарный и никого не уважающий. С нашими студийцами враждовал. Говорил, что рисовать им надо учиться у него, а не у Салова. Исчиркал кистью с чёрной краской несколько работ на мольбертах учеников моих. А мне почти на каждом занятии говорил, что учитель из меня как из дедушки бабушка. Что я сперва сам должен научиться рисовать, а потом других учить. Однажды мы с ним крупно поссорились. Не буду рассказывать – почему. Он в тот раз матом меня крыл как пьяный сапожник с окраины города. Ну, я его и выгнал. Так он, уходя, сказал, что я за это оскорбление ещё своё получу. А у меня семь персональных выставок за последние пять лет и три медали победителя республиканских конкурсов портретистов.

Я что хочу сказать-то... – перебил его Малович. – Извините, что прерываю. Этот человек – убийца. За ним уже шесть трупов. Он маньяк. Он мстит. Причём расстреливает через дверь квартиры именно и только тех, у кого чему-нибудь обучался. У него нигде ничего не получалось. И его выгоняли. Убивать начал недавно. Но уже шестерых похоронили, которых он расстрелял. Мы давно ведём расследование. И выяснили, что жертвы у него давно расписаны. И убивает он вечером только в полнолуние. По два человека за вечер. Двадцать девятого, тридцатого сентября или первого октяб-

ря он придет к вам и к Олегу Петренко, который бесполезно обучал его резьбе по дереву. Расстались они примерно так же как и вы.

Художник задумался. Побледнел и глядел на майора остекленевшими глазами.

– И что делать? У меня семья.

– Есть где пожить эти три дня? – Александр Павлович поправил на художнике почти падающий берет.

– Да, да! Конечно. Мы уедем к родителям. Они живут в Рудном. Рядом. Сорок километров.

– Пишите мне ваш точный адрес, номер телефона, а двадцать седьмого, на день раньше, уезжайте. Напишите мне телефон родителей. Я позвоню, когда можно ехать обратно. И ключ от квартиры перед отъездом принесите. Оставьте у дежурного УВД для майора Маловича. Хорошо меня поняли?

– Да. Мы уедем, – сказал Салов. – Вот же гадёныш какой. Вы его поймаете?

– Обязательно, – сказал Шура. – Не волнуйтесь. Пока живите спокойно. До полнолуния он к вам не придет. Всё. До

свиданья. Мне ещё к резчику по дереву надо заехать. Ключ передать не забудьте.

Он попрощался с Саловым и долго ходил по коридорам Дворца пионеров. Из разных комнат выбивались всякие звуки и запахи. Играли фортепиано, скрипки и балалайки, выбивали чечётку чьи-то подбитые набойками туфли, струился аромат растопленных олова и канифоли в кабинете электротехники. Пахло сыростью из студии юных цветоводов. Вспомнил Малович своё детство, в котором одноногий родственник дядя Гриша Гулько учил его правильно запрягать лошадь, а отец Панька пытался сделать из Саньки пимоката и заставлял выбивать, чесать, мочить и закатывать шерсть. Изостудии и кружка хорового пения во Владимировке в сороковых годах не было. Да и сейчас нет.

Олег Петренко, резчик, работал в цехе, который поставили отдельно, но рядом с горбыткомбинатом. Двор был по всему квадрату заложен и заставлен досками разной толщины и от разных деревьев, брёвна аккуратно лежали стопками и уложены были торцами в разные стороны через каждый слой. Звенела пилорама, трещал электрорубанок и по всему двору плавал сладкий аромат свежих опилок.

Петренко был в возрасте. Ну, за полтинник ему перевалило точно. Говорил он медленно, с одышкой, потому как

при росте ниже среднего имел больше ста килограммов веса. Шура запомнил рост художника Салова и манеру речи. Петренко отличался от него и ростом и сиплым голосом. Всё это надо было в точности передать Тихонову. Отвечать на звонок в дверь надо было примерно так, как они, и с того роста который имел каждый из них. Салов примерно метр и семьдесят пять сантиметров. Петренко был чуть ниже ста семидесяти.

– Он же у нас украл много. Пилочки редкие. Я их в Челябинске на барахолке еле нашел. Штук пятнадцать фигурных стамесок, две больших коробки разных надфилей. Шаблонов для резьбы унёс рулон. Один теперь остался. Потому, что я его подправлять брал домой. А дерева сколько спёр! Мы его три года сушили под навесом. Ясень, липа, орех. Я брёвна ореха на тягаче привёз из Ташкента. – Олег Анатольевич расстроено покачал головой с лысиной от лба до конца затылка. По бокам на голове он аккуратно уложил длинные седеющие волосы.

– А вы его выгнали, или он сам ушел?

– Да нет! Ты знаешь, майор, ведь не ушел сам и после того как стырил из мастерской кучу всего ценного, – Петренко сказал это с кривой улыбкой. – Наглый паренёк. Не видал до него таких.

– А как вы его выгнали? – заинтересовался Малович.

– Ну, сам бы я с ним не сладил. Он ростом на полголовы повыше и здоровый, сильный. Плечи – косяки можно задеть, если входить прямо. Я его выматерил. Потому, что быткомбинатовский сторож из окна видел и его, и дружка, машину тоже. Засёк как они дверь вскрыли, как всё вынесли и погрузили. Утром пришел и рассказал. Описал мне их. Я Спицына даже со слов узнал. Во дворе у нас – фонари. Светло. А Спицын рыжий. Чего тут гадать? Ясно, что он. А вышвырнуть его со двора попросил ребят своих. У меня парни покрепче Спицына будут. Вот двое печень ему отбили, нос расквасили и пинком под зад удалили за ворота.

– Угрожал? – Шура не сомневался, что наобещал резчику Толя Спицын кары жестокой.

– А то! – Петренко закурил. – Пообещал убить. Конец тебе, считай, ты одной ногой в могиле, крикнул. И сразу убежал, хоть и скрюченный был. Печёнка, она ой, как болит, если точно попадешь. А Ванька Липкин – боксёр. Попал как надо.

Шура ему рассказал всё об убийствах. Договорились так же, как с художником. Петренко двадцать седьмого с семьёй

уедет к сестре. Она возле вокзала живёт. Ключи Олег Анато́льевич достал из кармана и снял со связки один.

– Запасной. Потом отдадите.

– Ну, а если бы не украл ничего, оставили бы его? – улыбнулся майор.

– Вряд ли. Он – тупой как три барана. За неделю не научился электролобзик правильно держать и в трафаретах разобраться не смог. Нормальные ребята за час этому обучаются без проблем. Выгнал бы всё равно. Может, через месяц... Не знаю.

Малович ещё раз напомнил, когда Олег Анато́льевич с семьёй должен был переехать к сестре. Взял номер её телефона и обещал после операции по задержанию позвонить, чтобы Петренко ехал домой. Попрощались и Шура поехал к командиру в кабинет. Там сидели Тихонов и Ляхов. Командир их чему-то инструктировал.

– А, товарищ Малович! – обрадовался Лысенко, подполковник. – Ну, всё что надо сделал? Готов к отлову мерзавца?

– Да вроде так, – ответил Александр Павлович. – Дайте команду, чтобы Ляхов к себе шел, а мне надо вам кое-что по-

яснить. Военная тайна. Ляхов, я тебе потом своими словами перескажу.

– Пинкертоны, блин, – засмеялся Ляхов и ушел.

Шура погулял по кабинету, выпил воды из графина и постучал костяшками пальцев по оконному стеклу.

– Надо точно угадать кого Спицын пойдет отстреливать первым. Потому, что там надо быть мне. Вова его может не взять.

– С чего бы вдруг? – возмутился Тихонов искренне.

– Я тут выяснил у потенциальных покойников, что он здоровый крепкий молодой мужик. И брать его надо не силой, которой и у тебя, Володя, до чёрта. Его надо взять хитростью. А у тебя, Вова, есть чувство ответственности, справедливости и ненависти к убийцам да прочим преступникам. Но хитрости не дали тебе ни мама с папой, ни партия наша, ни отсутствующий волей этой партии господь бог. Ты прямой как линия от точки А до точки Б. Сразу начнёшь его мордовать и руки заламывать. Но он, Вова, носит двуствольный обрез, а стреляет всегда только один раз. Второй патрон не использует. Если ты дашь ему в «дыню», то не факт, что уложишь на площадку. Повторяю – он крепкий мужичок. Тогда

он вторым патроном завалит тебя нафиг...

– Ну...– согласился командир.– Шура всё верно сказал. Да...

– Ну, хорошо.– Не обиделся Тихонов. – Лови ты. Дело исключительное. А у тебя при любой опасности голова холодная и спокойный ты всегда как после тёплого душа перед сном.

– Хм, – улыбнулся Малович. – Думаю, что сначала он пойдёт к художнику.

– Вы с ним договорились так, со Спицыным? – громко хохотнул Тихонов.

– Дурак ты, Вова, хоть и работаешь капитаном уголовного розыска. – Малович подвел его к карте города. Она в милиции должна была висеть на стенке во всех кабинетах. – Глянь сюда. Спицын живёт на улице Советской в семнадцатом доме. Поскольку он маньяк, а не от бешенства шмальнул в любовника дорогой супруги на месте измены, то делает своё дело с расчётом тонким. Тот, кто грохнул любовника жены, убежит к реке и пару дней будет прятаться в камышах.

А маньяк спокойно пойдёт домой смотреть телевизор и

спать после него как дитя. Ну и как он домой пойдёт ровным прогулочным шагом? Пролетарская, где квартира художника, вот в этом, сороковом доме, прямо на повороте к аэропорту расположена. По масштабу карты это где-то семь километров от дома Спицына. А резчик живет на улице Мира, сто семь. Мы пробили по паспортному столу. От Советской, сто семнадцать, от дома маньяка, это километр. Нет! Не будет и километра. Так ему с обрезом после второго расстрела между вечерними мотопатрулями пешком идти как будет удобнее? Откуда? Не от художника же топать семь километров? Маньяку спокойнее и ближе добраться до дома после второго убийства. После резчика Петренко, который почти рядом живёт.

-Ну, да. Спицын расстрелы с художника начнёт. Он же первый раз часов в пять-шесть стреляет. Тогда в городе можно хоть бомбу под рубашкой таскать. Нет днем и ранним вечером патрульной милиции. Есть, конечно, но очень мало. А вот уже после восьми – мотопатрули с автоматчиками очень шустро по всему городу рыщут. Поэтому поздно лучше с оружием через весь город не шлындить и не попадаться этим парням. – Задумчиво сказал Лысенко.

- Вот я и пойду ждать его в квартире художника. – Шура потянулся. – Ключ художник Салов двадцать седьмого принесёт нашему дежурному. А Петренко свой запасной мне

дал. Возьми, Володя. Адрес запомнил? И если вдруг он сначала пойдет к резчику, ты смотри, не пристрели его сам. Он живым нужен. Понял?

После этого короткого разговора Лысенко развалился на диване и выдохнул.

– Только бы эта сволочь мстить не передумала...

– Да ни за что в жизни, – строго сказал Шура. – Он потому и маньяк, что постоянно делает одно и то же пока есть что делать. И насильники серийные никогда не остановятся. И маниакальные воры. Нет. Он придет.

До двадцать девятого оставалось ещё две недели.

Что, мы с Вовой так и будем на подоконнике воробьёв считать? Или дело какое дадите? – ехидно спросил командира Шура.

– Раз уж сам напрашиваешься, завтра одно дельце на двоих дам. Дней десять оно у вас займёт.

– А что так? – Удивился Тихонов. – Очень запутанное дело-то?

– Нет. Простое. Но ехать надо туда три дня поездом, там три дня на отлов злодея и обратно три дня. Ну, там, непредвиденные всякие помехи. Десять дней и получится, – Лысенко поднялся. – Всё. Дуйте по домам. Завтра в девять получите инструкцию и можете сразу ехать. Возьмите всё, что надо на десять дней. Ну, пока.

И он ушел первым. Кабинеты на ключ в милиции никто никогда не закрывал.

– Нормально, – обрадовался Вова – Шесть дней в вагоне. Это ж какой кайф. Глядишь в окно на природу-матушку и улучшаешь душу свою. Хорошо!

Малович понял, что три дня из Кустаная можно пилить до Красноярска, Ангарска или Братска. От Кустаная так и выходит. Но не в Москву точно. Туда около двух суток надо, чтобы выйти на Казанском вокзале.

– Временная перемена мест – это ещё не перемена жизни, – как ему показалось, философски подумал Малович. И пошли они с Тихоновым готовиться к завтрашнему началу путешествия с обязательными при их работе приключениями.

Но с утра Лысенко расстроил в первую очередь Володю

Тихонова. Он уже приготовился наслаждаться из окна вагона красотами Сибири, но командир послал их в кардинально противоположную сторону.

– В Литве есть город Шауляй. В самом центре республики. Туда смылся Горюнов Николай Иванович, сорок один год, бывший слесарь-механик Кустанайского текстильного комбината. На дне рождения своего товарища два месяца назад он перепил очень крепко и сильно поругался с тремя другими гостями. Они ему одноклассники, не мальчики. Те вытащили его для разборок на лестничную площадку, а там он достал из голенища высоких ботинок нож и порезал всех троих. Одному попал в ребро и тот просто крови потерял много. В больнице его за неделю восстановили и выписали. Второму руки порезал и шею. Врачи сказали что тоже не опасно.– Подполковник передохнул, выпил стакан воды и приступил ко второй части задания

– А третьему достался удар точно в печень. И он скончался ещё до приезда «скорой» от болевого шока. На шум выскочили гости и соседи по площадке. Горюнов закричал, что он и всех остальных на клочки раскромсает, потом развернулся и убежал. Этаж был второй, поэтому на улицу он вылетел быстро. Свернул за угол дома и через дорогу перебрался в тёмный квартал старых двухэтажных домов, а там и пропал. Искали его человек десять и не нашли. Дома он

тоже не появился, естественно. Где переночевал неизвестно, а утром позвонил жене, потом встретился с ней возле реки в тихом месте, что помнил из поножовщины – рассказал.

А помнил, несмотря на пьяную голову, всё. Доложил, что срочно уезжает и потом вызовет её через сестру. Потому, что за их домом могут следить, проверять письма и прослушивать телефон, а сестру вряд ли кто тронет. У кого-то смог занять денег и вечером поездом смылся в Москву. А оттуда в Литву, в Шауляй. Это уже сестра его рассказала. Допрашивали мы всех родственников. Но он звонил только сестре на работу. Она, что странно, правильно начёт его судьбы сама решила. Лучше, говорит, вы его посадите. Там он хоть пить не будет. А ещё пару лет вольной жизни и он сопьётся, обязательно найдёт приключение, в котором его и прикончат самого. Она же назвала завод, куда он устроился – «Вайрас». Там моторы делают для мотоциклов и велосипед В-72 «Орленок» для подростков.

– А пусть его литовцы и поймают. Трудно, что ли? – удивился Малович.

Командир поморщился. От Шуры такого глупого вопроса не ждал.

– Он порезал людей в Казахстане. Ну, мы их попросим его

отловить. Но судить они его там не будут. И следствие вести тоже. Им же сюда надо ехать и всё дознавать. А на фигура им? Судить-то по месту преступления положено. Значит, надо его экстрадировать. То есть везти в Кустанай. А это сразу куча бумаг, долгое рассмотрение вопроса, бюрократия. Ни им, ни нам этого не надо. А вы всё сами быстренько сделаете. Местные власти и знать ничего не будут. Короче, получайте командировочные. Поезд на Москву в семь вечера. Вернётесь как раз за пару дней до полнолуния и Спицына повяжете.

В начале восьмого Малович и Тихонов поменялись местами с двумя тётками, которым достались верхние полки. Тётки ехали на ВДНХ. Там их совхоз представлял образцы отменного урожая свёклы и горчицы. Они уже замучились взбираться и спускаться со «второго этажа», а потому очень обрадовались и стали угощать милиционеров домашней колбасой, салом, сыром собственной выработки и вяленой щукой. Объевшиеся друзья уже не могли разговаривать. Получалось только в окно глядеть. Для этой радости, собственно, они и менялись полками.

Чем дальше уезжали от Кустаная, тем медленнее свисали с небес шторы сумерек. Убегали назад телеграфные столбы, вкопанные по ходу асфальтовой трассы до Челябинска. Степь скоро кончилась и пространство заняли леса, малень-

кие речки и озёра, да старые русские деревни. Их крайние дворы почти прикасались старыми дощатыми заборами с длинными дырками к насыпи, где покоились рельсы. На заборах сидели петухи и коты, а во дворах горбились над грядками мужички с женами, дёргали редьку, резали позднюю капусту и укрывали на зиму лозу виноградную. Колёса вагонные грохотали, но Шура и Володя слышали только тишину деревенскую.

Потом деревенька кончалась и чуть выше поезда по ходу его летели маленькие и большие птицы, похожие на ворон. В потоке воздуха, который разрезал длинный поезд, лететь им было легче. А куда их несло с такой скоростью стало понятно, когда вдоль дороги потянулось озеро. Пить они летели. На середине его застыли лодки с загорелыми рыбаками, похожими на изваяния из крашеного охрой гипса. Они сидели и не шевелились. Вода тоже не шевелилась и поплавки в воде торчали мёртво. Как в доске толстые гвозди. Перед озером и за ним было тесно цветам полевым и серым зайцам, которые беспорядочно носились по лугу, останавливаясь только у любимой заячьей травы.

И незаметно упал сверху тёмный вечер, проклюнулись звёзды и луна, как бы зависшая над поездом, как фонарь, который хотел, конечно, но не освещал путь.

– Ты фотографию у Лысенко не забыл взять? – зевнул Малович.

– «Мастера ножевого боя» Горюнова? – Володя тоже зевнул.– Тут она. В портфеле. В книжке Зощенко.

До Шауляя они добрались без задержек и препятствий. Пришли на завод велосипедов. В отдел кадров.

– Так мы Горюнова уволили позавчера, – сказала заведующая отделом Нина Сергеевна с мощным прибалтийским акцентом.– Он на работе пьянствовал незаметно и наших ребят пытался к этому делу привлечь. Восемь раз за два месяца не выходил вообще на работу.

– А как найти теперь его? – огорчился Шура.

– Ну, Николая этого ещё из заводского общежития не выгнали. Пока квартиру не снимет или комнату. А общежитие сразу за заводом.

В комнате Горюнова сидели и лежали на деревянных кроватях пятеро. Все – вусмерть надравшиеся какой-то гадости. В комнате можно было жевать вонючий воздух, который содержал в себе пары дешевого плодоягодного и дым «примы» с «беломором». Спали все кроме Горюнова и ещё одно-

го, на вид деревенского парня из глубин великой Руси. Они пили и спорили, поэтому Маловича с Тихоновым заметили не сразу.

– Это кто? – спросил парень у Горюнова.

– Вы кто такие есть? – крикнул Горюнов пришельцам.

– Ангелы хранители твои, Николай Иваныч, – сказал Шура. – С нами домой полетишь. В родной Кустанай.

– Мусора! Закричал Николай Иваныч. – Нашли, суки! Верка сдала, падла. Сестра, бляха!

Он выдернул из ботинка финку и прыгнул, размахивая ножом, с кровати в центр стола, в тарелки с закусью, а со стола полетел на Тихонова.

Володя шагнул вперёд к столу и воткнулся головой в живот Горюнова. Тот согнулся и Шура за ремень на штанах сдернул его с Володи на пол, наступил ногой на руку с ножом и спокойно его вынул за рукоятку. Ну, конечно же, соблюдая своё правило, дал Иванычу кулаком по шее, Тихонов надел наручники, Шура взвалил Горюнова как мешок с картошкой на спину и они вышли. Никто за ними не выскочил.

На улице Шура в киоске купил за рубли четыре бутылки

минералки из холодильника. Одну они с Вовой выпили, а из трёх вылили воду на голову Николая Ивановича. Малович дал ему нож и сказал:

– Крепче держи и бей меня в сердце.

Горюнов подержал нож и спросил.

– Вы точно из Кустанайской милиции. Конкретно за мной?

Тихонов сунул ему в мутные глаза удостоверение и долго держал, чтобы Николай Иваныч что-нибудь разглядел и понял.

– Факир был пьян и фокус не удался, – грустно сказал трезвеющий Николай Иванович Горюнов.

Шура забрал нож с отпечатками и завернул его в носовой платок. Положил аккуратно в портфель Тихонова.

Двадцать шестого сентября оперативники, сэкономив пару дней, сдали «мастера ножевого боя» в изолятор, записали у дежурного задержание убийцы, вооруженного ножом, и зашли к Лысенко.

– Поганца досрочно доставили, – рапортовал Малович. – Разместили в седьмой камере. Идём отдыхать перед отловом маньяка. Пусть им теперь следаки занимаются, свидетелей зовут, понятых и всех, кого положено. А мы бы малехо на пару дней сменили образ жизни.

– Да. Отвлечитесь. В кино ходите с женами, в театр или в наш музей. Перед задержанием Спицына у вас должно быть хорошее настроение от общения с искусством и культурой. А то всё бандиты, убийцы, мать иху!

– Так мы, командир, от культуры вообще не отрываемся. Вова Зоценко читает. Не ест, не спит. Читает, мля! Потом мне пересказывает, – засмеялся Малович. – Можно мы просто уйдем, а первого октября вот тут, на этом стуле будет сидеть в «браслетах» маньяк Спицын? Как вам такая мысль?

– Да идите уже. Спасибо за службу, – командир пожал обоим руки.

– Надо по соточке коньяка хлебнуть с дороги-то, – смущенно предложил Вова.

– А многие ведь считают что милиционеры тупые и неотёсанные. А ты вон какой мудрый: «по соточке!», – вздохнул Шура. – А вдруг маньяк меня пристрелит? Давай уж если

выпьём, так по двести пятьдесят. На том свете коньяк где возьмёшь?

И они пошли в любимое кафе «Колос». До встречи с человеком, хладнокровно расстрелявшим шестерых, оставалось, к сожалению, ещё очень много времени – целых три дня.

28. Глава двадцать восьмая

Такое говорят обычно о самом плохом, хуже которого вообще ничего: «Нет ничего хуже, чем ждать и догонять». И вот все как сдурели. Они эту фразу и в дело, и не в дело суют. И автобуса ждать – хуже нет ничего, а догонять его – вообще лучше побыстрее пойти и повеситься. Счастья тоже все ждут. Знают, что всё одно мимо оно просвистит, но надеются. Да это плохо, но не хуже, чем за ним гнаться. Потому как никто его пока не догнал. Хотя многие врут нагло, что дождались счастья. А вот враньё – это то, что намного хуже чем ждать и догонять. Автобус, он рано или поздно ещё при твоей жизни приедет. И счастье догонять вообще нет смысла. Оно обязательно будет у всех, кто попадёт в рай. Другой вопрос – как туда попасть из СССР, где нет Бога, а следовательно и всего, чем он вас может обрадовать? Ну, на вопрос этот пока можно не отвечать. Возможно, Господа вернут ещё. Надежда еще не померла последней. Подождать надо. Хотя, опять-таки, хуже нет, чем ждать.

Вот эта присказка не действует только у милиционеров. Это ж самый кайф в их работе – долго ждать удобного момента, чтобы начать догонять преступника. Догнать его, гада, руки заломить за спину, в наручники его втолкать, мер-

завца, и почти живым сдать нашему самому гуманному суду в мире, который заткнёт им пустое место, например, в ЛА-155\ 4 ИТУ СССР. Там он отловит и туберкулёз, и сифилис, а может даже рак желудка от баланды. И однажды бедолага выйдет на волю, взлетит выше самых высоких небес раньше срока. Короче, хорошее есть во всём. Надо только не где попало трудиться, а в милиции.

Вот у Шуры Маловича, майора пока, ждать момента когда уже можно догонять преступников – почти такое же замечательное занятие как любить жену Зину и сына Виталика. Как есть халву и запивать её «крем-содой», а так же пробежать свои восемьсот метров на важных республиканских соревнованиях меньше, чем за минуту, сорок девять и три десятых секунды, то есть выскочить выше мастерского норматива. Причём ко всему указанному Малович относился спокойно, нервничал так редко, что иногда просил жену.

– Слышь, Зин, ты разозли меня, дай нервам потрепаться! Что ж я живу как неодушевлённый предмет шкаф. Злодеев отлавливаю – не волнуюсь, не нервничаю, к генералу на ковёр хожу умиротворённый, будто я в парной сижу с берёзовым веником. Ну, давай! Потрепи мне хотя бы маленькую периферическую нервную систему! Уважь, блин!

– Ты, Саша, второй десяток лет слышишь мой истерич-

ный приказ – выключать свет в прихожей, когда уходишь на работу. Но ни разу не выключил. Пожалуюсь когда-нибудь Паньке и он сломает об твою железную спину не одну вицу моченую.

– Во! Давай! Неси окоlesiцу, – улыбался Малович. – Я у Паньки любимчик. Мы самогона с ним можем дерябнуть, но вицы об меня он ломать не будет. Есть другие кандидаты. Нет, не получается нервничать. Пойду в засаду спокойным. Преступник-то всё равно не знает, что я его жду. А чего тогда мне дёргаться?

Было три часа дня тридцатого сентября. Хороший день полного осеннего солнца с утра и полной мистической луны с вечера. Он взял с собой три бутылки лимонада, полкило печенья «курабье» и столько же халвы местного производства. Она была вкуснее привозной. Убийство художника Салова предполагалось часов на пять-шесть вечера, так что пару часов Шура имел порожних и для заполнения дыры в событиях взял почитать очень хорошую книжку «Дневные звёзды» Ольги Берггольц. Вчера вечером он забрал ключ от квартиры Салова у дежурного и больше для отлова маньяка ему не надо было ничего. Наручники и так всегда лежали в заднем кармане брюк.

Малович позвонил Володе домой.

– Готов? – спросил он. – Пистолет почистил, патроны поцеловал? Бронежилет надел? Смотри. Без жилета маньяк не поверит, что ты милиционер из угро.

– Дурак ты, Малович, хоть и майор, – ответил радостно друг. – Я Таньку Романову с собой беру. Её ничто не берёт. Годы не берут. Видел, какая она фря? Лучше, чем пять лет назад. Её даже замуж никто не берёт! А картечь – это вообще – тьфу! Я её к двери пошлю если маньяк сперва решит всё же начать с Петренко.

– Ну, хорошо. Застрелит он Таньку – жена всё равно не вернётся. Она замуж выходит в октябре. За директора гостиницы «Целинная» Анвара Гогоберидзе. Тот для правильности жизни с женой развелся. Жить уедут в Цхалтубо. Там у него винный заводик и ферма по разведению жирафов.

– Вот же ты придурок редкий! Лишь бы больше сделать другу перед ответственным делом, – захохотал Тихонов. – Директор «Целинной» – Пасько Андрей Леонидович. Уже лет десять. А Маринка живёт в Магнитогорске с Машкой. Работает на третьем заводе в комитете профсоюзов огромного металлургического комбината. Мы с ней созваниваемся каждый день. Она про Машку рассказывает. Машка на балльные танцы ходит. Получается у неё хорошо. Потом в хорео-

графическое училище пойдёт, которое в Свердловске.

– Во! Размялись. Я пошел, – Шура положил трубку, накинул болоньевый плащ. На улице рассыпался маленькими капельками неизменный сентябрьский дождик. Мотоцикл милицейский он оставил за квартал до дома Салова, пришел в квартиру, бросил на диван портфель. До пяти часов была ещё пропасть времени. Час и десять минут. Шура выпил лимонада, съел халвы с печеньем и пошел к двери.

– Открывается она наружу. – Рассматривал он место близких событий. – То есть я могу на ключ её и не закрывать. Так... Он стреляет, образует дыру в двери, но секунд пять ничего не видит. Дым потому что от выстрела и пыль от щепок. Он слушает шум. Салов ведь должен отлететь и грохнуться. Картечь тело отбросит назад. Это довольно приличный грохот. Мужик весит килограммов семьдесят. С высоты тела падение будет довольно громкое. Так... А если я не упаду? Спрошу: «Это ты?» и отскочу до выстрела к левой стенке? И тело не упадет. Ха! Захочет ли он убедиться, что промазал и добить из второго ствола? Должен захотеть. Не убежать же ему, не сделав дело? Вот поэтому я спиной к стене прижмусь, не упаду. А дальше видно будет.

Малович выпил ещё лимонада, съел кусочек халвы и сел на диван читать «Дневные звёзды». В пять пятнадцать зазвез-

нел звонок. Шура в носках мягко подошел к двери прихожей и молчал. Позвонили ещё раз. Длинно, без перерывов. Пока звенело всё, даже доски двери, майор переместился в центр перед дверью и громко крикнул: «Это ты, Георгий?», копируя хрипотцу художника. Крикнул, одновременно отскакивая влево к стене. Прислонился к ней спиной и задержал дыхание.

Выстрел из обреза картечью для того, кто находится перед дулом, звучит раза в три громче, чем для стрелка. Дверь даже не скрипнула и не качнулась. Картечь пролетела через тонкие доски как сквозь бумажный лист. Шура видел, как середина двери по кругу распадается на щепки и мелкую крошку, а вместо занятого деревом пространства мгновенно появляется будто бы пилой вырезанный ровный круг. Ну, дым, естественно, впорхнул к потолку прихожей через дыру, пламя из ствола показалось на мигновенье. И стало тихо. Стрелок слушал. Тело не стукнулось об пол.

В дыру было слышно как убийца что-то вполголоса говорит. Невнятно и зло. Подождал он еще пару секунд. Потом зачем-то сунул в дыру обрез и сразу же его выдернул. Шура догадался, что стрелок ни черта не понял. Голос как бы Салова шел вроде точно с центра двери, с определенной высоты. Туда конкретно он и пустил порцию картечи. Салову должна была картечь по частям разнести башку и отлететь

он обязан был с грохотом на два метра назад. Но было тихо.

– Не мог я не услышать, – странным голосом и почти непонятно вдруг сказал вслух стрелок.

Он постоял еще секунд пять. Никто на площадке из своей квартиры не высунулся даже на такой громкий выстрел. Боялись все. И это естественно.

А через пять секунд убийца сделал роковую для себя ошибку. Он сунул в дыру голову и стал вглядываться в пол и противоположную стену. Шуре этого было достаточно. Он сверху вдавил шею маньяка кадыком в нижний край дыры. В горло стрелка впились мелкие острые обломки. Малович прихватил шею сгибом правого локтя и ладонь правую сомкнул с левым запястьем. Стрелок попытался вздохнуть, но горло уже было пережато и отверстия для вдоха не осталось. А ещё через несколько секунд убийца потерял сознание, Малович убрал руки и стрелок мешком упал на лестничную площадку, ударившись головой о дверной порог.

Александр Павлович слегка приоткрыл дверь, вышел в носках на довольно прохладный цемент, первым делом переломил обрез, вынул второй патрон и заткнул ружьё за пояс. Патрон кинул в задний карман, а из него достал наручники. Перевернул стрелка на живот, сложил его руки на пояснице и защёлкнул «браслеты».

– Не... Это не всё, – сказал он себе. – Надо и ноги ему связать. Этот и в наручниках убежать попытается.

– А что случилось? – из двух квартир наконец выглянули два мужика в майках и почти одновременно спросили одно и то же.

– Убить он хотел вашего соседа художника. Знаете своего соседа?

– Ну, а как же! – обрадовался один. – Так не убил, нет? Он прямо через дверь стрелял? Ух, ты! А за что Юру убивать? Добрейшей души человек.

– Не убил. Юры нет дома. Вместо него я был. Майор уголовного розыска МВД Малович, – Шура выпрямился и неинтеллигентно ткнул в одного мужика пальцем. – Бельевую веревку принесите.

Мужик исчез на минуту и вытащил из ванной моток верёвки.

– Куплю жене завтра новую.

Шура перетянул «охотнику за головами» ноги аж до ко-

лен и завязал концы в толстый узел. Задержанный пока в сознание не вернулся и никаких манипуляций со своим туловищем не чувствовал. Малович затащил его в прихожую и в рот ему затолкал платок жены Салова. С вешалки снял. Не хотелось, чтобы стрелок очнулся и орать начал. Вот после всего появилось время рассмотреть убийцу. Подозвал сначала обоих соседей, дал им два листа, чтобы они написали про выстрел и описали задержанного с рыжим волосом. И что задержал его майор Малович на месте преступления после выстрела. Мужики пошли писать свидетельские показания, а Шура сел на корточки перед стрелком. Разглядел его внимательно.

Молодой, возрастом поменьше тридцати, широкоплечий, крепкий, рыжий со странным лицом. Толстая массивная челюсть, невысокий лоб, хрупкие на вид, тонкие скулы, впалые глаза и слишком полные губы. Как у «сочной» девушки, смешливой и капризной. Всё это было как бы взаймы взято у разных людей. На пальцах обеих рук три перстня. Два на левой, золотые, без камней, но с печаткой. На одном перстне – оскалившийся волк, на другом – скорпион. Правую кисть украшал один серебрянный перстенёк с серпом и молотом на печатке. Гравировка.

– Дежурный! Витя, ты опять в наряде? Привет! – позвонил Шура в Управление.– Трёх автоматчиков мне в машине

с будкой для особо опасных сейчас в адрес – Пролетарская, сорок, в восемнадцатую квартиру. Задержание вооруженного маньяка запиши на меня.

– Опять один брал? – засмеялся дежурный.

– Так нет же больше народа. Все на опасных заданиях. – Тоже развеселился Александр Павлович.

Потом позвонил командиру.

– Поганец обезврежен. Сейчас привезу. Стрелял в хату художника, как мы и думали. Тихонову позвоните. Он у Петренко, у резчика на квартире. Пусть хозяина вызывает, а сам сюда пилит тихонько на своём «москвиче». Вот как простой капитан милиции может накопить на машину? Распустили вы нас, Сергей Ефимыч. И у меня ведь тоже «москвич». Не по средствам живём.

– Так я на вас обоих заведу дело. И чалиться будете не среди знакомых в «четвёрке», а на приисках в Бодайбо, – у подполковника мигом поднялось настроение. И о том, что обоим «москвичи» подарило Управление за самую высокую раскрываемость особо тяжких преступлений, он на радостях и сам забыл.

Пока неповоротливый «автозак» скрёб «зимними» шинами асфальт без снега, Малович постоял недолго над повязанным убийцей, воткнул ему поглубже платок в рот и пошел ждать автоматчиков возле окна, выглядывающего на почти необжитую улицу Пролетарскую. По ней, плюнув на дождь жиденький, бегали в разные стороны группами и в одиночку разнокалиберные и разномастные собаки. Им тут было хорошо. На Пролетарской, которая начиналась отсюда, с поворота дороги к аэропорту, жилых домов поставили всего шесть.

А остальные здания – разные цеха и мелкие фабрики. Деревообработка, шитьё штор, ремонт стиральных машин и холодильников, фабрика по изготовлению мороженого, консервный завод, где делали потрясающе вкусный салат «Осенний», чаеразвесочный цех и похоронное бюро с образцами крестов и гранитных плит для памятников. Кладбище задолго до появления производств разместилось справа от аэропорта, практически теперь уже рядом с фабриками и цехами. Точнее – это их построили рядом с кладбищем. На качество продукции оно не действовало.

А вот зачем чуть ли не для каждого цеха или заводика настроили столовых – загадка. В каждой забегаловке лепили пельмени и продавали разливное пиво. Народ стойко трудился до обеда, с которого на рабочие места пиво отпускало не всех. Мужики, которые потом на работе навёрстыва-

ли упущенное, выходили курить на воздух. Они болтали в облаке папиросного и сигаретного дыма, и бросали собакам пельмени, котлеты, пирожки с ливером и косточки от рагу мясного с макаронами. Столовых было штук семь, мужики ходили в ближние от работы, поэтому собакам было из чего выбирать. Котлеты кидали реже, а вот пельмени и кости – всегда и много. Поэтому разные пёсики и их подруги собирались сюда почти со всей верхней части города.

Посторонних здесь никогда не было и все друг друга знали. Собаки дружили, птицы от воробьёв до сорок жили в мире и честно делили крошки, работяги с разных предприятий здоровались, жильцы шести домов почти все знали друг друга по именам, потому, что пиво пили все. Народный, как-никак, напиток.

Приехал автозак. Отловленный уже очнулся, но понимал только то, что он есть. Где он, зачем его тащат как бревно и куда – об этом ещё не имел он сил задуматься.

– В третью камеру, – сказал сержантам Шура. – Наручники не снимать, ноги освободить можно.

Командир Лысенко Шуру сначала просто поблагодарил за службу, а потом вдобавок обнял крепко. С чувством. То, что отдел уголовного розыска обезвредил серийного убийцу, за

которым шесть трупов, давало подполковнику надежду стать полковником прямо-таки в ближайшее время. За последние двадцать лет серийных маньяков в Кустанае не было. Сергей Ефимович позвонил генералу и доложил, расцветая лицом и выпрямляясь в струну. Хвалил его генерал. Видно было. Ну, и правильно делал. Сработали чётко. Потом Лысенко связался с редакцией областной газеты, да и на радио с телевидением тоже сообщил, что гражданам города можно больше не бояться маньяка. Он задержан и даёт показания.

– Вообще, честно говоря, не надо лично мне и отделу его показаний. Я-то его взял с поличным на месте преступления. Причём – он его уже совершил. Выстрелил. За дверью должен был стоять художник Салов, – Малович сел на подоконник и закинул ногу на ногу. – Что он расскажет в оправдание? Что это не он вообще там был?

И на фига нам его рассказы? Позовите криминалистов. Пусть принесут абсолютно всё со всех семи расстрелов. Все следы покушений. И то, что он пришёл убивать Салова – следствию я рапорт напишу. Пусть криминалист и с квартиры не убитого художника принесет картечь, снимки предыдущих трупов через дыры в дверях. Они есть, такие фотографии. Я мельком видел.

Пусть на бумаге подтвердят, что стрелял один человек одинаковыми патронами с одинаковой картечью из одного

и того же ружья. Пробоины в стенах – тоже снимки со всех квартир. Фотографии убитых, где видно, что раны одинаковые. И образцы картечи из тел взятые, из стен, из дверей и нестреляных патронов. Вот вам патрон для криминалистов. Из него он не успел шмальнуть. С обреза пусть его пальчики склеют на липучку и его собственные отпечатки снять надо прямо сегодня.

– Мы не можем лишить его слова в свою защиту. Презумпция невиновности, – тускло произнёс командир.

– А вот следствию есть какая-то разница в том, что раз в месяц он убивал по два человека от обиды на них или из зависти? Или от ревности, или от того, что ему их фамилии так не нравятся? Что не застрелить носителей таких фамилий – грех? – Шура сделался злым и жестким. Слова будто выстреливал изнутри. – Этот ублюдок отослал на кладбище в кумачовых гробах шесть человек за три месяца. Без причин. Если убивать всех, на кого ты обиделся, то опустеет Земля через пару лет.

Обида – не причина и не смягчающее обстоятельство. Да, все покойники его раньше чему-то обучали. А он тупой и ничему не мог научиться. И его увольняли из секции или кружка. Вот вы меня с работы уволите, к примеру, а я на вас обижусь. Что, чпокнуть вас из моей «белки» двенадца-

того калибра? Народа увольняют с работы тоннами. Сотнями то есть, тысячами. Кто из уволенных за последние двадцать лет застрелил за это руководителя? Нет таких случаев. А девчонку, одноклассницу, он грохнул через девять лет после школы. Он, сука, не простил, что она ему отказала. Так это со всеми происходит. Далеко не все девушки соглашаются пойти к любому и каждому. Новость необычайная, что ли? И что? Убивать за это? Так тогда девушек почти не останется. Они отказывают почти всем, а только с одним идут.

Шура замолчал и задумался.

– Пусть криминалисты просто составят грамотный отчёт по каждому убийству, приложат к каждому вещдоки и утвердят, что стрелял человек одного роста из ружья с таким то номером, с обрезанными стволами Тульского оружейного завода номер четыре, что следует из маркировки оружия и одинаковым следом удара «бойка» по капсулю. Пустых гильз криминалисты со всех убийств набрали. Образцы картечи есть от каждого выстрела и вот с этого целого патрона. Картечь одинаковая. Всё. Ничего больше не надо. Ни свидетелей, хотя я показания соседей взял на всякий случай, ни протокола его раскаяния. Он бы, мля, ещё с десятков невинных грохнул, а потом раскаялся! Пусть бог его прощает. Есть он или нет его... Да найдётся. У буржуев ведь есть. Значит можно его найти и прощения попросить. А уголовный кодекс –

не Бог. Он таких козлов не прощает.

-Убедил, – шлепнул по столу ладошкой командир. – Тут истину искать смысла нет. Он же не охотник на дичь. А убитые им – хорошие люди. И не война сейчас, где шестерых вооруженных врагов убить – доблесть.

Прошло три дня и Лысенко вызвал Маловича, и Тихонова. Криминалисты отчёт принесли, вещдоки, куски картечи из разных квартир и фотографии.

Посидели всей группой пару часов, разобрали всё по деталям.

– Я пишу рапорт-заключение и передаю следакам, – потёр руки Лысенко.– А они пусть с него показания на допросе снимают, пусть он им в своё оправдание объяснительную пишет. Мы свою работу сделали и сегодня же я доложу о задержании серийного убийцы генералу.

Посидели так еще минут пять и разошлись.

– Пошли, Шура, в «Колос», – сказал Тихонов. – Надо напиться.

– Идём, – согласился Малович. – Напиться надо. Тошно что-то.

На следующий день на работу к Александру Павловичу приходили по очереди художник Салов и мастер резьбы по дереву Петренко. Благодарили. Жали руки и обнимали. Было приятно. Люди живыми остались. А могли сегодня уже в морге лежать. Лысенко предложил обоим оперативникам новое задание. Кто-то вот прямо сейчас на мосту через Тобол врезался в машину при обгоне. Шоферы выскочили, сначала без особого вреда побили друг другу морды, потом сбегали в кабины свои и вот уже полчаса машут ножами, причём иногда попадают по рукам и ногам, а асфальт между машинами уже весь в крови.

– Ребята, вам от маньяка отвлечься надо. С ним уже ясно всё. Езжайте разомнитесь. Устали вы от напряжения нервов. Я вижу, – мягко уговорил подполковник друзей.

Осенью на Тоболе особенно красиво. На другой стороне реки слева от моста – огромный Чураковский сад. Его заложил в двадцать первом году академик Чураков, которого после Великой революции немного потерпели в Петрограде, а потом припомнили все его устные размышления насчёт сомнительных перспектив власти Советов и выслали за Урал. В Кустанай. Сад получился необыкновенным. Всё там было. Очень разные яблоки и разносортные груши. Сейчас сад готовился заснуть на зиму и красота охристых цветов осен-

них яблонь и груш вместе с красно-лиловыми листьями слив описанию не поддавалась.

Можно было стоять и любоваться, глядя душу свою нежностью красок осеннего сада, с утра до вечера. И не надоело бы.

А вода реки в первый день октября отражала мелкие желтоватые тучи и за счёт течения цвет это искрился. Он напоминал миниатюрные рассыпающиеся золотые слитки. Справа от моста готовились уснуть поля, с которых недавно убрали овес и ячмень. Вот они были похожи тоже на золото, но только что расплавленное и разлитое по земле. Любоваться бы этими пейзажами не сходя с места весь день. Но Малович уже увидел драку с ножами на полотне моста и повернул руль мотоцикла к началу толпы, окружившей бойцов. Никто не пытался их разнять или помирить. Наоборот, даже писклявые женские голоса громко советовали.

– Чего телишься? Сбоку заходи на него и бей в шею!

– Вова, – Малович спрыгнул с мотоцикла. – Там две штуки наручников в конце коляски. Давай.

Тихонов достал «браслеты» и тоже соскочил на твердь.

– Я иду в толпу и пробираюсь в первый ряд. Когда один

мужик будет ко мне спиной, я его уложу на асфальт. Второй, скорее всего, остановится. Ты пробейся тоже в первый ряд, но с противоположной стороны. И вот когда он на пару-тройку секунд перестанет двигаться, ты прыгай на него и просто крепко обними. Сверху руки его прижми к бёдрам и держи. Я надену наручники на первого, потом подойду к тебе и нацеплю на второго. Только не чешись. Быстро делай. Вот как он остановился, тут же к нему прыгай и крепко обними. Погнали.

Малович шустро, бочком просочился в первый ряд и тоже закричал.

– Давай. Вали его!

А когда мужик стал перемещаться слева направо и отвёл руку с ножом в сторону, чтобы скакнуть вперёд и махнуть лезвием, Шура громче других крикнул.

– Ну кто, бляха, так бьёт? Смотри как надо!

Он вбежал в круг и кричал: Не стой, бей наотмашь!

– Так что ли? – отозвался человек с большим кухонным ножом. Он им в рейсе, видно, хлеб резал, сало. Отозвался и показал. Отвел руку в сторону параллельно земле.

– Ну! Сильнее размахнись! – Шура уже стоял рядом с бойцом и когда он отвел руку, стоя к нему спиной, прихватил мужика за кисть, присел и потянул его на себя. Мужик упал на колено, а рука с ножом уже лежала на асфальте, плотно прижатая Маловичем. Он ударил по кулаку ребром ладони и нож выпал. Шура дернул за локоть ещё раз, после чего мужик упал плашмя на асфальт. Шура завел его руки за спину и надел наручники.

– Уголовный розыск! – показал он толпе удостоверение. – Расходитесь. Сеанс окончен.

Со вторыми наручниками он пошел к Тихонову, который не просто прижал руки любителя драк с ножом к телу, но и нож как-то забрал у него. Шура нацепил «браслеты» и крикнул в расходящуюся толпу.

– Машины их отгоните назад с моста. Затор создали. Есть кому отогнать? Кто на «ЗиЛх» умеет ездить? Задние сперва подальше отъезжайте. Ну, быстрее. Вам тут что – театр? А вот вы, вот те двое на «волге» и вы – поедете с нами. Распишитесь за свидетельские показания и гуляйте.

В общем, отвезли драчунов, оформили. Свидетели написали что видели. Посадили драчунов в ИВС. В четвертую

камеру. Тихонов сходил к дежурному и записал задержание вместе с Маловичем двух человек, вооруженных и дерущихся ножами.

Шура доложил Лысенко, что поганцы обезврежены, сидят в четвертой и отдал командиру показания свидетелей.

– Пусть к ним наш врач сходит, – чуть не забыл он сказать главное. – Мужики порезались сильно. Кровь надо остановить и уколы сделать противошоковые. Обработать зелёнкой, блин. Обычные ведь мужики. Не урки. Зачем махали ножами, дураки? Теперь бы им статью помягче. Сдуру дрались-то.

Они разъехались по домам, а на другой день и почти всю неделю с утра сидели за составлением рапортов и отчетов, да и других дел навалилось немало. Следаки отвезли Спицына в дурдом главному судмедэксперту, тот показал стрелка консилиуму психиатров и разные врачи поочерёдно полтора месяца Спицына изучали, искали и нашли решение, превратившееся в заключение. Спицын невменяем – это раз. Во вторых, он много лет, возможно, что с детства, болен паранойей. И постановили рекомендовать суду отправить его на принудительное лечение в специальную больницу для психически больных преступников.

Малович за это время обезвредил ещё четверых бандитов, грабивших граждан поздними вечерами с ножами и обрезамми. Жертв не было, но факты с вооруженным нападением были серьёзными, поручали их расследование тем, кто поопытней. А почти через два месяца после задержания маньяка Лысенко пришел сам в кабинет Маловича с Тихоновым и положил перед Шурой лист. Потом он распечатал бутылку коньяка, достал стаканы и все выпили сразу по сто пятьдесят без закуски.

– На трезвую голову заключение экспертизы и рекомендацию психиатров лучше не читать. – Сказал командир. – Сами с ума сдвинетесь.

– Шура вытер губы листком перекидного календаря за прошедший день, начал читать и на глазах мрачнел. Он знал заранее, что суд отправит Спицына не на зону, а в спецбольницу. Но до суда ещё не дошло, а уже понятно было, что не хлебать убийце шестерых человек баланду. В заключении врачей было сказано:

«Кроме того, что Спицын невменяем и подлежит госпитализации в специальной психиатрической лечебнице и в связи с этим не может быть осуждён судом, а также направлен в места заключения, рекомендуем не проводить следственных действий, так как суд будет выносить решение о его по-

жизненной госпитализации в спец. психолечебнице на основе нашего заключения» И три печати на листе. И одиннадцать подписей.

На отдельном листе было разъяснение для тупых в психиатрии милиционеров.

«Причиной развития паранойи являются определенные нарушения обмена в головном мозге в сочетании с исходными особенностями личности, выработанными с детства стереотипами интерпретации определенных ситуаций, привычными способами реагирования на стресс и неблагоприятными жизненными обстоятельствами. Пациенты, страдающие паранойей, с ранних лет тяжело переносят неудачи. Они склонны к завышенной самооценке, часто проявляют недовольство, не умеют прощать, слишком воинственно реагируют на любые вопросы, связанные или якобы связанные с правами личности, искажают факты, трактуя нейтральные действия окружающих как враждебные и всегда жестоко мстят воображаемым обидчикам».

– Во, мля! – Малович дал бумагу Тихонову. – Суд-то всё равно формально проведут и сбегрят этого маньяка на принудительное лечение в дурдом.

– Во, мля! – повторил Вова Тихонов и отдал бумагу ко-

мандиру.— А паранойя лечится?

Выпили ещё раз четыре по сто пятьдесят. У командира ящик армянского для гостей всегда стоял. Они плевались в разные стороны, вспоминая Спицына и судмедэкспертов, вставляли в почти научные дебаты о несовершенстве уголовного кодекса и науки психиатрии похабные анекдоты, Володя врезал в сумбурный трёп как инкрустацию свежие воспоминания свои от кайфа вчерашнего с Танькой Романовой, потом трио пели песню про огни, которых так много золотых на улицах Саратова. И хорошо, что в милиции уже никого не было и никто не слышал их пьяного бреда.

— Паранойя не лечится — Громко сожалел Шура Малович, зажевывая очередные сто пятьдесят прошлогодней шоколадкой, про которую все забыли и она в шкафу стала почти деревянной. Но врачам тоже нужно гнать требуемый высокий процент излечиваемости. Так они Спицына, бляха, года за два- три — четыре «вылечат» и выпишут. Отчитаются перед облздравотделом. На учёте в дурдоме он, конечно, будет стоять и оружие ему не продадут официально. Но он же параноик, а не идиот. Мозги хоть так, но ведь работают. И прощать он не умеет по болезни своей. Поэтому купит обрез у блатных. Или дядька, умелец наш городской, который патроны набивает, так он и картечью его обеспечит, да и ружьё может ему сделать. Кто будет об этом знать? Да никто, — Шура

плюнул в корзину для бумаг и очень длинно да загогулисто выматерился.

– Я на контроль это дело поставлю, – успокоил оперативников командир Лысенко, пытаясь прилечь прямо на стуле. Сидеть ему было уже нелегко. Годы плюс минимально литр с хвостиком пятизвёздочного в пузе. – Он у меня пожизненно в психушке останется. Я им прикажу. Нет, генерала попрошу приказать этим лекарям, чтобы жил он там всё жизнь привязанным к кровати. И ел только хлеб. Ну, с водой. Ладно уж. А чем там лучше, чем на зоне?

– Баланды нет и непосильного труда на лесоповале, – Шура плюнул ещё раз. – Надо следить, когда его как бы вылечат года через три и выпишут. Грех, конечно, но надо будет после выписки сделать ему провокацию.

– Надо пойти к знакомым блатным. Которым мы добились скостить сроки, – поднял вверх палец Вова. – Пусть они Спицына уговорят, Шура, тебя лично застрелить. Ты ведь его оскорбил, унизил и обидел. Тебе он обязан отомстить. И пусть они воткнут в стволы холостые патроны да пойдут убивать вместе с ним. Стрелять не через дверь, а на выезде со двора МВД. Ты с мотоцикла упадешь, а у них машина будет. Стрелять из машины попросим блатных. Но уехать они не успеют. Наши автоматчики их повяжут. Блатных потом

отпустим. А ему, гаду, покушение на милиционера дорого вывернется.

– Устроим! – воскликнул командир. – Он ведь уже здоровым будет. Его же вылечат. А мы его, здорового, посадим и за прошлые грехи и за покушение на Маловича. По вновь открывшимся обстоятельствам. Его, конечно, опять повезут на экспертизу. Но там будет написано, что его вылечили недавно совсем. Значит он здоров. А здоровых можно сажать на кичу или на зону. Во, как будет!

Домой они не поехали. Не допили всего шестнадцать бутылок из полного ящика. И хорошо посидели. Расслабили нервы и даже песни к полуночи пели. То ли от радости, что прервали серию диких убийств. То ли от тоски, которая всегда наваливается, если на самом деле ты поработал хорошо, а результат труда скомкали и сбросили в ту же корзину с ненужными бумажками, куда Малович плюнул не со зла, а от досады.

– Ладно, – сказал Александр Павлович, пытаясь уснуть, уронив на стол руки, а на них голову. – У Спицына расстрельная статья. Вот я перелезу через забор дурдомовский, дождусь когда параноиков на прогулку выведут и порешу его из пистолета. Куплю себе «чистый» у блатных. Порешу, а вы неизвестного убийцу будете искать, но не найдёте. В глухари

спишете. Приговор мой такой. Правильный.

– И я его пристрелю. Вместе через забор полезем.– Сказал Тихонов и упал в кресло, до которого как-то смог доползти.

Командир ничего не сказал. Он раньше уснул. Не допев до конца никому не знакомую песню.

29. Глава двадцать девятая

После отлова маньяка Спицына Шура Малович изменился почти до неузнаваемости. То есть видят его на работе и не сомневаются, что это Шура. Дома жена Зина и сын Виталик ни с кем его не путают. Потому, что и нет больше никого. Но вот юморить он перестал совсем, бросил на соревнованиях по бегу выступать, мрачным и насупленным больше месяца ходил и очень мало разговаривал.

– Шура, ничего не болит у тебя? – задавала пару раз в неделю глупый вопрос жена. Как очень опытный врач она видела, что муж здоровее многих других здоровых. Но спрашивать всё равно надо было. Про здоровье, про работу. Не случилось ли там чего? Не собирается, допустим, генерал, перевести его начальником всей милиции далёкого Наурзумского района? Там почти нет советской власти, но и преступность почему-то не развита. И вообще, по слухам, никто ничем в той степи не болеет. Зине некого будет оперировать и спасти от всё равно неизбежной смерти. Со скуки можно помереть на работе в Наурзуме. А Маловичу нужно движение, опасности нужны, риск и красивые задержания нарушителей закона.

Один Володя Тихонов знал правду о том, отчего поник его друг духом и в себя ушел. Его самого взбесила история с маньяком, которого вместо того, чтобы расстрелять как сволочь последнюю, отправили на мягкую кровать диспансера, хорошую еду дали и позволили каждый вечер телевизор смотреть совместно со всей ненормальной гоп-компанией в специальной комнате отдыха, где росли фиалки в горшочках и финики в кадках.

Но у Вовы имелись две отдушины, гасившие гнев праведный внутри. Танька Романова, которая отвлекала от раздумий так, что Тихонов иногда забывал даже своё офицерское звание. Второе, отвлекающее от мрачных дум – искусство. Послушает Володя с утра прелюдию и фугу ми бемоль минор Баха и целый день – в восторге. Все гадкие мысли перешибают волшебные звуки органа с пластинки Ташкентской студии звукозаписи.

Но Малович не был столь утончён. После работы и домашних дел он читал серьёзные книги по электротехнике. До милиции работал электриком и на пенсии собирался на свои средства построить возле Тобола городок электрочудес. Думал продать всё лишнее, что пенсионеру уже не надо, накопить денег и сделать так, чтобы в электрогородке свет шел отовсюду, даже из-под земли, и всё бы там электричеством автоматически открывалось, закрывалось, птички электри-

ческие чтобы летали с песнями да роботы-электропродавцы бесплатно кормили бы народ мороженым с пирожными, поили всех виноградным соком и лимонадом «крем-сода». Но эту мечту он видел удалённой. А Тихонов мог укрепляющую нервы музыку слушать хоть пять раз в день.

Шура, в связи со смешным и неправильным приговором маньяку Спицыну,

чувствовал себя так же отвратительно, как ребёнок, которому обещали папа с мамой подарить за хорошую учёбу велосипед «ЗиФ», а купили только тёплые носки и книжку «Сказки народов Африки». Умом-то он понимал, что по закону обошлись с психически больным Толей Спицыным верно, но душа приговор не принимала. Маньяк обязан был хлебнуть единственным глотком океан горя и исчезнуть из жизни от пули в затылок, намазанный зелёной в подвале тюрьмы. И это разногласие между законом и справедливостью разорвало в нём все чувственные струны. Месяц и неделю, считай, он почти не ел, не пил и не ездил во Владимировку к отцу с матерью, чтобы отвлечься, выпить с батей первача и полежать в предбаннике после парной под связкой душистых берёзовых веников. Душа его болела, а плоть сжалась и онемела. Не чувствовала ни ветра плоть, ни солнца, ни ласковых рук Зины, ни домашнего уюта вообще.

– Маловича надо вынимать из протрации, – уже в конце

декабря дошло до командира Лысенко. – Иначе Шура отупеет, начнет мычать и пойдёт пастись на снежные луга за речкой как бык, которого не волнуют даже молоденькие тёлки в стаде. Ему бы только лежалую траву выкопать из – под наста. Вот и вся радость.

Он позвал Шуру свежим предновогодним утром в свой кабинет и закинул удочку на самое рыбное место.

– Александр Павлович, – сказал он небрежно и проробросом. – Давай совет свой. Один не могу сообразить. Тут дело одно новое. Запутанное, блин, как сама жизнь. И убийство, и кража драгоценностей, да еще и замаскированные под бытовые разборки. А на самом деле – очень редкий для наших краёв вид разбойного бандитизма. Вот и думаю – Ляхову его отдать или Кравченко?

Отдам Ляхову. Как думаешь?

Шура с каменным лицом глядел за окно на лысую ветку, в которой не было ничего, что могло бы глаз порадовать.

– Ляхов завалит дело, – медленно и без выражения произнёс майор. – Кравченко через неделю в «глухари» его скинет. Да и Тихонов не потянет. Мозгов не хватит. Танька Романова, зараза, все мозги ему вынесла.

– Да и ты сейчас не потянешь, – Лысенко сел что-то писать в блокнот. – Нет у тебя уж больше нюха волчары и его же злости. Ослаб ты, Шура, характером мужественным. Такой пустяк пустячный задавил в тебе настоящего волчину легавого.

– Чё за дело? – не расслабляя мускулатуры лица и нехотя откликнулся Малович. Он пялился на дерево, не отрывал тяжёлый взор свой от ветки, которая от такого давления уже приготовилась обломиться.

– Да тебе невозможно будет его разматывать, – хитрый был командир Лысенко. – Тебя вроде бы как и нет в природе. Очертания твои вижу, а тебя как Шуру Маловича не чую в своём кабинете.

– Чё, говорю, за преступление? – Александр Павлович со скрипом шеи перенёс грустный взгляд на Лысенко. – Что там такого, чего мне ещё рановато поручать?

– Да без одной детальки маленькой вообще ерунда, – Лысенко произнёс это равнодушно и тускло. – Сегодня дежурный сводку принёс. Часа три назад ему позвонили жильцы дома номер четыре с улицы Мира. Женщину убили дома в восемь утра сегодня. Забрали все ценные вещицы. Золотое всё, серебряное, деньги из шкафа между простынями, три

старинных иконы. Итого на общую сумму двадцать девять тысяч рублей. А иконы неизвестно сколько стоят. Но побольше, чем все цацки.

– А деталька – это что? Всё сама продала, деньги пропила и ножом себя по горлу?

– Нет, Шура. Муж убил. И всё спёр, – командир посмотрел на Маловича. В глазах майора блеснул тоненьким лучом тот интерес к событию, какой всегда был.

– Чё за муж такой дикий? – Шура сел на стул и покрутил на командирском столе пепельницу. – Он мог по одной цепочке или брошке за три месяца всё пропить. Она бы и не заметила. Похоже, «цацек» у покойной много было.

– У неё наследство богатое от родителей и дедов с прадедами. Так соседи сказали, – голосом сказочника продолжил подполковник. – Хотя и не утверждали наверняка. Тётка сама заведующей базой «горкоопторга» работала. Могла и приворовывать. Но дело не в тётке, а в том, что её грохнул муж, всё это сложил в мешок и смылся в неизвестном направлении. Короче – загадочное преступление.

– Я возьму, – Шура поднялся, – А то из-за этого маньяка тоже крыша съедет и уложат меня в простой дурдом, не спе-

циальный. И через год стану я заколотым аминазином дураком, которого даже на охрану ворот МВД не примут.

– Ты сперва подумай, – не успокаивался Лысенко.– Может не отпустит тебя твоя оторопь да грусть-тоска. Тогда ты ошибёшься и какого-нибудь невинного соседа под «вышак» подгонишь. А?

– Адрес давайте и пишите разрядку на меня, – сказал Малович и его на глазах командира вроде кто незаметно подменил. Стоял перед ним прежний бравый Шура с горящими от желания глазами и ожиданием опасных приключений, отразившимся на всём его хищном лице «волчины позорного».

Через полчаса он уже был в адресе. По квартире ползали криминалисты и фотограф, который снимал труп и квартиру со ста разных ракурсов. Труповозы угрюмо ждали и курили папиросы «Север» прямо на кухне.

Следователь Зимин писал протокол свидетельских показаний. Воспоминания соседей, знавших, как и когда убили Репнину Валентину. Набралось их семь человек с двух этажей. Они и крики слышали, и стук тела о стену, видели как муж убегал из квартиры. В восемь двадцать. Это уже самые пристальные подсмотрели в дверные стеклянные глазки.

– Ну, тут ясно всё как небо после грозы, – старший груп-

пы криминалистов что-то крикнул своим и они, все четверо, ушли, унося чемоданчики с реактивами, клейкой плёнкой и вещдоками. Им было ясно, что есть главное – отпечатки пальцев повсюду, окурки «ТУ-134» и ботинки, которые мужик не успел забрать. А ботинки не простые были. Такие альпинисты носят в горах, по скалам лазают. А в окрестностях Кустаная даже пятиметровых холмиков не было. И ботинок таких в городе не продавали. Значит, не местный был убийца. Это, кстати, и следователь отдельно себе записал.

Шура взял под локоть толстую говорливую тётку-соседку, которая не успевала закрыть рот, как тут же вспоминала дополнительные подробности.

– А ссора во сколько началась? – спросил Малович. – У вас с убитой одна стенка общая, да?

– Ну. Так откуда вы знаете? – изумилась тётка.

– А в протоколе следователя подглядел. И фамилию вашу знаю. Тищенко Мария Николаевна из пятой квартиры.

– Тётя Маруся замолкла и приоткрыла рот.

– А все прошлые годы они так же ссорились и дрались? Муж, наверное, пил как слон на водопое? Только водку или

«бормотуху». Да?

– Тьфу ты, пропасть! – очнулась Тищенко Мария.– Какой к чёртовой матери он ей муж?! Пришлый он. Они и не расписывались. Жил у неё приживалой месяца два, не больше. Вроде обещал ей, что женится. Как только прикипят, приспособятся друг к дружке. Ей сорок, ему тоже где то так же. Не молодежь безголовая. Присмотреться сперва – главное. А вдруг характеры не смогут соединиться!

Муж её, с которым восемнадцать лет прожили, раком занемог да и похоронили его весной. Вдовая она была, Валька-то, на момент нового знакомства с Артуром Романовичем. Поплавский он по паспорту. Валя рассказывала. В кино они познакомились. Она сама мне описала картинку. Стою, говорит, в очереди за билетом, а тут он сбоку прилипает и говорит, что таким красивым женщинам не положено киснуть в толпе. Пошел и внаглую, через чьи-то головы купил два билета. Потом, говорит, сводил в ресторан и домой проводил. Она его позвала чаю попить на ночь. Он вроде как пошел. Да и остался, прижился.

– А как он её обхаживал, хоть уже и жил с ней! – примкнула к разговору другая соседка, помоложе. – Каждый день цветы вечером приносил, торты, шампанское и безделушки всякие. Даже кольца, серьги, кулоны из золота. Валька, зем-

ля ей пухом, сама хвасталась.

– Но мужик был не нашенский. – Подошел сосед. Муж Марии Николаевны. – Не простой был хмырёк. С нами, соседями, не якшался, грамульки вместе не выпили. И скользкий какой-то. Говорит вроде правду, а я, к примеру, чувствую, что врёт. И кем работает – не сказал. И женат – не женат, молчок. Может с Валькой просто жене изменщиком был. Да не похоже. Два месяца у любовницы жить – ни один гулящий ходок не будет. Факт. Он не женатый жил на момент когда схлестнулся с Валюхой. Я чувствую. А вот развелся, овдовел или холостячил до сорока лет – даже покойница не знала, не то, чтоб мы все с площадки. Что-то тут не так в её смерти. Попомните, товарищ милиционер, когда его поймаете.

Шура сел рядом со следаком Костей Зиминим.

– Ты опись сделал, Костя? Что унёс мужик?

– Сестра её младшая только ушла перед тобой. Не могу, говорит, долго рядом с Валькой мёртвой находиться. Да и похороны готовить надо. Ну, она за полчаса всю квартиру облазила. Знала – где у сестры что лежит. Ну, вот список. Перепиши себе. Искать убийцу и вещи ты ведь будешь. Я в рапорте отдам вам в отдел заключение только послезавтра. Нет. Новый год же. Первого не работаю. Второго января за-

несу. А чего ждать? Переписывай прямо тут.

– Перечень вещей – прямо как преёскурант товаров в универмаге, – хмыкнул Малович. – Одних перстней с камнями полудрагоценными и драгоценными – восемнадцать. Кулонов золотых с хризолитом, опалом, рубином, бирюзой и сердоликом по два экземпляра. Цепочек золотых с медальонами и коваными крестиками – двадцать три. Шкатулки малахитовые. Сколько там? Четыре. Обычные золотые перстни с печаткой – одиннадцать. Серьги с изумрудом и бриллиантами – двенадцать пар. Бусы из жемчуга – шесть. Из агата – три. Четыре рубиновых. Да... Не бедно... Но это она явно не носила. Это золотой запас. Маленький островок сокровищ. Случись чёрный день – жить было бы на что. Хорошо жить, не перебиваться с сухарей на плохой грузинский чай. Фигурки животных из бивня слоновьего – двадцать две. Три золотых портсигара. Денег было в бельевом шкафу одиннадцать тысяч. Унёс. Так... Ну, ещё три хрустальные вазы и рюмки на подносе из богемского стекла. А это зачем брать? Фотоаппарат «Зенит-Е»? Она, значит, заведующей «горкоопторга» работала? Ну, там не сложно «левые» деньги делать. Да с такой должностью. Но, надо сказать, приворовывала покойница без особого стеснения и тормозов. Чем он её убил? Что тебе криминалисты нашли?

– Ножиком кухонным, – Зимин поморщился. – Видишь

сколько по всей квартире кровищи? А ножик в мусорное ведро бросил. Неопытный убийца, сразу ясно. И пальцы на ноже отпечатались в крови, и засохли как слепки готовые. Она ещё живая была, когда он убежал. Вон та соседка рассказала. Нина Петровна, подойдите, пожалуйста.

Приблизилась, держа скрещенные руки на животе, дама в бигуди и тонком домашнем халате. Ровесница убитой. На работу она уже опоздала и потому бродила по комнатам с печальным лицом.

– Я к ней в половине девятого пошла позвонить по телефону на работу. Своего нет у меня пока. К ней всегда хожу. Я проспала и хотела начальнице сказать, что чуток задержусь. Электрика, мол, жду. Она всегда на час раньше приходит. Звоню в дверной звонок и слышу как Валька в зале стонет и плачет. Плачет навзрыд и стонет от боли явно. Я тогда сильно стучать в дверь начала. Слышу – голос она подаёт снизу. От пола. Потом поняла, что Валя ползла. Добралась до двери, английский замок изнутри без ключа открывается. Дотянулась, открыла. Гляжу – она вся в крови. С головы до ног.

– Артур меня зарезал, – прохрипела.

– За что? – я пыталась её поднять. Не смогла. Побежала к телефону. «Скорую» вызвала. Ну, минут десять до них до-

званивалась. Прибежала к Валентине, а она уже мёртвая. Я знаю, что если померла сама или кто помог, всё равно трогать нельзя. Вернулась и в милицию позвонила. Вот всё.

– Кто телефон сестры её знает? – крикнул Малович.

– Чего ты, Шура? – удивился следователь Зимин. – Как у следователя может не быть телефонов родственников? Вот рабочий. Вот домашний. Сестра младшая Лариса Репнина, тридцать четыре года, не замужем. Проживает с родителями на Московской тридцать семь, квартира девятнадцатая. Родители уже, кстати, были до тебя. Матери сразу плохо стало и сосед снизу увёз их в больницу.

Малович дозвонился до Ларисы на работу. В универмаг. Она заведующей отделом женского белья трудилась. Старшая сестра, видно, устроила. Должность прибыльная. Дефицит сможешь доставать – много будет и денег и нужных знакомств.

– Их общая фотография есть? – спросил Шура сестру убитой. – Это майор Малович. Уголовный розыск. Мне надо преступника в лицо знать.

– На тумбочке в спальне стоит одна на салфетке в рамке. А под салфеткой ещё три. Сразу найдёте. Вы знаете, това-

рищ майор, я чувствовала, что их отношения плохо кончатся. Я даже конкретно ей сказала: – Не показывай дорогих вещей ему. Он мне не нравится. Глаза очень уж ласковые и добрые. Но видно, как он старается их такими делать. А губы тонкие и короткие. Злой и хитрый. И смеётся неприятно. Так вот примерно: «Ехех-хех-ех!». Мужики настоящие так не смеются, как девчухи из десятого класса. Спрячь, говорю, всё подальше или нам в квартиру отнеси. Мне эти кулоны да перстни до лампочки. А маме с отцом подавно. Украдет он их. Посмотришь. Вот зачем он мне паспорт свой показывал? Тебе, понятно – для убедительности. А мне на кой фиг?

-Тем более, товарищ майор, что открыл только первую страничку. А ту, где штамп о браке, разводе или судимости – не показал, – Лариса мотнула головой и глаза прикрыла. – И ту страницу, где прописка, не открыл. Короче, бабник он отпетый. Причём не простой. И паспорт у него не настоящий. Так мне показалось. Фотография его, а вот печать на другой фотке стояла. Потому, что на белом уголке аккуратно, правда, но ручкой круг дорисован. И так размыта тушь немного на странице, будто паспорт в воду падал.

– Спасибо Лариса, – Шура сказал искренне. – Вы мне очень помогли.

Он посмотрел фотографии. Мужику сорок два или три. Худощавое удлинённое лицо. Тонкие усы над тонкими губами, острый подбородок и модная причёска. Глаза широко посаженные и очень ласковые. В общем, вид сладкий у мужика. Сахарный. Дальше клетчатый дорогой пиджак, светлые брюки из добротной ткани с полоской и чётко проглаженные. Дорогие серые туфли из тонкой кожи. Рублей сорок им цена. Такие не все далеко себе брали. Рубашка новая, возможно, голубая и на ней галстук с пальмой в центре.

Малович пообещал соседям ещё не раз встретиться и поехал в паспортный стол. Знакомая паспортистка Марина искала недолго.

– У нас в Кустанае такой гражданин не прописан.

– Ну, это я знал и так. Просто хотел убедиться официально. Если надо будет, справку дашь?

– Александр Павлович! – Марина замахала руками и сделала вид, что слегка обиделась. – Хоть сто штук в любое время.

Вышел Шура на улицу и как всегда присел на ближайшую скамейку немного подумать. Было понятно, что мужик, имеющий новенький фальшивый паспорт Поплавского, га-

стролёр. Специалист по охмурёжу. Малович даже читал в одной памятке, которые часто присылают в низовые управления милиции из специального аналитического отдела МВД СССР про то, как аферисты на глаз вычисляют вдов или разведённых, как входят в доверие через подарки, цветы и затраты на новую «любимую». Все они – природные неплохие психологи. Делают приятное очередной жертве, воруя предварительно деньги и ценности у жертвы предыдущей. Но они почти никогда не убивают.

Даже не ссорятся. Обещают уладить кое-какие мелкие проблемы, уйти с должности зама директора проектного института, сразу устроиться на новую, ещё лучше оплачиваемую работу заведующим складом ювелирных изделий, а потом непременно пойти с «любимой» в ЗАГС. Но однажды, когда счастливая возлюбленная сидит на работе, он вычищает всё ценное, деньги и пропадает навсегда.

Некоторые вообще работают по-крупному. Подгоняют машину с грузчиками и выносят из квартиры всё. Потом оптом сдают барахло и посуду блатным, те ему платят, а после сами уже сдают барыгам, от которых получают больше. Схема эта налажена и безотказна. По стране катаются сотни таких «добрых и влюбчивых» воров. Соседям, при выносе «добра» в машину объясняют, что он получил новую квартиру. Побольше и в центре города. Маша или Наташа, Катя

или Люда уже там. В новой квартире. Ждёт.

Но таких поменьше. Больше всего тех, кто успокаивает душу деньгами и драгоценностями. Долго на одном месте эти ребята никогда не светятся, а сваливают подальше после «взятия на любовь» двух-трех вдовушек или разведёнок.

Валентине не повезло. В половине восьмого она ушла на работу в родимое своё управление статистики, но уже на входе в здание вспомнила что за ласками с Артурчиком забыла закинуть в кожаную папку необработанные данные по средним заработным платам в молочной промышленности наших области и города. Вернулась на минуту как раз тогда, когда Артур выгребал из ящика серванта золото и камешки, шкатулки дорогие и серебрянные украшения из металла высшей пробы.

Она стала кричать, биться в истерике и пыталась выскочить на площадку, созвать соседей. Один из таких забегов кончился плохо. Испугавшись, что соседи действительно прибегут и его скрутят, поскольку телом он был изящен и хрупок, а потом шустро сдуют его, беднягу, «мусорам», он схватил с кухонного стола нож и на пути к прихожей Валентину сбил с ног да сильно порезал её. Неумело, но всё же до полусмерти. Живой её застала только соседка, желавшая позвонить от подруги на работу.

Из этих размышлений Шура прояснил для себя, что отловить этого убийцу будет потруднее, чем недавнего маньяка. Первое, что его очень насторожило, – фотография. Если к Валентине прибился явный мошенник, у которого была цель украсть всё ценное, когда женщина к нему привыкнет, от подарков да цветов разомлеет и бдительность ей будет не нужна, то глупо оставлять для милиции свою физиономию на снимке. Он взял снимок, вынул его из рамки, сунул в портфель и пошел в редакцию газеты «Ленинский путь» к фотокорреспонденту Моргулю, мастеру ретуши и монтажа.

– Ну, что! – торжественно объявил ас фотоискусства. Он достал толстую лупу, сам сначала изучил через неё снимки потом дал её Маловичу. – Усы приклеены. Не его это усы. Видишь – вот тут практически не видно основу из проклеенной материи. Её там и нет. А есть вместо ткани очень тоненький прозрачный целлулоид. И не каждый его увидит. Только специалист постижёр, который накладной волос делает, да ещё опытный фотограф разглядит. Всё, пожалуй.

– Делать их могут в театре. Но не для своих артистов. Им невидимки – основы без надобности. Но кое – кому они позарез нужны. Работникам КГБ, военным для разведки, любителям самого или самой себя. Волос выпадает свой или усы с бородой жиденько растут, а ты приклеиваешь парик

или усы на целлулоиде и всё. Проблема снята. Никто не догадается, что причёска, борода или усы не настоящие. У твоего на фотографиях разные парики и усы на основе целлулоида. Невидимки. Зачем это ему надо – я предполагаю. Но ты сходи в театр. Там его узнают точно. Я, Шура, уверен, что и паспорт у таких ребят не один. Два-три обычно. На разные фамилии. Такой набор для изменения внешности имеют обычно брачные аферисты. Угадал?

– Да! Это как раз аферист по женской части. Баб вдовых или разведённых соблазняет, подарками заваливает, цветами. Конечно, если видит, что дамочка в достатке живёт. – Малович сложил снимки в портфель. – Золотишко имеет, иконы ценные, деньги. Обещает жениться. За месяц она к нему привыкает. И вот, когда она на работе, собирает всё ценное и сваливает. А одной женщине не повезло. Ушла на работу, забыла какую-то бумагу и вернулась.

А он как раз всё вытаскивал и в мешочек свой складывал. Она – в крик. Ну, он Валентину ножом с её кухни и почи-кал крепко. Когда убегал, она ещё живая была. Соседке даже дверь открыла. И пока та дозванивалась до «скорой» – померла. Причём, дядя Миша, про них известно, что они одну обворовывают и её драгоценности, не все, конечно, следующей дарят. И деньги дают тоже ворованные. Короче – это целая профессия высокого статуса. Тут много талантов надо

иметь. Дар психолога. И актёрский – непременно.

– Шура, ты узнай в своём управлении. Ктонибудь из женщин заявлял, что её собственный муж обокрал и сбежал насовсем? В вашем отделе убийств таких заявлений нет. Спроси у ребят из отдела краж.

– Точно, – улыбнулся майор. – У него фамилия будет другая и фотография на память о начале любви тоже. Парик он снимет или другой нацепит. Будет с усами другими или вообще без них. Понял. Спасибо. Сам бы я тоже додумался, но неизвестно когда.

Холод на улице стоял зверский. А ему помогал умеренный ветер с Запада. Народ дурил от такого убойного «коктейля», но бегал по магазинам и базарам. Как всегда под новый год. Скоро семьдесят второй. Через два дня. Малович потянулся и тоже бегом побежал в УВД, в отдел краж. На улице, несмотря на тридцать с минусом, носились с глазами на лбу все, кто готовился к празднику. Кто-то нёс двухметровые молодые ели и сосенки, перевязанные шпагатом, у кого-то руки отваливались от тяжести сумок, в которых что-то звенело, стучало и пахло разными ароматами. От копчёной колбасы до ядрёного пошехонского сыра и малосолевой сельёдки. Мужики в ушанках и тулупах стояли на подъёмных площадках специальных ремонтных машин и развешивали

от столба к столбу разноцветные лампочки и флажки. Праздник приближался как скорый поезд, который с полного хода резко тормозит прямо перед станцией.

Женя Лысенко, сын командира Шуры, работал в отделе краж с Марецким Виктором, который получил серьёзную рану в уголовном розыске и его перевели сюда. Оперативником он уже не мог работать. Хромал и позвоночник сгибал с трудом и болью. Они подняли архив и нашли два заявления от женщин.

Одно было подано в марте, другое в июле. В обоих заявлениях одно и то же. Только имена и фамилии разные. Познакомилась возле кассы кино. Хороший мужчина. Пожили вместе месяц. Собирались пожениться. И в один день он исчезал навсегда, забирал с собой всё. От золота и камней драгоценных до импортного фарфора и хрусталя. Ну, само – собой, деньги, о которых женщины думали, что они надёжно спрятаны.

Снимки должны быть, – сказал Малович. – Сцены нежности. Стоят или сидят в обнимку со счастливыми лицами.

– А! Это в отдельном конверте. В каждой папке свой конверт и свои фотографии, к заявлению приложенные, – Женя достал снимки.

Шура вытащил из портфеля свою. Разложили рядом.

– Ё! – восхитился Марецкий. – Мужик везде в разной одежде, с разными усами и причёской. Но рожа та же самая.

– Да! – Шура улыбнулся. – А раньше вы не смотрели на снимки?

Так в разное время заявления были, – засмутился сын командира. – Мы в июле мартовское дело и не поднимали. Не подумали, что два случая – это уже серия. Придурки мы. Точно – недотёпы.

– Тонкие короткие губы. – Шура сверял три изображения «жениха» – подбородок узкий, глаза расставлены широко. Родинку на правой скуле я сразу не заметил. А вот она – одна и та же. На одном месте. Остальное – фокусы с усами и причёской. Это театральные штучки. Парики, усы. Тут они большие, свисающие. Здесь как у Гитлера, кипеть ему в аду сто тысяч лет. Тут у него шевелюра как у художника или поэта. Очень объёмная и залихватская. Здесь волос бриолином на пробор промазан и седина благородная на висках. А на моём снимке – модные волнистые локоны почти до плеч и усики – полоска как у культурных интеллигентов. Молодец фраерок – бабий угодник!

– По именам будем сверять?– увлекся процедурой опознания Марецкий.

– Так. Это мой Артур Романович Поплавский, – Шура отложил снимок в сторону. – Это кто?

– Эдуард Олегович Кислицын, – прочёл в заявлении Женья.

– А это он уже Руслан Ярославович Шереметьев. Знатного, значит, рода, – развеселился Марецкий.

Малович под расписку забрал заявления и фотографии, а Лысенко старший потом сделает запрос в отдел, чтобы эти документы переписали на управление уголовного розыска, так как мужчина на фотографиях один и тот же, и подозревается в убийстве женщины. Дела разрозненные теперь объединяются в одно, и расследуется по факту убийства.

Он сел на свой любимый подоконник в коридоре уголовного розыска. На тот, где ему хорошо думалось.

– Считай, год он шурует в Кустанае, – загнул Александр Павлович первый палец. – Значит, он не гастролёр, а местный. Значит, просто не боится никого. Потому, что имеет

возможность менять внешность и паспорта. А это уже кое-что для сыщика. Стало быть, первый мой поход по теме – к директору областного драматического театра Николаю Филипповичу Нагорному. Он загнул второй палец.

И это означало, что в новое хитромудрое, сложное и загадочное дело он уже вцепился всеми когтями и зубами настоящего волчары.

30. Глава тридцатая

Любой большой праздник – почти неуправляемое стихийное бедствие. Ну, хорошо то, что если их по пальцам пересчитывать, то одну руку можно вообще держать в кармане. Вот Новый год – страшное мероприятие. Оно всегда и всеми скрупулёзно просчитывается. Уточняется всё. От числа гостей, до количества салата «Оливье» в тоннах и водки в декалитрах. И только по ходу ликования от полной неизвестности поворотов судеб в году грядущем выясняется, что «Оливье» и водки к третьему дню встречи с новым годом уже не хватает, десяток гостей исчезли не известно куда и дома тоже не появлялись, а Дед Мороз принёс детишкам в мешке всего половину ящика коньяка, а остальное выпил в подъезде со снегурочкой, которая до квартиры дойти по техническим причинам не смогла и отказалась.

Ну, это в общих чертах. А вообще – чудес в новогоднюю ночь куда больше. Например, в одной компании друг семьи хозяев стрелял после трёх часов ночи себе в рот из хлопушек исключительно для развлечения друзей по столу. Он заглотил, не пережевывая, килограмм разноцветного конфетти и кубометр дыма, есть и пить поэтому отказался. Его долю питья и закуски приняли на себя оставшиеся гости. Так что к

утру только младший трёхлетний сын одного из присутствующих смог вспомнить, что именно за праздник начался с вечера тридцать первого декабря.

А кроме Нового года полон ужасов всяких и Старый Новый год, которого в мире нет нигде, кроме как в СССР. Седьмое ноября и первое мая чуть нежнее проходят, но жертв перепития и несварения желудка больницы с утра дня три подряд тоже принимают стонущими группами. Никакой праздник один день не празднуется. У советских людей это не принято и считается явным неуважением или к Деду Морозу, или к ЦК КПСС. День рождения человека хорошего и общительного, друзей имеющего бесчисленное множество, вполне может стать и днём его смерти. Потому, что все, приносящие подарки, обязательно прилагают даже к карманному фонарику бутылку «столичной». Радость от того, что ты на год приблизился к отбытию на «тот свет» всегда затмевает разум и, выпивая уже без закуси шестнадцатую рюмку, друзья и родственники тупо желают тебе многих лет и счастья жизни с больной печенью, желудком и почками.

Огромная семья клана Маловичей по отцу и Горбачевых по матушке Новый год перехватила на пути в город. В деревне Владимировке. В отцовский Панькин большой дом втиснулось сорок сестёр, братьев родных и близких двоюродных, племянников, свёкров и свекровок, тестей и тещ. Плюс дру-

зья детства, юности и зрелости слетелись без приглашения. Ну, и дети, куда без них!? Еды с самогоном поставили на столы столько, будто с утра нового года правительство запретит народу есть в целях экономии продуктов и, что самое жуткое, хлебать самогон.

Или, предполагался вариант, что завтра вообще не наступит никогда. Старший брат Шуры Борис играл на баяне сразу после звона курантов по радио, выпивая и закусывая из рук родни, а потому остался к утру трезвее и даже смог самостоятельно снять с себя ремни баяна и поспать до обеда на стуле. Сам Шура пил мало, поскольку планировал беседу с директором областного театра, но закусывал за всех остальных, что вынудило его весь день первого числа не вылезать надолго из уличного «скворечника». Поэтому в театр отлучиться возможности не имел. Но дома за столом он, как самый трезвый, произносил один тост, зато самый лучший.

– Пусть так, чтоб этот семьдесят второй год мы завершили досрочно победителями всех социалистических соревнований!– громко говорил он, поднимаясь на стул.

– Да! Быть тебе генералом!– соглашались с тостом родственники и друзья детства.

Никаких плохих приключений у Маловичей не было. Од-

но доброе только случилось. Потому, что утром вспомнил отец Панька, что ёлку не украсили и хоровод вокруг неё не крутили. Все кинулись исправлять портак. Но повесить игрушки на ёлку смогли лишь к третьему января. Во-первых, игрушки были только в городской квартире у брата Бориса. Полдня ушло на то, чтобы сват Вася Короленко с ним сгоняли на бензовозе в Кустанай, да день ушел на развешивание игрушек, поскольку ёлка ближайшая во Владимировке росла примерно за семь километров от отцовской хаты.

Ушли наряжать толпой второго числа после обеда, нашли ёлку утром третьего, к обеду нарядили, поводили вокруг неё хоровод и побежали домой. Холодно было, а кроме игрушек компания не взяла с собой даже бумажной затычки от бутылки с самогоном. Чтобы не портить праздник, самогон допили к утру четвёртого, а днём Александр Павлович плюнул на всех по-доброму и рванул на своём «москвиче» в театр. К директору Николаю Филипповичу Нагорному.

Четвёртого в театре намечалась премьера спектакля «Три сестры» по мотивам произведения Антона Павловича Чехова. Великий спектакль, который ставил в начале века «мамонт» театрального искусства, сам Немирович-Данченко.

Но все три «сестры», одна из них – заслуженная артистка республики, с тридцать первого по третье хорошо гульнули

на природе, в санатории «Сосновый бор», и на последней репетиции с утра четвёртого января не узнавали кроме главного режиссёра Куклина никого. Да и с тем только обнимались и клялись в любви к нему, Чехову и театру. Но не помнили слов из своих ролей.

Тогда главреж спектакль отменил. Тем более, что на это число было продано только два билета. Кустанайцы любили театр безумно. Но праздник встречи Нового года не могло бы заменить даже второе пришествие Христа, не говоря уже о пришествии трёх сестёр, измученных душевными надломами и терзаниями. Директор театра Нагорный раньше работал на шагающем экскаваторе. Добывал железную руду на горно-обогательном комбинате в городе Рудном. Поэтому к спиртному выработал если уж не иммунитет, то устойчивость. Как его экскаватор с девяностометровой стрелой без волнений относился к сильному степному северному ветру.

Он встретил старого знакомого, Шуру Маловича, который тоже раньше работал на руднике электриком, как брата или как Деда Мороза. Налил по сто пятьдесят, достал колбаску домашнюю, тонко резанный окорок и банку солёных огурцов. Встретили Новый и Шура сказал.

– Вот, Коля, три снимка. Это один и тот же мужик. Только носит разные парики и клеит разные усы. Берёт он их у

вас готовыми или ваши постижёры, от французского понятия «postiche – накладные волосы», ему на заказ их делают за левые деньги?

– О! – воскликнул Николай после ста пятидесяти армянского. – Вы говорите по-французски!?

– А хрена ли! – правильно закончил анекдот Малович.– Ну, так как тебе удобнее будет? Фотографии посмотришь или тебе словами его нарисовать? Там один человек в разных париках и усах. И только единственный в городе ас – специалист по фотографии, монтажу и ретуши через лупу разглядел, что всё это – особенные, исключительно тонкой работы специальные парики, которые обычный человек от настоящих усов, причёсок и бород не отличит никак. В театре ими не пользуются. Понимаешь, в Кустанае такие парики и усы кроме театральных мастеров вряд ли кто сделает. Основа под волосом больно хитрая. Микроскопической толщины прозрачный целлулоид. Её, основу, не видно даже если ты наклеил усы, парик, бороду и женился. Жена, и та не заметит ничего даже при самой близкой близости многие годы.

– Удобнее всего с уголовным розыском не иметь соприкосновений,– убеждённо сказал Нагорный.– Но тебе-то я отказать в консультации не могу. Хоть ты и майор «уголовки». Дай снимки.

Он долго их разглядывал, смотрел как деньги на просвет и завершил тонкое исследование образа мужика радостным восклицанием.

– Ай, Наташка, ах, сукина дочь! Как пошила, а! Это вполне можно всем показывать на ЭКСПО или в театре имени Вахтангова! Только она так умеет! Только Ильина Натаха. Наша уважаемая. Какая тонкая работа! Ах, ах!!! А мужик этот в каком театре служит? По-моему, во МХАТЕ... Да... Это не Мягков Андрей в гриме?

– Коля, – Малович сунул снимки почти ко лбу директора. – Ты елозить перестань. Это ваш артист?

– Нет. Сомневаюсь. Я-то больше по хозяйственным делам и финансам. Директор я. Не знаю. Уверенно не скажу, Шура. По искусству у нас Куклин, главреж, шарит. Может, и был у нас такой. Ни рыба, ни мясо. Если не путаю. Но, возможно, я заблуждаюсь, – радостно заулыбался Нагорный. – Я знаю, что какого-то пьяницу, какого-то актёришку главреж выгнал в прошлом году. Может, этого, может, другого. Но знаю, что он тут бухал как бичара последний, на спектакли не выходил и к любовнице главрежа по пьяни клинья втихаря подбивал.

Ну, она ему пожаловалась, конечно, заслуженная артист-

ка и пассива главного. А Юрий Иванович мужичка и выгнал за пьянку на рабочем месте. Причём на ответственной репетиции. Но, честно, репетиции тогда и не было. Пьянка была вместо неё. И не пил с нами только занавес бархатный. Он и так всегда тяжелый. И уборщица не бухала. У неё выходной был. А с чего перепились-то? Да день рождения объявился у одного уважаемого артиста. Все вдрызг и нахрюкались. Но выгнал Куклин именно его. Надо ему было так. Из-за любовницы. Перестраховался.

– Зовут его как? Фамилия какая? И где он сейчас работает? – Шура достал блокнот. – И эту Наташу, которая *postiche*, предупреди, что я к ней через десять минут загляну. Отведёшь меня в их мастерскую. Звони по внутреннему.

Нагорный позвонил.

– Будет ждать. Да у неё и так работы полно. Сложные парики делает для премьеры спектакля-сказки «Синяя борода».

– Так кто на фотографии? – Шура налил обоим по сто граммов и начал с закуски окороком.

– Да не помню я, Шура, хоть застрели. У нас семьдесят шесть человек труппа. Заслуженных и то не всех помню. Их

девять. Да две женщины кроме них. А этот вроде работал у нас. Актёром второго плана. Главные роли не тянул. А может я что-то путаю. Возможно, не этот мужик работал. Так, вроде, рожа похожая. Или не совсем... Убедительно утверждать не буду. Врать – не в моих правилах, – Николай Филиппович чокнулся со стаканом Маловича и выпил. – Ну, где он теперь вкалывает – это Наташка, может, знает. Я не интересовался. Может, вполне, и не знать.

– А он живой, не помер от пьянки и голодухи? – усмехнулся Шура грустно.

– Нет, что ты! Наталья его и кормит сейчас, хоть живёт он всё равно отдельно. Стирает ему вещи. Она ему и валенки купила для зимы, полушубок недорогой, шапку из кролика. Деньги она на себя почти не тратит. Откладывает. Да уха-жеру помогает. А она-то на девяносто рублях сидит. Дома – шаром покати. А мастер прекрасный. Да вот работать негде с её ремеслом. Только в театре. А по штату ставка низкая. Девяносто пять рэ. Пять из них на налоги высчитывают.

Работала в Челябинске, там с мужем развелась и к нам приехала. И вот у этого мужика с ней натуральная образовалась любовь. Не понятно, почему не поженятся. Он холостяк уже много лет. Сама говорила. Но то, что именно он у нас работал и его выгнали, тут я воздержусь от окончатель-

ного определения. Вроде совсем не похож... Или-таки тот самый... Не, не скажу. Про Наташку вот всё могу рассказать.

Мы с ней часто болтаем. Она моей жене таких париков наделала! Шесть штук! Любая миллионерша в Америке удивится от зависти. И недорого берёт Наташа. Вот мы и дружим потихоньку. А ухажер не живёт у неё дома, повторяю. Не хочет, говорит, постоянной обузой висеть на её шее. И так она на него постоянно тратится из скромных своих запасов. Он сам мне недавно рассказывал.

На улице встретились случайно. Неловко мне, говорит. А сам не зарабатываю. Нет больше театров. Играю, говорит, в народном. Но там не платят. Самодеятельность. На вокзале разгружаю вагоны, говорит. Молодец, что совесть имеет. Вот сейчас его вспомнил точно. Нет. На снимках не он. У Наташкиного хахаля морда круглая, а на снимках – длинная. Или я путаю опять? Может, показалось, что круглая морда. Не помню. Да нет, точно не Наташкин хахаль на фотографиях твоих. Надо бы пить бросить... Ладно, допьём позже. Пошли к Натахе пока она здесь.

Шура на старые дрожжи откликнулся всем организмом. Коньяк грел живот и в голове стало ясно. Как до праздника.

– Здравствуйте, – сказал он Наталье. – Я по делу к вам.

– Ой! – мастер накладных волос откликнулась озабоченно. – Вам парик? Нет, у вас волос шикарный. А! Усы? Так вам не пойдут. Да и занята я ещё дня три.

– Не мне парик. Отцу. Он облысел и хочет парик с проседью. Чтобы приклеить его и не снимать. И чтобы никто не догадался, что это парик. Скажет всем, что внезапно новый волос пробился из резерва. Делаете такие?

– Конечно. Парики совсем необычные. Усы и бороды тоже. В них основа под волос – тончайший целлулоид, клей к нему тоже особенный. Голову, лицо мыть можно, не снимая изделий. А главное – не видно даже близкому человеку, что это парик. Под лупой разглядывай – не найдешь грань целлулоида с кожей. Для разведчиков наших и для шпионов ихних, буржуйских, усы, бороды, парики такие делают. И я умею, – Наташа улыбнулась. – Но если на всю площадь парика налить вот эту жидкость, то он легко снимается. Высохнет и можно снова на клей сажать. – Она достала банку с голубой жидкостью, – Эта водичка на кожу головы плохо не действует. Так что, вашему папе смастерим то, что ему понравится.

– А ухажеру, другу своему, вы сколько париков и усов сделали? – Шура мягко спросил, с любопытством. – И зачем ему столько? У него париков пять, да? Усов штук десять разных?

– Бакенбарды ещё и три бороды, – добавила Наталья. – Две широких, одна из них длиннее, а одна клинышком. Как у Дзержинского. Не знаю зачем. Говорит, что играет в народном театре. Я там не была, правда. Так в том театре реквизит бедный. Берут, где могут, и одежду, материал тоже. Из него старинные платья и костюмы шьют в недорогом ателье. А у моего всё своё. И всё хорошее, сделано с любовью моими ручками.

– Любите его? – Шура серьёзно спросил.

– Да, конечно. И он меня. Он хороший. Добрый. Знает много. Не то что наши актёры в большинстве. Писанное драматургами повторяют, а у самих знаний – кот наплакал. И язык бедный. Я филологический окончила. Но не люблю преподавать. А тут – моё место! Вы моего жениха-то откуда знаете?

– Да не знаю я его. Мне ваш директор про него рассказал. Что умный и хоть самодеятельный, но актер. Хочу познакомиться. Я корреспондент. Может, напишу про него. Поможете встретиться? – Шура прижал к груди сложенные лодочкой ладони.

– Да какой вопрос! Конечно, – Наталья улыбалась. – Зав-

тра в шесть вечера устроит?

– Договорились. До завтра, – Шура поклонился и они с Нагорным вышли. Двинулись допивать.

– Как-то уж больно легко выходит, – думал на ходу Малович. – Значит, что-то не то и не так. Чудес не бывает.

И он, как всегда, не ошибся.

Допили и Шура пошел искать по театру главного режиссёра Куклина. Наташе снимки не показал специально. Рассуждал правильно: – Вдруг это он и есть. Аферист. Так она ему скажет, что я показывал снимки. Обязательно. Там ведь три разных женщины. А у них любовь вроде бы. Значит, она его выгонит к чертям. И где потом ловить? Нет. Пусть главный режиссёр точку поставит. С директором – дохлый номер. Спивается мужчина напрочь. Жаль.

Главрежа Юрия Ивановича он нашел у осветителей на мостике. Представился и коротко рассказал о том, что ищет человека, который с помощью париков и клееных усов меняет внешность и охмуряет богатых вдов или разведённых. Потом выбирает момент, всё ценное забирает и исчезает. К другой женщине пристаёт уже в новом облике. И так далее. Куклин посмотрел снимки и твердо сказал, что никогда у него за де-

сять лет такого актёра не было.

– Может, просто запомнили? У вас их больше семидесяти, да? – спросил Малович.

– Я на каждом артисте каждый прыщик помню, – ответил Куклин раздраженно. – Это мой материал творческий. Я с ним работаю. Насквозь их просматриваю лучше рентгена, и каждую бородавку вижу даже во сне.

– А кого выгнали недавно за пьянку?

– Ладошина, – режиссёр скрипнул зубами. – Но он хоть и не очень маленький, но меньше вашего, который на снимках. И толстый. А на фото один человек в разных гримах и прочих постижёрных изделиях. Но не Ладошин. А симпатичный. Субтильный, худой, длинный. Разница с алкашом Ладошиным – как между небом и Землёй.

Малович попрощался и пошел в отдел свой ждать вечера. К шести он должен встретиться в постижёрной с возлюбленным Наташи. С артистом самодеятельного народного театра.

Вошел Лысенко с предложением.

– Там, Шура, возле гастронома «Восток» стреляли в заве-

дующего складом. Из машины. Видать, вор с вором что-то не поделили. Сбегай, разберись.

До встречи в театре оставалось еще три часа. Маловичу было скучно. Дело с аферистом «буксовало», настроение майора застыло в тягучем болезненном состоянии, опустило ему плечи, сковало свободу движения. Ходить не хотелось, чем-то заниматься не тянуло, но в таком состоянии долго жить не имело смысла. Могло стать хуже и тогда волчина-«мусорок» стал бы просто огромным куском мышц, ни на что не годных.

– Где завскладом сейчас? Откуда информация вообще?– Спросил Александр без интереса.

– Сам он и позвонил мне лично. Мы с ним знакомы. На рыбалке года два назад случайно вместе оказались. На берегу озера в Семиозёрке, – Лысенко смутился. – Но у меня с ним никаких дел.

– Кто бы сомневался, – сказал Шура.– Поеду к нему. Вы позвоните туда. Мне десять минут до гастронома.

Заведующий складом Евгений Романович Пащенко встретил майора радостно.

– Хотят меня убить. Знаю кто. Знаю за что. И где этот человек сейчас – тоже для меня не секрет.

– За что? – Малович больно пожал Евгению Романовичу руку. – Долг ему не отдаёте?

– Он мне достаёт крабов в банках. «Чатка». Камчатский крупный краб. – Пащенко вытер лысину носовым платком. Волновался. – Привозит всегда по пять тонн. Он нарасхват идёт. Так Гриша всегда брал откат десять процентов от нашей магазинной цены. А в этот раз попросил двадцать пять. Кто-то у него в блатной цепочке добавился или директор камчатского рыбзавода оборзел. Но двадцать пять процентов! Да к тому же я продал почти всё по прежней цене. С чего платить? Месяц прошел. Он и дом мой советовал продать, машину. А то, если он не поделится от нового процента, с ним никто не будет дальше работать. А он, естественно, со мной.

– Ну и что ж он вас не убил? Стрелять не умеет? – Шура не любил таких дельцов и смотрел на Пащенко почти безразлично.

– Это он пугал так. Стрелял пулей из карабина СКС. У него он законный, зарегистрированный. Стреляет Гриша отлично. Почти снайпер.

– А пуля куда воткнулась?

– В раму оконную. Я от рамы сидел в десяти сантиметрах. И первый этаж. Школьник бы не промазал.

Шура пошел на улицу, достал ножик перочинный, вытащил кусок свинца, который не помялся. Головка была латунная. Он взял у Пащенко бумажку и завернул пулю.

– Кто мог видеть покушение или слышать выстрел?

– Двое. Заведующий гаражом Сизов стоял во дворе и шофер моей машины Дима Боков.

– Бумагу дайте им. Пусть напишут свидетельские показания на имя начальника МВД, – Малович пошел к своей машине. – Я подожду и мы с ними поедем. Куда ехать и кого искать?

– Домой к Григорию Железновскому. Он нигде не работает. Трудовое соглашение я с ним подписал формальное. А числится у меня в штате просто грузчиком. Он отличный «толкач». Достаёт дефицит. Пронырливый, язык подвешен, знакомства по всему Союзу. Живёт на центральной улице в единственном девятиэтажном доме. Улица Ленина, тридцать

два. Квартира шесть. Третий этаж. Пятикомнатная хата. Во, даёт, да?

Малович бросил в портфель свидетельские показания, загрузил на заднее сиденье «Москвича» Сизова и Диму Бокова. Поехали. Дверь открыл Железновский.

– Уголовный розыск. Майор Малович, – Шура открыл удостоверение.

– Ух, ты! Сам Малович! Про вас в области легенды ходят. Здравствуйте. Посадить меня хотите? – Григорий махнул рукой. Идёмте, мол, за мной.

Расселись в кресла замшевые и на диван. Малович достал пулю.

Карабин принесите.

Григорий принёс оружие в чехле.

– Мне разрешил его лично начальник ГУВД Панарин. Вот разрешение. Вот его подпись. Печать.

– А убили бы Пашенко ненароком? Рука бы дрогнула и ку-ку, товарищ Пашенко.

– Я мастер спорта по стрельбе. В копейку попаду с тридцати метров. И рука у меня привыкшая. Не дрогнет. Хотел пугнуть. Я работаю как бешеный, снабжаю гастроном такими вещами – вслух неловко произносить. Мне увеличили отпускную цену. А он отказался мою долю платить. У меня с магазином трудовое соглашение. Согласно ему я должен поставлять определенный перечень товаров. И на работу официально он меня принял то ли сторожем, то ли дворником. Зарплату мою я не беру. Куда её девают – не интересуюсь. Но за реальную работу по соглашению ты ж плати! Вот соглашение трудовое. Мой экземпляр.

Григорий достал из шкафа соглашение.

– Там всё по правилам написано. «Отчисления за выполненную в срок и полностью работу от десяти до двадцати пяти процентов». Я у него копейки не украл и не обманывал никогда. А тут Женя вдруг отказался платить. – Железновский поднял глаза к потолку и вздохнул. – Два месяца уговаривал. Соглашение это в нос тыкал. Упёрся Пащенко как баран и всё. Ну, я его сегодня и пугнул. Чтобы подумал. Хотел бы убить – не стрелял бы в ворота из своей машины при куче свидетелей. На улице тоже люди были. Человек шесть-семь. Да и зачем убивать? Всё равно заплатит. Товар-то хороший нужен гастроному. Репутация у него высокая в городе. А без

меня хрен он его найдёт и по приятной цене получит. Будет торговать чем «бог Госплан» послал.

– В общем так, – сказал Шура. – Пишите объяснительную и в ней покайтесь. Мол, помутнение сознания было временно. Промазать я, как мастер спорта по пулевой стрельбе не мог, если бы убить хотел. Виноват, что позволил себе глупую выходку. Тогда приложим вашу бумагу, плюс два свидетельских показания. Я рапорт напишу начальству. Предложу привлечь вас не за покушение на Пащенко, а за хулиганство, которое вы при помутнении рассудка не контролировали. И раскаиваетесь. Укажу, что жертв нет и вреда зданию от выстрела тоже нет. И будет вам штраф. Рублей двести, двести пятьдесят, – Малович поднялся и пошел к двери. – Повестку мы вам пришлём. Придёте за квитанцией для штрафа. Оплатите и принесёте лично мне. Договорились?

– Вы поговорите с Пащенко. Пусть заплатит. Ну, не честно же. У меня от поставщика есть документ о повышении оптовой цены. Не сам же я придумал Женю «нагреть»

– Поговорю, – Шура открыл дверь. – Но совет хочу дать. С карабином больше кроме тира и охоты не ездите. Плохо кончится. Поверьте моему опыту.

Железновский громко пообещал из комнаты.

Разговор и бумаги Шура передал командиру и сказал:

– Тут нет криминала. Пащенко ему по официальному трудовому соглашению платить не хочет. Тот за ним два месяца бегал, а сегодня испугать хотел этим дурацким способом. Простое хулиганство. Он мастер спорта по стрельбе. Убил бы в секунду. Вы лучше серьёзно подскажите Пащенко, подружески. Пусть ради своего же блага не жлобится и заплатит. А то его гастроном с первого места скатится в ямку. Все поставки на Железновском держатся.

– Хорошо, – ответил командир.

Было без пятнадцати шесть и Малович поехал в театр. Если друг мастерицы не брачный аферист со снимков, то искать мошенника и убийцу надо только по подсказкам постижёра Наташи. И подсказки эти могут здорово помочь.

– Костя. Карасёв моя фамилия, – подал руку парень лет тридцати. Ростом примерно сто семьдесят пять. Чуть ниже Шуры. Красивый. Черты лица резкие, точёные. Лицо не узкое, скуластое. Близко посаженные голубые глаза и тёмно-каштановый волос. Крепкий, мышцы даже из пиджака бугорками выглядывают. Нет. Не он. Не со снимков парень. Родинки на щеке как у афериста на снимках нет и не было. Значит промашка опять у Маловича. Временная, надо наде-

яться, – Рад познакомиться. Мне про вас Наташа рассказала. Вы корреспондент?

– Я Наташе соврал. Схитрил, точнее. Так надо было на тот момент, – Шура не отпускал крепкую Костину ладонь. – Я майор уголовного розыска Александр Малович. Тот, кого я ищу, у Натальи заказал различные парики, усы и бороды на основе-невидимке. На целлулоиде. И теперь в разных обликах знакомится с богатыми вдовами или одинокими женщинами, втирается в доверие и однажды грабит все их драгоценности и деньги. Аферист. И я попрошу вас помочь мне его найти. Не откажете?

– Да нет, конечно, – Костя всё же смог вытащить ладонь из большой руки майора. – Вы только подскажите, где и как. Да?

– Вы свои парики, усы, бороды можете показать мне? – Шура сел на небольшой диван, обшитый габардином.

– Так они тут и лежат. На второй полке в ящичке Кости Карасёва, – Наталья сбегала и принесла картонный ящик. Маленький, но из толстого картона. В нем лежали обычные парики на матерчатой основе. Целлулоидом – невидимкой даже не пахло.

– Это всё, что у меня есть. Основы-невидимки дорогие. Да и зачем они мне? С первого ряда основу из материи крашеной уже не видно. Играю в народном театре разные роли, – Костя говорил это грустно. – Наташка пыталась меня в свой театр устроить. Режиссёр обещает, но пока, говорит, мест нет. А я сам из Камышина. Там хороший театр. Пять лет в нём работал. Уволился сам. С директором поругался в тартарары.

Я после работы оставался монологи вслух заучивать, а он меня выгонял и режиссёру соврал будто я, пьяный, пою похабные песни и ночую на сцене. На диване реквизитном. Курю перед сном, напившись, и кидаю окурки на занавес. Сожгу театр. Я ему вообще почему-то не нравился. Ну, я после разноса от режиссёра дал директору по морде, а на другой день из Камышина уехал в Свердловск. Потом в Кустанай. В Свердловске без рекомендации ни в один театр не взяли.

– Пьёшь много? – улыбнулся Шура.

– Кружку пива по пятницам. Привычка.

– Я за два года пьяным его не видела. И в театре у нас он пока ещё не работал. Если вам говорили, что именно его выгнали за пьянку, то они врут. Он режиссёра и не видел никогда. Директора тоже. Выгнали нашего Генку Ладошина. Но

тот пил как бык на водопое. И к любовнице нашего режиссёра приставал. А почему Костю не берёт – не пойму. Или потому, что я прошу, а он сам поклониться не идёт?

– Я попробую помочь, – Малович улыбнулся. – Думаю, получится. Ладно, а кто вот этот человек в париках и усах на целлулоидной основе? Которую вообще не видно.

Шура достал и разложил снимки.

Наталья Ильина, мастер, смотрела на них секунд десять, не больше.

– Я не знаю, как его зовут. Не представился. И не сказал, зачем ему на невидимках постижёрки. Да оно мне надо? Он очень хорошо заплатил. А денег у меня всегда мало. Я сделала пять усов, семь париков разных и бород четыре штуки на невидимке. Догадаться, что это всё наклеено, невозможно, даже если жена будет в лупу разглядывать. Целлулоид идеально прозрачен и полностью сливается с любым цветом кожи. Границ не видно даже через лупу, повторяю. Годами будет с ним кто-нибудь рядом и не догадается, что растительность на голове и лице не настоящая.

Я в Москве этому научилась. У моего бывшего мужа, военного из Челябинска, были друзья в КГБ СССР. Там это всё

делают для разведчиков. Ну, по благу, в общем, я туда попала и меня за три месяца научили основам, главному. Остальное логически додумала сама. В Кустанае я сделала то, что назвала, вот этому мужчине с фотографий и ещё на невидимках усы, парики и бородки аккуратные составила двум офицерам из нашего КГБ по официальному запросу их организации. Всё.

Узнаете со стороны свою работу на человеке этом, который на снимке? На улице или в ресторане, например? Походите со мной по двум-трём местам?

– Да с удовольствием! Конечно, узнаю. С первого взгляда. И мужчину с фотографии я запомнила уже крепко. Не перепутаю ни с кем, – воскликнула Ильина. – Костя пусть с нами тоже походит. Хорошо?

– Да запросто, – кивнул Александр Павлович. – Веселее будет.

Шура ехал домой и думал о том, что удача всё же начала медленно поворачиваться к лесу задом, а к нему передом. Точнее – добрым своим лицом.

31. Глава тридцать первая

Население Кустаная делилось, как, наверное, и в других городах, на домоседов и любителей активного отдыха. Но само понятие активности весьма условно. Совсем не обязательно играть во дворе в футбол с подростками или, теряя накопленные на работе силы, бегать за рекой на лыжах по глубокому снегу. Также не стоит мучиться и тяжело травмироваться на катке, залитом с ледяными бугорками и трещинами посреди центральной площади перед обкомом партии. Нет смысла и в походы ходить с товарищами по работе или соседями, поскольку сразу за городом начинается степь и шлёпать с радостью на душе по заросшему жесткой травой пространству до первого дерева около десятка километров - смысла мало. Тем более, что и до второго добираться под скудную тень его – почти столько же.

А вот в центральном парке можно, конечно, развеяться, но отдых только напоминать будет активный. А в реальности ты сначала в забитом телами автобусе мнёшь себе кости об посторонние спины и бока, потом нудно стоишь в кассе за билетами на аттракционы, после чего безо всякой активности с твоей стороны тебя привязывают ремнём к сиденью и до тошноты вертят на разных каруселях, и пугают ржавым

скрипом качаемых ветром железных труб огромного колеса обозрения. Ты обреченно поднимаешься до точки, с которой видно весь город и ближние посёлки, но там, наверху, от тебя уже не зависит ничто. Отвалится твоя корзина или пронесёт – ты не знаешь. Вырубят – не вырубят в это время электричество в Кустанае – тебе неизвестно. Ну, может электростанция в этот миг и не сломается, зато мотор колеса обозрения сгореть может запросто. А ты в это время в сорока метрах от земли в шаткой люльке из тонких трубок, еды с собой нет, туалет сверху видно, ты знаешь куда бежать после спуска, но когда наладят моторчик, не сможет угадать даже сам мастер, которого уже вызвали и в течение часа он прибудет.

Поэтому самый любимый народом активный отдых – это посещение кинотеатра. Там ты получаешь удовольствие не только от активных реакций на события фильма, но и от забега перед сеансом в парочку буфетов, где настоящий отдых. Злоупотребление пирожными, персиковым соком и всегда всякими бутербродами, даже с красной икрой. После четырёх таких бутербродов большинству уже неважно – про любовь кино или про драму на производстве железобетонных изделий. Душе твоей и телу уже хорошо. Потому, что поел и попил ты активно, и недорого.

Шуре Маловичу вместе с девушкой Наташей Ильиной, театральным мастером изготовления накладных волос, и её же-

нихом Костей надо было из среды активно отдыхающих в кинематографе и ресторанах выловить искусственно изменившего постижёрными штучками свой тусклый облик дамского угодника-афериста, который охмурял и потом грабил богатых одиноких женщин. А одну, которая застучала его случайно за скидыванием её драгоценностей в свой мешочек, пришлось с перепуга даже убить. Чего брачные аферисты обычно избегают.

По Кустанаю у этого мошенника было три эпизода, ценных вещей и денег он спёр в общем на три десятка тысяч рублей с лишним плюс очень сильно усугубил свою преступную участь убийством. Вычислить и поймать его надо было как можно быстрее, поскольку устранение наивной жертвы ограбления с помощью смертной казни могло ему понравиться и не раз, не два ещё повториться. Нет ведь кроме безмолвного трупа единственного и самого главного свидетеля, а это очень усложняет милиции поиск грабителя.

Аферист, которого требовалось срочно сковать наручниками в Кустанае, очень отличался от всех, кого отлавливали до него. Все предыдущие работали по старой, хорошо проверенной схеме. Прилипают сразу к двум дамам, с первой живут, обещая жениться, и незаметными мелкими дозами подворовывают у неё деньги и «цацки», охмуряя с их помощью жертву номер два. Когда количество денежных знаков и зо-

лотишка достаточно добавляется у второй, аферист забирает и принесённое от первой, удачно «возлюбленной», и всё, что теперь имеется, у второй. После чего богатый мошенник из этого населённого пункта, если это не город с тремя миллионами жителей, сваливает куда подальше и «гастролирует» пару месяцев на новом месте.

Кустанайский последний аферист был не только хорошим психологом и артистом, но и большим оригиналом, каких тут до него не видели. Он, возможно, случайно наполнил ум информацией о существующих накладных усах, бородах и париках, которые воспринимаются как настоящие даже в длительных интимных сближениях. Потому, что тонкий целлулоид, основа, на которую крепится волос, абсолютно прозрачен и полностью повторяет цвет кожи. Достаточно менять эти аксессуары с каждой новой пассией, так для убедительности чувств можно с ней фотографироваться, а потом переклеить другие причиндалы и уже с другой внешностью шустрить даже в небольшом городке очень долго. Особенно, если сделать через ребятишек из криминальных сфер штук пять «левых» паспортов» с разными фамилиями.

Вот Шура Малович с помощниками начал десятого января и далее каждый день по вечерам обходить и разглядывать очереди возле касс кинотеатров да медленно прогуливаться меж-

ду столиками хороших ресторанов, где мошенник может при поддержке марочных вин и щедрой закуски легче и быстрее влюблять в себя одиноких дамочек, не обиженных деньгами и дорогими украшениями.

– Вы, Наташа, вашего клиента и плоды своего труда не перепутаете? За настоящие усы и причёски мужиков мне не придется таскать? А то меня заругают на работе, – смеялся Малович.

– Да что вы, Александр Павлович! – заступался за невесту Костя. – Наталья уникам. Она здесь одна эти вещи умеет делать. Для неё каждый такой необыкновенный парик или другая накладка – как дитё собственное, лично рожденное. Она у этих неодоушевлённых предметов вроде мамы родимой. А какая мама своё дитё спутает с чужим? Или вообще не узнает? Да исключено абсолютно!

– Говорит-то как складно и образно! – тянул Наталью за рукав Малович. – Тоже филологическое образование как у вас?

– Он техникум искусств окончил в Камышине. Отделение «актерское мастерство». Знаете такой город? Говорят, что на том месте люди жили прямо у реки Волги ещё до нашей эры, – Наташа говорила это радостно. Гордилась Костей. –

Там в шестнадцатом веке атаман Ермак жил, а в семнадцатом – Степан Разин. Хороший город. Меня Костя летом возил туда. Там театр старый. В тысяча девятьсот втором году ещё образовался. И много любимых в народе киноактёров, которых все знают, в этом театре мастерству учились. А Костя мой – умница. Его место во МХАТе или в театре Вахтангова. Но жизнь – штука больно уж сложная. Вроде по той дороге пошел, а где неправильно свернул чуток в сторонку, не упомнишь. Ну, ничего, он своё догонит. Характер есть. И я чем смогу – помогу.

Костя обнял невесту и так ходили они втроем от очереди до очереди, из ресторана в ресторан. Уже неделю так гуляли, и всё бестолку. Не выныривал Поплавский-Кислицын-Шереметьев, вор, мошенник и убийца. И, очень возможно, долго они бы бродили без результата, не подвернись Маловичу случайная и на первый взгляд неуместная мысль.

– А чего мы решили, что именно сейчас он с новой жертвой знакомиться будет? – Шура даже остановился и хлопнул себя по лбу. – А если он с недельку назад её уже удачно «склеил»? Тогда где его надо искать? Там, где он за ней щедро ухаживает. В ресторанах нет их. Ещё где он может даме приятное делать? Ну, кольца, кулоны, серьги и перстни с камнями аферист дарит краденные. У той тырит незаметно, с которой чуть раньше познакомился. Ювелирный магазин

отпадает. Ещё где? У портного?

– Будь я мужиком богатым, то повел бы даму свою для подтверждения своего достатка в очень дорогое ателье индивидуального пошива и заказал бы ей шикарное платье из самого дорогого, модного материала. Для женщины лишнее платье как для скряги лишняя тысяча рублей в сундучке, – предположила Ильина Наталья, постижёр. – Или потащил бы её к лучшему в городе художнику, чтобы тот создал её портрет в полный рост. Она неделю ему часа по четыре позирует, в ателье минимально пять – шесть примерок надо сделать и каждая занимает не один час. Тут подогнуть, здесь выточку заново делать...

– Вот! – хлопнул в ладоши майор. – Обойдём ателье класса «люкс». Сколько их в городе?

– Четыре, – Наташа смутилась. – Сама там сроду не заказывала ничего. Но знать обязана. Вдруг попаду на высокую зарплату. Или выиграю в лотерею.

– А прекрасного художника я знаю, – сказал Костя, – Дмитрий Шадрин. Из Москвы переехал в сорок девятом. Не говорит почему. Он и пейзажист толковый, а портреты пишет вообще классически. Мы с ним по пятницам пиво вместе пьём в кафе «Степное». Там культурно.

– Но сегодня среда, – огорчился Шура. – Идем тогда по ателье.

Все четыре «люкс» мастерских индпошива заняли, естественно, места в красивых домах на первых этажах в квадрате центра города. Швеям трёх из них Малович показывал все фотографии мужчины с разным обрамлением лица усами и бородами, с разными причёсками и спрашивал – не заказывал ли он платье для жены. Портные долго разглядывали снимки и удостоверение майора, но в финале просмотра убеждённо говорили, что таких заказчиков не было. Запомнили бы непременно. А вот в четвертом одна седая уже и, похоже, самая опытная портниха даже вскрикнула.

– Ой, батюшки мои! Так как же! Вот мужчина этот был. Обходительный, культурный. Жаль такого сдавать милиции. А женщина, правда, другая. Так они два платья шьют у нас. Одно вечернее из шелка «малберри». Метр семьдесят рублей стоит. Три метра уходит если расклешенный низ и четвертной рукав. Плюс туда же оторочка по подолу, воротничку и рукавам из шахтуша.

– А это что такое? – удивился Малович. – Не слышал ни разу. Не видел даже на фотографиях журнала «Советский Союз». А там женщины в таких бывают нарядах! Ахнешь!

-Шахтуш – это ткань родом из Непала и Индии. Она соткана из пуха тибетской антилопы. Ценится больше ангоры за счет мягкости и тонкости. Но и цена у неё – не всем по карману. Ой, далеко не всем! Платье такое за четыреста рублей зашкаливает. Две зарплаты средней важности руководителя, – всплеснула руками Нинель Даниловна, так она представилась.

– А я Валентина Фёдоровна, заведующая ателье, – подошла поближе молодая дама в брючном костюме с блёстками и с розовым прозрачным шарфиком на шее, небрежно закинутым одним концом на плечо. – Другое платье Ромуальд Эрастович супруге заказал из викуньи. Ткань викунья относится к самым дорогим в мире. Производят из шерсти ламы-викуньи. Она обладает рядом преимуществ перед многими шикарными тканями: легкая, на ощупь напоминает шелк, по теплоте обходит кашемир и меринос. И, соответственно в несколько раз дороже кашемира. Вообще – это самая дорогая из всех известных нам тканей в мире. Нам её присылают друзья из Югославии. А он – достойный мужчина. Так трагиться на жену! Просто завидую завистью белой!

– А когда у неё следующая примерка? – спросил Шура.

Заведующая открыла большой блокнот в кожаном пере-

плёте. Полистала.

-Так вот же. Девятнадцатого в одиннадцать утра.

– Они всегда приходят вдвоём? – Малович уже собрался уходить и аккуратно подтолкнул к выходу Наталью и Костю.

– Да, да, конечно. Он её не оставляет ни на минуту. Сядет вот тут, у окна в кресло и любитесь, и воздушные поцелуи ей бросает. Идёт, мол, тебе, моя красавица!

В отделе с бумагами Шуре довелось посидеть день всего. Бумаги он читал невнимательно, потому как одновременно находился в раздумьях: как лучше задержать афериста, чтобы тихо всё прошло. Чтобы тёток из ателье не пугать. Но утром шестнадцатого Лысенко его вызвал и подробно изложил суть срочного задания.

На улице Джамбула мужик с двустволкой в девять часов поутру долго гонял по дворам и припер к стене торцовой сорок шестого пятиэтажного дома молодого парня. Звонила жена этого мужика. Очень подробно всё доложила. Зовут мужа Скворцов Анатолий Петрович. А парень, которого он гнал по дворам вокруг домов – местный хулиган и авторитет среди дворовых придурков, шпаны нашей безголовой. Парня этого Скворцовы знают. Это Жихарев Мишка, отсидел по

малолетке за то, что порезал руки и ноги учителю физики. Он ему двойку за четверть поставил.

Так вот этот Мишка вчера вечером изнасиловал в подъезде дочку Скворцовых Таню. Ей семнадцать. Пришла она домой через час после нападения. Пока не успокоилась – сидела на ступеньках. Рассказала всё. Отец нацепил полный патронташ да двустволку под полу пальто спрятал. Тут же ушел и выломал дверь в квартире Жихаревых. Мать его испугал. Но Мишки не было. Он стал бродить по дворам. Всю ночь ходил. А этот гад переночевал у друга, а к девяти побежал с похмелья в магазин за пивом и попался Скворцову на глаза.

Анатолий выстрелил в воздух и погнался за Мишкой. Долго гнал. Пока тот не поскользнулся на гололёде. Так вот – Мишка стукнулся об лёд хребтом и Скворцов приказал ему медленно подняться и подойти к стене дома. Наставил на него два ствола и так вот они стоят уже почти час. Жена Скворцова звонит в милицию и плачет. Бойтся, что нервы у Анатолия сдадут и он гадёныша пристрелит да сам надолго сядет.

– Давай, Шура, езжай, разбирайся. Обоих сюда доставь. Шестая камера пустая пока. Народу вокруг много собралось. Скворцов людям всё рассказал. И все его науськивают пристрелить насильника. – Закончил изложение события под-

ПОЛКОВНИК.

– Мама Танина телефон свой оставила вам, командир? – Малович накинул короткую тёплую куртку и шапку кроличью напялил. – Пусть они быстро сгоняют на экспертизу. Возьмут следы, какие от насильника остались, да быстро едут к нам. Я скоро.

– Они экспертов вчера домой вызвали, – закончил Лысенко. – Факт изнасилования подтвердился. Бумага с заключением у них на руках. Поймай мерзавца и у него возьмем материал на анализ.

– Пусть тогда мама одна приедет с этой бумагой. Я постараюсь недолго там торчать.

Он сел в «москвич» и поехал. Возле сорок шестого дома переминалась на замёрзших ногах толпа. Человек тридцать собралось. Шура пробился сзади к отцу Тани и тихо сказал.

– Не поворачивайтесь. Я майор Малович из уголовного розыска. Приехал по звонку вашей супруги. Убивать его не надо. Мы вас тогда оправдать не сможем. Придётся тоже на зоне пожить лет пять. Но этому хмырю срок светит большой. На счёт три выстрел сделайте из обоих стволов метра на два выше его головы. И всё. Хорошо? Раз, два, три!

Выстрел очень громко ахнул. Двор ведь. Со всех сторон – пятиэтажные дома. Колодец. Звуку деваться некуда и он метался несколько секунд, отскакивая от разных стен и собираясь возле оружия в виде громового грохота. Мишка пригнулся от неожиданности и за эти секунды Малович до него за три прыжка долетел, и руку заломил за спину. Жихарев скорчился, и ещё через секунду вторая рука тоже вывернулась за спину и наручники на запястьях защелкнулись.

– Граждане, я из уголовного розыска, – крикнул Шура в толпу. – Этот человек подозревается в изнасиловании. Расходитесь. Я его забираю в милицию.

Народ расходился нехотя. Думали, что Скворцов в него всё же выстрелит.

– Убивать надо на месте таких сволочей! А вы их ещё кормить будете за счёт государства.– С сожалением крикнула одна женщина и минут через десять возле дома остался отец девушки, насильник и Малович.

– Паспорт при тебе? – спросил Жихарева Александр Павлович.

– Вот тут. – Мишка подбородком показал на внутренний

карман пальто

– Мой тоже при мне, – показал паспорт Анатолий Петрович.

– Тогда поехали. И вы, товарищ Скворцов. Объяснительную напишете, – Малович повёл Жихарева, приподняв сзади наручники, от чего Мишку согнуло и он ввалился в заднюю дверь, которую Шура успел открыть, чтобы Жихарев головой стекло не вынес.

У Лысенко в кабинете сидела жена Скворцова.

– Значит так. Допрос подозреваемого мы проведем после вашего, Анатолий Петрович, заявления об изнасиловании вашей дочери Михаилом Жихаревым. Потом напишете объяснительную о том, что оружия и силы к задержанному подозреваемому применять не собирались, а ружьё держали в сторону Жихарева, чтобы он не сбежал до приезда милиции. Подозреваемого мы поместили в шестую камеру. Допросим и проведём экспертизу после вашего отъезда. По результатам расследования мы вас пригласим. Ну, и на суд пойдёте, само-собой.

Лысенко позвонил дежурному и конвоир привёл Михаила Жихарева.

– Сейчас эксперт придет. В соседней комнате сдашь ему сперму на анализ, – Лысенко взял бумагу и написал сверху «Протокол допроса Жихарева Михаила»

– Семёновича, – подсказал задержанный. – Тысяча девятьсот пятидесятого года рождения, прописан по адресу Джамбула, тридцать два, квартира сорок восемь. Имею судимость по малолетке. Статья девяносто третья. Нанесение тяжких телесных.

– Рецидивист, – засмеялся Шура. – Знает, что говорить при допросе.

– Да я в детской колонии сидел один всего раз. Четырнадцать лет было. Какой рецидивист с меня? Дурак из меня тогда не выветрился ещё. Я учителя порезал перочинным. Ноги, руки. А чё он мне всё время двойки лепил? Другие же учителя тройки ставили и ничего...

Вошел эксперт и Жихарева увел.

– Ну и что твой убийца-аферист? – глянул на Шуру командир.

– Ищу почти месяц. Но, по-моему, девятнадцатого возь-

му его. Он своей новой жертве на ворованные деньги платя шьёт в «люксе» индпошива. Потом их планирует стырить вместе с деньгами да рыжьём.

– Ну, давай, лови, – Лысенко махнул рукой. – Иди, Шура. Задержание этого Жихарева на тебя запишем сами. Или хочешь результатов экспертизы дождаться?

– Я хочу сначала отпустить Анатолия Петровича. – Сказал Малович. – Мы имеем право без суда назначить ему штраф. Пятьдесят рублей за крайне неправильное содержание зарегистрированного оружия и мелкое хулиганство.

– Я заплачу хоть сейчас, – обрадовался исходу Скворцов. Куда деньги перечислить?

– Вот на этот счёт отправьте сейчас и принесите мне квитанцию. Как раз экспертиза Жихарева будет готова. Почта – напротив милиции.

Через полчаса все, кроме отца Тани, снова встретились. Эксперт написал документ, что анализ показал полное совпадение семенного материала, снятого с белья пострадавшей и взятого у подозреваемого.

– На фига ты себе, Жихарев, подцепил сто первую ста-

тью? От десяти до пятнадцати лет отсидки, – Малович грустно смотрел на Мишку. – Не дают тебе девки? Плохо, значит, просишь. А насильничать – мерзко. Последнее дело вообще. Тебе на зоне жить будет туго. Уголовники вас, насильников, терпеть не могут. Будешь в шнырях весь срок ходить. Да и «опустят» тебя сразу, чтоб место своё понял в мужском мире.

– Я с ней дружить хотел. И добровольно... это самое... А она упиралась, дура.

Мама Тани заплакала и вышла. Отца не было. Штраф платил. А то бы точно успел в зубы дать Мишке.

– Ну, теперь я пошел, – Малович надел шапку, помахал всем рукой и вышел.

– Спасибо вам большое. – Танина мама стояла в коридоре и стирала слёзы со щёк.

– Жизнь продолжается. Дочь успокоится через неделю. И пусть будет осторожнее. Скромнее одевается и избегает пьяных вечеринок. У них сейчас это модно. Они ж взрослые. Всем по двадцать, – Шура приобнял женщину и спустился во двор к машине. День заканчивался и до примерки платьев в «люксе» оставалось долгих два дня и две ночи.

У времени один недостаток. Оно, бывает, тянется как добротный липкий мёд из банки. Медленно, тонкой непрерывной струйкой и, кажется, никогда из банки в чашку не выльется. А тебе хочется побыстрее эту операцию проделать и начать пить чай, черпая из чашки мёд для вкуса и пользы. И тот же самый недостаток у времени, но если с другого конца на него глядеть. Время молнией мелькает и канет в небытие когда ты на первом свидании не желаешь расставаться с девушкой. Буквально через долю секунды она сообщает, что ей пора домой, иначе с мамой будет напряженка. А глянешь на часы – свидание началось с утра, а скоро полночь. Парадокс. Единый, кстати, для всех. Не только пьющих чай с мёдом и влюблённых.

Малович еле дождался девятнадцатого января, в десять тридцать они встретились с Натальей и Костей возле театра, а в одиннадцать уже сидели в ателье и листали журналы мод с картинками и фотографиями выдающихся внешне представительниц прекрасного пола. Листали журналы они до двенадцати. Потом Шура спросил заведующую.

– Что ж так опаздывают клиенты ваши? У вас, наверное, и другой работы хватает? Да, не очень культурно поступают ваши культурные богатые заказчики.

– А их не будет сегодня, – подошла седая и, похоже, самая уважаемая в коллективе портниха Нинель Даниловна. – Верочка позвонила и сказала, что приболела. Простыла. Январь холодный, а она пошла на конференцию руководителей областных учреждений науки и культуры в тонком капроне и весеннем пальто из диагонального драпа. А сейчас у неё температура, кашель и насморк. И Ромуальд Эрастович решил примерку перенести.

У Шуры чуть не вырвалось: – Да что ж вы творите, вашу мать! Но вслух он мягко переспросил:

– И он, конечно не сказал, когда они смогут примерить платья? Их ведь надо дошить и забрать. Деньги-то ух какие! И они уже заранее уплачены, верно? В ателье вроде вашего деньги всегда вперёд берутся.

– Нет, они дошьют конечно. Но когда будут приходиться – никто из нас не скажет, – печально сказала солидная Нинель Даниловна.

– Ладно, – Малович поднялся. – Информировать лично вас, тётя Нина. За препятствия действиям милиции есть статья. Вы можете попасть под неё одна. Это примерно пять лет на зоне. А ещё есть статья за укрывательство. До трёх лет. Вам лично светят обе. А коллективу и заведующей – только ста-

тъя за укрывательство. Но это тоже срок на зоне. Зачем вы предупредили этих заказчиков, что их будет ждать милиция?

– Так они хорошие люди. Интеллигентные. Какой от них вред?

– Он преступник. Аферист и убийца. Вы, тётя Нинель, хотите попасть за решетку за создание помех следствию и препятствие работе советской милиции? Там кормят плохо. Баланда. Знаете, что это? Нет? Повезло вам. Но я вас посажу. Обещаю. И заведующую за укрывательство преступника. То, что вы об этом не знали – вас не оправдывает. Вы предупредили людей, о том, что ими интересуется милиция. И честные люди бы просто посмеялись, но на примерку пришли. А вот если не пришли после вашего доброго предупреждения, значит – что? Да! Значит им есть чего бояться.

Малович разозлился и говорил жестко, выделяя каждое слово.

– Короче так. Завтра в одиннадцать они должны выздороветь и быть на примерке. Скажите, что милиционер завтра уезжает в Алма-Ату на повышение квалификации. Потому и хотел поговорить с ними сегодня. Теперь только через три месяца освободится. Всё поняли? И учтите. Насчёт ваших тюремных сроков всё очень реально. Я не шучу. Это убийца.

Вы покрываете убийцу. И шьёте на ворованные этим преступником деньги. И хотите тихо-мирно из этой противозаконной махинации выскочить? Так перед тем, как вас осудят, я ещё и ОБХСС на вас натравлю. Сроков добавится. У вас и в бухгалтерии полно хитрых заначек и спрятанных тысяч рублей. Я так думаю. В общем, всё. Завтра в одиннадцать они должны быть здесь. Хотите жить на свободе дальше? Как угодно их вытаскивайте завтра на примерку.

Вышли Шура, Наташа и Костя на улицу. Ребята выглядели грустными, а Малович злым. Он глядел будто бы на крышу соседнего универмага, на большие буквы «Коммунизм – наша заветная цель. Слава КПСС!». Но на самом деле осматривал все углы ближайших домов.

– Здесь этот хмырь, – прошептал он. – Проверяет – был я или нет. Прячется за углом здания музея. Я пойду как будто бы в универмаг и зайду ему со спины. В универмаге запасной выход как раз во двор музея выходит. А вы стойте тут. Смейтесь громко, руками жестикулируйте. Чтобы он на вас глядел. Ждите.

Минут через десять он привел под руку худощавого мужчину с окладистой бородой, пышной каштановой шевелюрой с волнами, торчащими из-под шапки и с обвислыми усами над тонким коротким ртом. У него были широко поса-

женные глаза и дрожащий узкий подбородок.

– Этот человек заказывал вам парики и бороды с усами на основе невидимого целлулоида? – спросил Малович Наташу Ильину. – Это накладное всё на голове и лице?

– Да, – удивилась Наташа. – Как вы его разглядели? Это он. И все эти накладки делала я. Подтверждаю.

– Вы заказывали изготовление постижёрных изделий у мастера из театра Натальи Ильиной? – Малович повернул остолбеневшего афериста лицом к Наташе.

Ромуальд-Артур-Эдуард глаза опустил на сапожки Ильиной, посопел минуту и выдохнул.

– Ну, раз уж так обернулось – глупо отнекиваться. Всё равно докажете. Да. Заказывал.

– Ну, тогда все дружеской бригадой садимся в машину и едем в отдел уголовного розыска, – Малович улыбнулся. – Теперь у меня будет много полезной обществу работы, у вас, ребятки, почётные грамоты за помощь милиции, а у тебя, многоликий ты наш Янус, целый месяц, если повезёт, на воле. А потом суд и «вышка» тебе, герой-любовник. Чуешь носом запах зелёнки, которую на лоб мажут?

И он повернул в замке зажигания ключ на стартёр.

32. Глава тридцать вторая

Хитрый от умного отличается не тем, что он тоже умный. Хитрый знает как можно обмануть очень тонко и успешно, а просто умный имеет только одну возможность – уверенно общаться с окружающей действительностью и приносить пользу себе и другим. Или разрушающий вред, если он умный, но сволочь. Чтобы честно и полезно жить, умному хитрость не нужна, поскольку его общение с миром не держится на обмане всех и всего. Но вот умный хитрец – это уже на сто процентов умелый трепач или обманщик, у которого всё всегда получается и дурит он не только ради удовольствия, а для дела. Причём, себе выгодного. Мосин Валерий Иванович, брачный аферист, был хитроумным. Он легко ещё в юности совместил эти два свойства и начал с того, что после учёбы в строительном техникуме сразу стал прорабом крупного стройтреста в городе Горьком на крупной стройке Все-союзного музея речного судоходства.

Он попросил деда своего школьного приятеля Никиты поговорить с самим управляющим этим трестом. Дед Антон в молодости упорно занимался в революционном кружке пропагандистского красноречия и мечтал стать председателем Горьковского дома политического просвещения, в котором

бы он и сам лично вёл агитацию за ударный труд. Но параллельно у него имелся минус. Антон Малыгин пил с каждым годом всё больше потому, что всю жизнь до пенсии работал сапожником на углу городского базара, а больше ничего делать не умел. Непьющих сапожников не бывает как и чудес. В Дом политпросвета перекрыла ему путь широкая водочная река. Но амбиции глашатая даже алкоголь не погубил. Дай деду стакан хорошего вина или водки и он преобразится. Он будет пафосные стихи революционных поэтов орать вслух, а также сыпать цитатами из разных постановлений ЦК ВКП(б), впоследствии ЦК КПСС.

А перед восходом Мосина на довольно высокую ступень должности прораба деду налили стакан пятизвёздочного коньяка, сунули под нос написанный Валерой текст. Дед после приёма напитка, освежающего прошлые навыки, три раза прочёл написанное вслух и позвонил по телефону управляющего трестом через секретаршу.

– Барышня,– тихо сказал он властным басом.– Дай мне Володю быстренько. Что-то он прямой не берёт, «вертушку».

– Владимир Васильевич, приветствую. Это секретарь обкома Звягинцев отвлекает тебя от победы во всесоюзном соревновании. Но вы-то его всё равно выиграете и я тебя пред-

ставлю к ордену Трудового Красного знамени на колодке с лентой

– Спасибо, Геннадий Андреевич. Рад стараться, – слушали Валера с Никитой голос управляющего, прилипнув ушами к трубке.

– Я тут по мелочи звоню, по пустяку. Ты возьми прорабом на стройку музея дельного человечка. Он после техникума, племянник мой. Но хочет с простого работяги начать. Прямо ломится туда как бульдозер. Стесняется сразу в руководители выдвигаться. Вот, представь, Володя, что еле уговорили его с братом моим. А я так думаю, что с трудного надо начинать. Кирпичи класть и зайца можно научить. А ты всё из себя выжми, все силы и умения выложи напоказ, и управляй! Управляй народом!!! Верно говорю?

– Да нет преград талантливой молодежи, – уважительно сказал управляющий.

– Как его зовут? Валерий? Мосин? На фамилию мамы записали? Тоже хорошо. А то Вашей фамилии, куда б он не пошел, будут побаиваться. Спасибо за звонок. Пусть завтра к десяти подходит ко мне.

– Ну, молодец, – откашлялся дед, «секретарь обкома». – Не забуду. Давай, жене привет. Работай. На тебя область рав-

няется.

Дед Антон положил трубку, налил стакан, выпил в три глотка и, сияя вставными никелированными зубами, спросил.

– А он секретаря обкома по голосу не узнаёт, что ли?

– Ты, дед Антон, сам прикинь, – засмеялся Валера Мосин. – Управляющий если и видел его, так издали. На какой-нибудь конференции. С трибуны секретарь говорит в микрофон. Голос по-другому звучит. По телефону они в жизни не разговаривали. Уровень не тот у начальника треста. Опять же – голос с трибуны и по телефону не очень похожи. А в баньке с ним в парной поговори, так будет вообще третий голос. Да и обалдел управляющий от звонка с таких высот. Сам он в обком, да ещё Первому, сроду не позвонит. Не по чину! Ему в башку и капля мысли не капнет, что это был не секретарь на проводе. Он же по делу звонил, да, дед Антон?

– Ну, поглянем, чё будет, – дед поднялся и в спальню пошел. – А за коньячок благодарствую. Приносите ещё, если что.

Валера отбыл год в прорабах. Ничего. Грамот много по-

лучил и премий. А как-то случайно в пивной встретил одноклассника Жору Замановича и после пятой кружки пошел разговор о жизни. Во время которого Мосин узнал, что Жора богато живёт, кооперативную квартиру купил за пятнадцать тысяч, одевается, что и заметно было, как Герой социалистического труда. То есть во всё, что доходит до СССР из стран загнивающего капитализма. Машина у него «волга», вся мебель из Румынии, а летом он отдыхает в сочинском санатории «Светлана» возле Хосты, где брызжут целебные воды, а море Чёрное – из окна можно дотянуться.

А всё потому так красиво вывернулось у Жоры, что он через знакомых сделал себе справку об инвалидности второй группы и мог законно не работать. Так он и не работает нигде. А живёт как полубог потому, что постоянно женится. До загса, правда, дело не доводит, а однажды тихонько тырит деньги у любовницы, которую долго выбирает среди вдов и разведённых. Чьи мужья до смерти или развода были при деньгах и жён баловали нарядами да золотишком. Заводил он шашни с одной, незаметно подворовывал у неё драгоценности и охмурял ими другую. Потом забирал в отсутствие первой «невесты», отбывающей срок на работе, всё, что принёс ей от второй, а также то, что она имела от бывшего мужа. Прихватывал всё, что влезало в большой чемодан, и уезжал в другой город. Там ему, инвалиду, всегда было место в хорошей гостинице и он начинал бродить по дорогим рестора-

нам, где довольно быстро находил новую «любовь». С неё он и начинал новую работу по отработанной схеме.

– Интересно, а у меня получится? – спросил задумчиво за двумя дополнительными кружками Мосин.

– Да, ты, Валерик, конечно, рожей не блистаешь. Фигура у тебя как у раненного во всё части туловища, – с сожалением сказал еврейский юноша Заманович. – Но нет без добра даже такого худа как у тебя. Бабы с какой-то дури всегда любят вот таких убогих заморышей. У них жалость – природный инстинкт. Но ты можешь поменять сто раз лицо своё на красивое. Парик, усы гусарские приклей, бородку как у Чехова. Это ж тебе в любом театре сделают. Сейчас есть такие накладные волосы, сроду никто не догадается, что они приклеены, а не настоящие. В театр сходи. Я сам не помню – к чему они волос прицепляют, но что месяц будешь с бабой интимничать и она не догадается – это точно.

Когда приятели расползлись по домам, Валера лёг на свою кроватку холостяцкую и очень серьёзно задумался. Даже уснуть не смог. А к утру придумал. Потому, что был не просто умным, но и хитрым. И вот в Горьковском театре он узнал, что основа под накладные волосы – целлулоид. Но делают такие вещи только в своей мастерской постижёры из специального цеха КГБ. Для офицеров-разведчиков. Тут Ва-

лере ничего хорошего не светило.

Год почти он потратил на поиски хотя бы одного гражданского мастера, чтобы по глупости в подвалах КГБ не сгнить. Жила мастерица в далёком Казахстане. В городе Кустанае. Делала парики и всё прочее для театра местного, но в Москве, в союзном КГБ, по большому благу выучилась и новой технологии – изготовлению накладок со сверхтонкой и прозрачной крепёжной основой-невидимкой.

Утром он переоделся во всё чистое и вечерним поездом отбыл в Кустанай, где нашел добрую мастерицу Наташу, она ему сделала несколько комплектов париков, бород и усов, после чего Валера остался без копейки. Все накопленные деньги отдал ей. А если внешность менять, то и фамилии с именами тоже. Иначе фигня получается. И он послал отцу телеграмму: «Покупаю недорого дом. Вышли пятьсот. Верну через полгода». Батя деньги прислал до востребования и радовался, что сынок осядет в тихом месте, где особо не порезвишься. Всем всё будет видно. И станет Валера честно трудиться бригадиром каменщиков. Пока он работал хитро пристроившимся прорабом, отец поседел окончательно. Боялся, что Валерку разоблачат и посадят за обман руководителя областного комитета КПСС.

Мосин пару дней покрутился на центральном рынке и

один добрый человек из фанерной будки «ремонт часов» его, наконец, выслушал, и попросил завтра в шесть вечера быть возле его окошка, за которым висели на стенках ходики с кукушкой и её отсутствием, будильники, наручные и карманные часы на цепочках и браслетах, а также стояли на полу высокие, обрамлённые деревянными вензелями дорогие часы с позолоченными маятниками и гирьками, сломавшиеся у богатых строителей коммунизма. Пришел Валера к окошку во время. Его ждали два паренька в клетчатых кепках, широких штанах и пёстрых поплиновых рубашках навывпуск. Во рту оба держали жеванные «беломорины», зажимая их позолоченными фиксами.

– Ты ксивы хочешь заказать? – спросил первый и аккуратно сплюнул сквозь зубы, не задев папироску. – От кого ныкаться собрался?

– Да я себе работу придумал, – впервые за последние пару лет не схитрил и не обманул Валера. – Наделали мне разных париков, усов, бород, которые от настоящих не отличишь даже если специально будешь приглядываться. Редкие вещицы. Буду переодеваться, менять волосы, усы и бороды да стану склеивать богатых вдовушек. А их в один прекрасный день, когда они на работе, обнесу их на цацки ржавые, камушки драгоценные, шмотки дорогие и лаве. Могу потом всё рыжьё и камни с брошками да серьгами по дешевке вам

сдавать, а вы барыгам втюхаете подороже.

И вам карта козырная ляжет, и мне кусок отстегнётся.

– Ну, ты, фраер, вроде не блудень, чешуёй тут перед нами не блестяшь, – подумав, сказал лениво один и взял папиросу изо рта. – Ксивы мы тебе спроворим, но если что – зехер нам не устроишь, сам не загасишься и на нас волну не погонишь в случае чего? Ну, там мусорня тебя нагибать начнёт, мало ли.... Хлебало заваришь и про нас ни слова. Базару нет?

– Да вы что, парни, – Валера искренне удивился. – Я ж с вами работать хочу на долях. У меня язык не повернётся вас сдать хоть самому министру МВД.

– Ладно. Остальное потом обкашляем, – заключил второй. – Утром в одиннадцать семь фотографий на ксивы сюда доставишь. Фамилии придумай разные, имена и отчества. Год и место рождения придумай. Напиши нам всё ясным почерком на листе. Через неделю сюда подойдёшь. Дашь нам триста тугриков и полная маза обоим сторонам. Добакланились?

– Да, так точно, – вытянулся в струнку Мосин. – Договорились железно. Свой паспорт у меня есть. Не подумайте, что я чепушило, бич подзаборный. Вот, смотрите. Мосин Валерий Иванович. Третьего марта пятидесятого года родился. Вот

прописка. Я из Горького сам. Всё как положено. А те ксивы – только для работы.

Они разошлись и Валера весь вечер в гостинице придумывал себе разные фамилии из серии знатных в прошлом. Вроде он их далёкий последыш. Имена тоже вспоминал звонкие и солидные. Они будут помогать. Женщины уважают мужиков с серьёзными и важными именами да фамилиями. И придумал так:

Артур Романович Поплавский. 2. Эдуард Олегович Кислицын. 3. Руслан Ярославович Шереметьев. 4. Ромуальд Эрастович Сабуров. 5. Янис Вильгельмович Курпис. 6. Мефодий Аристархович Мансуров. 7. Арнольд Гордеевич Строганов. Год и число рождения изменил. Все эти новые люди родились девятого сентября тысяча девятьсот сорок седьмого года.

Самым трудным делом оказалось сфотографироваться на паспорт. Он под Артура цеплял на себя один грим, под Ромуальда другой и так далее. Сниматься пришлось в семи разных ателье. Иначе фотограф единственный мог сильно удивиться, что-то заподозрить и позвонить в милицию. Наконец подготовительная часть завершилась, он сдал всё парням из блатных и через неделю получил все семь паспортов, очень похожих на настоящие.

А ещё за неделю он настроился и начал работать. Дня три нечего не получалось и вечерами Мосин сидел у окна, и пытался догадаться, что не так. Что он делает неправильно? К вечеру третьего дня до него дошло:

– Надо быть наглее. Слишком уж скромно и виновато я подкрадываюсь к сердцам дамочек.

И Арнольд уже на следующий день в ресторане «срубил» первую «яблоньку с золотыми яблочками». Он много чего ей обещал и на оставшиеся двести рублей купил довольно красивое кольцо с аметистом. И стал «любимым». Вероника была готова подождать пару месяцев пока Арнольд вступит в должность зам.преда горисполкома, сходить в ЗАГС, после чего уехать в свадебное путешествие в Пицунду, где очень красивые волны и белые лаковые прогулочные катера.

Через пару недель он приобрёл вторую «возлюбленную», жену генерала, командира танкового полка, погибшего год назад на учениях в степи. У неё было столько всего, что он половину драгоценностей и часть денег спёр без проблем и даже сам не заметил, что рыжья убавилось, меньше стало. Цацками он просто баловал Веронику, а на деньги покупал ей ежедневно розы, торты и марочные вина, которые они употребляли при свечах под пластинку с музыкой финского

композитора Яна Сибелиуса.

Прошел месяц и Арнольд-Валера позвонил обеим «любимым» днём на работу, поболтал, рассказал как скучает и ждёт, после чего скинул в чемодан золото и камни у второй и пошел к первой, где добра было уже намного больше. Сам и принёс в подарок. Чемодан он сдал в камеру хранения на вокзале. Там же в туалете смыл с головы всю растительность не настоящую. Спрятал парики в портфель, бутылочку с жидкостью для смыва клея туда же поставил и пошел в сберкассу. На своё настоящее имя по законному паспорту открыл счёт. Сбросил в хранилище одиннадцать тысяч рублей, оставил себе пять для забега на новую дистанцию по одиноким и богатым «любимым». Вторую пару «любимых» приобрёл он через два месяца и очень ощутимо в итоге разорил обеих, после чего превратился в Яниса Курписа, подпольного фабриканта, выпускавшего парашюты для ДОСААФ. У него стало очень много золота, бриллиантов, изумрудов и денег. С блатными он делиться передумал, да и они сами тоже про него забыли давно.

И так хорошо всё пошло. Счастье семеняло рядышком в обнимку с Валерой и никуда бы не слиняло, если бы на третьем приключении он не «спёкся» по своей же глупости. Подвели и ум с хитростью, и везение, и даже второе счастье – наглость. Которое не понятно от какой обиды плюнуло на

Мосина и растаяло в небесах где-то под облаками над Кустанаем. Потерпеть бы ему часок, чтобы дозвониться до «возлюбленной» и убедиться, что она трудится как пчёлка до вечера. Не позвонил. А она бумажку дома забыла и пришла через двадцать минут. Ровно тогда, когда «Артурчик Поплавский» рассыпал по ковру всё золотое и серебрянное, фарфор китайский и деньги в крупных купюрах. Из россыпи этой он по разным холщёвым мешочкам аккуратно раскладывал золото с камнями и без них – к золоту, а серебро – к серебру.

Кричала ограбленная «любимая» так жутко, что соседи вполне могли вызвать милицию. Валера очень испугался, скинул всё в чемодан без сортировки и хотел убежать. Но женщина повисла на ручке чемодана и сковала Мосину все движения. Тогда чемодан он бросил, залетел на кухню, схватил нож единственный и стал с размаха полосовать мягкое полное тело со всех сторон. Дама упала и завывала. Валера схватил чемодан и убежал на вокзал. В камеру хранения. Там он снял с себя искусственный облик Поплавского, затолкал за пазуху парик, усы и бородку клинышком. Целых две недели не выходил Валера из гостиницы. Но второе счастье – наглость, вернулось и сказало ему на ухо. Цепляй на себя причиндалы Арнольда Строганова и дуй в кабак «Турист». Там одиноких «разведёнок» и вдовушек без арифмометра или счёт канцелярских не пересчитать!

Там Валера-Арнольд удачно сел за столик, где тосковала после пары стаканов марочного вина «Бастардо» красивая дама. Локоть её стоял на столе, кисть была откинута вправо, потому как меж пальцев торчала длинная тонкая сигарета, испускавшая волнистый дымок. Через два часа они уже пили на брудершафт и перед закрытием ресторана он пошел Анжелику провожать. Анжелика утром сказала, что реально её зовут Аня, но появляться в роскошном виде в приличных местах с таким именем было неловко. Ну, в общем попёрла «везуха» у Мосина снова.

Вторую дамочку, Веронику, которая тоже с утра превратилась в простую Веру, он нашел возле кассы кинотеатра, как и самую первую, которую на прощанье потыкал ножичком. Он и повёл Анжелику в ателье «люкс» шить дорожные наряды потому, что она того стоила. У неё дома был сундук длиной в метр и высотой до колена. Он заполнился умершим от рака мужем – директором кондитерской фабрики почти до краёв всякими золотыми изделиями. Даже три банковских слитка лежали на дне. А драгоценных камней никто из них и не считал. Крепко воровал директор.

И вот в разгар охмурёжа, когда платья бешено дорогие и единственные в городе надо было забирать, Тётя Нинель из ателье шепнула ему по телефону, что его хочет поймать милиционер. Он повяжет Арнольда на следующей пример-

ке. Мосин уговорил «любимую» с примеркой подождать, а сам девятнадцатого в назначенное время спрятался за углом и ждал – появится милиция или вредная тётка Нина таким мудрым способом мечтала поднять чуток цены на изделия. Никакой милиции Мосин не засёк из укрытия за углом музея. Стояли два мужика в тулупчиках и невысокая дама к нему спиной. Ну он, на свою голову, высунулся на полкорпуса, чтобы виднее было. Один мужик вроде в универмаг пошел, а через пять минут сзади он же как-то необычно взял его за кисть, от чего стало Валере нестерпимо больно.

– Вперёд, – сказал мужик и повёл его за ручку как младенца к тем двум. В женщине Валера сразу узнал Наташу Ильину, которая очень ему помогла в грабежах одиноких дамочек тем, что сделала ему кучу меняющих облик приспособлений из накладных на целлулоид волос. И всё понял. Тот, кто его отловил за углом и привёл сюда – милиционер оперативник. Охотник за преступными головами.

И вот ехали они на «москвиче» в управление уголовного розыска и с каждым поворотом влево или вправо Мосину становились понятными повороты его судьбы, которые, считай, уже начались. Но шанс на освобождение как и надежда, тоже умирал последним. По крайней мере у тех, кто привык и умел играть в прятки и догонялки с рисковыми и опасными делами. На одном из светофоров машина поймала красный

свет. Мосин сидел в середине, поэтому лёг Наталье на колени, дотянулся до ручки, открывающей дверцу, и толкнул обшитую обивочной тканью середину от себя. Потом зацепился за край сиденья двумя руками, дернулся вперёд, скользнул по ногам мастера париков и вывалился на снежный асфальт. Все в машине оторопели и не сразу догадались, что задержанный сбежал. Мосин подпрыгнул и, не скользя, сумел заскочить в ближайшую дверь.

– Ах, мать твою!– восклицательно сказал Шура, подогнал машину на обочину и вышел. – Ну, куда он нырнул? Я не заметил. За рулем же.

– Вон в ту дверь, – показал Костя. – Это отдел семенного фонда областного управления сельского хозяйства. Табличку синюю с золотыми буквами видите?

– Ну, сидите. Я быстро, – Малович достал из бардачка наручники, кусок не очень толстой верёвки и пошел семенной фонд, разговаривая сам с собой на ходу. – В кабинеты он не пойдет. Подвал тут на замке. Там ценные экземпляры разных семян. Тоже нет туда дороги.

– У вас тут буфет есть, запасной выход, туалет? – он аккуратно взял за рукав вахтёра и показал удостоверение.

– Запасного нет выхода. Нам и этого хватает, – вахтёр выдернул рукав. – А ловите вы мужика с бородой и почти рыжей копной волос. Он как из пушки стрельнутый убёг в туалет. Вон там наш культурный сортир в кафеле и с пятью кабинками.

Шура двинулся по коридору не спеша, поскольку дальше туалета была стена и аферист мог либо в кабинке дрожать, либо пойти обратно, чтобы по лестнице подняться на второй этаж где укрыться можно было только в таком же туалете.

И он чуть не пропустил Мосина. Потому, что навстречу ему шел по коридору коротко стриженный худощавый парень в костюме. То есть не с улицы забежал облегчиться, а из тёплого кабинета пришел. Голову парень нагнул, разглядывая свои отдраенные гуталином ботинки. И если бы Шура не разглядел на его скуле родинку, то, может, раздетый преступник по холодку и сбежал бы, заглядывая для согрева в попутные организации, кафе, столовые или парикмахерские. Но майор родинку засёк ровно в тот момент, когда они оказались рядом.

– Во, мля! – восторгнулся Малович. – Меня мало кто так дурил как ты! Молодца! Тебе надо бы в разведчики или в шпионы. Получилось бы дурить врага и тайны выведывать. Но всё! Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал.

Он резко зашел беглецу за спину, левой рукой прижал к себе два его костлявых запястья, а правой нацепил «браслеты». Потом посадил тонкое нескладное тело на подоконник и верёвкой крепко стянул ноги.

– Хочешь жить? – спросил он Мосина.

– Пока хочу, – уныло ответил он.

Шура кинул его себе на левое плечо и пошел к машине.

– Тогда два дня тебе даю на то, чтобы ты мне на бумаге написал про всю жизнь свою. От пятнадцати лет до...

– Я с пятидесятого. Двадцать два года мне в марте стукнет.

– Но взрослых, возрастных мужиков ты не хреново изображаешь. Мог бы артистом быть, блин, – Малович вздохнул и поправил шапку.

Два дня Шура на работу не приходил. Лысенко приказал отдохнуть, на что Малович часа два не соглашался.

– Я в прошлом году троих с «пушками» на элеваторе брал.

Они директора хотели шлёпнуть. А он их издала в окно заметил и спрятался где-то. Может, конечно, его предупредили. Но нам он позвонил лично и сообщил, что его в течение часа застрелят злые негодяи. Просил срочно их поймать и обезвредить. Стрелки с волынами приехали из Саратова. Он их обманул по поставкам. Не то зерно отвозил. А мягкого сорта. А он дешевле вдвое, мягкий сорт был. То есть нагрел он покупателя на сто процентов. Заплатили – то ему как за твёрдые сорта. Ну, его решили кончить как последнего подлеца. Заплатили блатным, фотографию дали. И вот он спрятался в каком-то там бункере, урки с «пушками» бегают за директором, а я незаметно за ними. А элеватор – как три поля футбольных в длину. И я их по одному отслеживал и вырубал да вязал. Часов пять подряд то я за ними бегаю как легавая, то они за мной как драконы. Орут. Пугают. Вот я их повязал, сдал и потом день дома валялся. Вот тогда я намалялся. Устал. А этого афериста мы долго вычисляли, но поймал я его как вратарь сборной СССР мяч от ноги пацана из районной спортивной школы. От чего отдыхать, Сергей Ефимыч?

-Тебя кто научил приказам не подчиняться? – засмеялся Лысенко. – Он всё равно пару дней будет в камере сидеть биографию строчить, и преступления признавать и описывать. Давай. Чтоб через минуту тут твоим одеколоном не пахло.

Вечером Зина блинов напекла, Виталик рассказал про то, как сплеховал и занял в беге только третье место, а не первое.

– Саша, ты ешь и ложись, – Зина потащила мужа на кухню. – Телевизор посмотри. Эту работу с аферистом-убийцей ты сдашь следствию через день. А там ждёт тебя большое серьёзное дело.

– Ну, не надо колдовать, Зин, – ласково попросил Шура. – Всё будет так, как должно быть на хорошей работе.

Съел он десяток блинов со сметаной, лёг смотреть телевизор и уснул как перекормленный материнским молоком младенец-сосунок.

Утром капитан Володя Тихонов сгонял в гостиничный номер афериста, привёз портфель с париками, усами, клеем и водой для смыва. Потом в кабинет Лысенко привели Мосина. Наконец Шура разглядел его внимательно. Серая внешность. Жалкая. Худой, сутулый, лицо узкое и удлинённое. Острый подбородок без ямочки, выпирающие острые скулы, желтые зубы и глаза необычные. От носа до зрачка сантиметров восемь было, а губы, наоборот, природа сжала с обеих сторон и вообще забыла о верхней части. Её просто не

видно было. Будто у Мосина всего одна губа, нижняя. Да и то настолько утончённая, что захочешь ущипнуть – так не ухватишь сразу. Родинка на правой щеке выглядела непропорционально большой для маленького, худого лица.

– Женщины действительно могут полюбить из жалости, – почему-то грустно подумал Малович. – А если он свой неказистый вид компенсирует подарками дорогими, цветами ежедневными, золотом и деньгами, то у такого ухажера вообще лицо иметь значения не будет. И жалость к нему сразу пропадёт. Щедрость всегда идёт от искренней любви. Так считают и так простенько впадают в заблуждение «клиентки» Валеры, богатые вдовы и разведённые, которые уже привыкли к любви мужей, осыпавших их деньгами и драгоценностями.

– Тебе чуть за двадцать, парень, – хлопнул Мосина по тонкому плечу Александр Павлович. – Не пацан слюнявый. Так ты слышал вообще о любви, которая не на дорогих подарках держится? Просто так, не для протокола скажи мне. Любил сам хоть раз без денег и брюликов для возлюбленной?

Ничего Мосин не ответил. Смотрел в пол тупо и выглядел обречённо.

Вскоре собрались все, кого вызвал Лысенко. Криминали-

сты, свидетели, которых следователи притащили много. Со всех трёх раскрытых эпизодов.

Наташа Ильина, мастер-постижёр, поочерёдно меняла внешность Мосина с помощью всех, сделанных ей париков, усов и бород. Потерпевшие и свидетели его легко опознали и написали для суда свидетельские показания.

Поддельные паспорта две обманутых и ограбленных женщины тоже узнали. Именно их он им и показывал. Брат убитой Вали Репниной взял со стола фотографию «Поплавского» с Репниной и сказал, что вот в этом виде он запомнил преступника когда встречался с ним у сестры дома. Написал свидетельство об опознании и Лысенко прикрепил его к заявлению брата Валентины о её убийстве.

– Где сейчас находятся деньги и ценности от ограблений и кражи с убийством? – Шура взял Мосина за наручники и ключом расстегнул их. – Я точно знаю, что ты нечего не продал и не пропил. Тем более – не потерял. Вот бумага, ручка. Пиши признательное показание. Укажи имена тобою ограбленных и убитой. Укажи все драгоценности и их количество. Сумму денег, которая осталась от ограблений и спрятана где-то. Скорее всего – в сберкассе.

И не забудь написать, что все знакомства и проживание с указанными женщинами ты использовал исключительно с целью наживы путём ограбления.

– Деньги в сберкассе, – Валера почесал ручкой сивый свой затылок, коротко стриженный. – Двадцать семь тысяч. Потратил только девять тысяч из всех взятых в два приёма денег. Отцу долг отослал и покупал женщинам украшения в ювелирном. На себя деньги не тратил. Ничего не купил. А кормили меня они сами. Тоже не тратился.

– А драгоценности? – прикрикнул на задержанного подполковник Лысенко. – Где лежат и что успел продать?

– Не продал ничего, – приложил руку к груди Мосин. – Хотел собрать ещё больше, уехать в Ялту и купить там большой дом с сауной и бассейном. «Волгу» купить собирался, мебель итальянскую, одежду высшего класса и за большие деньги поступить на должность директора санатория «Гурзуфский». Прекрасный санаторий. И директором там работать – счастье. Мечта моя.

Все драгоценности лежат в двух чемоданах в камере хранения на вокзале. Номера квитанций об оплате и номера мест для этих чемоданов лежат в левом кармане пиджака. Там кошелёк небольшой коричневый.

Шура достал кошелёк и передал Тихонову.

– Привези сейчас.

– А в сберкассе ты, Валерий, поедешь со мной и снимешь деньги. Пусть прямо здесь их заберут ограбленные. Сколько останется, возьмет брат убитой Репниной. Только сначала оформим всё как вещественные доказательства для следственного отдела, – Шура снова застегнул «браслеты» на Мосине и они уехали в сберкассе.

К вечеру всё закончилось. Следствию передали все документы и заключения криминалистов по отпечаткам пальцев Мосина на кухонном ноже. Женщины забрали свои драгоценности и деньги. Брат Валентины тоже. Не все, правда. Девять тысяч рублей как раз из её запасов исчезли. Ни у кого, даже у тех, кто получил все свои дорогие украшения и деньги, радости на лицах, ясное дело, не было.

– Спасибо всем, – поднялся подполковник. – Все свободны. Конвоир, доставьте задержанного в следственный изолятор.

– Простите меня за убийство. Я не хотел. Так вышло случайно, – почти шепотом произнёс Валерий.

Брат Валентины скрипнул зубами и вышел.

-Ну, Мосин, прощай. Не увидимся больше, – сказал рав-

нодушно Малович.

– Расстреляют? – прохрипел юный аферист.

– Конвой, уведите задержанного, – скомандовал Лысенко.

Когда последним ушел Володя Тихонов и командир с Шурой остались вдвоём, Лысенко спросил:

– Выпить хочешь, Саша? Такое мутное трудное дело раскрутил. Хороший повод. Стресс надо залить. Лично у меня всегда нервы лопаются даже от беглых контактов с такими вот выродками.

– Только отнесёте потом меня домой и Зинке скажете, что так нажраться вы лично меня командирским приказом заставили.

– Нет, я скажу, что сам генерал и приказал, и наливал. Пусть она покричит на генерала. А то больно уж спокойно ему живётся.

– Пусть! Зинка моя, она громко рявкнуть может хоть на Брежнева. Если надо будет, – согласился Шура, достал из шкафа армянский «пятизвёздочный», которого в ящике было много, и налил в оба стакана до краёв.

33. Глава тридцать третья

– Зинуля! – нежно закричал в трубку Александр Павлович. – Я того афериста-бабника, который женщину убил, задержал, мы его допросили, документы следакам в папку подшили и теперь празднуем это дело с командиром в его кабинете. Но домой я не приду, потому как больно крепко уж мы напились, а уже скоро час ночи. Командир обещал меня отнести домой, но не успел. Уснул на коврике возле стола. Сам я не дойду. Точно говорю. Не идут ноги. Переночую в кабинете. Тут диван есть. И чего это Лысенко прикорнул на коврике, я не понял. Короче, меня не теряй. Я трезвый, но идти не могу. Не могу переставить левую. Да вот, блин, правой тоже шевельнуть не выходит. Выпили больно много армянского. Ну, предполагаю так...

Жена из монолога поняла слова «Зина», «афериста бабника задержал», «уснул на коврике» и «переночую в кабинете». Остальное Шура вместил в одно слово, которое могли бы перевести на русский только самые опытные шифровальщики из МВД. Было около часа ночи, за окном бегали влюблённые, которые не понимали, где они находятся, сколько времени и где север или юг. Девушка без остановки заливалась смехом и убегала от любимого преследователя, огибая

на детской площадке качели, ледяную горку, нагибаясь перед верёвками для сушки белья, а влюблённый юноша старательно изображал, что догнать её не может.

Он кричал: «а вот сейчас я тебя!», специально спотыкался и на секунду валился в свежий мягкий снег, вскакивал и нарочно натыкался на маленькое замёрзшее колесо-карусель. При этом он издавал только два звука – «оп-па» и «эх, ты!». Дома стояли квадратом вокруг детской площадки и насильно пробудившихся граждан было много. Их желтые от яркой луны лица торчали в окнах, но никто не открыл форточку и не пытался парочку изгнать в степь, которая начиналась сразу за двором. Там бегать интереснее, конечно. Просторно и снега по колено. Так нет ведь. Все молча разглядывали эту картину «погони» и улыбались. Вспоминали свою юность.

Зина тоже вспомнила. Завёз её Саша летней ночью перед свадьбой в глухой лес возле Владимировки, шли они, оба очень хорошие, между берёзами, обнявшись и периодически целуясь. Они часто гуляли в этом лесу ночью. Завораживало всё. Тени от деревьев, добрый голосок совы-сплюшки, ясно докладывающей всем, кто вокруг: «сплю!», и запахи июльских трав да цветов разных околдовывали, прилетающие с ветерком от полянок. А однажды было так. Шли они как обычно, смеясь и целуясь. И вдруг Шуры не стало. Вот

тут же был, рукой талию держал, а в секунду пропал.

– Саша! – крикнула невеста, ещё не успевшая струсить от одиночества в глухом лесу.

– А вот он я, – с двух метров перед ней шептал Шура. Она бежала на звук, но он уже справа предлагал поймать его немедленно, а то он жениться быстро передумает. Зина бежала вправо, потом он шептал сзади, затем снова где-то рядом перед ней, а после – опять слева. Она металась, крутила головой, прислушивалась, но голос перемещался, а движения жениха не было слышно совсем. Летал он, что ли?

– Всё! – Зина села на мягкую траву, присыпанную сверху листьями, сбитыми последним дождем. Села и мгновенно почувствовала его руку на талии.

– Малович, – удивилась она. – Ты кто? Колдун? Сверхчеловек? Как за тебя выходить? Я тебя и в доме не найду. У нас квартира не маленькая будет. Милиция ваша прямо-таки любит нас. Трёхкомнатную даёт сразу. Будешь меня дурить то из кухни, то с кровати в спальне или вообще из чуланчика.

Посмеялись они вдоволь и Малович сказал очень серьезно.

-Я буду всегда рядом.

А так оно и вышло. Куда бы его не закидывала работа, какой бы опасный преступник не сопротивлялся ему, она душой чувствовала: он здесь, возле меня. Живой и невредимый. Может именно поэтому Шура так быстро отлавливал любых негодяев. Ему всегда хотелось домой. К ней и к сыну. А, может, как-то иначе всё обстояло, но Зина всегда физически ощущала его присутствие возле себя. Странное и сладостное это было ощущение.

Проснулись Лысенко, командир, и майор Шура Малович в одно время. Оглядели друг друга с выражением омерзения на лицах, поднялись и сразу же выпили по стакану коньяка. Опохмелились. Через пять минут пришли в себя и подняли вверх каждый свой большой палец. То есть подтвердили, что вчерашнее событие отправки на зону злодея Мосина стоило вчерашней пьянки без тормозов. Хорошее ведь дело сделали.

Зазвонил телефон. Лысенко сначала схватил свой табельный пистолет, но сразу исправился и уже безошибочно нашел трубку.

– Живые? – спросила ехидно Зина. – Но это временно. Однажды скончаетесь от такого издевательства над внутрен-

ними вашими органами. Я не про МВД говорю. Про печень вашу и сердце. – Мой где?

– Сергей Ефимыч почти точно передал Шуре трубку. По крайней мере, майор успел её поймать в полуметре от себя.

– Зинуля, – пропел он голосом её ангела. – Ну, трудно было вычислить афериста. Правда. Я чуть не помер от напряжения. А вчера поймал и мы его оформили. Сядет надолго. Или шлёпнут его. Радость у нас, Зин. Ну, мы и...

– Я на работу побежала, – прокричала жена как глухому. – Виталик в школе. Потом ко мне придет. Ты сам пообедай в вашем кафе отвратном. На чём они бефстрогановы жарят? На солидоле, что ль? Если не траванёшься, вечером пельмени будут. Штук сто налепила. Ну, всё. Не пейте больше. Хотя, кто в милиции не пьёт? Как и у нас хирурги. Ладно, побежала.

– Хорошая жена у тебя, – завистливо промычал подполковник. – Моя вот и не звонит. А если меня убили на задании!?

– Ефимыч, может ещё налить? Ты от какого задания смерти ждёшь? От составления отчёта за декаду или за квартал? Застрелит тебя, конечно, лично генерал. Подкараулит и

грохнет возле гаража твоего с «волгой». Они выпили еще по сто и стали трезвыми как вчерашним утром.

Позвонил дежурный.

– На комбинате камвольных тканей подожгли склад готовой продукции. Что подожгли – точно. Видели два свидетеля. Служивый из «вохры» и заместитель заведующего складом. Он догнал одного поджигателя, повалил его, но тот, словоч, успел нож достать и вспорол заместителю брюхо. Он там и помер. «Вохровец» стрелял в другого гада, но ещё темно было, шесть утра. Не попал. Поджигатели не комбинатовские. Чужаки. Охранник не видел их за пять лет ни разу. Так что, отправляйте группу. Там пожарные уже заканчивают свои дела. Часа два тушили. Огонь по крыше вроде ещё на чесальный цех перекинулся. Но там всё целое. Двери пожгло и электропроводка вспыхнула в потолке.

Лысенко весь доклад слушал по громкоговорящей связи.

– Сам пойдёшь, Саша, или мне группу Ляхова поднять в ружьё?

– Так Ляхова вы вчера загрузили нападением хулиганов с ножами на общежитие педагогического института.

– А ты себя как чувствуешь? Может Тихонова добавить тебе?

– Вова пусть отчёт пишет. Вам же его сдавать генералу послезавтра. Вот вы каждый листок и проверяйте. Так быстрее дело пойдёт. А я поеду на комбинат. Чувствую себя замечательно. К отлову негодяев готов вполне.

Он попрощался с командиром за руку, взял наручники, кусок верёвки, который уже года три ему служил исправно, надел полушубок, шапку и пошел в гараж за «москвичом».

Зрелище пожара не такое ужасное, как взгляд на пепелище. Даже пожарные путано и невнятно объясняют, почему горят даже кирпичные и бетонные стены. Смотреть на то, что осталось от дома, да от любого помещения, снаружи и внутри, во что превращаются или совсем исчезают хорошие, красивые и очень полезные вещи, предметы, устройства – тяжело. Чувствуешь себя как на похоронах. Когда уже закопали гроб и уже нет того, кого ты видел мёртвым, безумно надеясь, что он сейчас откроет глаза и скажет: «Я пошутил, мужики». После пожара оставалась зарытая могила бывшего дорогого и нужного. Страшное видение.

– Кто старший здесь? – крикнул Шура в толпу, угрюмо следящую за тем, как мокрые пожарные скатывают рукава

брандспойтов и убирают со стен лестницы с крюками, достигающими до окон второго этажа, которые можно перекинуть и на третий, если он есть. – Я из уголовного розыска. Подойдите.

Пришли двое. Один назвался начальником всего складского комплекса Истоминым, второй представился начальником управления вооруженной охраны. Фамилию назвал – Самойленко. Капитан. Офицер МВД. Сам он не стоял на вахте. Управлял отрядом из трёхсот человек. Они дежурили на всех важных объектах города.

– А где ваш человек, тот, что видел поджигателя, который ещё и убийца?

– Я его приведу, – Самойленко ушел.

– Сколько сгорело складов? – спросил Малович начальника Истомина.

– Помещение с солдатским сукном для шинелей, склад гребенчатого камволя, Ещё склад шерстяных и полушерстяных рулонов, помещение камвольной ткани с вискозой, полиэстером, лавсаном, эластаном и капроном. Лёгкие, для платьев и летних костюмов, плотные для пальто и гардин. Жаль всё. Не считали точно, но минимально миллионов на

восемь сторело материала, – Истомин отвернулся и достал носовой платок. Тут Самойленко привёл дежурного «вохровца».

– Короче, так было дело, – не здороваясь, начал доклад человек с ружьём.– Я обходит седьмой и восьмой склады. Это вон аж где. Времени было пять сорок три. Когда первое пламя показалось на первом и втором складах. Я побежал туда. Кричал «стой, стрелять буду!» По инструкции. Бегу к складам, а двое в фуфайках и валенках, какие не скользят, от пламени в разные стороны рванули. Канистры от бензина пустые сбоку на снегу валялись. Четыре штуки.

– В цель стреляли? – Шура взял ружьё. Обычная «тулка» двадцатого калибра. Из дроби номер три зацепить можно было убегающего запросто. Через пятнадцать метров из «тулки» дробь уже веером летит.

– По ногам. Как в инструкции. Но темно. Шаги слышу. Ну, снег под валенками скрипит же. Да, бляха, не попал почему-то. Не повезло. Они обливать склады начали, когда я от первых пошел до десятого. Но одного, я в него не стрелял, запомнил. Я уже к пламени подбегал, а он ещё раз спичкой чиркнул, бросил её в бензин, на снег, налитый дорожкой от ворот, и только потом повернулся и рванул в другую сторону. Пока спичку доставал и чиркал – я его рассмотрел. Лет

тридцать парню. Горбоносый. Причём нос большой. Но не грузин, не азербайджанец. Русский. Боксёр, наверное. Нос переломан и сгорбился.

– Ещё приметы запомнили? – Малович вернул охраннику ружьё и медленно пошел к воротам склада. Железные были ворота. Но расплавились. Видно их и поливали. «Вохровец» шел на шаг сзади.

– Ну, да. Он же, блин, хромал. На левую ногу. И не то, чтоб валенок тесный у него, а явно травма была и он охромел. Но убежал очень даже быстро. Получается – не болит нога. Просто – хромой.

– Всё. Спасибо, – Шура подошел к Истомину. – А вы что думаете. Кому надо было спалить склады? Сколько не сгорело? Подожгли-то не хулиганы. Чётко сработали. Обучены этому делу.

– Из десяти три уцелели, – Истомин так переживал, что и руки у него тряслись и губы дрожали. – Кому надо? Ну, хрен его знает. Теряюсь я. Такие комбинаты есть в Иваново. Но они крепче нас. Потому зла держать не могут. Смысла нет. Они далеко впереди по всем параметрам. А есть ещё

Монинский камвольный комбинат, фабрика Калинина в Москве, фабрика имени Тельмана в Ленинграде и фабрика в

Тбилиси. Вот они – старые и сейчас нашу продукцию заказчики берут охотнее. Наш комбинат напичкан машинами последнего слова техники, шикарных разработок советских и болгарских инженеров. И сделана техника в ГДР. Немецкое качество. Так у нас и ткани – я те дам!!!

– Начинаю догадываться, – Шура по привычке почесал под шапкой затылок. – А куда побежал этот хромо́й-горбоносый?

– Вот так, – охранник протянул руку вперёд. – А там как раз кладбище. Два метра забор в высоту. Вход в него с другой стороны. А за кладбищем у нас что? Мастерская по ремонту радиоприёмников, здания управления телевизионной вышкой...

– Потом детский сад номер восемь, столовая «Орион», – вспоминал Шура вслух, – автодром при школе водителей. Большую площадь занимает. А за ним три общежития. Два от вашего комбината, а третье – для условно-досрочно освобождённых на вольное поселение.

– Ну, вроде так и есть, да, – согласились охранник, управляющий складами и начальник управления ВОХР.

– Думаете, что кто-то из бывших зеков? – спросил Исто-

мин. – А оно им надо? Подломить втихаря склад и унести с десяток рулонов шерстяной костюмной ткани – это бы они с радостью. Продали бы скупщикам. Но жечь склады... Смысл в чём?

– Ну, им просто для развлечения красного петуха пускать на комбинате, любимом всеми в городе – глупо, – согласился Малович. – А вот если кто-то шустрый прилетел из Монино Московской области? С камвольной их старинной фабрики. У которой из-за вас потребителей уменьшилось вдвое, допустим. Фабрика, если я правильно помню, открылась до революции ещё?

Или с фабрики Калинина, которая тоже сто лет стоит в Москве. Представляете, вашу ткань берут лучше, чем Московскую. Позор ведь им?

Ну, так сами они приехать, перестрелять вас всех, взорвать или сжечь комбинат, склады не смогут. Но в Кустанае им не трудно хорошо заплатить бывшим зекам, которым один пёс – кого завалить, что украсть, где что сжечь или разнести в клочья.

– Но ведь у них «понятия», – вспомнил Самойленко. – Не гадить дома. Живут ведь в Кустанае. Наши люди. А наш город – их дом. Не по «понятиям» выходит гадить комбинату нашему, гордости республики.

Малович засмеялся.

– Их дом- тюрьма и зона. На воле они временно. Ладно, спасибо. Я всё примерно понял. Найду поджигателей.

– Вы так уверены, будто это ваши знакомые и они вам доложили, что нас сожгут, – съехидничал управляющий складами.

Шура не ответил, сел в машину и поехал в аэропорт. Начальник Гаранин его хорошо знал. Малович в аэропорту много разных людей поймал. Убийц, сбегаящих преступников, разбойников, бандитов.

– За три дня, Николай Григорьевич, дай мне список прибывших из Москвы, – попросил Александр, обнимая старшего знакомого.

– Принесите мне списки пассажиров из Москвы за трое последних суток, – сказал начальник командиру отдела перевозок.

Шура долго листал списки, хотя из Москвы за это время было только сорок три пассажира. Выписал в блокнот семерых. Ни одного мужчины. Все семеро – дамы от тридцати до сорока лет. Паспортные данные в билеты кассы писали пол-

НОСТЬЮ.

– Проституток ловишь, Саша? – расхохотался Гаранин. – Надоели убийцы? Понимаю.

– С убийцы толк какой? – тоже развеселился Малович. – Скрутил, статью подобрал, посадил. Скучно. А с проституткой можно по ходу допросов... Хотя нет. Я жене не изменяю. По любви, а также из принципа. Ну, спасибо тебе, Григорьевич. Поеду дальше ниточку тянуть. Конец у меня на палец уже намотан. По ниточке достану кого мне надо. Пока.

Было только одиннадцать утра. Время в СССР до восьмидесят первого года везде текло одинаково и зимой и летом. Стрелки часов не крутили в полночь назад или вперёд на час. Шура дозвонился по милицейскому каналу до ткацкой фабрики имени Калинина в отдел кадров и перечислил начальнице все семь фамилий.

– Кто у вас из этих женщин работает и где они сейчас?

– Нет у нас таких, – ответила начальница. – Я на фабрике тридцать лет сижу в отделе кадров. Всех знаю. А вот список новеньких, которые от года до пяти лет трудятся здесь. Нет таких фамилий.

Малович извинился и положил трубку.

– Может не в ту степь побежал-разогнался? – спросил он себя.

– В ту самую. Ковыряй дальше, – обиделся внутренний голос. – Звони в Монино.

– Да, Людмила Михайловна Бережная, заместитель директора и она же – зав.цехом камволя с вискозой и эластиком, в командировке сейчас у вас в Кустанае. На вашем комбинате камвольно-суконных тканей. На неделю улетела опытом делиться. Нашей фабрике больше ста лет. Опыт посolidнее, чем у ваших ткачих, – сказала начальница отдела кадров. – Вы её не встретили, что ли?

– Да она позавчера должна была прилететь. Ждём. Я начальник цеха, где она опыт передавать будет.

– Ну, отдохнёт с дороги да и появится. Не переживайте. Она исполнительная у нас. Сам директор ей поручения даёт очень важные. Ждите. Придет скоро.

Александр Павлович её очень вежливо поблагодарил. Набрал номер директора Кустанайского комбината – погорельца Ладынина.

– У вас Андрей Исаевич, была зам директора и зав цехом из Монинской камвольной фабрики? Бережная Людмила?

– Нет, – ответил директор уверенно. – Нам сейчас не до гостей. Мимо меня она не прошла бы. Нет. Не было такой. Да и чего ей у нас делать? Москвичи, они же спесивые. Учиться у провинциалов побрезгуют.

– А сколько монинских потребителей их бросило и перешло на вашу продукцию?

– Точно не считали, – вспомнил Ладынин. – Ну, треть от общего числа точно будет. И этот процесс продолжается. Многие их клиенты уходят на наше поле. Извините. У меня после пожара дел невпроворот. До свиданья.

И Шура пошел к Лысенко. Показал ему список и доложил, что Людмила Бережная из Монино вполне могла прилететь только для организации поджога. Заело их там, на старой фабрике, что наш комбинат у них треть клиентуры на себя перевел. Точнее – потребители сами перешли.

– Два вопроса к тебе, – сказал командир. – Почему ты выбрал только женщин? Второй вопрос: откуда у неё связь с урками кустанайскими?

– А на ткацкой фабрике в Монино всего три мужика. Директор, главный инженер и мастер-наладчик. На любой ткацкой фабрике так. Мужиков мало. Я звонил в приёмную, прикинулся чиновником статистического управления области. У них наш милицейский канал не определяется как междугородний. Они мне справку дали такую. Устно. Я бумагу не запрашивал.

Шура помолчал, разглядывая интересный ледяной рисунок – узор на окне командирского кабинета.

– Ну, а потом женщине в сто раз легче найти исполнителя из бывших сидельцев. Женский шарм сильнее действует на пацанов, чем мужские уговоры за рюмахой в кафушке. Решение подпалить наш комбинат явно идёт от директора ихнего. Но послал он женщину именно потому, что я уже сказал. Она потрётся денёк на базаре и кого надо найдёт, и охмурит ласково, как умеют только женщины. Подпишет за хорошее лаве стоящего урку на отчаянное дело. А то и двух для верности. У нас их тут, уркаганов отсидевших – как грязи весной.

Лысенко позвонил в гостиницу «Турист», где двадцать шесть номеров «люкс». И узнал, что Бережная Людмила Михайловна заселилась позавчера в седьмой апартамент.

– Ну, так я тогда двинул на свиданку с дамой. Куй железо пока чё? Пока горячо, – улыбнулся Шура и поехал в гостиницу.

Людмила Михайловна сидела в номере. Никуда сегодня не выходила. Так вспомнила дежурная по этажу. Она заказала в номер обед и в момент появления Маловича с удовольствием употребляла казахское блюдо беспармак, запивая его кумысом и закусывая толсто нарезанными кусочками «карта» и «казы». Ещё на столе стоял бокал рядом с бутылкой «Гурджаани», ополовиненной, похоже, до беспармака.

– Вам привет из Монино от Василия Игнатьевича, директора вашего. Передал, что соскучился и ждёт вас обратно с хорошими новостями. Вы набрали хороших новостей, Людмила Михайловна? – Шура вошел и с порога сделал лёгкий поклон. Подошел ближе и сел на обитый бархатом диван. Номер-то «люксовый».

– Я с камвольно-суконного комбината. Ждут вас там все. Вы же приехали опыт передавать? Отдел кадров путёвку вам выписал, командировочные вы позавчера получили. Будете делиться опытом своим или обойдётесь кумысом с беспармаком да и домой на «ТУ-134» в одиннадцать вечера?

– Вы странный авантюрист. Издалека заходите. Но точно – подготовили мне пакость, – вытерла Людмила Михайловна руки о большую как полотенце салфетку и впилась глазами в Шуру. – Что, мало денег достанется вам как пахану бандитской кодлы? Так нет же. Я много дам. Дело только вчера сделали. Платить буду завтра. Таких денег, какие Москва может дать, вы тут и не нюхали.

– Слова культурные знаете: «пахан», «кодла», – Малович развеселился и без спроса съел колясочку «казы». – Мы тут в захолустье говорим по-простому: «главарь», «компания» ...

– А милицию не вызвать? – хихикнула как-то почти угрожающе Людмила Михайловна. – Скажу, что вымогаете деньги. За это светит вам лет пять. Хоть вы и пахан. Я рассчитаюсь щедро, запомните накрепко. Но завтра. Как договорились. Я должна с утра съездить к комбинату, глянуть на результат работы и оценить.

– Не, не надо милицию. Я её с детства ненавижу и боюсь, – Александр Павлович отшатнулся на спинку дивана и отгородился от дамы ладонями. – Мы и без вызова сейчас вопрос закроем.

Он достал удостоверение, раскрыл и поднёс близко к глазам Людмилы Михайловны. Она изучила всё написанное,

напечатанное, и минут пять сравнивала фотографию с оригиналом.

– Вот же, сука! – громко сказала она непонятно в чей адрес.

– Чувствую московскую культуру, – похлопал Шура в ладоши. – Наши тётки пока не дозрели до вашего уровня. И никогда в этой области жизни не опередят столичных дам. Так кто сука? Не я, надеюсь? Я просто на работе.

– Вы всё знаете? – вяло пробормотала женщина.

– А чего бы я тут сидел? В шашки с вами поиграть пришел или в «дурака»? Вы мне, собственно, не нужны. И я лично вас не буду сажать только в одном случае. Вы пешка и ваш номер – в конце очереди. Так вот. Вы мне пишете бумажку, что найти исполнителя из числа блатных, заплатить им за поджог складов и цехов конкурентов заставил вас директор вашей фабрики Муромцев Василий Игнатьевич. Он же снабдил вас суммой наличных в размере... В каком размере?

– Три тысячи, – Людмила Михайловна отвернулась.

– Ну, сожгли уркаганы почти все склады, – Шура поднялся и стал прохаживаться по ковровой дорожке, которая ле-

жала от порога до окна. – Но мы ведь обязательно постараемся сделать так через центральные газеты и телевидение, чтобы все узнали, что ваша старейшая на Руси фабрика устраняет конкурентов как при феодализме – огнём и мечём. И виновник номер один – директор ваш. Ему же обиднее всего, что ваши потребители стали уходить к нам, к нашему комбинату. А самих поджигателей здесь мы посадим. Директора вашего закроют в тюрьму власти РСФСР.

– Вот, блин, не хотела же я сюда лететь и этот поджог организовывать, – сказала Людмила, красивая женщина сорока лет, аккуратная, чистенькая, без серёжек с изумрудами и колец с бриллиантами. – Работаю заместителем директора по общим вопросам и заведую попутно цехом. Ни черта себе получился вопрос! Не общий, а прямо мне одной крючком своим по башке.

Шура достал из портфеля бумагу и ручку.

– Пишите. Ещё раз подчеркну. Вы – подневольное лицо. Общие вопросы решать – это обязанность ваша по штатному расписанию. Для директора вашего нагадить конкурентам – самый общий из многих вопросов. Вот он вас и запряг. Вы не поджигали. И не вы этот поджог придумали. Правильно всё изложите и я на вас дело заводить не буду. В слово офицера верите? Всё. Как было, так и рассказывайте. О своей фабри-

ке, о преимуществе конкурента – Кустанайского комбината. О том, как именно уговорил вас директор и что вам за организацию поджога пообещал. Я догадываюсь, что премию не менее тысячи рублей.

– Хорошо. Вы пока покушайте колбаски. А я всё напишу. Пообещал он мне квартиру расширить. Дать обещал трёхкомнатную.

– А здесь этих двух орлов, которые облили стены бензином и спички кинули, как вы нашли?

– На базаре. Подошла к рубщику в мясном павильоне. Спросила, есть ли у него знакомые, согласные за хорошие деньги работу сделать. Он даже не спросил – какую. На другой день утром я пришла к павильону и ко мне сами приплыли эти двое.

– Хромой – это кто? – спросил Малович.

– Да вор обычный. Отсидел. Сейчас на базаре карманы и сумки подрезает. Сразу согласился.

– А вы знаете, что его сотоварищ заместителя начальника складов убил когда тот его догнал? Зарезал. Вспорол живот. Он там на месте и умер. – Малович открыл дверь. – Я похожу

по гостинице. А вы пишете. Не буду мешать. Только, если хотите жить на воле, пишете всё. Не забудьте никого и ничего.

Через полчаса он вернулся. Людмила Михайловна отдала ему лист. Прочёл Шура «признание» и сказал:

– Вот тут допишите, что вы лично предложили мне сотрудничать со следствием, уголовным розыском, по своей воле, без принуждения со стороны милиции. И дополните ещё, что выплатили деньги исполнителям под расписку о том, что получена каждым сумма в полторы тысячи рублей за выполненную работу по просьбе Мещерякова В. И. Указывать, кто он и откуда не надо. Бумага эта у нас останется. И расписки исполнителей. А Мещеряковым по результатам нашего следствия займётся прокуратура Москвы.

Людмила кивнула и минут за десять дописала. Малович аккуратно вложил лист в портфель, надел шапку.

– Завтра оба придут за деньгами?

– Да. В шесть часов вечера. В одиннадцать у меня самолёт.

– Вы только ничего не меняйте. Исполнителям не звоните. Обо мне, если они придут раньше, ни слова. А когда я появлюсь, скажете, что я ваш сопровождающий. Свой человек. И деньги передадите им при мне. На каждой купюре сегодня за ночь поставьте в правом нижнем уголке маленькую букву

«п». Маленькую такую. Как зёрнышко проса. Понятно?

И не вздумайте смяться. Мне прилететь на вашу фабрику- раз плюнуть. Но тогда я передам все бумаги московским следователям. И срок лично вам обеспечен будет железно. На пару лет меньше, чем директору, но тоже не маленький.

Людмила Михайловна кивнула и заплакала.

– Я не буду на вас дело заводить. Слово офицера. Но с фабрики вам лучше уволиться. Или директор может успеть вам отомстить. Пока его не посадят.

Шура ехал к командиру с докладом о встрече с посредницей организации поджога и думал только о том, как завтра взять и скрутить двух бывших зеков-поджигателей, из которых один к тому же убийца. Взять их так, чтобы они и сами не поняли, как на их руках защелкнулись браслеты и что с этого момента воля опять закономерно начинает обращаться в неволю.

34. Глава тридцать четвертая.

Вечером Зина за чаем с традиционным «курабье» и арахисовой халвой ни с того, ни с сего пустила слезу. Не то, чтобы навзрыд она зарыдала, но всплакнула основательно. С вытиранием слёз полотенцем, причитаниями невнятными и такими судорожными объятиями, которые женщины умеют делать перед проводами любимого в опасную поездку или на войну.

– Ты с чего так рассупонилась, Зинуля? – удивился муж и не донёс руку с куском халвы до места её исчезновения.– Какое твоя ведьмина душа чувствует горе? Или даже беду? Нормально же всё. У меня впереди пока ничего страшного. Бояться нечего пока. Так чего ревёшь?

– Сон плохой видела ночью,– всхлипнула жена.– Будто дают тебе сразу звание полковника и усаживают заместителем генерала по оперативной работе.

Малович открыл рот и машинально закинул в него уже подготовленную халву, но жевать не стал. От смысла сна он тоже обалдел. Потому как Зина или так всё видит внутренним ведьминым глазом, или через сны, которые у неё сплошь

вещие.

– А почему через подполковника толкнул меня сразу в «полканы»? – нечленораздельно спросил он. Халва мешала.

– Ну, ты же герой. Один ты лично поймал убийц за последние пять лет столько же, сколько все оперативники управления вместе взятые. А их у вас двадцать два. У тебя одного два ордена и пять медалей за отвагу, – Зина вздохнула. – Лучше бы они дали тебе трёхкомнатную квартиру в центре, ежегодную семейную путёвку в Мацесту. В ваш дом отдыха санаторного типа. И ещё машину «волга» могли бы дать и оставить на прежнем месте работы.

– Так ты ж сама хотела, чтобы я с опасной работы опера сел в кресло Лысенко, руководил бы уголовным розыском с девяти до шести вечера. Как все порядочные люди, – Шура так удивился, что проглотил халву не разжевывая.

– У генерала под боком ты будешь сидеть, как и он – до полуночи. А на работу приезжать тоже, как он – в семь тридцать. – Зина заплакала сильнее с более обильным слезопадом. – За два-три года одряхлеешь в кресле. Фигуру потеряешь, сила вся в бумаги отчётные уйдет. По мне – так будь майором всю жизнь, но бегай, силушку свою редкую подпитывай и оставайся мощным дядькой до старости.

– Да я просто откажусь от должности, – хмыкнул Малович и глотнул-таки чая. – Делов то...

– А что, полковника министерство ваше назначит сторожем? Свет включать на ночь вокруг Управления? – вытирая широкие ручки со щёк пошла Зина в ванную мыть лицо холодной водой, чтобы ослабить красноту вокруг глаз.

– Это ж надо такой хрени во сне насмотреться! Какая нечистая сила ей это кино транслирует? – огорчился Шура и пошел в спальню. Включил телевизор, разделся и лёг. Зина вернулась когда он, ничем не потрясённый с экрана телевизора, отключился до утра.

Весь следующий день до вечера он гулял по городу. Отпросился у командира.

– Я выходной заработал за полгода, – сказал он подполковнику тихо. – Пойду в парк погуляю. В кино схожу, мороженого съем. Всегда ел зимой, а в этом году всё некогда купить. Бандиты каждый день, головорезы, стрелки картечью в голову. Не обижайся, Сергей Ефимыч. Мне в шесть часов ещё убийцу брать. И поджигателей комбината.

– Да я что? Гуляй, конечно, – подполковник сам подал ему

полушубок и шапку.

И Малович хорошо провел время. Катался на каруселях. В Кустанае зимой очень много граждан, крепких телом и, главное, духом. Зимой все карусели всегда забиты взрослыми и школьниками. Потом кино посмотрел про шпионов. «Ошибка резидента». Он вышел из зала подавленным. Ему было жаль внедрённого к врагу разведчика Тульева. Он двинулся по дорожке снежной к тётке с серебристым ящиком на сыромятном ремне и купил «крем-брюле», а к нему ещё пломбир «морозко». Съел медленно, с наслаждением, и печаль ушла. Потому, что он смотрел этот и следующий фильм «Судьба резидента» раз пять, и знал, что жизнь Тульева наладилась. Потом Шура до половины шестого бродил по картинной галерее, гастролирующей из Москвы по СССР. Было много прекрасных картин и даже маленькие этюды-подлинники Левитана, Врубеля и Поленова.

Без пяти шесть он сел в фойе гостиницы и стал ждать когда урки придут за деньгами. Ровно в шесть мимо него проковылял, слегка волоча левую ногу, носатый парень лет двадцати пяти в кожаной куртке на меху и ондатровой шапке. Второго, того, кто убил охранника, не было и после шести. Малович поднялся, разделся у администратора гостиницы и в номер пришел при галстукке, в тёмно- синем костюме – тройке. В двух задних карманах брюк смирно и беззвучно

покоились новенькие «браслеты». Лысенко подарил.

С Людмилой Михайловной не поздоровался. Будто выходил минут на пятнадцать. А хромоту подал руку.

– Это моя охрана. Алексей Фомин с нашей фабрики, – дама широко развела руками, – Я всё же деньги везла. Не миллионы, но надежнее и спокойней с охраной.

– Ну, так платите, да я пошел, – сказал хромотой торопливо.

– Как? – удивилась Людмила. – А второй где? Я вам не могу его деньги отдать. Вы что!?

– Не, неправильно так будет, – сказал горбоносый. – Я в группе старший. Я и получаю. Наждак свою долю заберёт, не переживайте.

Малович молча слушал со стула в уголке номера.

– Мне, понимаете ли, эти деньги выдали для двух работников, – спокойно внушала хромоту мысль Бережная. – И расписки о получении мой хозяин должен получить две. Не одну на всех, а от каждого. У нас строго с деньгами. И хозяин строгий. Вы ж не хотите, чтобы он меня выгнал? Что я вам сделала плохого? Работу дала. Деньги готова заплатить. Вот тут деньги. Но по правилам.

– Так ещё и расписки писать? – возмутился хромой. – И к ним всю биографию приложить. И описать работу в деталях?

– А как я отчитываться буду? – повысила голос Бережная. – Хозяин скажет, что я на эти деньги кольцо себе купила с рубином и перстень с изумрудами. А я что отвечу? Вы бы как отчитались на моём месте?

– Я бы на вашем месте вообще сюда не поехал, если бы знал, что старший мне не доверяет, – хромой разглядывал Бережную в упор. – Меня, кстати, зовут Виктором. Так я имею авторитет среди своих. И мне верят на слово.

– С вашей стороны не организация с нами работала. – вставил Малович. – Вы индивидуально, каждый по отдельности, подрядились на работу без договора или трудового соглашения. То есть уже с нарушением. Уже не так как положено. А у нас организация государственная. Здесь к каждому слову надо приложить документ. Расписка – это документ. Равный соглашению трудовому. Кстати, мы ещё не видели как вы поработали. Сделали всё, как было договорено? А то мы государственными деньгами как собственной зарплатой не можем безотчётно распоряжаться. За каждый рубль – отчитайся. Правило такое. Вам, кстати, тоже хорошо известное.

– Ладно, – сказал Виктор. – Я сейчас позвоню своим. Они найдут Леонида. Ну, Наждака. И он сюда поедет. А мы в это время...

– Возьмём такси за наш счёт и быстро сгоняем на место, – Малович поднялся и пошел. – Я к себе в номер. Оденусь и жду внизу. Поедем. Посмотрим. Как раз Леонид подойдёт. Людмила Михайловна вам выплачивает. Вы пишете расписки, что деньги за принятую нами хорошо выполненную работу получили в сумме полторы тысячи рублей. Каждый отдельно. Стандартная расписка.

Хромой позвонил куда-то и сказал, чтобы Наждак за своими деньгами ехал сам срочно в «Турист», в седьмой номер «люкс». Чтобы через полчаса был.

– Приедет вовремя, – заверил он. – Мы за полчаса успеем смотаться туда-обратно.

Поймали такси и через пятнадцать минут уже шли мимо пепелища, оставшегося от всего, что из камня было, из дерева да из разных тканей. Всё это, серое, с черными прогалинами, было завалено треснувшим от жара и взорвавшимся на осколки шифером крыши. Бережная прошла почти два километра мимо развалин молча. Взгляд её не выражал удо-

влетворения. В нём застряли испуг и сожаление.

– Поехали обратно, – Шура подтолкнул Хромого к «волге» с шашечками на борту.

По дороге никто не сказал ничего. И только в номере, когда все скинули верхнюю одежду, Виктор спросил.

– Нарушения, недоделки есть в работе?

– Нет, – тихо ответила Людмила Михайловна и стала смотреть в тёмное окно. И стояла так пока в дверь не постучали.

– Открыто, – крикнул Шура.

Вошел невысокий плотный парень постарше. Лет тридцать ему, конечно, уже стукнуло. Он был без шапки, которую ему заменял плотный короткий и толстый чёрный волос, постриженный под «бобрик».

– Вот откуда погоняло, – Малович молча улыбнулся, прикрыв улыбку ладонью. – Волос точно как наждак самый грубый.

Здрассте, – хрипло поприветствовал компанию Леонид. –

Я простыл. Чтоб никого не заразить – посадите меня в сторонке. Может это грипп, чёрт его знает.

Бережная поставила стул для него отдельно к низкому журнальному столику. Номер ведь был люксовый. В обычных комнатках таких столиков не было, как и многого другого. Шура за это время написал на листке из блокнота образец расписки и отдал Людмиле Михайловне.

Она выложила на стол деньги и начала пересчитывать. Потом разложила их на две одинаковых стопки. Шура дал каждому по листу бумаги.

– Ручки у нас свои, – показал дорогую авторучку горбоносый Виктор.

– Вот на этот листочек смотрите и пишете так же, только вначале вставляйте фамилии с именами и отчествами как положено. Не клички. Фамилии. Внизу после слов «получил полностью» – число и роспись.

– А чё бюрократия такая? – спросил без претензий Наждак.

– Виктор расскажет. Я ему тут полчаса объясняла. Пишите. Забирайте деньги, да расходимся. Нам ещё перекусить пе-

ред самолётом надо успеть, – Бережная отнесла пачку купюр Наждаку, а другую Виктору хромому аккуратно подсунула под левую руку.

Минут двадцать урки писали. Занятие-то не очень привычное. Потом расписки отдали Александру Павловичу, а деньги пересчитали.

Шура внимательно прочёл и кивнул головой. Бережная тоже скрупулёзно изучила тексты.

Нет вопросов? – спросила Людмила Михайловна. – Всё по правилам. Деньги верно выданы? Согласно договорённости?

– Базара нет, – ответили Хромой и Наждак.

– Ну, тогда за успех сделки приглубим по стаканчику отличной водочки, – потер ладони Малович и достал из портфеля водку «Колос». Выпускали её в Кустанае только для ребят из власти. Шура дружил с секретарём горкома партии Свиридовым и тот ему пару бутылок взял в своём буфете вчера ещё.

Стали пить и разговорились.

Хромой с Наждаком рассказали, как непросто оказалось

всё, что было заказано, подпалить.

– Охрана, бляха, с ружьями, – махал рукой после второго стакана Хромой. – Я облил бензином всё, что надо, а один меня засёк. Стрелять стал. Хорошо это, что я с собой пять коробок спичек взял. Так прямо целую коробку поджигал и кидал уже на бегу. Бежать мне тяжело. Я в детстве с высоких качелей упал. Ногу вот так вывернуло. Операцию делали. Теперь хромаю, но нога вполне для жизни и разных дел пригодная. Ну, что. Бегу, а он стреляет. Оглянулся я – горит хорошо. Ну, и дёрнул в темноту. «Вохровец» меня сразу и потерял.

– А мне хуже пришлось, – гордо сказал опьяневший Наждак. Водка не простая была. Сорок три градуса. С ног валяла даже корифеев питейных забав. Поэтому Шура наливал и себе полный стакан, но когда подносил к губам – резко перекидывал жидкость через плечо на спинку бархатного дивана. Следа от водки не видно было. – За мной один шустряк погнался и догнал, падаль. Повалил и кулаком по хребту врезал. Сел на меня, чтобы руки завернуть. Ну, я из валенка финак выдернул и всадил ему в пузо. Не было выхода. А «мокруху» вообще-то я не практикую. Не люблю. Но вот пришлось. Извиняйте уж за грубую работу. Деньги не вычитайте. Ситуация вынудила.

– Курево есть у кого? – спросил пьяным голосом Малович.

– Беломор будешь? – достал пачку Наждак.

– Да мне сейчас хоть «архар», хоть махру. Хорошая водка, – Шура поднялся и, петляя, пошел к двери. – Идём, Леонид. В люксе противопожарные датчики стоят. Последнее слово техники. Закуришь – могут сперва своих сторожей прислать, а потом и «мусоров». Я в коридоре всегда курю. С ними связываться – ну их в задницу. Извините, Людмила Михайловна.

Вышли. Малович воткнул в рот папиросу и стал хлопать себя по карманам.

– Нет, мля, спичек. Вот никогда, падла, я их из пальто не достаю. Забываю.

Наждак чиркнул толстой спичкой о коробок, сложил ладони лодочкой и протянул руки к папиросе. Тут же на его запястьях глухо щелкнули наручники.

– Стой ровно. Ноги вместе, – приказал Шура шепотом. Из внутреннего кармана достал кусок верёвки и связал Леониду ноги возле щиколоток. Потом нагнул ему голову и кулаком резко ударил его по шее. Наждак повис у него на руках.

Шура аккуратно уложил Наждака на ковровую коридорную дорожку так, чтобы рук не видно было. Платочком носовым вытянул у Наждака из валенка «финку» и аккуратно пере-нёс её во внутренний карман пиджака. Потом открыл дверь и крикнул.

– Витя, тут Леониду плохо. Перепил, что ли? Покурил и вырубился. Помоги занести его в номер. У меня левая рука только месяц как после перелома.

Хромой вышел, с трудом промахнувшись мимо дверного косяка, увидел лежащего кореша, присел перед его лицом на корточки и повернул ему шею так, чтобы увидеть глаза. Вот пока он голову поворачивал, Шура спокойно нацепил ему на руки «браслеты» и дал по шее. Хромой лёг рядом и Малович связал ему ноги тоже. Потом занёс обоих в номер и положил рядом на полу.

– Дежурный, – набрал он номер Управления. – Малович это. Давай наряд в адрес: Гостиница «Турист», седьмой номер люкс. Наряд автоматчиков сюда и «телегу» с будкой. Двоих бандитов я задержал. Запиши на меня. Всё, жду.

Бережная не прикидывалась, а пила натурально. Окривела сильнее всех. Легла спиной на стену за кроватью и смотрела в потолок, что-то напевая.

Александр Павлович уложил её в одежде головой на подушку, прикрыл сверху покрывалом, написал записку и положил ей на живот. На листке из блокнота была инструкция:

« В девять утра вы должны быть на проходной УВД. Улица Ленина, семь. Пропуск к майору Маловичу выписан на вашу фамилию. Возьмёте у дежурного. В Монино не звоните. Потом всё объясню. Малович».

Приехал наряд. Задержанных погрузили в зелёный «воронок». Деньги Шура взял салфеткой и сунул каждому в карманы. Через полчаса он доложил командиру, что поганцы обезврежены, взяты при получении денег за поджог и лежат сейчас в седьмой камере. Завтра будет допрос в присутствии посредницы Бережной.

– Её мы трогать сейчас не будем, – сказал Александр Павлович. – Пусть тихо-мирно летит домой. А вот потом, когда урки дадут признательные показания, мы отправим копии всех бумаг, включая написанную самой Людмилой, где она заказчиком назвала директора фабрики Мещерякова, пошлём диппочтой в московскую областную прокуратуру. Там, в Москве, их осудят и посадят. А наших мы посадим здесь.

– Вообще-то её тоже надо «приземлить», – задумался ко-

мандир. – Она что, к поджогу отношения не имеет?

– Директор мог послать любого «попугая», – засмеялся Малович.– Но инициатором поджога она не может быть. Инициатор сроду сам не поедет блатных искать и уговаривать на поджог. Да и не её это уровень – решать задачи по уничтожению конкурента. Она сама не посмела бы. Да потом, Ефимыч, в Москве вместе с директором её всё равно за решетку спрячут на пару лет. А его – на десять минимально.

Дома вечером было весело. Приехал брат Борис с Аней своей и их взрослый сын Славка. В двадцать два года он имел первый взрослый разряд по легкоатлетическому десятибору и живописно рассказывал о последнем первенстве республики, где он стал бронзовым призёром. Шура слушал и вспоминал как он шестилетнего Славку без родительского благословления за руку отвёл в секцию лёгкой атлетики, поскольку сам был в ней мастером спорта СССР и другой судьбы для любимого племянника не видел и не желал.

Борис играл на баяне, который Шура купил себе домой, но специально для брата. Чтобы он свой не таскал. Инструмент-то нежный. Не наковальня или тиски слесарные. Женщины смотрели болгарский журнал мод и хохотали над смешными фасонами платьев, тыча в них пальцами и пытаясь подсунуть эту «жуть» на глаза мужьям.

Пили сухое вино «цинандали», ели сибирские пельмени и весело ругали шестиклассника Виталика за то, что он не отличал переменный ток от постоянного. Борис с семьёй заночевал у Шуры, а рано утром Малович младший как шпион пробрался в зал, оделся в костюм вчерашний, галстук повязал на голубую рубашку, обулся в туфли, накинул полушубок с шапкой и, прихватив полный бумаг портфель, побежал по холодку к «москвичу»

Хромого с Наждаком привели в допросную ровно в девять. На пять минут опоздала Бережная. Урки с похмелья имели страшный вид. У обоих огромные мешки под глазами, сухие в трещинах рты и перекошенные горбатые тела. Они уже понимали, где находятся, озирались на окна с решетками и вчерашних компаньонов по питью «Колоса». Людмила загримировала себя так добротню, что алые губы и цвет загара от тонального крема на свежем лице убеждали, что сейчас не январь, а июль. И что не в КПЗ они ждут финала раскрытого преступления, а тешатся на пляже под жгучим солнцем над Сочи.

– В общем, такое дело, – начал Лысенко. – Ваш вчерашний собутыльник – это наш лучший оперативник, майор Малович Александр Павлович. Пятьсот семьдесят восемь задержаний в одиночку вооруженных преступников.

– Я чувствовал, что он «мусор», прошептал Наждак.– Седьмым чувством.

– Да хрена теперь! – подытожил хромой.

Шура достал все бумаги и дал их для изучения бандитам. Там его рапорт был, и признательное показание Бережной. Расписки уркаганов. Ну и по мелочи всякие: справки из зоны, командировочное удостоверение Людмилы и десять фотографий сожженных складов, сделанных криминалистами.

– Встаньте, – мягко сказал Шура бандитам. – Деньги достаньте.

Хромой и Наждак попытались достать пачки купюр, но мешали наручники.

– Блин. Я ж тоже маленько пил вчера,– засмеялся Малович и браслеты расстегнул. Положил в карман.– Потому наручники снять забыл.

Деньги положили на стол. Шура развязал парням ноги.

-К столу. Пересчитайте деньги.

– Ну, пересчитывали же вчера. А «мусорам» грязные бабки тырить впадлу, – зевнул Хромой. – Знаю, что вы и копейки не взяли.

– Тогда в правом углу каждой купюры найдите маленькую букву «п»

– Ну, нашли, – разглядывал деньги Наждак. – И чё?

– Деньги меченые. «п» – это «поджог». Мы приобщаем их к делу как вещдоки, – Шура сложил деньги в конверт и поместил в общую папку. – Расписки говорят о том, что вы деньги получили за работу. В объяснительной Людмилы Михайловны сказано, что за эту сумму она наняла вас на разовую работу – поджечь склады комбината. В расписках вы подтверждаете, что работу выполнили и оговоренную сумму получили. А вот свидетельское показание охранника «вохра». Тут сказано, что зам начальника складов догнал не хромого, а другого, невысокого, крепкого. И что этот второй у него на глазах финкой несколько раз ударил его в живот, от чего он скончался на месте. Копия свидетельства о смерти и справка экспертов о том, что смерть наступила от девяти колото-резаных ранений. Были разрушены жизненно важные органы. Кишечник и печень.

– Где нож? – спросил Лысенко.

– Да где ему быть? – Шура как фокусник достал из кармана завёрнутый в платок нож Наждака. – Я его ещё вчера забрал у пьяного Лёни. На ручке его пальчики остались.

– Этим «финаком» ты его зарезал? – Шура держал нож на ладони. – Или наших экспертов позвать? Пусть отпечатки снимут.

– Не надо экспертов, – Наждак сел на скамейку. – На себя беру. Тут не отвертишься.

– В общем, орлы, у вас как всегда – два варианта. – Подошел к ним подполковник Лысенко, – Первый – вы дуркуете, идёте в несознанку, поёте нам, что пьяные были и не помните что творили. Тогда мы все бумаги используем в суде и Хромому светит пятнашка за диверсию на государственном, стратегически важном объекте. А Наждаку то же самое плюс убийство сотрудника МВД на посту – это высшая мера. Вариант два. Давай ты, Шура.

– Вы садитесь и пишете полное признательное показание, и указываете, что излагаете все факты добровольно, без принуждения, а в целях помощи следствию. И всё листах на трёх расписываете. Тогда Хромому семь лет примерно, а Наждак может получить пятнадцать лет общего режима. Без расстре-

ла. Жить хочешь, Наждак?

Леонид кивнул:– Вот, бляха, заработали денежек...

– Ну, вперёд тогда. Только фамилии с именами настоящие пишите. Не погоняла ваши дурацкие.– Малович раздал бумагу. Бандиты сели за стол и успешно сочинили правду почти за час. Правду вообще тяжело рассказать и, тем более, написать.

Ещё через час допроса их увели в камеру, а Шура сказал Бережной.

– Я вас отвезу в гостиницу. У вас, если я правильно понял, билет с открытой датой? Улетайте ночью. Утром зайдёте к директору, доложите. Копии этих расписок покажите. Мы сейчас на «Эре» нашей скопируем. И уезжайте из Момино именно в Москву. Где вас будет трудно найти вашему директору. Устройтесь на три месяца хоть уборщицей. Зато живой останетесь. А когда его надолго посадят, возвращайтесь, но сперва у своих узнайте – охотятся за вами его «волчата» или нет. А ещё лучше – к нам на комбинат устройтесь. Квартиры дают через три месяца и платят хорошо.

По дороге Бережная плакала и вышла из машины, не вытирая слёз. Сказала на прощанье только короткое «спасибо»

Через неделю Шуру вызвал генерал и объявил, что майор Малович за выдающиеся успехи в деле охраны общественного порядка досрочно был представлен к присвоению звания полковника милиции, минуя звание подполковника. Сегодня пришел приказ о присвоении. Генерал достал новые погоны с тремя большими звёздами на каждом, пожал руку и обнял Маловича.

– Служи, сынок! Мне за тебя радостно!

Вместо эпилога:

Дальше всё пошло так, как и должно. Малович занял место Лысенко, а бывший командир пересел в кабинет заместителя генерала. И ещё лет пять Шура Малович был единственным, наверное, полковником в стране, который продолжал один и без оружия ходить на задержания убийц, грабителей и бандитов с «пушками» и «перьями». Это был настоящий волчара. «Волчина позорный», которого даже преступники хоть и боялись, но очень уважали за смелость и непобедимость. Работал он долго и удивительно плодотворно. Мно-

го ещё подвигов совершил, хотя сам считал, что ничего особенного в его успехах нет. Просто везёт.

И мне кажется, что о многих уникальных «везениях» капитана, майора и потом уж полковника «угро» Александра Павловича Малозёмова, моего родного дяди, подвиги которого я не придумал, а давно узнал о них от родни, знакомых милиционеров – его друзей и от своего отца, можно написать ещё не одну книгу.

Так я и напишу скоро новую. Хотя бы одну.